

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University
Humanities & Social Sciences**

2025 18 (2)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2025 18(2)

ЖУРНАЛ
СИБИРСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки

JOURNAL
OF SIBERIAN
FEDERAL
UNIVERSITY
Humanities
& Social Sciences

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Баstryгина. Компьютерная верстка И.В. Гречевой

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

№ 2. 26.02.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 20.02.2025. Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 18,9.
Уч.-изд. л. 18,4. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23355.
Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Близневский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергиев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Клиmenta Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Natalia P. Koptseva

Martin Heidegger's Philosophy of Truth as a Theory of Culture, Art **205**

Culturology

Sergey V. Bereznitsky and Vladimir N. Davydov

Larisa Romanovna Pavlinskaya: Ethnographer, Siberian Studies Specialist, Researcher of Siberian Peoples' Culture (for the 80th anniversary) **216**

Tikhon K. Ermakov and Ksenia A. Degtyarenko

Engineering and Technical Associations as Socio-Cultural Phenomenon of the USSR in 1920s **230**

Maria S. Koptseva and Stepan O. Zотов

Soviet Animation of 1924–1929 as a Means for the Representation of Cultural Narratives of the Period **240**

Alexander A. Petrov and Veronica A. Razumovskaya

On the Anthroponyms' System of the Samoyedic Peoples of the North **250**

Art history

Mariana A. Borodina, Yuliya V. Kvashnina

and Anastasia A. Zhigaeva

The Formation of Artistic Cultural Practices in Siberia During the Civil War (Based on the Artistic Culture Analysis of Krasnoyarsk) **264**

Natalia M. Leshchinskaya and Ekaterina A. Sertakova

The Image of Soviet Russia Woman in the Art of 1917–1922 **277**

Natalia P. Koptseva and Yulia N. Menzhurenko

The Journal "Art to the Masses" 1929–1930 as the Theory of Early Soviet Art Source **287**

Natalya N. Seredkina

Socialist Realism in the Works by the "Four Arts" Association Artists **299**

Alexandra A. Sitnikova and Maria A. Kolesnik

History of the Association of Revolutionary Russia Artists Formation and the Creative Activities of its Members in 1917–1922 **310**

Anna A. Shpak and Maria S. Koptseva

The Image of Scientific Progress in Monumental Art of the USSR: on the Material of Mosaics Analysis **327**

Adrià Harillo Pla

Artistic Institution: Causes and Consequences of Silence **338**

Education

Zhansaya Sh. Aden, Akbope N. Akhmet, Nursulu Zh. Shaimerdenova and Sandugash K. Sansyzbayeva The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness	356
Assel S. Zhunisbayeva and Saule B. Begaliyeva Role of Modern Information Technologies in Professional Training of Philology Teachers (Kazakhstani Experience)	367
Ainur A. Iskakbayeva, Aigul K. Zhumabekova and Veronica A. Razumovskaya Effectiveness of Cognitive-Pragmatic Approach in Special Translation: Experimental Study	378
Alexander S. Kovalev Problems of Organization and Realization of Distance Education During the COVID-19 Pandemic in 2020 in the Comments of Social Networks (On the Example of Krasnoyarsk)	390

Physical Education

Kirill P. Bazarin, Sergey I. Bartsev and Viktor N. Kovalev About the Possibility of Managing the Training Process Using Predictive Models Based on Artificial Intelligence	410
Anna A. Khudik, Alexander Yu. Bliznevskiy, Sergey V. Khudik, Valentina S. Bliznevskaya and Alexander A. Zlobin Optimizing the Ski Network Density in the Competition Areas for Ski Orienteering	417
Vladimir I. Kolmakov and Svetlana N. Chernyakova Socio-Psychological and Behavioral Factors of Home Court Advantage in Men's Professional Basketball	425

EDN: NZHSWV

УДК 7.01

Martin Heidegger's Philosophy of Truth as a Theory of Culture, Art

Natalia P. Koptseva*

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 17.11.2024, received in revised form 26.12.2024, accepted 13.01.2025

Abstract. The theory of culture and art is based on philosophical concepts, including aesthetics, ontology and the theory of knowledge. The theory of contemporary art and culture is conceptually based not only on the philosophy of art of the 20th-21st centuries, to a large extent it is an invariant of aesthetic and philosophical concepts associated with the theory and philosophy of romanticism, with the pathos of freedom of both the artist, master, and the viewer, recipient. The ontology and theory of knowledge of Martin Heidegger (1889–1976), created in the mid-1920s, turned philosophical thinking upside down not only in its “guild” version, but also in the receptions of Heidegger’s philosophy in the field of art theory and even artistic practices of the 20th-21st centuries. The article reveals those features of Heidegger’s ontology and theory of knowledge of the period of the so-called “late” Heidegger, which had a significant impact on the formation of the aesthetics of modern art. The style of philosophy itself changes. From now on, it is not a philosophy of theories and systems, but a philosophical reflection on the instructions of “chosen” poets, chosen masters of art, whose pathos of freedom as allowing-being-to-be-itself accompanied them throughout their earthly life.

Keywords: Martin Heidegger, Friedrich Hölderlin, Ontology of Art, Theory of Art, Philosophy of Truth.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Koptseva N. P. Martin Heidegger's Philosophy of Truth as a Theory of Culture, Art. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 205–214. EDN: NZHSWV

Философия истины Мартина Хайдеггера как теория культуры, искусства

Н.П. Копцева

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Теория культуры, искусства опирается на философские концепции, включая как эстетику, так и онтологию и теорию познания. Теория современного искусства, культуры в концептуальном отношении основывается не только на философии искусства XX–XXI вв., в значительной степени она представляет собой инвариант эстетико-философских концепций, связанных с теорией и философией романтизма, с пафосом свободы как художника, мастера, так и зрителя, реципиента. Онтология и теория познания Мартина Хайдеггера (1889–1976), созданные в середине 1920-х гг., перевернули философское мышление не только в его «цеховом» варианте, но и в рецепциях хайдеггеровской философии в области теории искусства и даже художественных практик XX–XXI вв. В статье раскрываются те особенности хайдеггеровской онтологии и теории познания периода так называемого позднего Хайдеггера, которые оказали существенное воздействие на формирование эстетики современного искусства. Изменяется сам стиль философии. Отныне это не философии теорий и систем, а философское размышление над указаниями «избранных» поэтов, избранных мастеров искусства, чей пафос свободы как позволения-сущему-быть-самим-собой сопровождал их всю земную жизнь.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Фридрих Гёльдерлин, онтология искусства, теория искусства, философия истины.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева Н. П. Философия истины Мартина Хайдеггера как теория культуры, искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 205–214. EDN: NZHSWV

Введение

Теория современного искусства, культуры опирается, безусловно, на философские концепции, созданные в XX–XXI вв., но не только. Несомненно, что эстетика современного искусства гораздо древнее, чем кажется. В произведениях современных художников явлены художественным способом великие идеи, которые вдохновляли античных мыслителей и пафос которых разворачивается в грандиозные философские системы Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга. Конечно, многие исследователи пошли вслед за Карлом Поппером, который объявил эти системы враждебными так называемому от-

крытыму обществу (Поппер, 1992), и англо-американская философия, стоящая твердо на позициях pragmatism, не упускает возможности заявить о том, что философские системы вредны сами по себе, поскольку производят тоталитарную идеологию, но это отнюдь не мешает тому, что эстетика Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга гораздо разумнее и глубже раскрывает суть современных процессов, чем нейроэстетика или теории метамодернизма.

Мартин Хайдеггер – один из самых великих мыслителей человечества, он, вне всякого сомнения, во все периоды своего философского творчества выступает те-

оретиком искусства и культуры как про странства явленности истины в бытии. Уже в книге «Бытие и время» (Heidegger, 1927) выстроены все необходимые философские аргументы для создания принципиально новой в европейской традиции философии истины как «позволения-сущему-быть-самим-собой». Данная философия истины аргументируется Мартином Хайдеггером с помощью обращения к творению избранных великих поэтов и художников. Отказываясь от дальнейшей отточки философии как системы в свой «поздний» период, он выступает интерпретатором, истолкователем их творчества в контексте передачи открытия истины им, величайшим художникам и поэтам, которые не изменили духа свободы до конца своей земной жизни. Так, в работе «Исток художественного творения» он раскрывает философские истины шедевра Винсента Ван-Гога «Башмаки» (2008), а в работе «Гельдерлин и сущность поэзии» (1937) раскрывает значение поэзии Фридриха Гельдерлина как схватывающее самые фундаментальные основы нашего бытия и бытия поэзии, которая, создавая слова и словесные конструкции, создает наш мир. Тем самым раскрывается один из возможных смыслов его великого тезиса «Язык – дом бытия».

Теория художественной истины в контексте хайдеггеровских идей неоднократно воплощалась в конкретных философско-культурологических и философско-искусствоведческих исследованиях (см., напр., Koptseva, 2001, 2006; Zhukovskiy и Koptseva, 2004; Sitnikova, 2024; *Russkaya kul'tura v zerkale periodiki*, 2024; *Russkaya kul'turnaya identichnost'*..., 2023; Sertakova, 2024; Leschinskaya et al., 2024; Libakova et al., 2014; Semenova, Gerasimova, 2013; Shpak, 2024; Shurmanova, 2024; Pimenova и Zamaraeva, 2023; Kistova and Tamarovskaya, 2015; Ermakov, 2023 и др.). На ее основе сегодня выполняются философско-искусствоведческие анализы произведений искусства ранга «шедевр» как в историческом (Vologodskiy, 2024; Sertakova, 2024; Shan', 2024; Nemaeva, 2023 и другие), так и в современном (Nemaeva, 2024; Kupriyanova, 2024; Zhuromskaya

и Sertakova, 2024; Shestakova, 2023; Dmitrieva, 2024; Lapteva, 2023 и др.) аспектах.

Далее будет представлена основа хайдеггеровской теории культуры, искусства, которая зиждется на абсолютно новом для европейской метафизики понимании истины как бытия-к-истине (см.: Bibihin, 2009; Gajdenko, 1963; Motroshilova, 1991; Koptseva, 2002 и другие), свет которого раскрывается нам через творчество избранных мастеров искусства, культуры.

«Способ явленности истины в бытии»

Все исследователи философии Мартина Хайдеггера делят его творчество на два основных периода: «ранний» Хайдеггер периода создания трактата «Бытие и время» и «поздний» Хайдеггер, отказавшийся от традиционно-рациональной формы изложения философских идей, принципов, от создания философской системы. Дальнейшая философская эволюция, последовавшая за «Бытием и временем», приводит Хайдеггера к поискам «устойчивых» форм подлинного бытия, которые он видит в произведениях искусства, а затем к толкованию языка как «дома» бытия. Как «дом бытия» язык открывает истину как подлинность, ценность, человеческого существования в поэзии. Здесь Хайдеггер сразу заявляет, что истина не только открывает, но и скрывает сущее (Heidegger, 1989) и объясняет причины такого сокрытия. Еще античная философия (в лице Сократа и сократических школ) выявила диалектичность истины и неистины, выразив это в известном афоризме: «Чем больше я знаю, тем больше я не знаю». Оказываясь от диалектики как логики теории познания, Хайдеггер сохраняет ее в неявном виде в содержании анализируемых им способах человеческого существования.

Объяснение как принцип рационального познания заменяется интерпретацией как способом понимания. Интерпретация как путь, ведущий к пониманию, изначально субъективно-деятельна, и именно ее очевидно-творческий, сугубо субъективный характер и заставляет Хайдеггера дать ей преимущество перед объяснением в рационализме. Объяснение как путь к по-

ниманию затемняет свое «человеческое» происхождение, претендуя на полную объективность, которая невозможна никогда, полагает Хайдеггер.

Одним из наиболее плодотворных исследователей значения интерпретации как способа понимания в современной западной философии можно назвать французского философа П. Рикёра (Ricoeur, 1995: 94), который наряду с Г. Гадамером развивает идеи философской герменевтики. Интерпретация, по мысли П. Рикёра, предполагает «работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» (Ricoeur, 1995: 18). Интерпретация предполагает признание множественности смыслов у одного предмета или одного высказывания, и тогда слово оказывается возможным трактовать как символ. Под символом подразумевается структура значений, «где один смысл, – прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» (Ricoeur, 1995: 18) – складывается круг выражений с двойным смыслом, который составляет собственно герменевтическое поле. Через утверждение априорности языка для человеческого существования Хайдеггер утверждает интерпретацию символов как необходимый способ человеческого существования самого по себе, без опосредования его рационально-логическим объяснением.

В философии Хайдеггера каждое слово языка обладает символической природой. Слово «**хранит**» в себе бытие, что предполагает одновременно и являть, и утаивать хранимое. Немецкое слово *Wahrheit* (истина) Хайдеггер этимологически производит от древнегерманского слова *war*, означающего «охрана», «защита». «Мы мыслим здесь охранение в смысле освещдающе-укрывающего собирания, в качестве какового обозначается скрытая до сих пор основная черта присутствия, т.е. бытия. Когда-нибудь мы научимся мыслить наше захваченное слово «истина» исходя из «охранения» и узнаем, чтостина есть обере-

гание и что бытие в качестве присутствия принадлежит истине» (Цит. по: Gajdenko, 1961: 75).

Именно поэтому произведение искусства есть «устойчивый облик истины». Поэтому оно и способно не только открывать, но и «скрывать». Невозможно, утверждает Хайдеггер, с помощью рациональных «открытых» средств передать смысл произведения искусства. В неявной или явной форме Хайдеггер спорит здесь с Гегелем, полагавшим, что рационально-логическое мышление гораздо более адекватно передает истину, чем искусство. Для Хайдеггера рациональная форма мышления, обосновывающая открытый характер истинного знания, отходит от первоначального мышления, в котором осуществляется эмоционально-художественное отношение к миру, где «мыслить – значит быть поэтом». Хайдеггер подвергает критике рационалистическую философию за ее трактовку мышления как «чистого света», свободного от «тьмы», и говорит о сопряженности «света и тьмы» в человеческом существовании, об их борьбе и априорности их слитности для индивидуального существования. «Открытость» как условие подлинности, истины существования содержит в себе и «сокрытость», но не в форме классического агностицизма Юма и Канта, а как необходимый момент человеческой жизни, которая всегда уже – «бытие-в-мире».

Причины бездуховности научно-технической цивилизации Хайдеггер видел в том, что ею утрачено понимание смысла «сокрытости», тайны, что для нее тайна – это всего лишь нечто непознанное, а не принципиально сокрытое. Истина, понятая только как «свет», как «раскрытие» оказалась во власти *Das Man* или отчужденных форм социального бытия (для Хайдеггера – обычных, «нормальных» форм). Невозможно для подлинности существовать только на рациональном уровне, так как рациональный уровень далеко не исчерпывает все стороны человеческой жизни. А подлинность как ценность предполагает именно универсальное воплощение. Поэтому для Хайдеггера истина существует прежде всего в своих

изначальных, дорациональных формах. Если для рационального мышления важна логически-категориальная форма, закрепляющая непреложность полученного знания, то эмоциональное, интуитивное, художественное познание не нуждаются в ней. То, что скрыто для рационального мышления, оказывается открытым в непосредственном переживании человеком событий своей жизни.

Развивая концепцию истины, Хайдеггер утверждает, что в соответствии с временностю человеческого существования, истина не является вечной. Но это не значит, что до появления человека она пребывала в «несокрытости», а затем «раскрылась». Истина **свершается**, и свершается она в историческом событии. Одним из таких исторических событий является для Хайдеггера переживание человеком возможности своей смерти и в этом состоянии – выход за рамки обыденного сознания. Каждое переживание временности, осознание уникальности и неповторимости данной человеческой ситуации есть момент подлинности, а значит, и исторической истинности.

Если в рациональной философии неизвестное, «сокрытое», объясняли через понятное и «раскрытое», то Хайдеггер требует другого: известное и раскрытое «объяснять» через тайное и сокровенное. Поэтому должен измениться и сам метод философствования. В дальнейшем Хайдеггер еще не раз предпримет попытки обоснования этого изменения, подходя к проблеме истины с различных сторон, осуществляя собственную феноменологическую конструкцию истины. Не случайно вскоре после «Бытия и времени» он прочитает специальную лекцию «О сущности истины» (Heidegger, 1989), где поставит проблему постижения истины или, по его выражению, попытается проследить «путь к истине».

Как указывает последователь М. Хайдеггера П. Рикёр, попытавшийся рационализировать его феноменологическую герменевтику, связав ее с философским осмыслением психоанализа Фрейда и научно-философским исследованием языка вместо классического субъекта, выраженного в де-

картовском «ego cogito», Хайдеггер ставит человека, вопрошающего о своем бытии. Причем смысловой акцент делается на акте вопрошания в противоположность утверждающему субъекту классического рационализма. Хайдеггер не может отрицать необходимость познающего исследования, так как это означало бы бессмысленность его собственного философствования. Напротив, он стремится к еще более строгому источнику, к «объективному» в субъекте и находит это в акте вопрошания: «В вопросе важно то, что он регулируется тем, о чем спрашивают, тем, принадлежащим субъекту, о чем ставится вопрос» (Ricoeur, 1995: 348). Если в «Бытии и времени» осуществляется вопрошание о **человеческом** бытии, и проблема истины решается именно в русле этой проблематики, то в более поздний период своего творчества Хайдеггер ищет способы выхода к самому объективному бытию, к тем структурам мышления, которые одновременно принадлежали бы и человеческому миру, и «бытию без человека». Соединение вопрошания и того, о чем вопрошают – бытия, – Хайдеггер видит в языке, поэтому его поздний период во многом является разработкой проблематики философии языка, и проблема истины рассматривается в этом же контексте. «Фундаментальное отличие позднего Хайдеггера от раннего будет состоять в следующем: «Я» надлежит теперь искать свою подлинность не в свободе перед лицом смерти, а в *Gelassenheit*, в даре поэтической жизни» (Ricoeur, 1995: 362).

Самое сложное в таком контексте понимания истины это проблема критерия, ЧТО должно свидетельствовать о том, что это поэтическое переживание истинно, а это – заблуждение? Общепринятость, логическая непротиворечивость этого знания, историческая практика? От таких критериев Хайдеггер принципиально отказывается уже в общей концептуальной схеме своей философии. Речь идет не об отрицании научного отношения к миру и тем самым всего способа человеческого существования, построенного на таком отношении. Речь идет об отрицании идеала научного иссле-

дования, запрещающего личное отношение человека к предмету своего исследования. Включенность сознания наблюдателя в процесс познания должна быть дополнена его собственным индивидуальным переживанием познания. На этом принципе строится научная теория, которая не перестает быть рациональной, но в самом рациональном постижении заложена возможность личностного отношения к предмету научного познания.

Само реальное человеческое бытие, поставленное под вопрос двумя мировыми войнами и различными социальными экспериментами, созданное определенным образом заданной наукой, требует иного отношения к истинности, чем ограничения, наложенные на ее осуществление противопоставлением субъекта и объекта познания. Хайдеггер акцентирует внимание на том, как крайние рационалистические формы концепции истинности приводят к нравственной безответственности по отношению к результату познания, что нашло свое философское отражение в философском нигилизме учения Ф. Ницше.

Истина как характеристика процесса познания, противопоставленного другим человеческим действиям, может выродиться в обыденное понятие «правильности», и тогда возникает стремление к истинности как правильности взгляда и установки. Достижение правильности взгляда становится решающим.

Хайдеггер не просто отвергает рационалистическую традицию познания, но вскрывает ее историко-философские основания, которые он видит в философии Платона. Философское мышление Платона стоит у истоков западноевропейского мышления, и именно в его философии происходит поворот от признания тождества истины и бытия к их различию. Истина в философии Платона рассматривается, полагает Хайдеггер, не как единство истины и бытия, а как единство истины и блага. Причем основания блага произвольны от человеческой субъективности, а значит, истина становится не чертой человеческого бытия, а отличительной чертой человече-

ского действия, осуществляемого в соответствии с нормами обыденного повседневного бытия.

Пoэзия как устойчивая форма истины существования

Обращение Хайдеггера к поискам содержания истины в языке как «доме бытия» характеризует более поздний период его творчества, когда он отказывается строить философскую систему подобно «Бытию и времени».

Как уже было сказано выше, в поисках нерациональной формы истинного **познания** Хайдеггер обращается к искусству. Наиболее совершенной формой искусства для понимания истинного бытия выступает для него поэзия. Для характеристики «истинного мышления» он употребляет понятие «вслушивание»: бытие рационально непостижимо и истину (подлинность) существования человек может узнать только, вслушиваясь в язык.

Однако у Хайдеггера не весь язык, а только поэтический «открывает истину». Он обращается к исследованию творчества Р.М. Рильке, Г. Тракля, С. Георге и прежде всего – к исследованию творчества немецкого романтического поэта Ф. Гёльдерлина, «поэта поэтов», как он его называет. Хайдеггер считал, что только Ф. Гёльдерлин (в отличие от Гегеля и Шеллинга) не изменил духу романтизма до конца своей жизни. В поэтическом языке Хайдеггер увидел соединение непосредственного переживания, адекватной формы его выражения, ненасильственности при его восприятии (необязательности для «всеобщего» познания) и живой связи человека и всего остального бытия.

Каковы, согласно Хайдеггеру, преимущества поэтического творчества перед логико-рациональным пониманием истины?

1. Поэзия – «игра», «невиннейшее из занятий», и она не претендует на то, чтобы в соответствии с ее представлениями мир был переделан каким-то определенным образом;

2. Поэзия не просто игра, а «игра словами», ее материал язык, а язык – «самое

опасное из владений человека, так как в самом слове нет никаких гарантий, выражает оно сущность предмета или нет, поэтому здесь возможна ошибка.

3. Язык – не просто инструмент познания, равный в ряду многих других его действий, а единственная возможность «открыть» вещи для человека: «Только там, где есть язык, есть мир... только там, где преобладает мир, пре-бывает история» (Heidegger, 1937:7)

4. Только в языке имеет место гармоничное, слитное существование человека с миром, возможность «собеседования». Само же это гармоничное существование, не позволяющее человеку раствориться в обыденности и все же утверждающее социально-деятельную сущность человека, устанавливается в поэтическом слове. Поэзия каждый раз заново дает тем или другим вещам их названия, каждый раз создает особый и все же понятный другим людям язык. «Сущее и сущность вещей никак не могут быть вычислены и извлечены из присущего, они должны быть свободно созданными, установленными и данными» (Heidegger, 1937: 13).

5. Поэзия – не «украшение» человеческого существования, и не временное вдохновение, поэзия – это «первичный язык исторического человека» (Heidegger, 1937: 14), поэтому сущность языка должна быть понята через сущность поэзии, а не наоборот.

Интересно проследить сходство этого положения с утверждением Гегеля, что древние поэты и писатели «особенно пригодны для того, чтобы извлекать из них понятия как материал, осваиваемый другими способностями души... Древние, особенно греки... обладали в своем языке поразительным богатством слов, выражавших изменения в чувственных предметах и видимой природе, их тончайшие оттенки, особенно же различные модификации страсти, состояний души и характера...» (Gegel', 1969–1973: 12–13). Однако то, что для Гегеля было одной из вех в истории человеческой культуры, пусть одной из важнейших (творчество поэтов в период господства мифологического сознания), Хайдеггер провозглашает единственно сущностным

моментом истории культуры и пытается вернуться к дополнительному способу познания искусственным путем.

6. Поэзия сущностно предстает в поэтическом творчестве поэта. Для Хайдеггера интересен не любой и каждый поэт, а тот, который, с одной стороны, доходит в своем конфликте с обыденностью до крайних форм выражения этого конфликта (безумие Гёльдерлина, самоубийство Тракля), а с другой – у которого предметом поэтического творчества становится сама поэзия (см., например, герменевтический анализ Хайдеггером стихотворения С. Георга «Слово» и окончательный вывод, в котором мнения философа Хайдеггера и поэта Георге едины – «Не быть вещам, где Слова нет» (Heidegger, 1993:132).

Поэт – это тот, кто в своем словотворчестве выражает историчность и временность собственного существования так, что осознает противопоставленность себя и обыденности (Das Man) и понимает современную эпоху как «скучное время». Гёльдерлин, предсказывающий наступление «скучного времени» для Хайдеггера, один из немногих подлинно исторических поэтов.

Следует отметить, что иррационалистическое обоснование Хайдеггером изначальности мифопоэтического языка как непосредственного источника истинного бытия имеет свою тенденцию в немецком классическом рационализме. Так, в «Критике способности суждения» И. Канта называется эстетическую способность суждения пропедевтикой всякой философии (Kant, 1994) и видит в искусстве связующее звено между миром природы (которую рассудок конструирует как мир жесткой необходимости) и миром человеческих действий (миром свободы) (Kant, 1994: 68). И здесь Хайдеггер предстает перед нами скорее, как наследник традиции, чем ее ниспровергатель.

Тем более эта преемственность прослеживается по отношению к философии Ф. Шеллинга, для которого именно искусство позволяет созерцанию любого сознания обрести объективность, полноту и общезначимость (т.е. – истину). Искусство выше философии, так как философия

задействует лишь частицу человеческого сознания, тогда как искусство позволяет добраться до вершин познания целостному человеку. Философия стоит за пределами общедоступности, искусство не имеет никаких границ для восприятия.

«Абсолютная объективность дана одному искусству. Можно смело утверждать: лишите искусства объективности, и оно перестанет быть тем, что оно есть и превратится в философию; придайте философии объективность, и она перестанет быть философией и превратится в искусство» (Schelling, 1989: 486). И историю самосознания Шеллинг также прослеживает как путь «от простого вещества к организации (посредством которой бессознательно творящая природа возвращается к самой себе), а отсюда посредством разума и произвела – **к высшему единению свободы и необходимости в искусстве** (посредством которого сознательно продуктивная природа замыкается и завершается в самой себе)» (Schelling, 1989: 489).

Более того, поздний Шеллинг прямо предсказывает появление «новой мифологии», подобной древнему синтезу науки и искусства. Причем интересно, что материал для новой мифологии по Шеллингу должна предоставить «умозрительная физика». Мифология совершенно необходима творческой личности: «Она – материал всего поэтического в искусстве; универсум в высшей форме. Она – сама поэзия» (Schelling, 1987: 27).

Именно философией Шеллинга вдохновлялся Ф.И. Тютчев, когда писал свое знаменитое четверостишие:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Хайдеггер не просто воспринимает эти традиции немецкой классической философии, а создает особый философский язык и особый метод (философскую герменевтику), для того чтобы реализовать принципы, сформулированные Кантом и Шеллингом. Но происходит это ценой отказа от рациональных способов мышле-

ния. «Поздний» Хайдеггер отказывается даже от рациональной формы философского трактата и излагает философию в виде герменевтических толкований стихотворений Ф. Гельдерлина, Ш. Георге и др. На наш взгляд, такое обращение к иррационализму должно закономерно вытекать из принципа абсолютизации личностного начала. Ведь для Хайдеггера подлинное (истинное) существование человека – это, по сути, трагическое одиночество. Бытие-с-другими чаще всего закрывает для человека его подлинную возможность.

Хайдеггер обращается не к любому мифологическому, а к мифологическому мышлению древних греков, что вообще было свойственно традиции немецкой философии – проецирование своих положений на древнегреческое мышление. Хайдеггер доводит эту традицию до своего логического завершения. Опасаясь и пытаясь избежать «субъективизма», он тем не менее сам дает образцы очень личностного понимания поэзии Гельдерлина. Его метод «вслушивания» во многом сохраняет значение лишь для него самого (правда, если говорить об общем влиянии Хайдеггера на мировую культуру, то мы должны иметь в виду целое направление в психологии, которое возникает непосредственно под его влиянием, – так называемая понимающая психология) и является особым способом существования лишь его, хайдеггеровской, философии.

Несмотря на то что в «Бытии и времени» и примыкающих к нему работах Хайдеггер утверждает невозможность формулировки действительного критерия истинного (подлинного) человеческого бытия (подлинность или неподлинность внешне совершенно неразличимы, подлинное или неподлинное это переживание – об этом может знать только сам переживающий человек), впоследствии он обращается к поискам такого критерия. Отказ от рациональности означает также и отказ от последовательной логики в изложении философского учения, поэтому самого философа не смущает такая непоследовательность, и он разрабатывает собственное учение о критерии подлинного (истинного) человеческого бытия – о свободе.

Заключение

Проведенное текстологическое и герменевтическое исследование философии искусства Мартина Хайдеггера приводит к ряду выводов.

Способом явленности истины в бытии выступает язык, который по своей подлинной сути есть поэтический язык. Формой, в которой возможно истинное понимание, для Хайдеггера является не наука, а **искусство**. Истина не познается, а «свершается» в особенно значимых для человека событиях, в которых он переживает себя как неповторимую индивидуальность.

Основным способом построения теории истины в философии Хайдеггера является онтологизация этой проблемы. Истина в его философии становится не просто онтологи-

ческим, а экзистенциально-личностным понятием. Проблема истины, взятая по отношению к человеческому бытию, ставится и решается как проблема подлинности или неподлинности человеческого существования. Именно проблема подлинности человеческого существования объединяет такие различные феномены, как техника, поэзия, история, личность. Понимание подлинности как истинности человеческого существования приводит Хайдеггера к выводу о том, что выражением этой подлинности является **свобода**, свободное человеческое существование. Постижение свободы как истинности человеческого существование и является главным итогом теории истины в философии фундаментальной онтологии как теории современного искусства.

Список литературы / References

- Bibihin V. V. *Early Heidegger*. Seminar Materials. Moscow, 2009.
- Dmitrieva N. I. On the Problems of Continuity of Ethnic Traditions of the Buryats and Russians of Transbaikalia in the Cultural Practices of Children. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2024, 8(1), 61–68. EDN LYAZJO.
- Ermakov T. K. Theoretical and Methodological Foundations of the Topological Analysis of Video Games: An Experience of Comparing Games for the Atari 2600 and Nintendo Entertainment System Consoles. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2023, 7(2), 116–125. EDN KJSRW.
- Gajdenko P. P. “Fundamental Ontology” of M. Heidegger and the Problem of Creativity. In: *Existentialism and the Problem of Culture (Criticism of M. Heidegger’s Philosophy)*. Moscow, 1963, 25–75.
- Gajdenko P. P. The Problem of Personality in Existentialism. In: *Bulletin of the History of World Culture*, 1961, 5, 45–61.
- Geigel’ G.V.F. *Aesthetics*, Moscow, 1969–1973.
- Hajdeger M. *The Source of Artistic Creation*. Moscow, 2008. 528.
- Hajdeger M. On the Essence of Truth. In: *Philosophical sciences*, 1989, 4, 88–104.
- Hajdeger M. *Time and Being: Articles and Speeches*. Moscow, 1993.
- Kant I. *Critique of the Power of Judgment*. Moscow, 1994. 367.
- Koptseva N. P. Philosophical Foundations of Artistic Cognition. In: *Regional Aspect of Artistic Culture: Methodology of Teaching, Artistic Practice: Second Regional Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 20–21, 2001*. Krasnoyarsk, 2001. 13–14. EDN MGJSL.
- Koptseva N. P. The Image of the Absolute in the Philosophy of Art of Ancient Egypt. In: *Bulletin of the Krasnoyarsk State University. Humanities*, 2006, 10. 21–25. EDN YWPZKT.
- Koptseva N. P. *Introduction to Aletheology*. Krasnoyarsk, 2002. 341. EDN RZZXHH.
- Kupriyanova A. A. Differences between Decolonial and Participatory Aesthesia on the Example of the Photography Circle “Playing with Photography” (Yakutia, 2019). In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost’ [Asia, America and Africa: History and Modernity]*, 2024, 3(1), 28–42. DOI 10.31804/2782-540X-2024-3-1-29-42. EDN FRRRAWL.
- Lapteva M. A. Development of the educational function of the museum in the context of reality. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2023, 7(2), 37–42. EDN KNUCWF.

- Motroshilova N. V. The drama of life, ideas and fall of Martin Heidegger. In: *The philosophy of Martin Heidegger and modernity*. Moscow, 1991. 253.
- Nemaeva N. O. Modern Orthodox architecture of Krasnoyarsk as a representative of Orthodox and basic social ideals. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2023, 7(2), 67–79. EDN XNSTAY.
- Nimaeva D. A. Philosophical and art criticism analysis of the painting “The Phantom Rider” (2019) by the Buryat artist Zorigto Dorzhiev. In: *Digitalization*, 2024, 5(3), 49–61. EDN TAAVOC.
- Pimenova N. N., Zamaraeva Y. S. “Cultural Policy”: the concept of David Bell and Kate Oakley. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2023, 7(1), 37–49. EDN HLDRYJ.
- Popper K. *The Open Society and Its Enemies. Volume I*. Moscow, 1992. 437.
- Ricoeur P. *Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics*. Moscow, 1995. 411.
- Russian culture in the mirror of the periodicals of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries*/ N. P. Koptseva, K. A. Degtyarenko, T. K. Ermakov [et al.]. Krasnoyarsk, 2024. 330. EDN PQJEXN.
- Russian cultural identity in the fine arts of the 19th – early 20th centuries* / N. P. Koptseva, M. A. Kolesnik, N. M. Leshchinskaya, D. N. Samarina. Krasnoyarsk, 2023. 124. EDN CBYTXX.
- Semenova A. A., Gerasimova, A. A. Features of the creative method of Sergei Anufriev. In: *Modern problems of science and education*, 2013, 2, 542. EDN RXUUDB.
- Seredkina N. N. *Transformation of ethnocultural identity into all-Russian civic identity: cultural analysis*. Krasnoyarsk, 2024. 176. EDN ASTOMR.
- Sertakova E. A. Local cultural memory: representations and interpretations of the past in the visual culture of the Krasnoyarsk region. Krasnoyarsk, 2024. 123. EDN BZRRJT.
- Sertakova E. A. The Image of the Creator and Creativity in Classicist Painting: Analysis and Comparison of the Mythological Works “The Poet’s Inspiration” by N. Poussin and “Sappho and Phaon” by J.-L. David. In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2024, 3(1), 7–19. DOI 10.31804/2782–4926–2024–3–1–7–19. EDN FXUMUA.
- Shan’ L. The interaction of traditional Chinese culture with Western European Impressionism and Russian realism (using the example of creativity Cyan’ Shaou). In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2024, 3(3), 65–75. DOI 10.31804/2782–4926–2024–3–3–65–75. EDN ZJKJNR.
- Schelling F. *On the History of New Philosophy (Munich Lectures)*. Moscow, 1989. 560.
- Schelling F. *The System of Transcendental Idealism*. Moscow, 1987.
- Shestakova N. N. Ideas of Justice in Youth Culture: Features of the Formation of a Positive Image. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2023, 7(4), 86–94. EDN VESSMM.
- Shpak A. A. Mechanisms of Artificial Intelligence for Social Modeling in the Sphere of Education. In: *Sociology of Artificial Intelligence*, 2024, 5(2), 86–95. EDN EIWFQDE.
- Shpak A. A., Kirko V. I. Creative application of artificial intelligence in education: a concept Aleksa Urmenety and Margarita Romero. In: *Sociology of Artificial Intelligence*, 2024, 5(3), 19–34. EDN SWPDLY.
- Shurmanova A. A. Possibilities of Applying Charles Peirce’s Theory of Signs to the Features of Computer Vision. In: *Digitalization*, 2024, 5(3), 19–29. EDN MGLETM.
- Sitnikova A. A. *Krasnoyarsk Artistic Culture of the Late 20th – Early 21st Centuries*. Krasnoyarsk, 2024. 214. EDN KXCRLH.
- The magazine “World of Art” (1899–1904) as a source on the history of women’s artistic creativity / N. M. Leshchinskaya, M. A. Kolesnik, A. A. Sitnikova, E. A. Sertakova. In: *Bylye gody*, 2024, 19(1), 353–365. DOI 10.13187/bg.2024.1.353. EDN POCVEA.
- Vologodskiy R. S. The Role and Significance of the Text “Bhagavad Gita” for Modern Adepts (Based on the Results of Content Analysis of VKontakte Social Network Groups)]. In: *Digitalization*, 2024, 5(2), 60–70. EDN UZZWUZ.
- Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P. *Propositions of the Theory of Fine Art*. Krasnoyarsk, 2004. 265. EDN QXPZAZ.
- Zhuromskaya E. Y., Sertakova E. A. Modern American science fiction as a phenomenon of a multidimensional picture of the world: analysis of the film “Interstellar” by K. Nolan. In: *Asia, America and Africa: history and modernity*, 2024, 3(2), 35–51. DOI 10.31804/2782–540X-2024–3–2–35–51. EDN NPULAK.

Culturology

Культурология

EDN: RJLAIW
УДК 338.439.6(571.511)

Larisa Romanovna Pavlinskaya: Ethnographer, Siberian Studies Specialist, Researcher of Siberian Peoples' Culture (for the 80th anniversary)

Sergey V. Bereznitsky and Vladimir N. Davydov*

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 21.08.2024, received in revised form 25.12.2024, accepted 13.01.2025

Abstract. The article highlights the main stages of the life and scientific work of Larisa Romanovna Pavlinskaya, a scientist widely known in Russia and abroad, a major specialist in the field of Siberian studies, culture, ethnogenesis and ethnography of the peoples of Siberia, and issues of artistic metalworking. The article discusses the fundamental contribution of L.R. Pavlinskaya in the context of laying the foundations of post-Soviet Siberian studies, the history of interethnic, intercivilizational contacts in the vastness of Eurasia. The authors pay particular attention to the most important stages of scientific work on the study of the features of the ethnic culture of the nomads of Southern Siberia. They discuss the methodological approach of L. R. Pavlinskaya in the framework of organizing a dozen museum exhibitions in Russia and abroad with the display of unique items from the collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Larisa Romanovna Pavlinskaya, life path, scientific and creative biography, museum activities, Siberian Studies, history of science, Kunstkamera.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Ethnography.

The article was prepared within the framework of the research plan of the MAE RAS.

Citation: Bereznitsky S. V., Davydov V. N. Larisa Romanovna Pavlinskaya: Ethnographer, Siberian Studies Specialist, Researcher of Siberian Peoples' Culture (for the 80th anniversary). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 216–229. EDN: RJLAIW

Лариса Романовна Павлинская: этнограф, сибиревед, исследователь культуры народов Сибири (к 80-летию со дня рождения)

С.В. Березницкий, В.Н. Давыдов

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье освещаются основные вехи жизни и научное творчество Ларисы Романовны Павлинской – широко известного в России и за рубежом ученого, крупного специалиста в сфере сибиреведения, культуры, этногенеза и этнографии народов Сибири, вопросов художественной обработки металлов. Обозначается фундаментальный вклад Л. Р. Павлинской в контексте закладывания базисных основ постсоветского сибиреведения, истории межэтнических, межцивилизационных контактов на просторах Евразии. Особое внимание удалено важнейшим этапам научного творчества по исследованию особенностей этнической культуры кочевников Южной Сибири. Представлен методологический подход Л. Р. Павлинской в рамках организации десятка музеиных выставок в России и в зарубежных странах с экспонированием уникальных предметов из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Ключевые слова: Лариса Романовна Павлинская, жизненный путь, научно-творческая биография, музейная деятельность, сибиреведение, история науки, Кунсткамера.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы НИР МАЭ РАН.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография.

Цитирование: Березницкий С. В., Давыдов В. Н. Лариса Романовна Павлинская: этнограф, сибиревед, исследователь культуры народов Сибири (к 80-летию со дня рождения). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 216–229. EDN: RJLAIW

Биографические данные

Лариса Романовна Павлинская, широко известный в нашей стране и за рубежом высококвалифицированный специалист в сфере этнографии и истории Сибири, родилась в г. Сухум Абхазской АССР 24 июня 1944 г. в семье военного хирурга. Мать была беременна ею во время военной службы, о чем Лариса Романовна с гордостью вспоминает, что и она восемь месяцев фактически провела на фронте. Любовь к путешествиям, к открытию новых мест, людей и культур, в том числе и сибирских, в маленькой Ларисе Романовне зародил её дедушка. В Инсти-

туте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Академии художеств, на факультете истории и теории искусств, она стала изучать особенности многих народов мира, но её сердце уже было отдано культуре народов Сибири, их мифологии и искусству, технологиям обработки металлов и изготовления украшений. В 1967 г. она окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры и получила специальность «искусствовед». Этнографию Лариса Романовна стала постигать, общаясь с выдающимися советскими учеными, среди которых были Д. А. Ольдероге, Р. Ф. Итс, Ю. В. Кнорозов,

Рис. 1. Л. Р. Павлинская в молодости.
Фото из личного архива Л. Р. Павлинской

Pic. 1. Young L. R. Pavlinskaya.
Photo from the private archive of L. R. Pavlinskaya

Н. А. Бутинов, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, Г. М. Василевич, Л. П. Потапов, С. В. Иванов, И. С. Вдовин и др. Научным руководителем диссертационной работы Ларисы Романовны был назначен С. В. Иванов. Вместе с Л. В. Хомич, В. П. Дьяконовой, Е. А. Алексеенко, Ч. М. Таксами и другими сотрудниками отдела этнографии Сибири Л. Р. Павлинская принимала участие в обсуждении многочисленных статей и монографий, экспедиционных планов и отчетов. Подобные заседания никогда не были формальными, являлись настоящей научной школой (Zhambalova, Romanova, 2019).

Более 55 лет Лариса Романовна работает в Кунсткамере. С 1968 по 2002 г. она занимала должности научно-технического сотрудника, младшего и старшего научного сотрудника. В 1987 г. в ЛО ИЭ АН СССР она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Художественный металл бурят в историко-этнографическом аспекте». С 2002 по 2012 г. Лариса Романовна заведовала Отделом этнографии Сибири МАЭ РАН. С 2012 по 2024 г. она работала

в должности ведущего научного сотрудника, а с 2024 – научного консультанта этого отдела. С 1981 по 2004 г. Лариса Романовна участвовала в 18 этнографических экспедициях в различные районы Сибири, Дальнего Востока России.

С 1997 по 2018 г. Л. Р. Павлинская осуществляла руководство тремя темами НИР, четырьмя коллективными грантами РГНФ, являлась ответственным исполнителем двух грантов РФФИ, участвовала в программах фундаментальных исследований РАН. В 2010–2012 гг. Л. Р. Павлинская занималась подготовкой главы для коллективного тома «Якуты. Саха» в серии «Народы и культуры» (Pavlinskaya, 2013), а в 2018–2020 гг. – первого тома фундаментальной работы «Истории Якутии». Лариса Романовна Павлинская участвовала также в подготовке книги «Дневник учащегося Якутской духовной семинарии Алексея Никифорова (1901–1903 гг.): публикация документа», изданной в 2022 г. в серии «Интеллектуальная история Северо-Востока России: время и люди».

Л. Р. Павлинская является одним из инициаторов создания и долгое время являлась членом редколлегии серии «Кунсткамера-Архив», в которой издаются ранее неопубликованные работы из Национального архива МАЭ РАН. В 2009–2012 гг. под её руководством сотрудниками отдела совместно с Институтом тюркологии при Свободном университете г. Берлина (руководитель Клаус Шениг, Германия) был подготовлен и издан сборник трудов крупнейшего этнографа, тюрколога, специалиста по культуре народов Южной Сибири первой половины XX в. Н. П. Дыренковой (35 п.л.). В 2020–2023 гг. Лариса Романовна, совместно со старшим научным сотрудником отдела этнографии Сибири МАЭ РАН В. И. Дьяченко, подготовила к изданию монографию выдающегося этнографа, тюрколога, религиоведа и фольклориста А. А. Попова «Религиозные представления долган».

Значительное место в деятельности Л. Р. Павлинской занимает музейная работа. На этом поприще Лариса Романовна внесла большой вклад в работу с коллекциями Му-

зя антропологии и этнографии, участвовала в создании концепций серии выставочных проектов, реализованных в России и за рубежом. Она руководила созданием одиннадцати крупных выставок МАЭ РАН, девять из которых экспонировались за рубежом: в Японии, Корее, США, Финляндии, Германии. В двух из них она являлась исполнителем, в одной – соруководителем проекта, в восьми – автором концепции и руководителем проекта. Кроме того, Лариса Романовна участвовала в регистрации и перерегистрации сибирских коллекций, в организации музейной практики для студентов петербургских вузов, в подготовке и проведении экскурсий.

Основная сфера научных интересов Л. Р. Павлинской – этно- и культурогенез народов Южной и Центральной Сибири, современные этносоциальные процессы в регионе, традиционное мировоззрение коренных народов Сибири, народное искусство, традиции художественного металла тюркских народов (Павлинская Лариса Романовна).

Магия металла

В своём научном творчестве Лариса Романовна убедительно доказала важность и актуальность исследований сущности и функций металла, не только как материала в технологиях жизнеобеспечения, но и осветила его роль и значение в культуре традиционного общества как одного из важнейших показателей материально-го и духовного развития конкретных сибирских групп, отражающего уровень их социально-экономического развития, особенностей художественной культуры, менталитета, верований. Техника и технология обработки различных металлов отражают исторические связи и культурные контакты между народами. Лариса Романовна решила сложную задачу выявления мифopoэтического образа металла в мировоззрении тюрков и монголов. Эти представления были ею логично включены в комплекс «металлического кода». Этот код связан, с одной стороны, с достаточно универсальной трехчастной моделью Вселенной, с другой –

с представлениями о Солнце как золоте, о Луне как серебре, о Земле как меди, о подземном мире как железе. Эта модель усложняется разнообразными мифopoэтическими возврениями, связанными с традициями использования металлов в культуре. Мифологические представления, эпические тексты освещают технологии использования народами Сибири черных и цветных металлов на протяжении длительного хронологического периода.

Важные выводы были получены Ларисой Романовой в вопросах изучения истории, технологий изготовления и семантике наборных поясов народов Сибири, поясов, декорированных накладными металлическими (иногда костяными) пластинами, бляшками. Она приходит к выводу, что для понимания сущности наборного пояса необходимо обратиться к анализу костюма, вооружения, народного декоративно-прикладного искусства, вопросов этно- и культурогенеза народов евразийского континента. Лариса Романовна подчеркнула, что этот предмет обладает высоким семиотическим статусом, необычайной устойчивостью во времени, огромным ареалом распространения на территории Евразии. Традиция бытования данного предмета одежды насчитывает не менее трех тысячелетий и связана с культурой кочевых скотоводческих народов Великой степи. Несмотря на различные изменения, в некоторых культурах он сохранился до середины XX в. Ареал наборных поясов у народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, в культурах Кавказа, Передней Азии и Восточной Европы постепенно менялся.

При сопоставлении образов металлической пластики шаманского костюма Лариса Романовна указала на определенное единство в сфере культового металла в этнической культуре народов Сибири: бурят, долган, кетов, нганасан, селькупов, эвенков, энцев, якутов. Это сходство наблюдается в конкретных сюжетах и образах, в пластическом воплощении, а также принципе их размещения в семантическом пространстве костюма больших шаманов. Л. Р. Павлинская подчеркнула, что наибольшее количе-

ство металлических деталей присутствует на шаманских костюмах народов Сибири, в культуре которых важное семантическое значение имело черное, связанное с духами подземного мира. Белые шаманы камлали в верхний, небесный мир и в своих костюмах практически не использовали металл. В оформлении шаманского ритуального облачения использовалось железо, сталь, цветные металлы: медь и латунь. Бронзовые подвески встречаются чрезвычайно редко, привозились они преимущественно из Монголии и Китая. На основе кропотливого анализа коллекций МАЭ РАН Лариса Романовна выявила особенности технологии изготовления комплекса металлической пластики шаманского костюма, сделала вывод о том, что наиболее широко в шаманских костюмах, хранящихся в фондах МАЭ, представлено оформление, выполненное из железа и стали. Железо широко вошло в сакральную сферу культуры сибирских народов, этническая история которых связана с лесостепной зоной Сибири. На этом основании Лариса Романовна предположила, что на определенном историческом этапе отдельные народы могли входить в единую историко-культурную общность, у которой не только сходные формы художественной и ремесленной традиций, но и близкие ментальные представления.

В ряде публикаций Лариса Романовна, на основе междисциплинарного подхода, анализировала проблемы генезиса, семантики, типологии, орнаментики, символики и мифологии ювелирных украшений народов Евразии, выявила основные тенденции изменения этого компонента культуры в контексте культурного взаимодействия народов (см. Pavlinskaya, 1984, 1988, 1992, 1994, 2000, 2001, 2006, 2010, 2012, 2018; Pavlinskaya, 2001).

В целом Л.Р. Павлинская проанализировала особенности технологии и сущности семантики художественного металла народов Сибири, представила сравнительное исследование техники набивной насечки у народов Южной Сибири и Средней Азии. Во многом ей удалось проследить историю развития практики обработки ме-

талла на территории Сибири, выявить характерные стилевые черты и особенности технологических приемов художественной обработки металла, проанализировать варианты кузнецкого культа, определить роль металла в обрядах жизненного цикла, исследовать семантику художественной орнаментации изделий из металла. Применение структурно-функционального метода позволило Ларисе Романовне осуществить анализ функционирования металла как текста культуры, как феномена, обладающего знаковой функцией.

Кочевники голубых гор

В 2002 г. в свет вышла фундаментальная монография Ларисы Романовны о культуре народов Восточных Саян, написанная на основе обобщения и осмысливания полевых этнографических исследований в Окинском районе Республики Бурятия (Pavlinskaya, 2002). В работе логично освещены в сложной взаимосвязи все компоненты рассматриваемой традиционной культуры сойотов и бурят Восточных Саян, сохранившихся в той или иной мере к концу XX в. Как известно, этногенез является одним из самых сложных этнографических исследований, требующим комплексного рассмотрения проблемы с привлечением массы исторических, археологических, антропологических, этнографических, фольклорных и других источников. Лариса Романовна рассмотрела сложный процесс длительного этнокультурного взаимодействия коренных народов Восточных Саян и переселенческих бурятских групп на примере Окинского района. В результате контактов возникла новая культура, в которой произошло соединение хозяйствственно-культурного типа скотоводов, охотников и оленеводов, комплексов жизнеобеспечения. При этом Павлинская показала особенности этих культур, переход новаций в традиции, проанализировала процессы ассимиляции и диффузии культурных элементов, рассмотрев богатый духовный мир перечисленных народов, их картину мира, мифологию. Верования и ритуалы Лариса Романовна прекрасно показывает с ис-

пользованием концепций К. Леви-Страсса, М. Элиаде и других классиков этнографической науки об универсалиях строения Вселенной, о сложном взаимодействии сакральных и профанных миров (Pavlinskaya, 2002).

Народы Сибири и Российское государство

Обладая большой творческой и организаторской энергией, Л.Р. Павлинская сумела сплотить вокруг себя творческие коллективы научных сотрудников, музеиных работников, вдохновляя их на написание коллективных трудов, монографий, сборников статей, каталогов (см. Сибирь: Древние этносы и их культуры, 1996; Народы Сибири в составе Государства Российского 1999; Евразия: Этнос, ландшафт, культура, 2002; Лев Николаевич Гумилёв. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии, 2002; Природа и цивилизация, 1997; Сибирь на рубеже тысячелетий, 2005; Этнос, ландшафт, культура, 2001; Сибирь в контексте русской модели колонизации, 2014; Pavlinskaya, 1999; 2002a; 2006). Одними из таких важных направлений стали исследование сложных процессов освоения огромных просторов Сибири, Евразии, Дальнего Востока русскими, исследование межэтнических контактов, разработка новых методологических приемов на основе критического анализа концепций Л.И. Мечникова, Л.И. Гумилева и других выдающихся ученых.

В 1996 г. в редакции Ларисы Романовны был опубликован сборник научных статей, объединенных единой тематикой – особенности этнической истории коренных народов Сибири в процессе их развития, знакомства с европейским миром. Практически во всех статьях делается акцент на то, что именно Сибирь, ее цивилизации и народы дали мощнейший толчок для образования централизованного, огромного, мощного российского государства, а затем и империи. Л.Р. Павлинская обратила особое внимание на то, что формирование Российского государства стало закономерным продолжением исторической сибирской

традиции, предшествующих эпох, когда в Сибири возникали и исчезали по различным причинам кочевые империи, ханства и каганаты. В их состав входили и многие современные коренные народы Северной Азии. Приход русских в Сибирь стал новой вехой для их развития.

В 1999 г. была опубликована коллективная монография под редакцией Л.Р. Павлинской об основных этапах истории вхождения коренных народов Сибири, Севера, Дальнего Востока в Российское государство. Эта работа было высоко оценена специалистами в сфере истории и этнографии народов Севера и Дальнего Востока. В этой работе сделан акцент на анализе особенностей мощного этнокультурного движения с западных регионов Сибири к восточным в XVI–XVIII вв. Этот процесс стал новым направлением этнических потоков, которые в более ранние периоды сибирской истории имели обратный вектор (гунны, татаро-монголы и др. общности). Лариса Романовна подчеркнула, что такое изменение было обусловлено возрастающей силой русского народа, в качестве продолжения глубинных этногенетических процессов в Северной Евразии. Набирающее силу Русское, а затем Российское государство включало в свой состав огромное количество разнообразных по культуре народов Сибири в результате этнических, социальных, культурных, экономических процессов. Этническая карта расселения, численности коренных народов Сибири наполнилась представителями европейских народов, городской инфраструктурой, военными крепостями и острогами, введением новой законодательной базы, земледельческих технологий, христианизацией региона. Кардинальным отличием освоения огромных сибирских территорий русскими первоходцами от сходных процессов на других континентах было сохранение территорий традиционного проживания сибирских народов: хантов, манси, ненцев, долган, кетов, селькупов, эвенков, якутов, бурят, нанайцев и др.

Исследуя проблемы межцивилизационных, межкультурных контактов в Сибири, Ларисе Романовне удалось выделить

четыре особенности процесса освоения русскими Сибири в XVII – начале XVIII в. В середине XIX в. этот процесс объединил в границах единого государства одну шестую часть суши с многочисленными народами, в том числе и с коренными этносами Севера. В этом заключается одна из четырех особенностей русского освоения сибирского пространства от колонизации народами Западной Европы. Занятые европейцами территории были отделены от своих метрополий пространствами океанов, что во многом определило отношение к аборигенам как к жителям колоний. Продвижение русских по Северной Азии не воспринималось мировой научной общественностью как подобное европейскому явление. Второй особенностью освоения русскими евразийского пространства являлось то обстоятельство, что русские первопроходцы были знакомы с сибирскими народами в сфере торговли и других контактов. Часть сибиряков вошла в состав русского народа, сами русские также влияли на процессы формирования сибирских народов, вошедших в состав Российской империи. Третьей особенностью Лариса Романовна посчитала принцип освоения новых земель русскими, характер экономических, этносоциальных и ментальных контактов с коренными народами. Четвертая особенность заключается в том, что Московское государство при освоении евразийского пространства в целом не имело сильных соперников. Хотя на юго-востоке было столкновение с маньчжурским Китаем, в результате чего пришлось оставить почти на 200 лет все левобережье Амура не разграниченным.

История и этнография бурят

Лариса Романовна Павлинская осветила проблемы этногенеза бурят и особенностям их культуры (Pavlinskaya, 1984; 1995; 1999; 2000; 2001, 2002a; 2005; 2008; 2014a; Pavlinskaya, 2001; 2003. Для территории Сибири очень важен выбор эпохи, с которой можно рассматривать этногенез бурят от неолита до поздней бронзы и раннего железа. В Предбайкалье и Забайкалье вопросы происхождения бурят связаны с не-

обходимостью рассмотрения древнейших неолитических культур вплоть до начала XVIII в., до момента возникновения бурятского народа. В целом Л.Р. Павлинская предложила рассматривать этногенез бурят как длительный эволюционный процесс с соответствующими сменами этнического состава. Важным фактором является присоединение сибирских земель к Московской Руси. Дальнейшее освоение Сибири стало существенным фактором не только для становления нового государства, но имело важнейшее геополитическое значение для окончательного оформления особого этнокультурного пространства исторической Евразии. Коренные народы таежной и тундровой зоны Северной Азии были вовлечены в общемировой исторический процесс. Лариса Романовна отметила этнотERRиториальные отличия бурятской культуры. Так, западные буряты сохранили в своей художественной культуре немало традиционных архаических черт, присущих искусству контактировавших с ними якутов, южных алтайцев, тунгусов. Восточные буряты наполнили свое искусство рядом новых элементов и приемов в результате связей с монголами, тувинцами, тибетцами, китайцами и другими народами Центральной и Восточной Азии. Забайкальские буряты восприняли тибетскую орнаментику, узоры которой отличаются яркостью расцветки и сложным характером криволинейных, растительных форм и мотивов. Сильно изменило облик культуры бурят влияние канонов и принципов северного буддизма – ламаизма. Однако сохранилась общебурятская традиционная основа, позволяющая говорить о самобытности и единстве бурятского этнического стиля. Л.Р. Павлинская убежденно пишет о том, что именно буряты из коренных народов Сибири наиболее постигли тайны производства украшений из металлов, самоцветов, перламутра.

История и этнография народов Якутии

Многие годы Лариса Романовна отдала исследованию различных аспектов истории и культуры народов Якутии. Она стала активным участником одного из первых

проектов, направленных на решение указанной задачи в рамках фундаментального многотомного издания «Истории Якутии» (Iakuty. Sakha, 2013; Istoryia Iakutii, 2020; Pavlinskaya, 2012). В этом труде Л. Р. Павлинская стремилась показать, длительный, постепенный и сложный процесс того, как много нардов на протяжении тысячелетий выстраивали единое пространство, что имело большое значение для строительства особого евразийского мира, возникшего среди двух полярных частей Старого Света – Европы и Азии. Ученым, для осознания всей сложности geopolитического значения этого контекста необходимо провести комплексный анализ древнейших культур Якутии, сопредельных территорий, объединить данные археологических, этнографических, лингвистических и фольклорных источников. Логически встроить памятники культуры разных эпох в историческую последовательность, чтобы объективно раскрыть этногенетические, этнокультурные и этносоциальные процессы, которые привели к возникновению самобытных культур и стали основой их духовного единства.

Л. Р. Павлинская также проанализировала особенности традиционной мифопоэтической модели мира якутов в свете этнокультурных процессов на территории Евразии. Она отметила, что мифопоэтическая модель мира концентрирует в себе все наиболее сущностные, воплощенные в определенной системе образов, понятий и символов представления о Вселенной, представляет собой ментальную конструкцию, отражающую структуру и состояние Космоса, принципы взаимообусловленности всех его элементов. Именно мифологическая картина мира составляет стержень мировоззрения, определяет смысловую направленность всех сфер жизнеобеспечения каждого народа, способствует его консолидации и осознанию своей этнической целостности.

История становления этнографической науки

Отдельный важный аспект творческой деятельности Ларисы Романовны

связан с исследованием социокультурных особенностей становления этнографической науки в нашей стране (Pavlinskaya, 2014b; 2016). Рассмотрение этой проблемы Л. Р. Павлинская традиционно начинает с освещения XVIII в. как эпохи Просвещения, деятельности Петра I, которая и привела Россию в разряд передовых европейских государств. Создание в 1724 г. Петербургской академии наук привело к преобразованию научной, культурной, образовательной сферы Российской империи. Однако далее Лариса Романовна совершенно справедливо указывает на необходимость учета наиболее важных источников, среди которых на первом месте находятся русские летописи. В них имеются живые зарисовки культуры большинства народов как европейской части России, так и Сибири. Не менее важными источниками Л. Р. Павлинская считает «Наказные памяти» воевод и приказчиков сибирских острогов, «Царские грамоты и указы», «распросные речи», «скаски» служилых людей, материалы академических экспедиций XVIII в. Ценнейшие исторические и этнографические сведения имеются в первых трудах по описанию культуры народов Сибири, в частности, «О Сибирском царстве и о царях того великого царства» (1645), «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая» (Николай Спафарий, 1675), «Описание новой земли, сиречь Сибирского царства» (Никифор Венюков, 1675–1698). В 1715 г. была написана первая этнографическая монография в истории мировой науки Григория Новицкого «Краткое описание о народе осяцком» (СПб., 1884). Важнейшее значение для становления и развития этнографической науки имеет фундаментальный труд Иоганна Георги «Описание всех в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (СПб., 1776–1777). Эта монография о многих народах России была написана на основе полевых материалов автора, с дополнениями из предшествующих и современных исследований. Монография состоит из серии очерков, в которых дается

название народа, территория расселения, численность, физический тип и особенности языка, система управления и нормы обычного права, хозяйство, тип поселения и жилища, одежда, пища, семейный быт, верования и ритуалы. Самым ценным является иллюстративный ряд гравюр, показывающих уникальные черты культуры народов XVIII в. В целом Л. Р. Павлинская сделала вывод о том, что становление и развитие этнографии, помимо чисто научного результата, имело огромное значение для объединения в едином пространстве многочисленных российских народов славянской, финно-угорской, тюркской, тунгусо-маньчжурской, палеоазиатской и монгольской языковых общностей.

Мифология смерти

В 2007 г. сотрудники отдела этнографии Сибири МАЭ РАН рассмотрели сложнейшую проблему представлений коренных народов Сибири о смерти и загробном мире, этнокультурные особенности погребально-поминальных ритуалов. Их связь с мифологической картиной мира. Сборник вышел под редакцией Ларисы Романовны (*Mifologija smerti*, 2007). Феномен смерти был рассмотрен в коллективной работе в качестве института перехода человека, его жизненной послесмертной субстанции к иной форме существования, ставшей парадигмой для всех обрядов жизненного цикла. Представленные в сборнике статьи существенно дополнили имеющиеся знания о мировоззренческих системах традиционных обществ северного региона Евразии и стали основой для нового уровня обобщения материала, связанного с архаическими представлениями о диалектике жизни и смерти. В частности, в 2010 г. Л. Р. Павлинская совместно с Ю. Е. Березкиным стала редактором сборника научных статей, посвященных изучению сложных проблем мифологического осмыслиения смерти, потустороннего мира, символического содержания погребально-поминальной обрядности в контексте традиционных представлений коренных народов Сибири и Северной Америки (От бытия к инобытию). Статьи для

сборника были написаны на основе этнографических, фольклорных, письменных, археологических, архивных, а также полевых материалов. В научный оборот был введен концептуальный объем этнографического, археологического, культурологического материала и, самое главное, значительные новые данные по архаическим ритуалам и верованиям. Во многих аспектах была раскрыта проблема универсального мирового представления о круговороте жизненных форм, показаны особенности вторичного рождения души в новом качестве. Верования, тексты, ритуальные практики в погребально-поминальном комплексе сливаются в единый контекст. Проблемы осмыслиения сущности бытия и инобытия связаны с традициями конкретных этнических обществ, от поведения человека, от социальных трансформаций и межкультурных контактов. Ритуал жизненного цикла, мифологическая картина мира, нарративы, тексты принадлежат к числу культурных элементов, отличающихся особенно высокой консервативностью, чем и обусловлена их ценность для исследователей. Лариса Романовна обратила особое внимание на специфику художественно-образного мышления коренных народов Сибири, в котором сосуществовало в своей совокупности взаимодействие бытия как Мира людей и инобытия как Мира божеств и духов, создавая в целом единый образ Вселенной. Однако Лариса Романовна делает вывод о том, что именно инобытие определяло полноценность жизни, так как было связано с продолжением рода, здоровьем всех его членов, с удачей в промыслах и хозяйственной деятельности. Окружающий мир был для человека сакральной сущностью, вся повседневная жизнь была пронизана священной силой Космоса. Мир инобытия был предельно реальным, и каждая из его сфер находилась во власти конкретных духов-хозяев, с которыми общались люди. Представления о связях человека с потусторонним миром воплощались и сохранялись в мифах и преданиях. Одним из самых распространенных образов, воплощающих контакты между миром людей и миром бо-

жеств, по мнению Л. Р. Павлинской, является древний миф «о небесной охоте». В нем образ оленя выступает как символ небесной сферы, солнца, света и дня, а его противник – медведь олицетворяет хтонические силы, ночь и тьму. Этот сюжет, воплощающий цикличность жизни Космоса, в различных вариантах известен в мифологиях многих народов Сибири.

Вместо заключения:

итоги творческих поисков

В последние годы Лариса Романовна занималась исследованием роли ландшафта в жанрах устного народного творчества тюркских народов Сибири XIX – начала XX вв. Ей удалось показать, что в мифологическое пространство были включены основные этапы путешествий главных героев эпических произведений. В структуру эпического ландшафта, в обрядовые тексты включены места обитания верховных божеств и духов. Тем самым сюжетам эпических сказаний придаётся сакральный характер. Лариса Романовна совершенно справедливо убеждена в том, что мифология, изначальные ментальные формы эмоционально-образного осмысления окружающего мира связаны с первичными импульсами творческой энергии людей. Для человека бесписьменного общества мифологическая ориентация в окружающем мире связана обрядами, эпосом и другими видами творчества (Pavlinskaya, 2018).

Не менее важными являются исследования Ларисы Романовны проблем воздействия речного ландшафта на становление материальной сферы традиционных культур Сибири, на формирование их менталитета, особенностей восприятия пространства и времени, мифологической модели мира, культурного символизма, форму осознания и классификации явлений природы и стихий (Priroda and tsivilizatsiya: Reki i kul'tury, 1997).

В 2023 г. Л.Р. Павлинская совместно с В.И. Дьяченко завершили колоссальную работу по подготовке к редактированию и печати рукописи монографии А.А. Попова, вышедшей в серии «Кунсткамера-

Архив» (Поров, 2023) и написанию вводной статьи (D'iachenko, Pavlinskaya, 2023). Монография является классическим примером отечественного этнографического исследования первой половины XX в. Она была создана А. А. Поповым на основе многолетних полевых сборов в экспедициях 1920–1930-х гг. Публикуемые сведения зачастую отражают уже исчезнувшие и забытые элементы традиционной духовной культуры долган. А. А. Попов родился и вырос в Якутии, он прекрасно знал якутский язык, глубоко чувствовал культуру и психологию коренных народов этого региона. В Ленинградском университете он получил блестящее образование, которое позволило ему создать картину мифологического эмоционально-образного осмысления долганами окружающего мира. Данная фундаментальная работа А. А. Попова, подготовленная к печати усилиями В.И. Дьяченко и Л.Р. Павлинской, представляет собой неисчерпаемый источник для изучения традиционной культуры и религиозных практик долган.

Таким образом, за долгие годы научного творчества Лариса Романовна разработала большое число гипотез, концепций, новых взглядов на проблемы этногенеза и этнической истории коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, их многовековых этнокультурных контактов с европейской и восточной цивилизациями. Ее достижения в сфере художественного металла, кузнечества, семантики различных металлов, использующихся в быту, в хозяйстве, в промыслах, в ритуалах жизненного цикла, шаманстве, мифологической картине мира и менталитете стали надежным ориентиром для отечественных и зарубежных ученых. Л.Р. Павлинская внесла значительный вклад в изучение этнографии, этнической истории и художественных технологий бурят, сойотов, якутов (саха) и других народов.

За свою долгую трудовую жизнь Лариса Романовна награждена медалью «Ветеран труда», памятной медалью «100 лет Якутской АССР», Знаком отличия в честь юбилея «370 лет Якутия с Россией» за вклад

выставка проводится в рамках программы
фундаментальных исследований
Президиума Российской Академии наук
"Этнокультурное взаимодействие в Евразии"

Рис. 2. Л. Р. Павлинская на фоне плаката выставки «Моя Евразия». Отдел этнографии Сибири МАЭ РАН. 2004. Фото С. Б. Шапиро

Pict. 2. L. R. Pavlinskaya with the poster of "My Eurasia" exhibition. Department of Siberia MAE RAS. 2004. Picture by S.B. Shapiro

в укрепление государственности, межнационального мира и согласия (Указ Президента Республики Саха (Якутия) № 431), Юби-

лейным знаком «385 лет Якутия с Россией» (2017 г.).

Желаем Ларисе Романовне долгих лет, здоровья, оптимизма, сил, энергии, новых научных открытий и дальнейшей плодотворной творческой деятельности.

Список литературы / References

- D'achenko V. I., Pavlinskaya L. R. A. A. Popov – Ethnographer, Turkologist, Religious Scholar and Folklorist. In: Popov A. A. *Religious Beliefs of Dolgans*. V. I. Diachenko, L. R. Pavlinskaia (eds.). Saint Petersburg, 2023. 22–79 (Series “Kunstkamera – Archive”, Vol. XI).
- Ethnos, Landscape, Culture*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 2001, 308.
- Eurasia: Ethnos, Landscape, Culture*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 2002, 409.
- From This to Other World: Folklore and Burial Ritual in Traditional Cultures of Siberia and America*. Yu. E. Berezkin, L. R. Pavlinskaya (eds.). Saint Petersburg, 2010, 365.
- History of Yakutia*. A. N. Alekseev, E. K. Alekseeva, V. G. Argunov, L. R. Pavlinskaya [and others]. Vol. 1. Novosibirsk, 2020, 536.
- Lev Nikolaevich Gumilev. Theory of Ethnogenesis and Historical Destinies of Eurasia. Conference Proceedings*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Vol. II. Saint Petersburg, 2002, 225.
- Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funeral Rite of the Peoples of Siberia: Ethnographic Essays*: Collection of Articles. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 2007, 278.
- Nature and Civilization: Rivers and Cultures. Proceedings of the Conference dedicated to the 100-years Anniversary of publishing L. I. Mechnikov's book “Civilization and Great Historical Rivers”*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 1997, 271.
- Pavlinskaya Larisa Romanovna. In: *Official site of The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences*. URL: http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/department_of_siberia/pavlinskaya (date of access: 23.04.2024).
- Pavlinskaya L. R. Artistic Metal in the Equipment of the Rider and Horse among the Peoples of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries. Formation and Development of the Craft Tradition. In: R. F. Its, Ch. M. Tak-sami (eds.) *Monuments of Material Culture of the Peoples of Siberia*. Saint Petersburg, 1994. 52–75.
- Pavlinskaya L. R. Nomads of the Blue Mountains (The Fate of the Traditional Culture of the Eastern Sayan Mountains in the Context of Interaction with Modernity). Saint Petersburg, 2002a, 263.
- Pavlinskaya L. R. Some Issues of Technique and Technology of Artistic Metal Processing. In: *Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia. Volume of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 42. Leningrad. 1988. 71–85.
- Pavlinskaya L. R. Okinskii Raion of the Republic of Buryatiia in the Past, Present and Future. In: L. R. Pavlinskaya, E. G. Fedorova (eds.). *Siberia on the Border of the Millenniums. Traditional Culture in the Context of Contemporary Economical, Social and Ethnical Processes*. Saint Petersburg, 2005. 152–200.
- Pavlinskaya L. R. Notes on the Technique of Artistic Metal Forging in the Shamanic Costume of the Peoples of Siberia from the Collections of the MAE RAS. In: *Siberian volume-2. To E. A. Alekseenko's Anniversary*. Saint Petersburg. 2010. 255–267.
- Pavlinskaya L. R. Buryats. In: *Siberia: Ethnoses and Cultures (Peoples of Siberia in XIX Century)*. Moscow, Ulan-Ude, 1995. 5–50.
- Pavlinskaya L. R. Buryats. Essays on Ethnic History (XVII–XIX centuries). Saint Petersburg, 2008, 165.
- Pavlinskaya L. R. Cultural Regions in Siberian Shamanism. In: J. Pentikänen (ed.) *Shamanhood Symbolism and Epic*. Budapest, 2001. 41–49.

- Pavlinskaya L. R. Historical Eurasia. Ethnocultural Aspect. In: *Severo-Vostochnyi Gumanitarnyi vestnik*. 2015, 3(12). 42–46.
- Pavlinskaya L. R. To the Problem of the Ethnogenetic Processes' Research on the Territory of the South-Eastern Siberia. In: *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006. 6. 144–153.
- Pavlinskaya L. R. Art Metal of Yakuts. In: A. N. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova (eds). *Yakuts. Sakha. (Serie: Peoples and Cultures)*. Moscow, 2013, 433–449.
- Pavlinskaya L. R. Decorative Metal as a Source for Ethnocultural Contacts Research. In: Ch. M. Taksami (ed.) *Ethnocultural Contacts of Peoples of Siberia*. Leningrad, 1984. 99–113.
- Pavlinskaya L. R. *Artistic Metal of the Buryats of the XIX – Early XX Centuries in the Historical and Ethnographic Aspect. Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences*. Leningrad, 1987, 33.
- Pavlinskaya L. R. Indigenous Peoples of the Baikal Region and Russians. Beginning of Ethnocultural Interaction. In: L. R. Pavlinskaya (ed.). *Peoples of Siberia in Russian State: Essays on Ethnic History*. Saint Petersburg, 1999. 165–271.
- Pavlinskaya L. R., Morphology of Shamanic Costume]. In: A. I. Gogolev (ed.), *Shamanism as Religion: Genezis, Reconstruction, Traditions*. Iakutsk, 1992. 85–87.
- Pavlinskaya L. R. Stacked Belts in the Cultures of Siberia in the Mid-19th – Early 20th Centuries. In: *Jewelry of the peoples of Siberia: Volume of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 51. Saint Petersburg, 2006. 302–341.
- Pavlinskaya L. R. Folk Art of Siberia. The Fate of Tradition. In: *Ecology of Ethnic Cultures on the Eve of the 21st Century*. Saint Petersburg, 1995. 91–119.
- Pavlinskaya L. R. Some Aspects of the Cultural Genesis of the Peoples of Siberia (Based on the Research of the Shamanic Costume). In: *Eurasia Through the Ages. A Collection of Scientific Papers Dedicated to the 60th Anniversary of the Birth of Dmitry Glebovich Savinov*. Saint Petersburg, 2001. 229–232.
- Pavlinskaya L. R. Some Aspects of the Semantics of Metals in the Culture of the Turks of Siberia in the 19th – early 20th Centuries. In: *Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Proceedings of the IV Siberian Studies Conference, October 12–14, 1998*. Saint Petersburg, 2000. 181–188.
- Pavlinskaya L. R. Some Additions to the Study of the Shamanic Costumes of the Peoples of Siberia. In: Ch. M. Taksami, V. P. D'jakonova (eds.) *Shaman and the Universe in the Culture of the Peoples of the World*. Saint Petersburg, 1997. 24–36.
- Pavlinskaya L. R. Specific Features of the Russian Colonization of Siberia (XVII – beginning of the XVIII century). Instead of Introduction]. In: L. R. Pavlinskaya (ed.) *Siberia in the Context of the Russian Model of Colonization (XVII – beginning of the XX century)*. Saint Petersburg, 2014a. 3–67.
- Pavlinskaya L. R. Principles of Formation of the Ethnographic Collection of the Kunstkamera in St. Petersburg Based on the Example of Early Collections on the Culture of the Peoples of Siberia. In: *The Culture of the Peoples of Siberia and the Far East in Museum Collections of Russia and Japan. Methods of Collection, Accounting, Storage and Exhibition*. Senri Ethnological Reports 135. National Museum of Ethnology. Japan, 2016. 41–49.
- Pavlinskaya L. R. Reindeer Herding in the Eastern Sayan. The Story of the Soyot. In: *Quarterly. The Troubled Taiga*. 2003, 27(1). 44–47.
- Pavlinskaya L. R. Siberia in the Context of Eurasian Theory. In: L. R. Pavlinskaya (ed.). *Eurasia: Ethnos, Landscape, Culture*. Saint Petersburg, 2001. 165–271.
- Pavlinskaya L. R. Siberia-Russia-Eurasia. In: L. R. Pavlinskaya (ed.). *Lev Nikolaevich Gumilev. Ethnogenesis Theory and Historical Destinies of Eurasia*. Vol. 2. Saint Petersburg, 2002b. 91–95.
- Pavlinskaya L. R. Ethnographical Science Becoming in Russia. In: *Science in Russia*, 2014b, 2, 52–58.
- Pavlinskaya L. R. The Scythians and Sakians Eighth to Thied Centuries D.C. In: V. N. Basilov (ed.) *Nomads of Eurasia*. Seattle, Wash.: University of Washington Press, 1989. 19–41.
- Pavlinskaya L. R. Traditional and Contemporary Land Use in the Okinskii Raion of Buryatia: Ecology, Sociology, Culture. In: *The Land of under the Sky Planes*. Ulan-Ude, 2000. 190–209.

- Pavlinskaya L. R. Gold and Silver in Mythical-Poetical Traditions of Turks and Mongols. In: S. V. Suslova (ed.). *Jewelry of the Turkish Peoples of Eurasia: Collection of Essays*. Kazan, 2018. 12–43.
- Pavlinskaya L. R., Zhambalova S. G. Becoming and Development of Economic Tradition on the Territory of Pribaikal'e and Zabaikal'e. In: Ch. M. Taksami (ed.) *Cultural Traditions of Peoples of Siberia*. Leningrad, 1986. 237–261.
- Peoples of Siberia in Russian State: Essays on Ethnic History*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 1999, 358.
- Popov A. A. *Religious Beliefs of Dolgan*. V. I. Diachenko, L. R. Pavlinskaya (eds.). Saint Petersburg, 2023, 692 (Series “Kunstkamera – Archive”, Vol. XI).
- Siberia on the Border of the Millenniums. Traditional Culture in the Context of Contemporary Economical, Social and Ethnical Processes*. L. R. Pavlinskaya, E. G. Fedorova (ed.). Saint Petersburg, 2005, 265.
- Siberia in the Context of the Russian Model of Colonization (XVII – beginning of the XX century)*. L. R. Pavlinskaya (ed.). Saint Petersburg, 2014, 299.
- Yakuts. Sakha. A. N. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova (eds). Moscow, 2013, 599 (Serie: Peoples and Cultures)
- Zhambalova S. G., Romanova E. N. “White Road” to Siberia: Ethnographer, Time, and Creativity (On the Anniversary of L. R. Pavlinskaya). In: *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. 2019, 2(36). 121–129.

EDN: RXNFOU
УДК 30.304

Engineering and Technical Associations as Socio-Cultural Phenomenon of the USSR in 1920s

Tikhon K. Ermakov* and Ksenia A. Degtyarenko

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 19.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 15.01.2025

Abstract. The process of formation of new types of social actors in the 1920s in the USSR is of great theoretical and applied interest. On the one hand, it allows us to understand the key features of the emerging socio-cultural context of the new state, on the other hand, it allows us to clearly highlight some theoretical issues related to the reorganization of society. Engineering and technical associations of the 1920s represent such an actor, which in the designated decade begins to actively integrate into the surrounding socio-cultural context, transforming existing connections and forming new types of social relations. Based on the analysis of a number of documents related to both the regulation of the activities of engineering and technical societies in general and with some specific societies, the role of an engineering and technical association as an actor in socio-cultural reality was described. As a result, three key functions were identified: 1) "Scientific", directly related to the development and coverage of various engineering and scientific problems, as well as their scaling for other social actors; 2) "Identifying", associated with strengthening professional identities and expressive consolidation of a group of professionals into a single whole; 3) "Communicating", consisting in building connections between societies of the same scale, implying both their separation from each other and their close interaction. The designated functions characterize engineering and technical associations as complex actors, whose multifunctionality becomes possible due to close fusion with political actors, endowing engineering and technical associations with the ability to build the necessary connections at various large-scale levels.

Keywords: engineering and technical Associations, the USSR, actor-network theory, assemblage.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Ermakov T. K., Degtyarenko K. A. Engineering and Technical Associations as Socio-Cultural Phenomenon of the USSR in 1920s. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 230–239. EDN: RXNFOU

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: erm-tihon@mail.ru

Инженерно-технические ассоциации как социально-культурный феномен СССР 1920-х годов

Т.К. Ермаков, К.А. Дегтяренко

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Процесс формирования новых типов социальных акторов в 1920-е годы в СССР представляет огромный теоретический и прикладной интерес. С одной стороны, он позволяет понять ключевые особенности формирующегося социально-культурного контекста нового государства, с другой – позволяет ярко выявить некоторые проблемы теоретического толка, связанные с переустройством общества. Инженерно-технические ассоциации 1920-х годов представляют собой подобный актор, который в обозначенное десятилетие начинает активно встраиваться в окружающий его социально-культурный контекст, преображая уже существующие связи и формируя новые типы социальных отношений. На материале анализа ряда документов, связанных как с регулированием деятельности инженерно-технических обществ вообще, так и с некоторыми конкретными обществами, было осуществлено описание роли инженерно-технической ассоциации как актора социально-культурной действительности. В результате были выявлены три ключевые функции: 1) «Научная», связанная непосредственно с разработкой и освещением различных инженерно-научных проблем, а также с их масштабированием для других социальных акторов; 2) «Идентификационная», связанная с укреплением профессиональных идентичностей и экспрессивным сплочением группы профессионалов в единое целое; 3) «Коммуникационная», заключающаяся в выстраивании связей между обществами одного масштаба, причём подразумевающая одновременно как их отделение друг от друга, так и их плотное взаимодействие. Обозначенные функции характеризуют инженерно-технические ассоциации как комплексные акторы, чья многофункциональность становится возможной благодаря тесному слиянию с политическими акторами, наделяющими инженерно-технические ассоциации возможностями для выстраивания необходимых связей на различных масштабных уровнях.

Ключевые слова: инженерно-технические ассоциации, СССР, акторно-сетевая теория, ассамбляж.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Ермаков Т. К., Дегтяренко К. А. Инженерно-технические ассоциации как социально-культурный феномен СССР 1920-х годов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 230–239. EDN: RXNFOU

Введение

Проблемы исторического развития науки всё ещё остаются значимыми для современного социально-гуманитарного знания (Plotnikova, 2023; Stozhko, 2023), более того,

новые методы научного исследования требуют специфической саморефлексии учёного, требующей понимания всей логики развития научной системы. Наиболее ярко поставленная в зрелых работах Т. Куна проблема

сообщества учёных как актора развития науки (Kuhn, 1974) впоследствии нашла своё развитие в работах современной социологии науки, особенно в контексте акторно-сетевой теории (Latour, 1983). При этом дальнейшее развитие социологических исследований углубило понимание научного сообщества как социальной группы, связывая его теперь не только со специфическими проблемами развития науки и техники, но и с общими вопросами социального устройства (Abbas, 2021; Rossiter, 2021; Volti, 2013). Таким образом, на уровне современной социальной теории исследование инженерно-научных обществ одновременно направлено на раскрытие двух важных аспектов – это и комплекс проблем, связанных с развитием науки, и маркер социальных изменений.

Исследования феномена научно-технических сообществ в отечественной науке на современном этапе представлены достаточно разнородной палитрой работ. Ещё в 2010-е годы появляется ряд публикаций, связанных с теоретическим анализом самого понятия и принципами его включения в российский исторический контекст (Aleshin, 2011; Kirillova, 2010). На современном этапе анализ научно-технических сообществ связан с исследованиями конкретно-исторических условий их возникновения и особенностями функционирования. Зачастую эта проблема поднимается в контексте анализа общих проблем истории науки в Российской империи (Koptseva, 2021; Seredkina, 2024; Sitnikova, 2023) или в Советском Союзе (Armasheva, 2022; Jabulganova, 2023 Sinelnikova, 2023). Стоит отметить, что столь значимой проблеме, как переход от имперской системы к советской посвящено относительно небольшое число работ (Rudenko, 2023). Также важный пласт составляют исследования, связанные с источниковой базой (Gleb, 2023; Orefov, 2021), в которых предлагаются различные методы изучения текстовых источников, отражающих в себе принципы функционирования научных сообществ. Наконец, необходимо отметить значимые исследования, посвящённые взаимоотношениям между инженерно-техническими

сообществами и политическим аппаратом (Sinelnikova, 2016).

Таким образом, данное исследование вписывается в современный научный контекст, предлагая оригинальный анализ инженерно-технических обществ, сформировавшихся в СССР в 1920-е годы. В качестве источников базы используются официальные документы, отражающие в себе политику СССР в 1920-е годы по отношению к инженерно-техническим обществам, а также уставы обществ, созданных в этот период времени. В качестве ведущего метода выбран акторно-сетевой анализ (Latour, 2007). В рамках данного метода подразумевается описание сетей социальных взаимодействий, в которые инженерно-технические общества включаются (или должны включаться в соответствии с текстами), что позволит понять принцип их функционирования в глобальном социально-культурном контексте СССР 1920-х годов.

Анализ общих документов, связанных с деятельностью инженерно-технических обществ

Анализ роли инженерно-технических обществ в социально-культурном контексте СССР 1920-х годов возможен преимущественно на материале анализа текстов, связанных с деятельностью отдельных организаций, и документов, связанных с конкретными сообществами. Первый корпус документов, отражающих некоторые наиболее общие тенденции в организации сообществ, представлен постановлениями Совета народных комиссаров (СНК) и Наркомпроса, призванными подчеркнуть ту форму существования инженерно-технических обществ, которая воспринималась советской властью в качестве нормальной. Охарактеризуем сети рассматриваемого периода, выстраиваемые наиболее значимыми документами.

Наиболее значимым для рассматриваемого периода документом является постановление СНК от 25 августа 1921 года «О мерах к поднятию уровня инженерно-технических знаний в стране и улучшению

условий жизни и деятельности инженерно-технических работников», в котором отдельно упоминаются инженерно-технические общества. Данный документ представляет целый ряд наиболее значимых категорий, которые и будут формировать сеть. В первую очередь необходимо обозначить прикладной характер обращения к проблематике инженерно-технических обществ. Само по себе постановление преследует цель, связанную с поднятием уровня хозяйства, который в этом смысле тесно связывается с проблемой обеспечения деятельности представителей инженерно-технических специальностей, а также с улучшением уровня их жизни. В связи с этим чисто текстологически можно выделить две группы действий – первая половина непосредственно связана с формированием самих инженерно-технических обществ, в то время как вторая сводится к постепенной интеграции инженерно-технических сообществ в уже формирующуюся систему поддержки рабочих (в первую очередь – создание профсоюзных организаций и уравнивание в правах с трудящимися).

Сама природа инженерно-научных организаций в данном документе последовательно не раскрывается, но можно увидеть некоторые сетевые отношения между инженерно-техническими обществами и другими значимыми акторами. Во-первых, инженерно-технические общества связываются с совершенно конкретными формами деятельности: 1) проведение собраний и совещаний; 2) собственная издательская деятельность; 3) взаимодействие с другими инженерно-техническими обществами, в частности – здесь это возможность взаимодействия с зарубежными системами. Интересно при этом, что цель этой деятельности – «освещение вопросов», а не решение определённых задач. То есть как участник сети – инженерно-научное сообщество – это скорее информационный узел, практики которого нацелены не столько на разрешение проблем, сколько на формирование проблемной области, размыщение об этой области и информирование. При этом когда в постановлении

обращаются к необходимости создания новых инженерно-технических обществ, явно обозначаются политические акторы, влияющие на их деятельность (как минимум через регулирование уставных документов), – это Народный комиссариат просвещения и Высший совет народного хозяйства, которые предоставляют СНК проекты уставов новых сообществ. Важно отметить, что в дальнейшем для рассматриваемого периода мы имеем документы, преимущественно связанные с уставами инженерно-технических обществ, и лишь малая часть документов посвящена более общим вопросам деятельности данной институции в социально-культурном пространстве.

Анализ некоторых документов позволяет предполагать, что подобная диспропорция связана с тем, что реальным было соотношение инженерно-технического сообщества с категориями «рабочий», «инженерно-технический работник», «предприятие» и т.д. В этом смысле интересно показать характер этих категорий в некоторых поздних документах и на этих примерах обозначить их возможные связи с инженерно-техническими обществами.

Достаточно типовым документом является «Рапорт рабочих, работниц и инженерно-технических работников Тверской пролетарской мануфактуры XVI Всесоюзной партийной конференции о выполнении социалистических обязательств», датируемый 1929 годом. Содержание этого документа интересно, поскольку лишний раз подчёркивает ту связь, которая и так кажется нам интуитивно понятной, – многие компоненты советской социальной сети были ориентированы на достижение целей, связанных с повышением производительности труда и его качества. На основе рассмотренного примера ясно видно: для производств наиболее значительными здесь являются более конкретные узлы – работники, в том числе и инженерно-технические работники. Соответственно, инженерно-техническое общество в конкретных случаях не обладает свойством изменения масштаба, столь необходимого для комплексных элементов актор-сети,

оно не умеет перестраиваться в более локальный масштаб, а, значит, оказывается в сложной ситуации, когда практическое осуществление поставленной цели выполняется в области взаимодействия социальных компонентов, на которые это общество не способно влиять напрямую.

Следующий документ, относящийся уже к 1930-му году, демонстрирует сразу две значимые сетевые связи. Речь идёт о постановлении СНК «О распространении на инженерно-технических работников научно-исследовательских учреждений льгот в области заработной платы и жилища, предоставляемых соответствующим работникам, занятым на производстве». В первую очередь здесь можно увидеть причину проблемы переключения масштабов – внутреннюю неоднородность самой группы инженерно-технических работников. Будучи включёнными в различные социальные отношения, инженерно-технические работники дифференцируются по принципу места своей ключевой деятельности (данный документ предлагает разделение на теоретиков и практиков). Такая дифференциация очень важна. В существующем контексте она приводит к тому, что различные группы инженерно-технических работников включены в различные сети, при этом характерно следующее: хуже включены в сеть те инженерно-технические работники, которые заняты непосредственно теоретической работой, а именно комплекс их действий больше совпадает с теми действиями, которые отнесены к инженерно-техническому сообществу. Таким образом, неэффективные практики масштабирования ведут к тому, что инженерно-технические работники, включённые в сообщество, не могут быть включены в необходимые для них социальные взаимодействия. При этом не исключено, что ситуация может быть обратной – общество прилагает недостаточные усилия для масштабирования в силу того, что оно не может получить доступа к необходимым для него социальным ресурсам.

С другой стороны, важно отметить, что инженерно-технические работники

всё же выделяются социально-культурной системой в особую группу, которой предоставляются определённые привилегии, связанные с доступом к ресурсам. Сеть, формирующаяся вокруг инженерно-технического работника, при этом не включает в себя инженерно-техническое общество. Последнее получает определённую поддержку для выполнения своих функций как целостности, но при этом отдельный компонент общества получает поддержку независимо от своей принадлежности к более крупному актору. В результате инженерно-техническое общество оказывается в стороне от тех социальных связей, которые наиболее важны для индивидуального масштаба. Более того, на протяжении 1920-х годов социальная сеть такова, что те индивиды, чья функция является более прикладной, получают даже больше привилегий, нежели те группы, которые могли бы быть связаны с инженерно-техническими обществами.

К чему приводит такое положение? На наш взгляд, интересный ответ даёт небольшая заметка в газете «Тверская правда» от 20 апреля 1930 года, называющаяся «О решении собрания инженерно-технических работников Пролетарской мануфактуры закрепиться на фабрике до конца пятилетки». Интересна она возникновением масштабного актора, связанного с объединением инженерно-технических работников, но действующего на совершенно ином основании. Во-первых, этот масштабный актор полностью собирается «снизу» – его деятельность напрямую не связывается со стоящим над ним политическим телом. Во-вторых, он ориентируется на прикладную деятельность. В определённом смысле – перед нами определённый антипод инженерно-технического сообщества в том виде, в каком он представлен нам в постановлении 1921 года и, судя по всему, он намечает определённый вектор разрешения проблемы «неуспешности» сконструированной формы. Неспособность изменять масштаб инженерно-техническим обществом может быть разрешена переориентацией на прикладную компоненту

и уменьшением зависимости от управляющих акторов.

Анализ уставов инженерно-технических обществ

Для уточнения характера сетей, формирующихся внутри инженерно-технических сообществ, и принципов их связывания с иными значимыми акторами обратимся к анализу устава «Всесоюзной ассоциации инженеров» (ВАИ), принятого в 1926 году. Данное инженерно-техническое общество, согласно своему уставу, носит всесоюзный характер (при этом президиум остаётся в Москве), ключевой целью заявлено развитие производительных сил страны. Важно отметить, что связи между членами сообщества в соответствии с уставом обусловлены общими инженерно-техническими интересами. То есть прикладная задача ставится именно перед масштабным актором всего сообщества, в то время как индивидуальные акторы внутри него координированы более абстрактными связями, чья природа не определяется ключевой целью объединения.

Обращаясь к непосредственной деятельности ВАИ, устав, на первый взгляд, расширяет область действия данной организации по отношению к более общему описанию, представленному в рассмотренном выше постановлении СНК. ВАИ для достижения поставленной цели выполняет следующие действия: 1) разработка вопросов, связанных с поднятием уровня производительных сил в стране; 2) разработка вопросов, связанных с повышением уровня технического и прикладного образования; 3) разработка (и помочь другим группам) проектов, связанных с улучшением производственного комплекса страны; 4) организация научных институтов, лабораторий, опытных производств и т.д., связанных с повышением уровня производительных сил в стране; 5) организация различных лекций и встреч на инженерно-техническую тематику; 6) издание технических журналов; 7) поддержка связи с другими обществами в СССР и за границей; 8) организация секций для разработки и освещения отдель-

ных специальных вопросов; 9) организация отдельных комиссий для решения частных вопросов; 10) созыв съездов деятелей в области инженерно-технических и экономических проблем; 11) командирование своих членов за границу для обмена опытом и поддержания контактов; 12) осуществление различных экономических сделок, связанных с имуществом, принадлежащим обществу.

Обозначенные конкретные действия, перечисленные в уставе, могут быть сведены к ряду наиболее значимых связей. Во-первых, стоит отметить, что акторность самого общества проявлена во внутреннем освещении и разработке вопросов и проектов, то есть существует некоторое действие, направленное вовнутрь (если не считать возможности помочь другим организациям, но об этом ниже), которое, видимо, и определяет роль ВАИ и является тем, что действительно связывает его членов. Отчасти возникновение этой логики можно связать с тем, что направленная внутрь операция способствует возникновению материальной компоненты сборки, если использовать терминологию теории ассамбляжа Мануэля Деланды (DeLanda, 2006). То есть, несмотря на свою направленность вовнутрь, этот пункт необходим для территоризации ВАИ от других сообществ, которые не занимаются решением подобных вопросов.

Во-вторых, деятельность ВАИ, непосредственно направленная вовне может быть разбита на две группы. В первую очередь – это создание (организация) других социальных акторов, связанных с освещением вопросов, которыми занимается ВАИ. Данная деятельность может быть понята как процесс выстраивания сети для осуществления смещения масштаба – ВАИ необходимо организовывать различные съезды и комиссии, издавать журналы и т.д., поскольку для подъёма производства страны необходимо формировать акторы, которые ближе к непосредственным производствам, нежели общесоюзное сообщество. Во вторую очередь – деятельность ВАИ связана со взаимодействием с равномасштабными

акторами. Здесь интересно отметить, что это взаимодействием фактически распадается на два аспекта: 1) взаимодействие между сообществами; 2) взаимодействие через представителей сообщества. Вероятно, первый вариант взаимодействия направлен на укрепление границ ВАИ как социальной сборки, в то время как второй вариант делает границы чуть более прозрачными.

В-третьих, отдельно выделяется экономический аспект деятельности, который даже в лексическом отношении передаётся иной формулировкой, если предшествующие формы в уставе связаны с глаголами, то экономические связи – это «право». Таким образом, последняя компонента устава как будто качественно выделяется из всего спектра связей, формирующихся вокруг ВАИ, поскольку встраивают его в материальное пространство, позволяя абстрактной социальной сборке приобрести пространственные определённости. С другой стороны, экономический вектор можно трактовать как практику включения в ассамбляж нечеловеческих участников, которые относятся к нему на несколько иных основаниях – если человек включается в ВАИ через «интерес», то здания через «право на имущество». Первая категория более экспрессивна, вторая – более материальна.

В этом смысле интересны обозначенные в уставе условия включения в члены ВАИ. Общим правилом является необходимость занятиями инженерной деятельностью, после чего объявляются три варианта ценза: 1) высшее образование и год практики; 2) среднее специальное образование и два года практики; 3) отсутствие образования и достаточные знания и опыт. Если потенциальный член соответствует первым двум критериям, то он может быть принят только на основании заявления, в третьем случае необходимо заключение о кандидатуре, вынесенное на заседании президиума ВАИ. На наш взгляд, обозначенные варианты достаточно четко обозначают преимущественно экспрессивную логику связывания членов ВАИ в единый социальный актор. Участники ВАИ – это

те, кто могут презентировать себя как инженер, причём эта презентация может опираться как на унифицированный код (совокупность образования и стажа), так и на возможность декодирования кандидата в качестве инженера самой принимающей организацией. Последняя компонента очень важна, поскольку позволяет раскрыть необозначенную в уставе роль ВАИ в социальной сети – это актор, который позволяет идентифицировать человека как инженера на экспрессивном уровне. Инженер – это не тот, кто обладает образованием или опытом, а тот, кого приняла в качестве инженера ВАИ.

Интересно, что по отношению к такой «идентифицирующей» функции ВАИ устав предполагает возможность включения в сообщество членов сообществ меньшего масштаба. Это подчёркивает значимость ВАИ в качестве актора, фильтрующего экспрессивные характеристики социальной действительности. Не только человек может быть идентифицирован как инженер через подтверждение от ВАИ, но и группа людей как целостный компонент социальной реальности может подтвердить своё отношение к инженеру через признание президиума ВАИ.

Завершая анализ устава ВАИ, важно отметить, что его самоуправление осуществляется на основе целого ряда отдельных совещательных органов, отличающихся друг от друга степенью постоянства (состав части из них изменяется при каждом сборе, некоторые обладают постоянным ядром и варьирующими периферий), частотой сбора и масштабным уровнем. Каждый из этих органов в первую очередь решает вопросы, связанные с обозначенными выше действиями ВАИ в контексте формирования сети на разных масштабных уровнях. Интересно отметить, что при этом идентифицирующая функция ВАИ вынесена отдельно (например, голосования по вопросам, связанным с ней, являются анонимными), что подчеркивает её особый статус по отношению с теми функциями, которые для ВАИ связаны непосредственно с инженерной деятельно-

стью. Важно, что деятельность ВАИ всегда происходит открыто – устав напрямую обозначает невозможность проведения закрытых съездов и совещаний.

Роль инженерно-технических обществ в социально-культурном контексте СССР 1920-х годов

Каковы же роль инженерно-технических обществ в социально-культурном контексте СССР 1920-х годов? Из приведённого выше прикладного анализа ряда документов следует, что инженерно-технические общества встраивались в социальные сети через три ключевых типа связей, которые и формировали их значимость для общего социально-культурного пространства.

Во-первых, инженерно-технические общества – это акторы, которые встраиваются в процессы технико-инженерной модернизации. В этом смысле они представляют собой объединения, выполняющие информационную функцию и решающие непосредственно практические задачи, связанные с развитием производственного потенциала страны. В этом смысле инженерно-технические общества сталкиваются с характерной для подобных организаций проблемой масштаба и вынуждены формировать множества производных социальных акторов, которые позволяют сместить масштаб сообщества в сторону масштаба тех акторов, на которые должно быть оказано влияние (индивиду, завод, образовательная организация и т.д.). Эта функция инженерно-технического общества может быть условно обозначена как «научная», поскольку здесь общество сталкивается с серией проблем, напоминающих проблемы научных организаций в контексте акторно-сетевой теории (Latour, 1983), и может быть описано как своеобразная лаборатория, сросшаяся с политическими акторами, которые позволяют ей самостоятельно формировать пространство для смещения масштаба.

Во-вторых, инженерно-технические общества, как показывает устав ВАИ, напрямую связаны с экспрессивными функциями, связанными с поддержанием иден-

тичности. Принадлежность к тому или иному обществу позволяет выстроить дополнительный механизм идентификации индивида как принадлежащего той или иной профессиональной группе. Эта идентификация формально происходит на основании двух параметров: 1) наличие специальных знаний, которые могут быть формально подтверждены получением высшего или среднего специального образования; 2) наличие практического опыта, который может быть подтверждён официальной работой на предприятии. Инженерно-техническое сообщество выступает актором, который объединяет в себе две линии идентификации, существующие без него в качестве относительно независимых векторов, но берёт на себя и более сложную функцию, связанную с предоставлением основания идентичности тем индивидам и групповым акторам, которые не могут продемонстрировать формальные маркеры принадлежности к группе. Эта функция может быть обозначена как «идентификационная».

В-третьих, инженерно-технические общества связаны со взаимодействием с акторами похожего масштаба. В этом смысле они демонстрируют пульсацию материальных компонент, поскольку это взаимодействие приводит, с одной стороны, к более строгому ограничению самого сообщества от похожих сообществ, с другой стороны, оно же способствует тому, что отдельные члены общества могут встраиваться в другие общества, частично в них растворяясь. Данная функция может быть названа «коммуникационной» и, вероятно, является наименее значимой для рассматриваемого периода, поскольку поддерживает отношения между только начинающими формироваться коллективными акторами.

При этом важно лишний раз подчеркнуть, что инженерно-технические общества в рассматриваемый период не являлись независимыми объединениями, формирующими снизу. Репрезентирующие их уставные документы согласовывались СНК на основании соответствия задачам советского правительства и согла-

сованности с выработанными типовыми документами (которые, в частности, включали в себя и содержательные компоненты). Можно предположить, что именно благодаря этой тесной связи с политическим телом, инженерно-технические общества и могли успешно выполнять все обозначенные выше функции.

Заключение

В результате проведённого анализа текстов, связанных с инженерно-техническими сообществами СССР в 1920-е годы, можно говорить о некоторых наиболее значимых тенденциях. В рассматриваемый период инженерно-технические общества действительно играли значительную роль в социально-культурном пространстве СССР, что подчёркивается как вниманием к ним со стороны политического аппарата, так и комплексностью их связей, включающих в себя соединение трёх ключевых компонентов, связанных с «научной», «идентификационной» и «коммуникационной» деятельностью столь крупных объединений.

При этом стоит отметить, что инженерно-технические сообщества в рассматриваемый период сталкиваются с рядом

проблем, которые связаны с тем, что только вырабатываются механизмы, позволяющие им успешно переключать собственные масштабы с целью выполнения тех задач, которые ставит перед ними социальная действительность. В результате инженерно-технические сообщества становятся частью сложных процессов, связанных с конструированием нового типа общества – они значимы не только в силу своих оригинальных функций, но и как часть общего процесса, связанного с формированием нового типа инженерно-технических кадров.

На наш взгляд, исследование инженерно-технических обществ СССР с использованием теоретико-методологического аппарата акторно-сетевой теории и ассамблажной теории по отношению к последующим этапам может позволить выявить динамику развития сложных социальных акторов в советской культуре, а также проследить их связь с современными объединениями подобного рода. Также решение подобных прикладных задач важно в контексте социально-культурной теории, поскольку позволяет обозначить некоторые типовые проблемы, связанные с функционированием столь комплексных и разнородных акторов.

Список литературы / References

- Abbas R., Pitt J., Michael K. Socio-technical design for public interest technology. In: *IEEE Transactions on Technology and Society*, 2021, 2(2), 55–61.
- Aleshin V.I. Sociocultural analysis of the scientific and engineering community in Russia. In: *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, 8, 42.
- Armashova A. V., Maksimova D. D., Maksimova O. D., Okuneva M. O. *Legal policy of the Soviet state in the sphere of scientific development*. Lenand, Moscow, 2022, 400.
- DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assamblage Theory and Social*, 2006, Continuum, 160.
- Gleb M. V. Draft documents as a source for the history of academic science in Belarus in the 1920s – 1930s. In: *History of science and technology: sources, monuments, heritage: fourth readings on historiography and source studies of the history of science and technology: For the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences: materials of the international scientific conference, Moscow, November 7–8, 2023*, PresSto, Ivanovo, 2023, 41–43.
- Jalbulganov A. A. Development of financial and legal science in the first years of Soviet power (1918–1920s)]. In: *Bulletin of Moscow University. Series 26: State audit*, 2023, 2, 105–116.
- Kirillova E. A., Aleshin V. I. Scientific and engineering community as a concept and phenomenon. In: *Bulletin of MSTU “Stankin”*, 2010, 1(9), 174–179.
- Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N. On the History of Science in the Russian Empire (based on the Analysis of the Journal “Nauchnoe Obozrenie” for 1898). In: *Bygone Years*, 2021, 16(3), 1473–1481.

- Kuhn T.S. Second Thoughts on Paradigms. In: *The Structure of Scientific Theories*. University of Illinois Press, Urbana, 1974, 459–482
- Latour B. Give Me a Laboratory and I will Raise the World. In: *Science Observed. Perspectives on the Social Study of Science*, Sage Publication, London, 1983, 141–170.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, 2007, Oxford University Press, 301.
- Orehov B. Text extrapolation using artificial neural networks. Archive of the State Academy of Art and Science. In: *Synthesis of modernity: ruins of the State Academy of Art and Science and postdisciplinarity*. Moscow, 2021, 59–79.
- Plotnikova T.V. *History and philosophy of science (general problems)*. Rostov-na-Donu, 2023, 126.
- Rossiter J.A., Hedengren J., Serbezov A. Technical committee on control education: a first course in systems and control engineering. In: *IEEE Control Systems*, 2021, 41(1), 20–23.
- Rudenko K.A. Continuity between pre-revolutionary and Soviet researchers in archaeological science in the TASSR in the 1920–1930s. In: *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archaeology*, 2023, 2, 135–143.
- Seredkina N.N., Koptseva N.P., Pimenova N.N., Zamaraeva Yu.S. “Report on the activities of the Imperial Moscow Technical School for the 1878–1879 academic year” as a historical source on the development of scientific and technical knowledge in the Russian Empire at the end of the 19th century. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, 17(8), 1536–1548.
- Sinelnikova E.F. Power and scientific societies in the mid-1920s: drafts of a model charter. In: *Auxiliary historical disciplines*, 2016, 35, 184–200.
- Sinelnikova E.F., Sobolev V.S. The Role of the Academy of Sciences in the Development of Education and Science in the Provinces in the First Years of Soviet Power]. In: *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2023, 83, 183–190.
- Sitnikova A.A., Leshchinskaya N.M., Sertakova E.A., Kolesnik M.A. The Image of a Scientist in the Periodicals of the Russian Empire (“Uchenye Zapiski Imperatorskogo Yur’evskogo Universiteta”). In: *Bygone Years*, 2023, 18(2), 893–902.
- Stozhko K.P. *History of Science: People. Problems. Ideas*. Ekaterinburg, 2023, 254.
- Volti R. *Society and Technological Change*, Worth Publishers, 2013, 448.

EDN: SFLJWA
УДК 7.036

Soviet Animation of 1924–1929 as a Means for the Representation of Cultural Narratives of the Period

Maria S. Koptseva* and Stepan O. Zotov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 17.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 16.01.2025

Abstract. Soviet animation between 1924 and 1929 became an important part of the cultural landscape of the period, reflecting significant changes in the social and political life of the country. The aim of this article is to analyze animated films from this period using topic modeling to assess their alignment with key cultural narratives and ideological trends of the time. For this purpose, the journal “Sovetskoe iskusstvo” (Soviet Art), published between 1924 and 1928, was chosen as a source of cultural narratives. The selected films for analysis include “Samoyed Boy”, “Senka the African”, “Interplanetary Revolution”, “Soviet Toys”, “China in Flames”, “The Post”, “The Adventures of the Chinese Children”, and “The Ice Rink”. The study results demonstrate that these films reflect core ideological and cultural concepts promoted in the art and culture of the era, revealing the ways in which animation was used to visualize and communicate the values of the new Soviet society.

Keywords: Soviet animation, animated film, topic modeling, cultural narrative, ideology.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: M. S. Koptseva, S. O. Zotov. Soviet Animation of 1924–1929 as a Means for the Representation of Cultural Narratives of the Period. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 240–249. EDN: SFLJWA

Советская анимация 1924–1929 гг. как средство репрезентации культурных нарративов периода

М.С. Копцева, С.О. Зотов

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Советская анимация в период с 1924 по 1929 годы стала важной частью культурного ландшафта того времени, отражая значительные изменения в общественной и политической жизни страны. Цель данной статьи – провести анализ анимационных фильмов указанного периода с использованием метода тематического моделирования (topic modelling), чтобы выявить их соответствие ключевым культурным нарративам и идеологическим тенденциям данного времени. В качестве источника культурных нарративов выбран журнал «Советское искусство», издававшийся в период с 1924 по 1928 год. Для анализа были отобраны анимационные фильмы, созданные в этот же период, такие как «Самоедский мальчик», «Сенька-африканец», «Межпланетная революция», «Советские игрушки», «Китай в огне», «Приключения китайчат», «Почта», «Каток». Результаты исследования показали, что эти мультфильмы отражают основные идеологические и культурные концепты, продвигаемые в искусстве и культуре того времени.

Ключевые слова: советская анимация, мультфильм, тематическое моделирование, культурный нарратив, идеология.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева М. С., Зотов С. О. Советская анимация 1924–1929 гг. как средство репрезентации культурных нарративов периода. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 240–249. EDN: SFLJWA

Введение

Анимация – относительно новое направление в визуальном искусстве, которое неразрывно связано с развитием таких форм, как рисунок, театр и кинематограф. Техника анимирования заключается в создании иллюзии движения с помощью серии последовательных кадров, быстро сменяющихся друг за другом. Эти кадры могут быть выполнены в различных техниках – от рисунков и 3D-моделей до фотографий кукол, скульптур и других объектов. Хотя анимационные фильмы (мультфильмы) на протяжении всей истории анимации воспринимались в основном как произведения для детей, их потенциал значительно шире. Наряду с другими

видами искусства анимация играет важную роль в передаче, сохранении и трансляции культурных нарративов, характерных для того исторического периода, в который был создан мультфильм.

Советская мультипликация не является исключением даже на заре своего развития, особенно в период с 1924 по 1929 год, в первые годы советской власти. В это время анимация была в значительной степени экспериментальной: не существовало ещё состоявшихся мастеров советской мультипликации, а сама форма находилась в поиске своей идентичности. Мультфильмы того времени отличались ярким новаторством и стремлением к поиску новых вырази-

тельных средств, активно заимствуя идеи из живописи конструктивизма, авангарда и других течений. Эксперименты с формой и техникой, нестандартные сюжеты и визуальные решения стали характерной чертой этого периода. В контексте формирования нового социального порядка анимация сыграла важную роль как одно из средств распространения изменяющихся культурных нарративов. Ее создатели – представители нового советского гражданского общества, активно вовлеченные в процессы построения и институционализации советского государства, – не только участвовали в этих процессах, но и в значительной степени способствовали их оформлению. Подобно другим деятелям искусства, они внедряли в свои произведения идеологические концепты, отражающие ценности и цели социалистической идеологии.

Таким образом, цель данной статьи – провести анализ анимационных фильмов указанного периода, чтобы выявить их соответствие ключевым культурным нарративам и идеологическим тенденциям данного времени.

Краткая история советской анимации 1920-х гг.

История российской анимации началась ещё в последние годы существования Российской империи. Среди первых русских аниматоров есть такие деятели, как Александр Ширяев, создатель первых в мире кукольных мультфильмов, а также энтомолог и мультипликатор Владислав Старевич, использующий в качестве кукол реальных насекомых.

Работы Александра Ширяева выполнены в технике кукольной анимации, и как первые в своём роде они занимали огромное количество времени для создания. Ширяев представлял свои мультфильмы только узкому, наиболее близкому к себе кругу людей, из-за чего его мультфильмы долгое время не были известны публике, пока в 1995 году историк балета и киновед Виктор Бочаров не получил в пользование личный архив Ширяева, в котором обнаружил те самые рисованные и кукольные

мультифильмы. До этого открытия первым русским мультипликатором долгое время считался Владислав Старевич, энтомолог, биолог по образованию. Изначально он планировал снимать обучающие фильмы, например, фильм «Прекрасная Люканова, или Война усачей с рогачами» изначально планировался как обучающий фильм о половом отборе у жуков-рогачей. Однако в дальнейшем его работы приняли более художественный и игривый характер, в которых насекомые становились персонажами, ведущими человеческие диалоги и переживающими комичные, а порой трагические события. Эти фильмы приобрели большую популярность в начале XX века и оказали значительное влияние на развитие анимации.

После Октябрьской революции Владислав Старевич эмигрировал в Италию, а затем во Францию, где продолжил свою работу в области анимации. В то же время анимационная индустрия в советской России оказалась на длительный период парализованной. Отсутствие развития в этой сфере было обусловлено тяжёлым социально-политическим кризисом, который охватил страну в период революционных преобразований. Эти изменения затронули все аспекты жизни, включая культуру и искусство, что серьёзно ограничило возможности для создания и распространения анимационных фильмов в первые годы советской власти.

Только в 1924 году, с созданием Экспериментального бюро мультипликации при Государственном техникуме кинематографии, анимация в Советской России начала восстанавливаться. В этом бюро работали такие известные деятели, как Юрий Меркулов, Николай и Ольга Ходатаевы, Зенон Комиссаренко, сестры Брумберг, Владимир Сутеев и Иван Иванов-Вано, которые использовали технику плоской марионетки (перекладки) для создания агитационных фильмов и так называемых мультипликационных плакатов (Петрухина, 2019). Эта техника быстро завоевала популярность благодаря своей относительной простоте в сравнении с более трудоёмкими метода-

ми, такими как рисованная или кукольная анимация (Gulyaeva, 2016).

В рамках этого направления на студии «Культкино» также работали такие режиссёры, как Дзига Вертов и Александр Бушин, авторы сатирических мультфильмов, таких как «Случай в Токио», «Германские дела и делишки», «Советские игрушки» (1924) и «Юморески». В отличие от более агитационных и идеологически насыщенных картин Экспериментального бюро, мультфильмы студии «Культкино» отличались ярко выраженным шаржевым стилем и сатирическим подходом, что способствовало их популяризации среди широкой аудитории.

В 1927 году в советской России были созданы первые мультфильмы, ориентированные на детскую аудиторию, такие как «Сенька-африканец» и «Каток» (реж. Иванов-Вано). Эти работы стали важным этапом в развитии анимации, отражая процесс отделения анимации для детей от анимации, созданной в агитационных целях, которая доминировала в первые годы советской анимации (Ivanov-Vano, 1967). В данных произведениях начало проявляться внимание к образовательным и развлекательным аспектам анимации, что стало основой для формирования жанра детской анимации в советской России (Gorokhova, 2013).

Особым достижением в истории советской анимации стало создание первого советского цветного и звукового мультфильма «Почта» (1929), режиссёр – Михаил Цехановский. Этот фильм стал значимой вехой в истории анимации, поскольку впервые в советской практике был реализован синхронный звук с изображением. Этот технический шаг позволил расширить выразительные возможности анимации, а также отметил переход к новым стандартам производства мультфильмов. «Почта» получила признание не только в Советском Союзе, но и за рубежом, что подтвердило высокий уровень достижения советской анимации в мировой практике того времени (Asenin, 1986).

Таким образом, 1920-е годы стали временем значительных экспериментов и ин-

новаций в советской анимации. Этот период был отмечен как техническими новшествами – такими как использование цвета и звука в анимации, – так и существенными изменениями в жанровом и тематическом разнообразии.

Обзор публикаций

Мультипликация как объект социокультурных исследований активно используется как российскими, так и зарубежными учеными. Так, в статье В.И. Васильевой «Советская мультипликация как исторический источник: историография и подходы к изучению», опубликованной в сборнике четвертой Всероссийской молодежной научной конференции в Новосибирске, рассматривается возможность использования советской анимации в качестве исторического источника. Автор утверждает, что мультипликация, подобно кинематографу, может служить инструментом для анализа социокультурных особенностей своего времени (Vasil'eva, 2015).

Подобные исследования проводились и в контексте других культур. Например, в статье А.К. Бакуркиной «Современная анимация Чили: переосмысление травмы прошлого через искусство» (2024) рассматривается чилийская мультипликация как носитель культурных нарративов, отражающих исторический контекст периода её создания. Автор приходит к выводу, что мультипликация может быть использована для анализа ключевых социокультурных процессов и исторических изменений в Чили (Bakurkina, 2024).

Советская мультипликация как отражение культурных особенностей своей эпохи исследуется и в статье Е.А. Сертаковой (2022), в которой на примере анимационного сериала «Ну, погоди!» В. Котёночкина показано, как мультсериал отразил специфику культуры «эпохи застоя» в СССР, а также представления о социальных нормах и их нарушениях того времени (Sertakova, 2022). Это подтверждает, что мультфильмы, даже ориентированные на детскую аудиторию, несут в себе культурный код, характерный для своего времени.

Таким образом, мультипликация, как и другие формы искусства, может быть мощным инструментом для анализа социокультурных процессов, отражающих изменения в обществе и культуре разных исторических периодов, и активно используется в таком качестве в современных культурологических и искусствоведческих исследованиях.

Материалы и методы

Из мультфильмов, созданных в период с 1924 по 1929 год, для данного исследования были выбраны следующие: «Межпланетная революция» и «Китай в огне» (1924, реж. Юрий Меркулов, Николай Ходатаев, Зенон Комиссаренко), «Советские игрушки» (1925, реж. Дзига Вертов), «Сенька-африканец» и «Каток» (1927, реж. Иван Иванов-Вано), «Самоедский мальчик» (1928, реж. Николай и Ольга Ходатаевы, Валентина и Зинаида Брумберг), «Почта» (1929, реж. Михаил Цехановский). Некоторые из мультфильмов, созданные в этот период, например «Тараканище» (1927, реж. Александр Иванов), «Мойдодыр» (1927, реж. Мария Бендерская), не сохранились и считаются утерянными, соответственно, в данном исследовании они не использовались.

В качестве источника культурных нарративов данного периода был выбран журнал «Советское искусство», издававшийся в период с 1924 по 1928 год. Этот журнал был выбран по нескольким основаниям: 1) его доступность в Интернете в удобном для анализа формате; 2) массовый характер издания, регулярность публикаций (ежемесячно), несмотря на сложные условия гражданской войны; 3) его роль как важного носителя культурных нарративов, в том числе благодаря текстам, посвящённым основным тенденциям и направлениям в советском искусстве того времени. Для анализа были взяты 33 выпуска журнала с 1925 по 1928 год, доступные в сети Интернет на сайте Национальной электронной библиотеки.

Для анализа соответствия тем, затрагивающихся в мультфильмах, современным

им культурным нарративам, использовался метод тематического моделирования (topic modelling).

Тематическое моделирование (topic modelling) – это метод обработки текстов, позволяющий автоматически выявить скрытые темы в большом объёме текстовых данных. Одним из самых популярных алгоритмов для этого является LDA (Latent Dirichlet Allocation), который предполагает, что каждый документ представляет собой смесь различных тем, а каждая тема – это распределение вероятностей для слов. Суть метода заключается в том, что LDA анализирует текст и находит скрытые закономерности, группируя слова в темы, которые часто встречаются вместе в контексте конкретных документов (Jelodar, 2019). Этот подход позволяет извлекать основные тематические структуры, даже если тексты не содержат явных меток или классификаций. В рамках этого исследования метод LDA помогает выявить культурные и идеологические темы, которые были актуальны в искусстве того времени. Далее эти темы могут быть сопоставлены с теми, что затрагиваются в мультфильмах, что даёт возможность проанализировать их взаимосвязь с культурными нарративами, активно транслируемыми через различные виды искусства в советский период.

Тематическое моделирование проводилось в программной среде R Studio версии 3.2.0 на базе языка R версии 4.4.2, с использованием пакетов topicmodels, stopwords, ggplot2.

Результаты

Полученные результаты тематического моделирования (рис. 1) представляют собой набор основных терминов, характеризующих каждую из выделенных в ходе моделирования тем. В ходе моделирования было выделено четыре основные темы, соответствующие годам издания используемых выпусков журнала «Советское искусство» – тема 1925, 1926, 1927 и 1928 годов. По результатам моделирования в каждой теме выделялись семь основных терминов, для которых наблюдалась наибольшая вероят-

ность встречаемости в тексте. Анализ полученных результатов представлен на рис. 1.

Тема 1925 года отражает культурно-историческую и социальную значимость искусства, объединяя такие термины, как: «кино», «время» и «художник». Эти термины подчеркивают связь искусства с общественными процессами первых лет советской власти. Особое внимание уделяется кино как новому и массовому виду искусства, способному не только отражать изменения в обществе, но и формировать мировоззрение трудящихся. Термин «время» символизирует восприятие искусства как инструмента осмыслиения исторического момента, а «художник» акцентирует внимание на роли творца в строительстве социалистической культуры.

Тема 1926 года сосредоточена на осмыслиении категории «жизнь» в контексте советской культуры и искусства. Это выражено через ключевые термины: «жизнь»,

«время» и «искусство». Понятие «жизнь» отражает стремление советского искусства не только изображать реальность, но и активно влиять на неё, формируя новые социальные и культурные ориентиры. Возвращение к термину «время» подчеркивает историческую динамику, в которой искусство становится неотъемлемой частью преобразований общества. Преобладание термина «искусство», по сравнению с прошлым годом, выражено в представлении об искусстве как о медиаторе между идеологией и повседневностью, способствующем утверждению новых форм восприятия жизни в условиях социалистического общества.

Тема 1927 года представлена терминами, отражающими дух грядущих перемен и поиска нового в контексте советской культуры 1920-х годов. Это выражается через ключевые термины: «долг», «художник», «творец». Термин «долг» подчеркивает

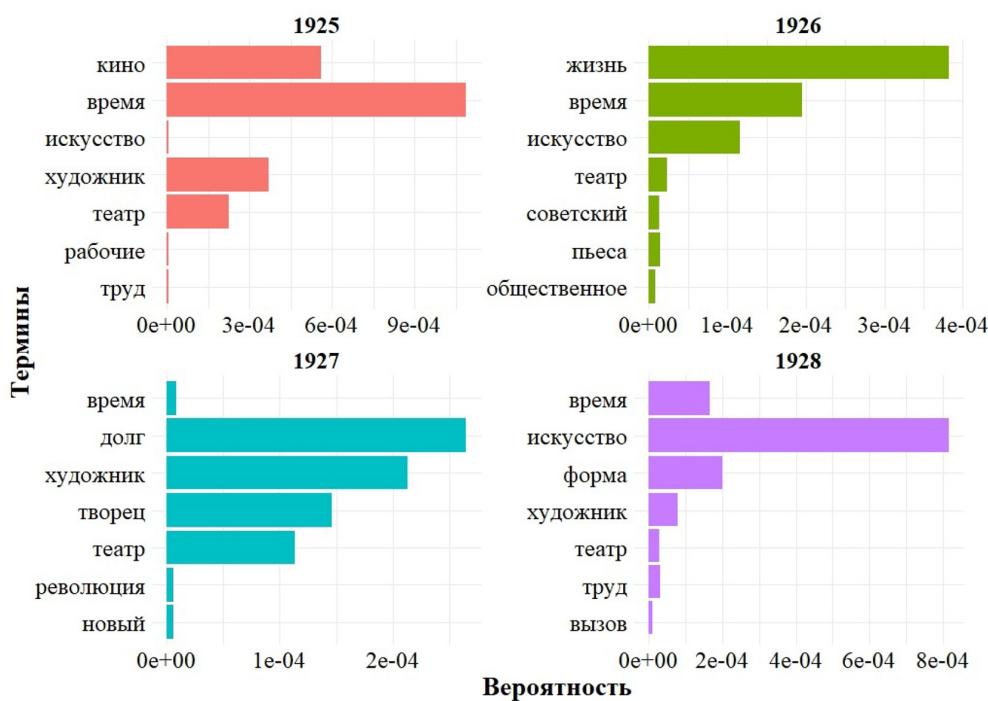

Рис. 1. Динамика распределения вероятностей ключевых терминов по выпускам журнала «Советское искусство», выделенных методом LDA

Fig. 1. Dynamics of probability distribution of key terms in the issues of the magazine "Soviet Art", identified by the LDA method

усиливающееся внимание к социальной ответственности искусства и его роли в строительстве нового общества. «Художник» и «творец» вновь ставят акцент на личности деятеля, способного через своё творчество воплощать идеалы революции и направлять культурные процессы. Этот период в истории советской культуры характеризуется поиском новых форм художественного выражения, осмыслиением роли искусства в общественной жизни и усилением акцента на коллективных задачах, стоящих перед деятелями культуры.

Тема 1928 года тесно связана с прошлыми темами набором ключевых терминов, однако теперь также подчеркивается важность искусства как средства пропаганды ключевых ценностей в советской культуре, о чём свидетельствуют такие термины, как «искусство», «время», «форма». Появление термина «форма» указывает на поиск новых художественных решений, способных эффективно передавать идеологические послания. Данный период можно охарактеризовать усилением pragматического подхода к искусству, где его ценность определяется способностью воспитывать нового человека и формировать коллективистские идеалы. Поиск новых форм выражается в стремлении к преодолению старых норм, к созданию новых средств выразительности, которые, с одной стороны, поддерживают трудовые идеалы, а с другой – ставят перед обществом задачу кардинальных изменений и улучшений в преддверии грядущей коллективизации и индустриализации.

Таким образом, динамика тем, полученных в ходе тематического моделирования, показывает важные изменения в идеологических и культурных нарративах советской России в период с 1925 по 1928 год, что связано со значительными политическими и социокультурными преобразованиями в стране в ходе текущего исторического процесса.

Для всех четырех тем ключевыми остаются термины «время» и «театр», которые занимают центральное место в культурной повестке первых лет советской власти. Однако анализ результатов тематического

моделирования показывает, что вероятность этих терминов постепенно снижается от года к году. Это может быть связано с изменением нарративов в культурной политике и расширением спектра тем, охватывающих различные аспекты искусства и социальной жизни. Это может быть связано с их переходом из доминирующих символов культуры в обыденные, встроенные в общий дискурс советской идеологии, при этом акцент сдвигается на художественные формы и идеологическое содержание искусства.

Интересная связь прослеживается между выделенными темами (1925–1928 гг.) и выразительными средствами советских мультифильмов (1924–1929 гг.). Для первых советских мультифильмов характерны реалистичные и одновременно упрощённые до некоторых простейших символов образы, призванные максимально чётко отражать текущие культурные нарративы. Мультипликация этого периода стремилась отразить трудовой героизм, пролетарскую идентичность, подчёркивая мощь рабочего класса и успех идей колlettivизма. С акцентом на нарративы «жизни», «времени» и «искусства» эти темы близки мультильмам, использующим аллегорические сюжеты для отражения реальных исторических событий.

Так, наиболее ранние из исследуемых мультифильмов – «Межпланетная революция», «Китай в огне» (1924, реж. Юрий Меркулов, Николай Ходатаев, Зенон Комиссаренко) и «Советские игрушки» (1925, реж. Дзига Вертов) – носят агитационный характер, представляя собой «мультипликационные плакаты». Мультильмы посвящены карикатурному и гротескному изображению идеологических оппонентов СССР – условных «буржуев». Мультильмы «Межпланетная революция» и «Советские игрушки» посвящены борьбе «советского человека», красноармейца, с врагами социалистического строя, в то время как «Китай в огне» описывает исторические события, происходящие в Китае 1920-х годов, с упором на необходимость революции в Китае и союза с СССР. Термин «время»,

особенно характерный для темы 1925 года, находит репрезентацию в мультипликации этих мультфильмов. Например, «Китай в огне» посвящен осмыслению исторических событий в Китае – гражданская революция и солидарность советского пролетариата в единой борьбе за дело рабочего класса. Мультфильм «Межпланетная революция», напротив, обращен в будущее, где к 1929 году капиталисты, опасаясь неминуемо наступающей мировой революции, решают покинуть существующий мир и переселиться на другую планету, неизбежно преследуемые развитым советским обществом. Оба этих мультфильма представляют собой осмысление текущих или прогнозирование последующих событий, что коррелирует с преобладанием нарратива «время» в теме данного периода.

В дальнейшем, с поиском новых форм выразительности, в советской анимации начинаются эксперименты: отсылки к авангардному искусству, поиск уникальных способов выразить революционные идеи, а также переход к технике рисованной анимации. Мультфильмы, создававшиеся в этот период, часто использовали образ рабочего как единственного героя, который с помощью труда не только меняет окружающий мир, но и формирует новое общество. Для ранней советской анимации подчёркивающая важность искусства как пропагандистского инструмента перекликается с тенденциями в анимации, где «форма» становилась средством визуальной агитации. Простота линий, выразительность образов и ясность сюжета способствовали эффективной передаче идеологических посланий и легкому тиражированию. «Время» в анимации этого периода, безусловно, трактуется как движение вперёд – к социалистическому будущему.

Следующие по хронологии мультфильмы – «Сенька-африканец» и «Каток» (1927, реж. Иван Иванов-Вано).

«Сенька-африканец» – наименее агитационный из всех исследуемых мультфильмов, посвящён фантастическому путешествию пионера Сеньки внутрь книги об Африке, его встрече с добрым кроко-

дилом, стремящимся вернуться на родину, и со злым аборигеном-людоедом. Этот мультфильм символизирует стремление советской культуры к познанию нового, освоению неизведанных горизонтов, формированию глобального советского мировоззрения в контексте мировой революции. В качестве средств выразительности используются фантастические элементы в сюжете, а также смешанная техника – эпизоды с реальными людьми чередуются с эпизодами, выполненными в технике рисованной анимации. Выбор техники коррелирует с культурным нарративом «нового», представленным в теме этого года. Режиссёр мультфильма, Иван Иванов-Вано, впоследствии станет известным советским мультипликатором, создавшим множество детских мультфильмов. В то же время даже столь фантастический мультфильм не обошла стороной агитационная повестка, характерная для мультфильмов этого периода – например, в финальной сцене самолёт, на котором крокодил спасает Сеньку от съедения людоедами, разбивается о купол храма Христа-Спасителя. Культурные нарративы, транслируемые в этом мультфильме, соответствуют нарративам, полученным в ходе тематического моделирования – «время», «долг», «жизнь». Даже тот факт, что мультфильм принимает новую, менее агитационную форму, во многом благодаря деятельности режиссёра коррелирует с культурным нарративом «художника» и «творца», характерных для этого времени – даже на уровне зарождающейся советской мультипликации роль творца напрямую влияет на транслирующиеся идеалы.

«Каток» – единственный мультфильм, полностью выполненный с помощью гораздо более трудоемкой для того времени техники рисованной анимации. Это коррелирует с будущей темой 1928 года – поиском новых форм и выражений. Сюжет мультфильма, в котором мальчик в будёновке спасает фигуристку от угнетения со стороны капиталиста, метафорически отражает социальные и идеологические трансформации. Его действия – символ готовности индивида встать на защиту обще-

ственных ценностей и бороться за справедливость. Здесь снова находится корреляция с важностью личности и её ролью в преобразовании мира – так же, как и термины из темы 1927 года, «художник» и «творец» символизируют роль личности в искусстве. Культурный нарратив «долг» этого периода, выявленный в ходе моделирования, соответствует агитационному сюжету мультильма, где личность – советский мальчик – выступает защитником уязвимых.

В мультильме «Самоедский мальчик» (1928, реж. Николай и Ольга Ходатаевы, Валентина и Зинаида Брумберг) через карикатурные образы и метафоры описываются сложные социальные и идеологические процессы, в данном случае продвижение идей колlettivизма, национального многообразия и развивающей роли созидательного труда. В мультильме рассказывается история героя из коренного народа самоедов, поступающего на рабочий факультет в университет и мечтающего вернуться домой и преобразовать родные места в соответствии с привитыми идеалами. Тематика мультильма коррелирует с терминами «время», «долг», «труд» и «вызов», характерными для тем периода, в который создавался мультильм (1927–1928 гг.).

Последний из исследуемых мультильмов – «Почта» (1929, реж. Михаил Цехановский) – ясно отражает нарратив поиска новой «формы», поскольку это первый цветной, озвученный советский мультильм. Помимо этого, термин «новый»,

происходящий из предыдущих лет (1927 г.), раскрывается через повествование. Сюжет о письме, путешествующем за Борисом Прутковым по разным странам и догоняющим его только в Ленинграде, олицетворяет идею поиска, движения, но в то же время возвращения к исходной форме. Этот рассказ, основанный на стихотворении Маршака, отражает культурные процессы советской эпохи, когда важной задачей искусства становилось не только расширение горизонтов, но и возвращение накопленного опыта на службу обществу, что подкрепляется выделенными нарративами этого периода – «вызов» и «долг».

Заключение

Анимация, как ещё одна форма визуального искусства, близкая по свойствам и средствам выразительности кинематографу, театру и рисунку, не может не существовать в социокультурном контексте текущего исторического периода. Данное исследование с помощью методов тематического моделирования доказывает, что ранняя советская анимация 1920-х годов также является важным носителем основных культурных нарративов этой эпохи. Все проанализированные мультильмы так или иначе коррелировали с главными темами, выделенными в ходе моделирования, а разбиение тем по годам позволило уточнить каждый из исследуемых мультильмов в контексте культурных нарративов соответствующего созданию мультильма периоду.

Список литературы / References

- Asenin S. *The World of Animation: Ideas and Images of Animated Cinema in Socialist Countries*. Moscow, 1986. 300.
- Bakurkina A. K., Sertakova E. A. Contemporary Chile Animation: Rethinking The Trauma of the Past Through Art. In: *Asia, America and Africa: History and Modernity*, 2024, 3(3), 30–48. EDN PNJCMO.
- Gorokhova O. V. Transformation of the Image of the Child in Domestic Animation of the 1920s-1940s. In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, 1(4), 262–266.
- Gulyaeva A. S. History of Animation. In: *World Science: Problems and Innovations: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Penza, October 27, 2016*, MTSNS, 2016, 45–47. EDN WXXZAL.
- Ivanov-Vano I. P. *Essays on the History of Animation Development (Before World War II)*. Moscow, 1967. 250.

- Jelodar H., Wang Y., Yuan C. et al. Latent Dirichlet allocation (LDA) and topic modeling: models, applications, a survey. In: *Multimed Tools Appl*, 2019, 78(10), 15169–15211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-018-6894-4>
- Petrukhina O. V. Applied Animation in Russia at the Turn of the 1920s-1930s: In the Context of the Synthesis of Artistic, Ideological, and Sociocultural Transformations. In: *Culture and Art*, 2019, 1, 33–41.
- Sergeeva N. A. Methodological Approaches to Research Visual Culture. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2023, 7(3), 37–43. EDN NCLRXL.
- Sertakova E. A. The Animated Series “Well, Wait!” V. Kotenochkin as an Ironic Reflection of Late-Soviet Culture. In: *Siberian Journal of Art History*, 2022, 1(2), 1–7. DOI 10.31804/2782–4926–2022–1–2–01–07. EDN FQZDUW.
- Vasil'eva V. P. Soviet Animation as a Historical Source: Historiography and Approaches to Its Study. In: *Current Problems of Historical Research: The View of Young Scholars: Proceedings of the 4th All-Russian Youth Scientific Conference, Novosibirsk, August 20, 2016 – August 22, 2015*. Moscow, 2015, 254–260. EDN VMXIBJ.

EDN: TVVGFE
УДК 811.51

On the Anthroponyms' System of the Samoyedic Peoples of the North

Alexander A. Petrov^a and Veronica A. Razumovskaya^{b*}

^a*Herzen University*

Saint Petersburg, Russian Federation

^b*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 24.10.2024, received in revised form 26.10.2024, accepted 12.01.2025

Abstract. The purpose of this article is to study the anthroponyms of the Samoyedic peoples of the North of Taimyr in synchronic and diachronic aspects. The authors study the circulation of personal names, surnames, nicknames, ethnonyms in the Uralic languages of the Samoyedic peoples (Nenets, Enets, Nganasans) in an inextricable connection with their ethnic culture. The comparative-contrastive analysis includes anthroponyms of other northern and Siberian ethnic groups: Tuvans, Yakuts, Nanais, Chukchi, Udege, etc. The object of the study is anthroponyms, as well as linguistic connections between the Samoyedic peoples of the North of Taimyr and Russians in historical development from the standpoint of modern linguistic contactology. The subject of the research is personal names, surnames, nicknames, ethnonyms of the indigenous peoples of the North of Taimyr: Nenets, Enets, Nganasans. The purpose and objectives of the study: to provide a comprehensive description of the anthroponyms of the small-numbered Samoyedic peoples of Taimyr; to conduct a comparative analysis; to determine the main features of anthroponyms' circulation and wordbuilding in close connection with material and spiritual culture. The scientific novelty, theoretical and practical significance of the study is associated with the lack of special scientific works devoted to the problem of anthroponyms in a comparative aspect. Special attention is also paid to the contact of languages and cultures in one of the vast regions of the North, Siberia and the Arctic of the Russian Federation – the Taimyr Peninsula. The material is based on the authors' field materials, as well as conversations with students and teachers of the Institute of Peoples of the North of the Herzen University, i.e. speakers of the Taimyr native languages and ethnic cultures. Since the informants were polylingual, possible assimilation processes and the degree of their significance for the indigenous people of the North were taken into account during the linguistic analysis of the factual material. Research methods: descriptive, comparative, phonetic and lexical-semantic analysis. The results of the work revealed facts that stated that personal names, surnames, nicknames and ethnonyms of the peoples of the North of Taimyr are distinguished by great diversity, and their origin is associated with the peculiarities of the material and spiritual culture of ethnic

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: veronica_raz@hotmail.com

groups; among the extralinguistic factors that influenced the linguistic material, one of the main ones was close communication of the indigenous people with the Russian population of the region. The article takes into account the published works on onomastics of famous Russian linguists and ethnographers who studied the peoples of the Ural language community: A. A. Popov, B. O. Dolgikh, N. M. Tereshchenko, M. Ya. Barmich, L. V. Khomich, G. N. Gracheva, G. I. Vanuito and others. Other sources of the studied material include dictionaries, monographs, articles, textbooks on the language, ethnography and folklore of the peoples of the North and the Russian population of Siberia and the Arctic. The author comes to the conclusion that the studied material – anthroponyms has gone through a difficult path of contact, mutual enrichment and development; borrowed words reveal phonetic and lexical differences.

Keywords: languages of the Nenets, Enets and Nganasans, Russian language, anthroponyms, language contacts.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies); Ethnography; Theoretical, Applied, Comparative and Contrastive Linguistics.

Citation: Petrov A.A., Razumovskaya V.A. On the Anthroponyms' System of the Samoyedic Peoples of the North. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 250–262.
EDN: TVVGFE

О системе антропонимов самодийских народов Севера

А.А. Петров^a, В.А. Разумовская^b

^aРоссийский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Российская Федерация, Санкт-Петербург

^bСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование антропонимов самодийских народов Севера Таймыра в синхронном и диахроническом аспектах. Авторы изучают проблему бытования личных имён, фамилий, прозвищ, этнонимов в уральских языках у самодийских народов: ненцев, энцев, нганасан в неразрывной связи с их этнической культурой. Рассмотрены основные особенности бытования антропонимов. В сравнительно-сопоставительном плане привлекаются антропонимы других северных и сибирских этносов: тувинцев, якутов, нанайцев, чукчей, удэгейцев и др. *Объектом исследования* выступают антропонимы, а также языковые связи самодийских народов Севера Таймыра и русских в историческом развитии с позиций современной лингвистической контактологии. *Предмет исследования* – личные имена, фамилии, прозвища, этнонимы коренных малочисленных народов Севера Таймыра: ненцев, энцев, нганасан. *Цель и задачи исследования:* дать комплексное описание антропонимов малочисленных самодийских народов Таймыра, провести сравнительный анализ, а также определить основные особенности бытования и образования в тесной

связи с их материальной и духовной культурой. *Научная новизна*, теоретическая и практическая значимость исследования связаны с малой степенью его изученности, отсутствием специальных научных работ, посвященных проблеме антропонимов в компаративистском аспекте. Уделено внимание и контактированию языков и культур в одном из обширных регионов Севера, Сибири и Арктики Российской Федерации – Таймырском полуострове. Материалом статьи послужили полевые данные авторов, а также беседы со студентами и преподавателями Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена – носителями родных языков и этнических культур. В связи с тем, что информанты были полилингвами, при лингвистическом анализе фактического материала учитывались возможные процессы ассимиляции и степень их значимости для коренных жителей Севера. *Методы исследования*: описательный, сравнительно-сопоставительный, фонетический и лексико-семантический анализы. *Результаты работы* выявили факты, которые констатировали, что личные имена, фамилии, прозвища и этнонимы народов Севера Таймыра отличаются большим многообразием, а их происхождение и бытование связаны с особенностями материальной и духовной культуры этносов; среди экстралингвистических факторов, повлиявших на языковой материал, одним из основных явилось близкое общение коренных жителей с русским населением региона. В статье учтены опубликованные труды по ономастике известных отечественных учёных лингвистов и этнографов, исследовавших народы уральской языковой общности: А. А. Попова, Б. О. Долгих, Н. М. Терещенко, М. Я. Бармич, Л. В. Хомич, Г. Н. Грачевой, Г. И. Вануйто и др. Вместе с тем при написании статьи привлекались другие многообразные источники: словари, монографии, статьи, учебные пособия по языку, этнографии и фольклору народов Севера и русского населения Сибири и Арктики. Авторы приходят к выводам о том, что исследуемый материал – антропонимы – прошёл непростой путь контактирования, взаимообогащения и развития; в заимствованных словах обнаруживаются прежде всего фонетические и лексические различия.

Ключевые слова: языки ненцев, энцев, нганасан, русский язык, антропонимы, языковые контакты.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Петров А. А., Разумовская В. А. О системе антропонимов самодийских народов Севера. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 250–262. EDN: TVVGFE

Introduction

The article examines the problems of anthroponyms of small-numbered Samoyedic peoples of the North of Taymyr in synchronic and diachronic aspects. The author studies the names, patronymics, surnames, nicknames of the Nenets, Enets, Nganasans and, in comparative terms, those of other peoples of the North, Siberia and the Arctic: Eskimos, Chukchi, Nanai, Udege, Koryaks, Tuvinians, Yakuts and others. In the course of the research, there were used materials

in Russian, the language of the main ethnic group of the Russian Federation.

The corpus of the work includes materials on the languages and spiritual culture of the Uralic (Samoyedic) peoples of the North, Siberia, and the Arctic.

The article is addressed to researchers in scientific and educational centres engaged in the study and teaching of languages and cultures of northern ethnic groups, teachers and students of colleges and universities.

The problem of studying ethnonyms, personal names and surnames of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation remains an understudied area of onomastics and represents an interesting area of language science. Anthroponyms (or *onyms*) are any proper names of a person (name, patronymic, surname, nickname). The indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, including the peoples of the Taymir, have very diverse onyms with their own ethnic specificity.

Scientific articles and monographs on anthroponomy of small-numbered indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East were published throughout the 20th century and in the first quarter of the 21st century in the central and regional publishing houses of the country. These are the works devoted to Nenets by N.M. Tereshchenko, L.V. Khomich, M.Ya. Barmich, L.P. Nenyang, G.I. Vanuito; on Enets – by B.O. Dolgikh; on Nganasans – by G.N. Gracheva, N.M. Tereshchenko, L.V. Khomich and others.

However, in the present work the author for the first time has made an attempt to undertake a general review, description and analysis of anthroponyms of the peoples of the North of Taymyr on the material of the language and culture of the Samoyedic peoples: the Nenets, Enets, Nganasans; they are compared with the anthroponyms in the languages of Tungus-Manchurian, Turkic and Paleo-Asian peoples.

The article is based on published materials on the topic, as well as the results of oral interviews and personal observations of the author's forty years of experience with students – representatives of the indigenous peoples of the North at the Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University.

Anthroponyms are of great scientific interest from various points of view: morphological structure, lexical semantics, principles of nomination, ways of their formation, peculiarities of functioning and other.

The authors are very grateful to the colleagues – teachers and scholars, graduates of the Faculty of the Peoples of the Far North/ Institute of the Peoples of the North of the

Herzen University, who provided great consultative assistance, new factual material and interpretations of the etymologies of personal names, surnames and nicknames of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Nadezhda Bulatova (Nikifirova) (Evenki), Elizaveta Afanasyeva (Evenki), Lyubov Zaksor (Nanai), Olga Petrova (Valdu) (Ulch), Marina Odzyal (Ulch), Vladislav Rintetegin (Chukchi), Svetlana Chernyshova (Evenki), Anna Chayko (Khardeni) (Evenki), Sardana Sharina (Evenki), Paraskovya Boitunova (Kittakhina) (Chukchi), Elena Pushkaryova (Lapsui) (Nenets), Victoria Valenkova (Vanuito) (Nenets), Galina Vanuito (Nenets), Larisa Bettu (Dolgan), Daria Bolina (Enets), etc., and others.

Materials and methods

Uralic languages. Samoyed peoples

Nenets

The formation of Nenets' national names was influenced by natural conditions, way of life, people's occupations and their beliefs. As L.P. Nenyang notes, "Nenets personal names are a valuable source of knowledge for those who study the history of this people, its material and spiritual culture, everyday life and religious beliefs, psychological features" (Nenyang, 1996: 3). She further writes that names were given in connection with the circumstances of the child's birth: good or bad weather, a successful trade, a sonorous word accidentally heard by the parents, someone's arrival or departure, a remarkable event, an interesting incident: a daughter was born during someone's wedding may be given the name *Tiuseine* (of wedding, born during the wedding). A son born during a nomadic journey is likely to be called *Miusena* (born on the way); if the first cry of a baby girl was drowned out by a blizzard, she would be called *Khadne* (a woman-blizzard) (Nenyang, 1996: 6–7). Often the name was given in connection with geographical features of the area, by association with plants and animals, surrounding objects: *Yakhako* – river, *Nero* – osier bed, shrubbery, *Khoiko* – mountain ridge, *Nokho* – Arctic fox, *Limbia* – Eagle, *Piasik* – a buckle in reindeer harness, *Siobia* – hood, and so on.

A number of Nenets names are connected with physical features of a child: *Pukri* – long-legged, *Yenne* – light-haired, *Sevne* – sharp-eyed, big-eyed, etc.; with behaviour of a child: *Merete* – fast, *Chusi* – lazy, *Sata* – spry, working, *Parombada* – hurried, hasty, etc. The names of such kins as *Vai*, *Lapsui*, *Nyarui*, *Puiko* can be nowadays both a name and a surname.

The Nenets also had a custom of giving children a temporary name (nickname), which was replaced by a new adult name at 7–9 years of age (Nenyang, 1996: 10–11). Unlike the Nenets, the Yakuts (Sakha) did not have a temporary nickname, but retained it for the rest of their lives. Cf.: nicknames, by which a particular man or woman was clearly identified, exist in almost every settlement in the village, in the naslegs (administrative districts) of uluses of the Republic of Sakha (Yakutia): *Uhun Maaya* – long (high) Maya, *Kychchaṣar* – squint-eyed, *Suoppar Baibal* – chauffeur Pavel, *Haarbakh Bγøkke* – unreliable Peter, *Katit Kateriine* – wide Ekaterina, *Uulaakh Uybaan* – sleepy Ivan, *Suon Suoppuya* – fat Sophia, *Yrya Ylda* – singer Ilya (literally Yrya means song), *Bayan Baaska* – Vasily, accordion musician, *Kuzbas* – Kuzmin Vasily, *Myndyr Uus* – inquisitive, clever master, *Uran uus* – special master, *Kylar Maappa* – slanting Marfa, *Tyllaah Huopuya* – sharp-tongued Sofya (lit. *Tyl* means tongue), *Madiañar Baaska* – lame Vas'ka, etc.

M. Y. Barmich devoted a special article to the semantics of Nenets personal names (Barmich, 1980) and classified the names into 11 groups. At the same time, she remarks that “in the Nenets past, according to the unwritten law, each kin had its own oral code of personal names of people, which was not used by another kin” (Barmich, 1980: 84). Let us give examples: 1. Names connected with appearance and clothes: *Aita*, *Ngaita* – fat, obese, *Khokholia* – stout, *Iamtako* – thin, etc. (Barmich, 1980: 86); 2. Names expressing the mental and physical state of a person: *Patu* – tired, *Khanui* – sick, *Ibiti* – clever, etc. (Barmich, 1980: 88–89); 3. Personal names connected with the human body parts and with the names of specific objects of the surrounding reality: *Ai*, *Ae* – body, *Evko* – head, *Pad* – sack, *Iadku* – sewing board,

Kum – barn, etc. (Barmich, 1980: 89–90); 4. Names indicating the sex of a person: *Neklia* – woman, *Ocheni* – small woman, *Kosoma* – man, etc. (Barmich, 1980: 91–92); 5. Personal names connected with ethnonyms: *Amaku* – mummy, *Piakli* – given after the name of the Piak family, *Lar* – after the name of the Lar family, *Khabi* – name from the word ‘Khanty’, etc. (Barmich, 1980: 93); 6. Personal names formed from the names of animals and flora: *Khariuchi* – crane, *Niunia* – loon, *Khalu* – partridge, *Kalku* – small fish, *Laburo* – butterfly, etc. (Barmich, 1980: 94); 7. Names indicating the place, time of the child's birth or an event connected with it: *Liopchi* – a girl born on a flat place was called so, *Ngesoda* – rising (the child was born when chums were put up), *Muiduma* – flood (the child was born during the flood of rivers), etc. (Barmich, 1980: 95); 8. Names reflecting the economic activity of the Nenets: *Eva* – shepherd, *Malkriav* – the name is derived from the verb *malkurts* – to guard, to guard reindeer in the daytime, *Terango* – to select reindeer, etc. (Barmich, 1980: 96–97); 9. Names connected with religious ideas of Nenets: *Abu* – strong, evil spirit, *Taku* – the name of a child born as if to replace a dead one, etc. (Barmich, 1980: 97); 10. Names given to a child by the first pronounced sounds in imitation of someone or something: *Aoi* – singing as a duck, *Avvo* – from imitation of a dog's barking, *Khys* – interjection requiring silence, etc. (Barmich, 1980: 98); 11. Names indicating the appearance of new family members and their attitude to them: *Ateli* – the name is formed from the verb *ngatelts* – to start waiting (perhaps it was the first baby in the family, the appearance of which everyone expected); *Iab* – happiness, good luck, etc.) (Barmich, 1980: 98–99).

Borrowed Russian names also became widespread among the Nenets as a result of the activities of Orthodox missionaries in the North: *Andron*, *Yakov*, *Marfa*, *Evdokia*, *Maria*, *Fedorisa*, *Ulyana* and others. Many names have undergone transformation according to the laws of the Nenets language and have become independent names: *Alyo* – Alexei, *El'ka* – Ilya, *Naya* – Nadia, *Nadezhda*, *Semia* – Semyon, *Marane* – Tamara, *Enka* – Gennady, *Volo* – Vladimir, *Natu* – Natalia, etc.

G. I. Vanuito in the introduction to “The Dictionary of Nenets personal names” writes: “The traditional anthroponymic system of the Nenets was a combination of personal nicknames with a kin name. The personal nickname performed the leading role in naming: it served to distinguish individuals united by a kin name. Due to the absence of written monuments of the early period of the Nenets’ history, it is difficult to make claims about their ancient onomastics. However, the names of ancestors have been preserved in the people’s memory since ancient times. According to the unwritten law of the Nenets, each kin had its own oral set of personal names, which could not be used by another kin. The reason for choosing a name among the Nenets was various psychological and physical features of a person; certain events; seasonal characteristics of nature at the time of the child’s birth; beliefs and traditions of the people; names of flora and fauna, objects, tools; the child’s behaviour, appearance; features of childhood age, etc.” (Vanuito, 2002: 4).

Further, admitting the influence of the Russian language and culture, she writes: “Significant changes in the anthroponymic system of the indigenous small-numbered peoples of the North began in the 1920s. At first, the influence of the Russian anthroponymic system was only the penetration of some Russian names into the traditional anthroponymic system of the Nenets. The names were altered according to the norms of their native language: *Shurka – Siurka, Pashka – Paska, Fedyo Peio*. Later, as the number of borrowings increased, the traditional anthroponymic system began to change towards convergence with the Russian one. This process became especially intensive in the late 1930s due to the introduction of passports for the indigenous peoples in the Far North. The Russian anthroponymic system of the Nenets of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug is one of the components of the national anthroponomy, in which much is based on their native anthroponymic material. By the 1960s, the anthroponymic system of the Nenets had represented a transition from the traditional to the Russian system: first name, patronymic and surname. The first name could be a proper name, the patronymic could be a father’s name,

and the surname – a kin name. It should be noted that nicknames are called names on the grounds that they are recorded as names in official documents. There is still a great stability of Nenets national names in the conditions of the Russian anthroponymic system” (Vanuito, 2002: 3–4). The author, as well as other researchers, points out that “in recent years, there has been a desire among young people to introduce their national names into official life. In addition to national names, national patronymics formed ‘according to the Russian model’ are also used. In this case, the following variants are possible: ‘Nenets name + Nenets patronymic + Nenets surname’ (*Khambako Nianotevich Lapsui*), “Nenets name + Russian patronymic + Nenets surname” (*Evane Alekseevna Yar*), “Russian name + Russian patronymic + Nenets surname” (*Victoria Vladimirovna Yar*), “Russian name + Nenets patronymic + Nenets surname” (*Galina Podovna Yar*)” (Vanuito, 2002: 4–5).

From the etymologies given by G. I. Vanuito: from *Vadio* – male patronymic – *Vadiovich*, female – *Vadiovna*. Derivatives: *Vadioko*, *Vadiokotsia*, *Vadiotsia*. (from *vadios* – to remain without smth) (Vanuito, 2002: 9); *Vadiot*, male patronymic – *Vadetovich*, *Vadetovna*. Derivatives: *Vadiotako*, *Vadiotakotsi*, *Vadiotko*, *Vadiotatsiakotsia* (from *vadeta* – famous, renowned) (Vanuito, 2002: 11), etc.

Among the names of students and teachers of the Institute of the Peoples of the North of Herzen Russian State Pedagogical University we also find some interesting examples: *Lapsui* (according to the etymology of L. P. Nenyang – stubby (Nenyang, 1996: 37); according to the oral report of Nenets V. V. Valenkova (Vanuito) – “broken off, cracked (about a tree)”; according to the explanation of E. T. Pushkariova (Lapsui): “saved, protected”. Etymology is connected with the plot of the legend about how the boy was saved from enemies: he was hidden by his grandmother, tamped tightly with snow cover. *Serotetto* – white-deered, one who has many white reindeer. *Okotetto* – one who has many deer. *Tesido* – one who has no deer. *Vanuito* – having strong roots, cf.: *vanu* – root. *Kheno* – quiet, calm. *Pyrerka* – pike-like. *Susoi* – born with charisma, cf.: *su* – breed, build, charisma; *soias'* – to be born.

Nenets Victoria Vasilieva Valenkova (Vanuito), Nenets language teacher, assistant of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature of Institute of the North Peoples of Herzen University cites the following Nenets names and their etymology: *Ader* – inhabitant of the island, *Aivaseda* – without a head (chief), *Anagurichi* – boat stern, *Vanuito* – snag (root), *Vengo* – dog's ear, *Vora (Vyrra)* – stubborn (brushes on deer's feet), *Lambai* – crooked horns (branching antlers), *Lambdo* – low, *Laptander* – living on the plain, *Lapsui* – showing the way, *Nenyang* – mosquito, *Nerkagy* – ernik (tundra birch), *Niarui* – bald (clear water), *Niach* – friend, *Okotetto* – many reindeer, *Piak* – stick (tree), forest, foresters, *Pyrerkо* (*Pyrirkо*) – pike (pike-like), *Salinder* – inhabitant (cape dweller), *Segoi* – singing mountain, *Serotetto* – rich in white deer, *Tior* – shout, *Tibichi* – old (toothy), *Togoi* – cloth, *Tusida* – without fire (without hearth), *Tesida (Tesido)* – without reindeer (destitute), *Khabdiu* – bubble, *Khariuchi* – crooked (stern of something), or crane, *Khudi* – bird, *Kheno (Khenu)* – reindeer sled, *Iadne* – on foot (pedestrian), *Iaptik* – pile, *Iaptunai* – goose's paw, *Yar* – crying. At the same time, she notes that the interpretation depends on the area where the Nenets live. Thus, crane is universally denoted by the noun *khario* (phonetic variants *khare*, *khariu*). Most of these names act as surnames, at the same time, these names are predominantly Russian. Among the students of the Institute there are: *Arkady Aivaseda*, *Victoria Vanuito*, *Irina Vengo*, *Roza Tibichi*, *Leonid Khudi*, *Alexei Taibarei*, *Irina Kheno*, *Nina Yadne*, *Galina Yar*, etc.

One of the first researchers of Nenets names L. V. Khomich found that "in the past, Nenets had proper names, mostly formed from generic names, so they are freely translatable: *Serako* – whitish, *Edeikhasavo* – new man, *Savane* – good woman, *Pirtsiaiko* – tall, etc." (Khomich, 1973: 153). She noted that these were nicknames, and real names (*nenei nium'*), as a rule, could not be translated. The author specifically mentioned that "the giving of a name was related to the circumstances of birth and the appearance of the child, and the proper names of adults were not used by persons younger than them; in general, their use was

limited" (Khomich, 1973). She also cites cases when Nenets used names characteristic of the peoples of the Paleo-Asiatic language family living far in the north-east of Asia. These are, in particular, Eskimo, Koryak, Chukchi names and self-names of the Yukaghirs: *Ama (amo)* – wolf (Esq.), *Ara* – shout (Esq.), *Appa (apa)* – grandfather (Esq.), *Pana* – spear (Esq.), *Yl'va* – wild deer (Kor., Chuk.). At the same time, the author states that "some Nenets names are found among the Eskimos: *Atko* (cf.: *atku* – upper garment made of fur (Eskimo-Russian Dictionary: 100)), *Atliu*, *Egaliu*, *Ikla*, *Ili*, *Kailia*, *Kanglia* (cf. *kangliaka* – to surround, encircle (Eskimo-Russian Dictionary: 201)), *Liu* (cf.: *l'u* – slingshot (Eskimo-Russian Dictionary: 100)), *Maina* (cf.: *mainy* – skinny (Eskimo-Russian Dictionary: 310)), *Nana* (cf.: *nanaga* – polar bear cub (Eskimo-Russian Dictionary: 100)), etc.), and others. The name *Odu* makes us remember the self-name of the Yukaghirs' (Eskimo-Russian Dictionary: 154). Taking advantage of the data of S. V. Ivanov about the spread of Eskimo ornamentation up to the Yenisei, L. V. Khomich suggests ancient contacts of the Nenets (Uralic peoples) with the Chukchi, Kamchatka, and Yukaghir peoples of the Paleo-Asiatic linguistic community (Eskimo-Russian Dictionary: 155).

Z. N. Kupriyanova records some Nenets names found in folklore works: *Morrode*, *Yabta Salya*, *Lad Sir*, *Vai*, *Nositeta*, *Lidigako*, etc. (Epic songs of the Nenets, 1965: 39, 45, 50, 53, etc.).

Enets

The issues of ethnic kins of the Enets were studied by B.O. Dolgikh (Dolgikh, 1946). There are no special works that studied the anthroponyms of Enets.

Since nowadays there are practically no Enets speakers left, we have only materials kindly provided to us by Daria Spiridonovna Bolina. We present this information as edited by D. S. Bolina herself dated 10 January 2024: "Taking into account that at the end of 18th-19th centuries there was forced Christianisation of the aboriginal population living in the northern territories, and it was carried out with the pragmatic purpose of strengthening the Russian

statehood and creating a vector of economic ideological, cultural orientation, modern Enets (both forest and tundra) have Russian names and surnames; or surnames similar to Russian ones. Why those or other Enets families, converted to Christianity, received those or other surnames is not always clear. We have never dealt with this issue specifically. There are just some explanations of old people.

“Here is how my mother Vera Fyodorovna Bolina, born Lyrmyna (Nenets by nationality), explained the origin of the surname ‘Bolin’ to me: *Pia mogadi* – forest people. Enets living in the forest tundra, using firewood (logs) to heat their dwellings. They explained to the newcomers the origin of their clan from firewood, logs: ‘The name of my family is connected with wood, firewood, log which sounds as ‘poleno’. That’s where we got the surname Boliny from’. The origin of the surname Silkins (kin Bai) was explained as ‘people strong, rich’. This is a folk explanation of the origin of surnames. And on how the surnames were actually given to the Enets kins, I think that this question should be addressed to the studies of scientists – ethnographers who were engaged in the ethnogenesis of Siberian and northern (Samoyedic) peoples. As for names, there was a time when Enets gave their children their national names. The given names are the names of Enets – people, mostly known to us, who have lived in Potapovo, Vorontsovo in 20th-21st centuries. What did the Enets think about on the eve of the birth of a child? Of course, every person wanted their child to be born easily and live a happy, beautiful, lucky life. But it was not customary to think about the name before the child was born. Therefore, the name was given to the baby after its birth. The choice of a name could be connected with the circumstances of birth: the weather at the time of birth, the place where the baby was born, the child’s peculiarities, both physical and characteristic qualities: shouty, quiet, restless, etc. Enets’ names belong to a specific person and are not repeated:

Puiaku – nose (it is possible that the child’s nose was large or, on the contrary, very small); *Turi* – trumpeting (obviously the child shouted a lot, ‘trumpeted’); *Liauli* – fighting, stroppy; *Korali* – stubborn; *Shurnia* – fidgety;

Dehalia – small perch, twin; *Diogali* – one-eyed; *Chiba* – light; *Biakshi* – without neck; *Poshi* – round (fat); *Nalia* – ruddy; *Togi* – born with blue colour; *Botane* – surplus, burden (not quite, obviously, a desirable child); *Khetaku* – born on the river Khete; *Kazune* – born in a blizzard; *Syrane* – snow girl; *Kaiane* – sunny girl; *Liulia* – pet name (etymology is unclear); *Kakane* – pet name for a girl; *Liacha* – pet name for a girl (etymology is unclear);

As the child grew up, the name could change, but this did not always happen. Most often it happened when the growing child began to show changes in character, in appearance:

Katyku – a girl (the name of a grown-up girl *katy* – girl, maiden); *Diatane* – thin slender (woman); *Diarane* – childless; *Kone* – slender as a birch tree woman; *Piadakhaz* – woodcutter (an enthusiast of collecting firewood); *Tetako* – chosen, selected; *Bat* – promising; *Nibi* – spider (this was the name of one of women in Potapovo, obviously resembling a spider by some qualities”).

Nganasans

N.M. Tereshchenko believed that “due to the remoteness of the habitat of this people (northern areas of the Taymyr Peninsula) it was not touched by the activities of the Orthodox mission under Tsarism. Since the Nganasans were not subjected to Christianisation, they naturally did not have church names given at baptism. Until very recently, the proper names of the Nganasans were formed almost exclusively by means of their native language. The number of proper names among the Nganasans is almost unlimited, there were only few repetitions” (Tereshchenko, 1986: 223). Usually, the name of a newborn was chosen by one of close relatives: mother, father, most often grandmother. There were cases when a shaman selected a proper name. According to the Nganasan custom, a child receives a name when there appear some distinctive features. However, under certain conditions a proper name can be given even earlier. Most often new names are chosen for newborns, much less often the name of one of the deceased ancestors, the most respected and honoured, is assigned to the infant.

The motives for giving a name to a new family member are very diverse. The name may reflect the peculiarities of the child's appearance, behaviour, character, the time and place of birth, it may contain an indication, a hint of certain cases, events of family life that preceded or accompanied the birth. There were no restrictions in the choice of a name among the Nganasans. There were no sets of names peculiar to certain families or kins.

In the absolute majority of cases proper names are formed on the basis of appellatives of the spoken language. Therefore, their etymology is quite transparent, e.g.: *Antuk* (cf. *nendui*; second stem – *tsentu*) – boat (i.e. the child was born when the parents travelled down the river on a boat), *Diamaku* – bird (by the time the girl was born, many birds had flown nearby), *Kidipte* – woke up (by his birth) (from the verb *kitedi* – to wake up), *Kuntu* – throaty, *Kuodumu* – man, *Motu* – six (the child was born with six toes), *Mutsku* – forest, growing trees (the girl was born as soon as her parents came from the tundra to the forest area to harvest trees for handicrafts), *Meru* – sandy bank (the boy's birth took place on the sandy bank of a river), *Neripti'd* – preceded (two women gave birth to the children, but Neripti's mother was the first), *Numatsku* – young, *Niage* – good, *Tsadia* – younger brother (and also younger sister), *Nambu* – dream (born at night when everyone was asleep), *Nombupte* – no more (there were too many girls in the family even without the newborn; cf. *nombulzsy* – to be in surplus), *Tsuruko* – mug (the child had a short face with rough features), *Seimy* – eye, *Seimyti nedjaka* – narrow eyes, *Simbia* – snub-nosed, *Tubiaku* – button (because of a face round like a button), *Khaga* – with the head thrown back, *Khoiru* – from the word *khoa* – felled tree, firewood (when the girl was born, one of her relatives went to get firewood), *Khoriau (khorriav)* – imitation of a swallow's cry (at the time of the child's birth the swallows cried loudly), *Khuza* – leaked (it rained heavily, and water penetrated into the chum), *Chebiaku* – small nail (a skinny baby came into the world), etc.

In some cases, names are given not to simply state something, but to predetermine the child's future and set certain tasks for him

/ her, for example: *Barbe* – master, chief (i.e., he will grow up, become a good master, improve the family's situation), *Dilo* from the verb *dilebi* – to raise (the name was given in the hope that the grown-up son would improve the well-being of his parents), *Tui* – fire (fire was considered a sacred belonging of the family, inherited from the ancestors; it was as if the boy was ordered to protect the family traditions with this name), *Keikumuo* – support, from the verb *keikuokhu* – to lean on (in due time the son would become a support for his relatives), *Tasi* – reindeer, from the verb *tatushi* – to keep reindeer (the wish that the son would grow up to be a skillful reindeer herder).

There are also some more general criteria that establish why one name should be given rather than another; for example, the name *Kursimi* (from the verb *kursedi* – to return) is given after the death of someone close (a baby is born as if to replace the deceased); cf. the name *Lep-tebiu* with approximately the same meaning – returned back (the grandmother called so the child of the youngest son, who was born soon after her eldest grandson drowned), *Lapseke* – cradle (the youngest child in the family is called by this name), *Sianume* – from the word *syanuptyry'e* – soothed (a child born after the death of the father as if "soothes" the mother in her grief by his appearance in the world) (Tereshchenko, 1986: 223–226).

So-called protective names are not widely spread among the Nganasans. Only a small number of proper names of people cannot be deciphered on the basis of the Nganasan language vocabulary. According to the explanation of the Nganasans, these are mainly names given by shamans, for example, *Lire* and others. They also include proper names borrowed from the Dolgans and Enets. As for proper names of non-Nganasan origin, these are, for example, such names as *Khosu*, *Akai*, *Chare*, *Bolo*, *Dunto*, *Khantui*, etc.

Male and female names are not distinguished by any specific morphological and syntactic means. The same name can be equally assigned to a boy and a girl, for example: *Niage*, *Diamaku*, *Anikka*, *Diasia*, *Katege*, *Kokhorru*, *Meru*, *Tsadia*, etc. The distinction between male and female proper names can be only se-

mantic. For example, a girl cannot be called by the name *Tasi* (from the verb *tatusi* – to keep reindeer), as women are not engaged in reindeer breeding according to the still preserved norms of division of labour. A girl cannot be called by the name *Kuodumu* (man), just as it would be impossible to give the name *Ny* (woman) to a boy (Tereshchenko, 1986: 224–226).

The name received by the child is kept for all life. In some cases, a nickname may be used in parallel with a proper name, and the latter may sometimes even replace the true name. Nicknames can be very diverse; they characterise a distinctive feature of a person, for example: *Diamu* – glutton, *Tate* – awl (very persistent), *Turku seimy* – literally “lake-eye” (because of large eyes), etc.

According to the Nganasan customs, personal names are used with great restrictions. It is impossible to call by name a person who is older than the speaker. When addressing, people usually use words denoting kinship relations: elder brother, elder sister, uncle, etc. A mother or father could be called by the name of their child by other people if the child had not yet reached puberty: Simbia's father, Kuodumu's mother, etc. It was strictly forbidden not only to address by name, but also to speak to the parents of a husband or wife at all. All necessary negotiations with them were conducted through their children. If something had to be said to the wife's elder brother, he was addressed in the plural: you will do, you will come.

Proper names, perhaps, even more often than nominative names, denote emotional evaluation. In some of them the diminutive (or affectionate) suffix is organically included in the stem, for example: *Chebiaku* – small nail, *Syraikuo* – whitish, *Tubiaku* – small button and others.

In educational institutions the Nganasan proper names are usually replaced by Russian ones, approximately similar in sound: *Diasia* – Daria, *Kursimi* – Konstantin, *Kokhoru* – Ekaterina, *Komuptiie* – Nikolai, *Simbia* – Serafima, etc. The latter names are fixed as official names, appearing in all documents.

Since the 1940s, Russian proper names have become common in the Nganasan civil

status records: *Marya* (1943), *Nina* (1943), *Oktiabrina* (1946), *Valery* (1948), *Galina* (1951), *Marina* (1955), *Svetlana* (1955). In recent years, the number of Russian proper names given at birth has increased significantly. The occurring changes in anthroponomy clearly testify to the transformation of the Nganasans' life, to the strengthening and expansion of their contacts with the Russians.

The Nganasans have patronymics according to the Russian model on the basis of national proper names, for example: *Niage Iagulovna (Iagula)*, *Barbe Tsachepteevich (Tsachepte)*, *Tokhodu Kondevna (Kondiie)*, *Parka Kondakovna (Kondako)*, etc., and others.

The former Nganasan kin names are preserved as surnames: *Kokery*, *Chunanchar*, *Momde (Tsomde)* and others. Like patronymics, surnames are used only in official life, they are not spread in everyday life. When addressing, people use only first names (taking into account the existing restrictions) or words denoting one or another degree of kinship.

The researcher of the Nganasans L. V. Khomich writes: “In the past the Nganasans lived under the patriarchal tribal system. Their main social unit was the kin (a group of blood relatives descended from one ancestor). As well as Nenets, the Nganasan kinship was based on the male line, i.e. they were characterised by the paternal kin system (patriarchy). The whole Nganasan community consisted of two tribal associations and one independent clan. The tribe of Avam Nganasans included five clans: *Nguomda (Momde)*, *Ngamtusuo*, *Linancher*, *Chunancher*, *Ninondia*. These kins are considered purely Nganasan” (Khomich, 2000: 33). Yet the author says that later representatives of *Ngamtusuo* family received Russian surname – *Kosterkins*, *Linancher* – *Turdagins*, *Ninondia* – *Porbins*, *Oko* – *Iarotsky*. From the same source one learns that “the tribe of Vadeev Nganasans consisted of six kins: *Ngoibuo (Moibu)*, *Asiandu*, *Kupchik*, *Kuokary*, *Lapsaka*, *Niorhko*. These kins, as researchers consider, have come from Tungus or have incorporated some Tungus element. The Nganasan kin *Oko (Okuo)*, connected by origin with the Dolgans, was considered to be Nganasan. The names of the Nganasan kins are easily translatable into Russian:

Ngamtusuo – generous, *Lapsaka* – the youngest of children, the last-born, *Kupchik* – copper cauldron, *Ngoibuo* – head, *Kuokary* – crane, etc.” (Khomich, 2000: 33). Some names of the Nganasan kins are listed by G.N. Gracheva: “*Chunanchar, Lininchar, Niuniandia, Momde, Ngamtusuo*” (Gracheva, 1983: 63).

The Nganasans are known to have been cautious to give their children names; up to three or four years after the birth a child had no name (Khomich, 2000: 38). Such a phenomenon is not unusual among the peoples of the North and Siberia. The researcher of Tuvan ethnoscience S.N. Vainshtein notices: “The name ‘at’ only in very rare cases was given immediately after birth, more often after several weeks, months or even years. It is known from ethnographic materials that even in the 19th century a boy often received a male name very late – at the age of ten and even later. Before that he was called just *a boy, little boy, son, etc.*” (Vainshtein, 1969: 125).

L.V. Khomich makes a supposition about the naming of Nganasans: “Naming was often connected with some events coinciding in time with the birth of a child. For example, the name *Ngorbiie* means ‘joyful’ (on the day when the son was born, there was great joy in the family: the father got four wild deer). In families where children used to die, the newborn was sometimes given a dog’s name to deceive evil spirits. But just like Nenets and Enets, the Nganasans often named their children with real names given in honour of ancestors. These names were usually not pronounced, and when communicating they were replaced by nicknames, Russian names or kinship terms” (Khomich, 2000: 38). The researcher also gives the names of a famous Nganasan shaman – *Diukhadie Kosterkina*, the first chairman of the Nganasan collective farm – *Numaku Chunanchar*, folk artist – *Motumiaku Turdagin*.

Among the names and surnames of the Nganasan students who studied in Institute of the Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University there are: *Nadezhda Kosterkina, Andrei Chunanchar, Svetlana Nereevna Turdagina-Zhovnitskaia*, a modern researcher of the Nganasan language and culture, author of textbooks and dictionaries.

Results

Extralinguistic factors are vital for the etymologisation of names and surnames. They include the territory where a name, a nickname, or a surname was used; geographical and climatic conditions; peculiarities of traditional culture of the local population, their ethnic and cultural contacts.

Samoyedic peoples did not give a name to a child immediately after the birth, but only after observing the child’s character, disposition and health. When the number of these observations becomes sufficient, the child’s individual qualities and personal peculiarities are found out, then elders (grandfather, grandmother, uncle) or a shaman choose a name for the child. Thanks to this habit of people to choose an appropriate name, Samoyedic names were quite diverse. They tried not to repeat names, and most often a child’s name was a new word. For names, they used denotations of phenomena, characteristics of everything that surrounded the child at the time of birth. So, if the birth of a child was connected with some event, it was reflected in its name.

The development of the national names of the Nenets, Enets and Nganasans was influenced by natural conditions, lifestyle, people’s occupations and their beliefs. For example, as L.P. Nenyang notes, “Personal names of Nenets are a valuable source of knowledge for those who study the history of this people, its material and spiritual culture, everyday life and religious beliefs, psychological features” (Nenyang, 1996: 3). She further writes that names were given in connection with the circumstances of the child’s birth: good or bad weather, a successful trade, an interesting word accidentally heard by the parents, someone’s arrival or departure, a noteworthy event, a remarkable incident like a daughter was born during someone’s wedding. Often the name was given in connection with geographical features of the area, by association with plants and animals, surrounding objects.

A number of the Nenets names are associated with the physical characteristics of the child. The names of such kins as *Vai, Lapsui, Niarui, Puiko* can be both a name and a surname. The Nenets also had a custom of giving

children a temporary name (nickname), which was replaced by a new adult name at 7–9 years (Nenyang, 1996: 10–11). The researcher collected and recorded about 1,600 Nenets names in the Ust-Yenisei district of Taimyr alone.

Conclusion

Thus, the Samoyedic peoples of the Taymir still have their own personal names, some of which were transformed into official surnames in Soviet times. Different local groups of the Nenets, Enets, Nganasans had two names: personal and official. Many names are conditioned by religious beliefs of the peoples of Siberia and the Arctic, in particular animism and totemism. They had a protective function, keeping children safe from the intrigues of evil spirits. Surnames, as a rule, reflected kin names of ethnic groups. Some northerners do not have patronymics in their passports, which sometimes complicates office work (cf.: there was Igor Potpot, a student of the Institute of the Peoples of the North of the Herzen University from the Chukotka Autonomous District, who had difficulties in issuing documents on transfer, appointment to scholarships, etc.). In response to A. V. Smolyak's assertion that the Nanai "had no need to use patronymics" (Smolyak, 1970: 166), N. B. Kile argues that among the Nanai "patronymics were mentioned and were necessary when clarifying kinship relations or when contacting and getting acquainted with tribesmen who had previously been unknown. Then it was necessary to name one's kin, one's own name, one's father's name, and sometimes the name of the camping ground" (Kile, 1973: 151). The same author, speaking about the figurative meaning of the Nanai proper names, concludes that "most of the names are names of various objects, animals, birds, fish and plants: *Seleken* – ironware, *Khulu* – squirrel, *Pimu* – hazel grouse, *Tunke* – the lid of a big boiler, *Gara* – rowlock, branch knot, *Ara* – bran and a number of others", which is also characteristic of the Samoyedic people.

At the same time, a branched system of names and self-names of peoples was preserved (Nenets-Samoyeds, Nanai-Golds, Nivkhi-Gilyaks, Chukchi-Luoravetlans, Khanty-Ostyaks, Mansi-Voguls, Dolgans-

Haka, Ulch-Nani, Evenks-Lamuts, Evenks-Tungus, etc.). This ambiguity coupled with tribal names or self-names according to the territory of settlement and other characteristics (Namatkans – Evens living on the shores of the sea, Orochons – reindeer Evenks, etc.) brought even more confusion for non-specialists (Gortsevskaya, 1959: 9; Sokolova, Tugolukov, 1983: 76–87).

While the Nenets, Evenks and Nanai had names of kins instead of surnames (*Piak*, *Aivaseda*, *Nogo*, *Pankagir*, *Bel'dy*, *Samar*, etc.), the Evenks of Yakutia had surnames (*Gromov*, *Nikulin*, *Sleptsov*, etc.), and the names of their kins (*Diallakin*, *Kukuiun*, *Miamial'*, *Doida*, *Dotki*, etc.) had to be clarified by additional questions during expeditions. However, there were exceptions to the rules: the Even surnames *Dolgan*, *Uiagan*, *Deliantskaia*, for example, in Kamchatka and Chukotka were derived from the name of the kin.

Borrowed names and surnames underwent phonetic changes according to the laws of specific ethnic languages. In particular, the names underwent transformation according to the laws of the Nenets language and became firmly incorporated into the namebook as independent names: *Alyo* from Aleksey, etc. Such a phenomenon is characteristic practically for all peoples of the North. For example, Russian names of Udege were adapted according to the laws of their native language and began to be perceived as Udege: *Sergey* – *Sogi*, *Pyotr* – *Pa-chi*, *Saveliy* – *Savuska*, *Arina* – *Gina*, *Klava* – *Bumbu*, *Valentina* – *Batakhana*, *Katya* – *Gandi*, and others (Podmaskin, 1977: 102–106).

The anthroponomy data can testify to the ancient ethno-cultural and linguistic contacts of the peoples in the North and Far East. In particular, L. V. Khomich speaks about it, citing cases of Nenets' use of names characteristic of the peoples of the Paleo-Asiatic language family living far away in the north-east of Asia.

According to G. I. Demidova: "With each new generation native names are forgotten, with each new academic year at the Institute of the Peoples of the North there are fewer and fewer students bearing the names of their ancestors. This is explained by both linguistic reasons and extra-linguistic factors associat-

ed with social transformations within society: firstly, the desire of the peoples of the North to facilitate communication, as non-Russian names of indigenous people are often difficult to pronounce for people of other nationalities; secondly, the desire not to stand out among others; thirdly, children are called by Rus-

sian names in mixed marriages, which have become very common" (Demidova, 2009: 77–78).

Further research into the anthroponymy of the peoples of Siberia, the Arctic and the Far East, including the small-numbered peoples of Taymyr, may bring significant results.

References

- Barmich M. Ya. Semantics of Nenets personal names. In: *Lexico-grammatical studies of the languages of the peoples of the North of the USSR*, Leningrad, 1980, 83–102.
- Bettu, E. S. *The Dolgans' names*. Krasnoyarsk, 2010, 35.
- Demidova G. I. On the study of the students' name list of the Institute of the Peoples of the North. In: *University districts of Russia: global and regional aspects of the development of Russian education: materials of the Third All-Russian scientific and practical conference of university districts of Russia*, 71–78. Saint Petersburg; Kazan. 2009.
- Dolgikh B. O. On the tribal composition and distribution of the Enets. In: *Soviet Ethnography*, 1946, 4, 109–124.
- Eskimo-Russian dictionary* / ed. by E. S. Rubcova). Moscow, 1971, 644.
- Gortsevskaya V. A. *History of the study of the Tungus-Manchurian languages*). Leningrad, 1959, 79.
- Gracheva G. N. *Traditional worldview of Taimyr hunters (on the materials of the Nganasans in the 19th – early 20th centuries)*. Leningrad, 1983, 174.
- Khomich L. V. Some issues of the Nenets anthroponymy. In: *Origin of Siberian aborigines and their languages. Materials of the All-Union Conference, 14–16 June 1973*, 153–155. Tomsk, Tomsk State University. 1973.
- Khomich L. V. The Nganasans. In: *Series "The Peoples of the North and the Far East"*. Saint Petersburg, 2000, 78.
- Kile N. B. Anthroponymy among the Nanai. In: *Origin of Siberian aborigines and their languages: Proceedings of the All-Union Conference*, 150–153. Tomsk, Tomsk State University. 1973.
- Kupriyanova Z. N. (ed.). The epic song of the Nenets people. In: Series *"Monuments of the epic of the peoples in the USSR"*. Moscow, 1965. 782.
- Nenyang L. P. *Our names. On the issue of naming and the use of proper names among the Nenets of Taymyr. Anthroponymic review*. Saint Petersburg, 1996, 106.
- Podmaskin V. V. Udege personal names. In: *Philology of the peoples of the Far East (Onomastics)*, 102–106. Vladivostok, 1977.
- Smolyak A. V. Personal names of the Nanai people. In: *Personal names in the past, present and future. Problems of anthroponomy*, Moscow, 1970, 166–172.
- Sokolova Z. P., Tugolukov, V. A. Old and new names of the peoples of the North. In: *Soviet Ethnography*, 1983, 1, 76–87.
- Tereshchenko N. M. Proper names of the Nenets people. In: *Problems of Finno-Ugric linguistics. On the 70th anniversary of Prof. Vasily Ilyich Lytkin*, 1965, 3, 62–71.
- Tereshchenko N. M. The Nganasans. In: *Personal name systems of the peoples of the world*, Moscow, 1986, 223–226.
- Vainshtein S. N. Personal names, kinship terms and nicknames of Tuvinians. In: *Onomastics*. Moscow, 1969, 125–133/
- Vanuito G. I. *Dictionary of the Nenets' personal names*. Tomsk, Tomsk State University, 2002, 114.

Art History

Искусствоведение

EDN: UXDFOR
УДК 7.01

The Formation of Artistic Cultural Practices in Siberia During the Civil War (Based on the Artistic Culture Analysis of Krasnoyarsk)

Mariana A. Borodina, Yuliya V. Kvashnina*

and Anastasia A. Zhigaeva

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 16.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 18.01.2025

Abstract. through the analysis of the regional specifics of artistic processes in the Krasnoyarsk Territory of the first decades of the 20th century (and especially during the Civil War), the article examines artistic practices as an ideal-forming system of creative activity that contributes to the transformation of society and has a significant impact on the formation of the identity of society at crucial moments of state building. The material for the analysis was the works of fine art by Krasnoyarsk artists, the work of the capital's masters who found themselves in Krasnoyarsk during the Civil War, as well as the practice of holding art exhibitions in Krasnoyarsk and Siberia and some features of the organization of professional art education in Krasnoyarsk, considered together.

Keywords: cultural practices, artistic practices, ideal-forming practices, the practice of producing works of art, the picture of the world, the formation of professional art education in Krasnoyarsk, artistic traditions in the fine arts of Krasnoyarsk at the beginning of the 20th century.

Research area: Theory and History of Culture, Art (Cultural Studies).

Citation: Borodina M. A., Kvashnina Yu. V., Zhigaeva A. A. The Formation of Artistic Cultural Practices in Siberia During the Civil War (Based on the Artistic Culture Analysis of Krasnoyarsk). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 264–276. EDN: UXDFOR

Становление художественных культурных практик в Сибири в годы Гражданской войны (на материале анализа художественной культуры Красноярска)

М.А. Бородина, Ю.В. Квашнина, А.А. Жигаева

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье через анализ региональной специфики художественных процессов в Красноярском крае первых десятилетий XX в. (и особенно – в годы Гражданской войны) рассматриваются художественные практики как идеалообразующая система творческой деятельности, способствующая трансформации социума и оказывающая существенное влияние на формирование идентичности общества в переломные моменты государственного строительства. Материалом для анализа послужили произведения изобразительного искусства красноярских художников, творчество столичных мастеров, оказавшихся в Красноярске во время Гражданской войны, а также практика проведения художественных выставок в Красноярске и Сибири и некоторые особенности организации профессионального художественного образования в Красноярске, рассматриваемые в совокупности.

Ключевые слова: культурные практики, художественные практики, идеалообразующие практики, практика производства произведений искусства, картина мира, становление профессионального художественного образования в Красноярске, художественные традиции в изобразительном искусстве Красноярска начала XX в.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Бородина М. А., Квашнина Ю. В., Жигаева А. А. Становление художественных культурных практик в Сибири в годы Гражданской войны (на материале анализа художественной культуры Красноярска). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 264–276.
EDN: UXDFOR

Введение

Становление художественных культурных практик в Красноярском крае и их региональная специфика во многом обусловлены особенностями общественной деятельности В. И. Сурикова в Красноярске и его художественными открытиями. В отличие от городов Западной Сибири, в годы Гражданской войны ставших пунктами пересечения миграционных потоков и временными центрами передовых отечественных художественных тенденций и авангарда, в Красноярске сохранилась большая художественная автономность и продолжались социокультурные

традиции, заложенные В. И. Суриковым. Тем не менее Красноярск в это время стал временным пристанищем некоторых известных впоследствии советских художников, чье творчество напрямую или косвенно оказало влияние на художественное сообщество и последующую культурную жизнь Красноярска. Взаимообусловленность появления художественных объединений, становления художественного образования и развития экспозиционно-выставочной деятельности в Красноярском крае предполагает совокупное рассмотрение этих процессов в качестве художественных культурных практик, появ-

ление и развитие которых происходило в первые два десятилетия XX в. и продолжалось даже в годы Гражданской войны (1917–1922).

В качестве теоретической основы исследования рассмотрены ключевые понятия «культурные практики» и «художественные практики». Культурные практики определены как действия и способы поведения людей, направленные на создание, сохранение, воспроизведение и передачу идеалов, эталонов, норм и ценностей, которые особо почитаются в данной культуре, выражают идеалообразующую сторону жизни и служат средством поддержания и трансляции культурных ориентиров, формирующих мировоззрение и идентичность индивидов и сообществ.

Художественные практики – сущностно-важная часть более широкого поля практик культурных – рассматриваются в исследовании как инструмент трансформации общества посредством искусства. Период становления советского государства связан с революционными изменениями в «режиме реального времени». Для закрепления новой идеологии, порождающей мифы о себе, на бескрайних просторах государства был успешно использован потенциал художественных культурных практик. Произведения искусства, один из основных элементов системы художественных практик, становятся активными источниками социальных изменений. За довольно короткий период художественные практики ввели в поле социальных отношений новые идеалы, представили систему ценностей, способствовали выстраиванию гармоничного социума. Исследование инструментария художественных практик крайне актуально в ситуации современных культурных трансформаций.

Методологической основой исследования послужили концептуальные положения синтетической теории культуры Д. В. Пивоварова, а также теория и методология культуры и искусства В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой, разрабатываемые в настоящее время культурологами и искусствоведами красноярской школы. Концепция визуального мышления и теория

художественного образа, предложенная В. И. Жуковским и Н. П. Копцевой и используемая в настоящем исследовании, была неоднократно апробирована в ряде искусствоведческих исследований в историческом и современном аспектах (Koptseva, 2024a; Koptseva, 2024b; Sertakova, 2024; Zborovickaja, 2024; Shurygina, 2024; Nimaeva, 2024, Zhuromskaya, 2024).

Эмпирическим материалом выступили произведения изобразительного искусства, репрезентирующие исследуемую проблематику, а также практика организации художественных сообществ и объединений, практика проведения региональных и межрегиональных художественных выставок в Сибири и Красноярске и становление профессионального художественного образования в Красноярске.

Исследовательские подходы

к разработке понятия

«культурные практики»

Слово «практика» происходит от греческого *πράκτική* (*praktiké*), что означает «деятельность», «действие». Оно используется для обозначения повторяющихся действий, привычек или методов, применяемых в какой-либо области. Если «практику» понимать как некую человеческую деятельность, которая имеет определенное целеполагание, то в это понятие входит множество составляющих: получение опыта, его реализация и сохранение, а также трансляция опыта в разнообразных формах, видах и различных навыках по его получению.

Основополагающими трудами в определении понятия «практика» являются работы П. Бурдье «Практический смысл», М. Хайдеггера «Бытие и время», М. де Серто «Изобретение повседневности» и другие. Понятие «практика» используется как некая общая, практическая парадигма для социальных наук. Практика понимается, с одной стороны, как неэксплицитное знание и умение, с другой – как конкретная деятельность. Сложность в определении и изучении практик заключается в том, что практики находятся в области неявного, поэтому часто в исследованиях ис-

пользуется понятие «повседневные практики», подчеркивая такое их само собой разумеющееся положение. Другой ракурс исследования следует из понимания практик как всего, что делает человек, и с этой точки зрения изучаются как социальной группой, обычно принадлежащей определенному институциональному контексту, решаются практические задачи в ситуации неопределенности. И третий ракурс, где практики понимаются как неявные коллективные нормы и правила, согласно которым общество «интерпретирует» информацию (Volkov, 2008).

«Практика» как категория имеет для каждой дисциплины свои особенности. В социальных науках П. Бурдье (Burd'e, 2001) определяет практику как все, что человек делает сам и с чем встречается в социальной сфере, и практика становится практикой, когда формируется устойчивое поведение. Так как первичным элементом практики является действие, которое совершает человек, а механизмом формирования устойчивого поведения служат институты, регулирующие и упорядочивающие поведение между людьми, то для каждой практики становится важна институциональная среда. Практика становится социальным действием, то есть предметом изучения социальных наук. Институты организуют и регулируют социальные практики, а также придают им значимость и признание. В случае отторжения определенных практик может возникнуть институциональный кризис, который способен привести к социальным изменениям. В социальных науках большое внимание уделяется социальным практикам, так как они поддерживают социальную структуру и общественный порядок, а также демонстрируют, создают и поддерживают социальные нормы и ценности; практики определяются социальной средой и одновременно воздействуют на нее, то есть изменяют структуру.

Второй группой по значимости выделяют культурные практики, определение которых зависит от значения понятия «культура», коих насчитывается множество. Мы будем опираться на теорию Д. В. Пивоварова, кото-

рый предложил синтетическое определение понятия «культура» как идеалообразующую сторону жизни людей, где предполагается создание, сохранение, воспроизведение и трансляция идеалов, эталонов, норм, ценностей, которые в данной культуре почитаются (Pivovarov, 2013). Таким образом, культурные практики представляют собой такие действия и способы поведения людей, которые, опираясь на систему идеалов и ценностей, структурирующую фундаментальные сферы человеческой жизни и имеющую значение как для идентичности каждого отдельного человека, так и для разных социальных групп, производятся, сохраняются и передаются обществом. Культурные практики как совокупность действий и способов поведения людей, обусловленных их культурой и традициями, могут включать как повседневную жизнь, так и более сложные формы социального взаимодействия. Культурные практики передаются от поколения к поколению через обучение, социализацию и участие в общественной жизни. Также культурные практики помогают людям идентифицировать себя с определенной культурной группой, поддерживают социальные связи и способствуют сохранению культурного наследия.

Социальные и культурные практики не являются статичными: они проходят стадии развития, то есть изменяются, эволюционируют и приобретают новые формы, поэтому в стадии смены практик можно зафиксировать несколько разрушающих процессов, например, таких как декультурация, когда происходит утрата или разрушение социальных и культурных практик; антикультурология – когда происходят процессы, направленные против существующих господствующих социальных и культурных практик; или процессы маргинализации, когда маргинальные группы изолируются от господствующих социальных и культурных практик и создают альтернативные варианты, тем не менее обычно остающиеся на периферии.

Понятия социальных и культурных практик пересекаются, так что возникает общее понятие социокультурных практик.

Однако можно выявить некоторые различия: при исследовании социокультурных практик фокус внимания обращен на социальные структуры, отношения власти, экономические факторы, общественные процессы, которые влияют на формирование и развитие культурных практик. Основным инструментом являются социологические исследования, которые изучают взаимодействие социальных институтов, классовых структур, экономических условий и культурных проявлений. Социокультурные практики исследуются широко, так как анализ включает в себя изучение внешних факторов, влияющих на культурные процессы. Культурные же практики сосредоточены на аспектах, связанных с традициями, обычаями, ритуалами, искусством, и на том, как это влияет на поведение и образ жизни людей. Культурные практики исследуются в рамках антропологии (культурной и визуальной в том числе), этнографии, культурологии и других дисциплин. Исследование культурных практик обычно обозначено рамками конкретной культуры или сообщества, так как изучаются внутренние механизмы передачи знаний, традиций, ценностей и идеалов, сохранение культурного наследия (Sirenko, 2023, Sitnikova, 2020).

В изучении культурных практик важно учитывать их влияние на формирование и изменение идентичностей, а также на взаимодействие между разными социальными группами. Культурные практики играют ключевую роль в процессах социализации и интеграции, позволяя людям находить свое место в многообразии обществ. Они не только отражают коллективные идеалы, ценности и нормы, но и активно способствуют их трансформации (Sitnikova, 2024).

Одной из важнейших частей культурных практик являются художественные практики. Художественные практики, выражая общечеловеческие и культурные идеи, становятся площадкой для экспериментирования и переосмыслиения традиций. Они обеспечивают пространство, где возможно взаимодействие различных культурных идентичностей и формирование новых смыслов.

Художественные практики

как инструмент трансформации социума

Внутри довольно обширной системы культурных практик художественные практики по специфике и силе своего воздействия на социум занимают одну из ведущих позиций. Художественные практики возможно рассматривать в нескольких смысловых спектрах. В первом случае – это собственно производство произведений искусства: картин, ДПИ, кино, цифровых медиа и т.д. и их уникальное бытие. Здесь ведущая роль принадлежит художнику как создателю произведения, транслирующего те или иные смыслы, специфическим (художественным) способом рефлексирующему над социальной действительностью и изображающему ее в произведениях.

Во втором – потребление произведений: изучение истории искусства и культуры, музейное хранение, посещение выставок, кинотеатров, прослушивание лекций (Seredkina, 2024). В данном случае первенство переходит к зрителю как к потребителю искусства, со-творцу художественного образа (Zhukovskiy, Koptseva, 2004), попадающему под влияние эстетической силы искусства (Sitnikova, 2022, Sertakova, 2023).

Понимание идеологами¹ молодого советского государства возможностей «силы искусства» в создании и освоении новой системы ценностей вывело художественные практики производства и потребления произведений искусства на принципиально новый уровень. Они становятся основой для осуществления социальной функции искусства, а искусство через презентацию норм и идеалов (Pivovarov, 2013) – средством конструирования социальных отношений.

¹ Известный российский культуролог А. Я. Флиер считает культурную политику одним из главных инструментов внедрения государственной идеологии в сознание людей. При этом идеология определяется как существенная и неотъемлемая черта любой власти, которая по своей природе не способна функционировать вне мифа о себе (Flier, 2017–2018). Молодое советское государство творило собственную мифологию «в режиме реального времени», вырабатывая специфические механизмы для трансляции и внедрения мифотворчества через «культурное строительство» и «партийное руководство литературой и искусством», что делало необходимым применение художественных практик (Kvashnina, 2022).

«Искусство – это место производства особого рода социальности» (Burrio, 2016).

Важность художественных практик в системе практического освоения действительности (особенно в период ее трансформации) коррелирует с одной из ведущих функций последних – образовательной. Собственно, этимология слова «образование» отсылает к способности искусства воспитывать, формировать образ человека, личности, что сущностно-важно в моменты создания новой системы ценностей. Образовательная функция определяет ряд социокультурных функций искусства. Среди них: познавательно-эвристическая, работающая с освоением мира через обращение к художественной форме; художественно-концептуальная, способствующая созданию художественно-эстетической картины мира; функция предвосхищения, активизирующая творческий потенциал и формирующая образ будущего; внушающая, отвечающая за формирование и закрепление нравственного поля системы. Крайне важны эстетическая и коммуникативная функции через художественные образы, приобщающие человека к ценностным полям культурной среды (Rusakova, 2023).

То есть художественные практики способствуют как созиданию целостного человека в единстве его этических и эстетических доминант, так и встроенности отдельной личности в социум. Естественно, партийный аппарат советской России не мог не воспользоваться силой влияния художественных практик. Важно обратить внимание еще на один момент: пока программа всеобщей грамотности только набирала обороты и большинство населения не могло читать агитационных материалов, произведение искусства с его специфическим визуальным языком было способно стать своего рода «библией» для неграмотных, через художественный образ способной донести необходимый нарратив.

Одной из культурных практик советской России являлась государственная поддержка художественных объединений, что должно было способствовать уско-

ренному продвижению идеологических констант. Так, например, поставить искусство на службу революции была призвана Ассоциация художников революционной России (АХРР), созданная в 1922 году. Состоявшая из художников, скульпторов, графиков ассоциация не отвергла идеологию передвижников и ставила своей задачей на базе реализма воспеть революционный геройизм «сегодняшнего дня», быть трудящимся, крестьян, красноармейцем в понятной зрителю форме. В результате была предпринята попытка создания связного былинного повествования, искусство участвовало в сотворении истории и мифологии нового общества: появились портреты Героев (вождей), огромные повествовательные полотна на революционные темы, тему гражданской войны. За методологию объединения был принят «героический реализм как стиль, организующий чувства и мысли».

В некоторой оппозиции к АХРР находилось вхутемасовское молодежное «Общество станковистов» (1925). Общество разрабатывало три основные темы: связанную с индустриализацией историю динамического взаимодействия промышленного производства и человека, историю человека и города, историю физического совершенствования человека (массовый спорт в разных проявлениях).

Необходимо отметить, что деятельность обществ, объединений, входящих в них мастеров, способствовала крайне важному моменту – посредством художественного образа произведения искусства выстраивалась картина нового мира, и зритель встраивался в эту картину через эстетическое восприятие произведения. Художественная практика производства и потребления произведения искусства предлагала эталонную схему взаимодействия с изменяющейся действительностью, вводила в структуру социума новые идеалы, гармонично трансформировала его.

Локальным примером успешного применения трансформирующих художественных практик станет анализ художественного процесса в Красноярске 1905–1925 годов.

**Социокультурные процессы
и художественные культурные практики
в Красноярском крае в начале XX в.,
в годы Гражданской войны
и в первые годы советской власти
и их влияние на своеобразие
красноярской художественной культуры**

Первые два десятилетия XX в. в истории художественной культуры Красноярского края ознаменованы процессами становления традиций профессионального изобразительного искусства, начало которым было положено В.И. Суриковым (Borodina, 2023). Практика организации художественных объединений, главными целями которых были консолидация творческих сил и художественная преемственность, а также проведение коллективных художественных выставок – как региональных (объединявших произведения изобразительного искусства художников Красноярского края), так и межрегиональных (представляющих произведения авторов всех регионов Сибири), характеризовала в эти годы деятельность красноярского художественного сообщества.

Так, для истории художественной культуры Красноярска важной вехой является объединение красноярских художников революционной «Красноярской Республики» в «Товарищество художников» 12 ноября 1905 г.² для решения творческих и педагогических задач и периодической организации групповых выставок. Революционные настроения, охватившие все российское общество, и революционные события, происходившие непосредственно в Красноярском крае, не могли не сказаться на деятельности красноярских художников. Тогда красноярскими художниками было организовано объединение художественных сил с целью развития и распространения в обществе изящных искусств (Lomanova, 2020). Товарищество художников просуществовало недолго, им не было разработано программных манифестов, но оно обозначило вектор развития профессионального художествен-

ного сообщества Красноярского края на последующие периоды истории региональной художественной культуры.

Далее художественная жизнь в Красноярске активизировалась в 1910-х гг., новый период в истории региональной художественной культуры был тесно связан с деятельностью Д.И. Карапанова и работой красноярской рисовальной школы (Stroy, 2010), в организации которой также принял непосредственное участие В.И. Суриков. Открытие школы способствовало развитию практики проведения художественных выставок в Красноярске. После открытия рисовальной школы в 1910 г., ставшей средоточием творческих сил Красноярска, отчетные выставки проводились ежегодно до 1919 г. (до ее временного закрытия). В 1916 г. по инициативе Сибирского общества в Красноярске прошла Первая сибирская выставка картин и скульптуры сибирских художников, положившая начало практике межрегионального художественного взаимодействия.

Первыми выпускниками школы в 1912 г., воспитанными Д.И. Карапановым, стали известные впоследствии далеко за пределами Красноярска художники А.В. Воцкин, А.П. Лекаренко, В.И. Коригин, А.Ф. Ефремов, К.И. Матвеева др. Под руководством Д.И. Карапанова красноярские художники, определяя средствами художественного творчества региональную идентичность культуры Красноярского края, с целью изучения быта, культурных и художественных традиций многочисленных коренных народов Красноярского края и исследования особенностей географии и ландшафта региона совершили многочисленные экспедиции по районам края, фиксируя не только художественную ценность этих явлений, но и их теоретическую значимость для красноярского краеведения и последующих культурных исследований (рис. 1 и рис. 2).

Продолжая тенденцию художественного осмыслиения региональной культурной идентичности, эти художники обратятся впоследствии к истории Красноярского края, обнаруживая в ее сюжетах уникаль-

² Было подано прошение губернатору Енисейской губернии об образовании «Товарищества художников».

Рис. 1. Д.И. Карапанов. Северные типы.
Бг. Картон, карандаш. 44,5 x 45 см.
Красноярский художественный
музей имени В.И. Сурикова

Fig. 1. D.I. Karatanov. Northern types.
Used Cardboard, pencil. 44.5 x 45 cm.
Krasnoyarsk V.I. Surikov Art Museum

Источник изображения: <https://www.surikov-museum.ru/showvirt/karatanov-zhivopis-i-grafika>

Рис. 2. А.П. Лекаренко. Я. Хура. Нганасанская
девушка за рукоделием. 1927.
Бумага, карандаш. 27 x 36,5 см.
Красноярский краевой краеведческий музей

Fig. 2. A.P. Lekarienko. Ya. Khura. A Nganasan girl
doing needlework. 1927. Paper, pencil. 27 x 36.5 cm.
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

Источник изображения: <https://domiskusstv24.ru/125-let-so-dnya-rozhdeniya-zasluzhennogo-hudozhnika-rsfsr-andreya-prokofevicha-lekarenko-1895-1978/>

Рис. 3. К.И. Матвеева. Красноярск времен
детства В.И. Сурикова. 1948. Холст,
масло. 138 x 200 см. Красноярский
краевой краеведческий музей

Fig. 3. K.I. Matveeva. Krasnoyarsk
from the childhood of V.I. Surikov. 1948.
Oil on canvas. 138 x 200 cm. Krasnoyarsk
Regional Museum of Local Lore

Источник изображения: ККМ ПГС 391

Рис. 4. А.П. Лекаренко. Красноярский острог.
1959. Холст, масло. 100 x 200 см. Красноярский
краевой краеведческий музей

Fig. 4. A.P. Lekarienko. Krasnoyarsk prison. 1959.
Oil on canvas. 100 x 200 cm.
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

Источник изображения: <https://www.goskat-alog.ru/portal/#/collections?id=26884424>

ность и своеобразие относительно других регионов Сибири и России (рис. 3 и рис. 4).

Социально-политические и культурные изменения, наступившие в Красноярском крае в результате Октябрьской рево-

люции 1917 г., способствовали развитию художественных школ и сообществ Сибири, но произошедший летом 1918 г. контрреволюционный переворот, установивший сначала на территории всей Сибири эсеров-

скую власть, а затем – диктатуру А. В. Колчака, привел к распаду всех художественных организаций, создаваемых сибирской общественностью с 1905 г. (Muratov, 1974).

События Гражданской войны, происходившие в Сибири в 1917–1919 гг., являются характерной темой произведений изобразительного искусства исторического жанра, написанных позднее художниками из разных сибирских регионов. В Сибири, где произошли решающие события, во многом предопределившие исход этой войны; были хорошо исследованы все исторические обстоятельства этой войны и их участники, что позволило разработать целый ряд соответствующих художественных сюжетов. «Художники разных регионов Сибири, пользуясь привилегией региональной причастности, запечатлели конкретные события и конкретных персонажей в своих произведениях» (Borodina, 2024) (рис. 5 и рис. 6), определяя, таким образом, своеобразие исторического развития сибирских регионов России средствами художественной образности исторической картины.

Рис. 5. И.П. Наседкин. На Колчака. 1967.
Х., темпера. 240 x 270 см.
Омский областной музей изобразительных
искусств имени М.А. Врубеля

Fig. 5. I.P. Nasedkin. On Kolchak. 1967.
H., tempera. 240 x 270 cm. Omsk Regional
Museum of Fine Arts named after M.A. Vrubel

Источник изображения: https://vk.com/wall351424354_2862

П.Д. Муратов, описывая художественную жизнь Сибири в годы Гражданской войны, отмечает, что Омск, Томск и другие территории Западной Сибири, оказавшись пристанищем интеллигенции из европейской части России и иностранных военнослужащих, испытывали сильное влияние столичных и иностранных художественных течений, проявляющихся в символизме, мистицизме и авангардистских тенденциях, а художники Красноярска и Иркутска в этих условиях смогли отстоять большую художественную автономность, проявившуюся в сохранении внутренних связей с ранее образованными здесь региональными художественными сообществами (Muratov, 1974). Однако Красноярск в годы Гражданской войны, как и другие сибирские города, оказался местом художественной деятельности некоторых столичных мастеров. Среди них были Б.В. Иогансон, Н.М. Никонов и П.Н. Староносов, чья общественная позиция и творчество, по мнению исследователей, повлияли на последующее развитие

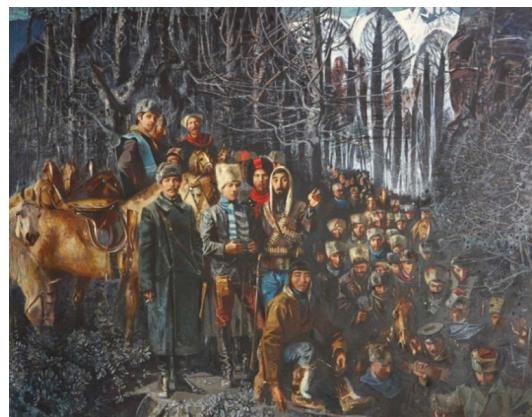

Рис. 6. А.М. Знак. Партизаны армии
П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. 1977.
Холст, масло. 199 x 249 см. Красноярский
художественный музей имени В.И. Сурикова

Fig. 6. A.M. Znak. The partisans of the army
of P.E. Shchetinkin and A.D. Kravchenko.
1977. Oil on canvas. 199 x 249 cm. Krasnoyarsk V.I. Surikov Art Museum

Изображение предоставлено
дочерью художника И.А. Знак.

Рис. 7. Б. В. Иогансон. Допрос коммунистов. 1933. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея

Fig. 7. B.V. Ioganson. Interrogation of the Communists. 1933. Oil on canvas. State Tretyakov Gallery
Источник изображения: https://arzamas.academy/mag/1021-socreal?bx_send-er_conversion_id=30572100

Рис. 8. Н. М. Никонов. Демонстрация на Красной площади. 1932. Холст, масло. 50 x 100 см.
Самарский областной художественный музей

Fig. 8. N.M. Nikonov. Demonstration on Red Square. 1932. Oil on canvas. 50 x 100 cm.
Samara Regional Art Museum

Источник изображения: <https://www.goskat-alog.ru/portal/#/collections?id=8896536>

изобразительного искусства в Красноярске (Kopersak, 2022).

Б. В. Иогансон, ставший позднее одним из ведущих мастеров основополагающего художественного направления – соцреализма и профессором главного отечественного художественного вуза (художественного института имени И. Е. Репина в Ленинграде)³, в годы Гражданской войны жил в Красноярске и работал декоратором в театре. В настоящее время сложно оценить непосредственное влияние творчества и личности Б. В. Иогансона на художественную культуру Красноярска, но опосредованно оно проявляется на последующих этапах ее развития и прослеживается в творческой, педагогической и общественной деятельности его ученика, выпускника его мастерской в художественном институте имени И. Е. Репина и впоследствии народного художника РСФСР А. П. Левитина⁴ (рис. 9 и рис. 10).

³ Ныне Санкт-Петербургская академия художеств имени И. Е. Репина, правопреемник Императорской Академии художеств.

⁴ А. П. Левитин (1922–2018) – советский и российский живописец, педагог, общественный деятель. Народный художник РСФСР (1980), автор выдающихся произведений советского изобразительного искусства

После победы Красной Армии над армией Колчака в 1919 г. во всех сибирских регионах происходит общественная организация мастеров изобразительного искусства. Секции деятелей изобразительного искусства городов Омска, Томска и Барнаула создавались впервые, в то время как красноярская и иркутская секции вошли в дореволюционные художественные сообщества (Muratov, 1974).

Результатом первого года работы красноярской секции изобразительного искусства («Енисейского союза художников») стала организация двух художественных выставок в 1920 г., доступных для свободного посещения, освещаемых местной прессой, но и критикуемых ею: «Выставка очень охотно посещается, но никакой регистрации посетителей не ведется, художественные вкусы публики не фиксируются...» (Dzhon, 1920). Данное высказыва-

и художественных образов, презентирующих художественную культуру Красноярска. За годы работы в Красноярском художественном институте (ныне Сибирский государственный институт искусств имени Д. А. Хворостовского) и Региональном отделении «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской Академии художеств в Красноярске воспитал несколько поколений красноярских живописцев.

Рис. 9. А.П. Левитин. Тёплый день. 1957. Холст, масло. 190 x 122 см.
Государственный Русский музей

Fig. 9. A.P. Levitin. It's a warm day. 1957.
Oil on canvas. 190 x 122 cm.
The State Russian Museum

Источник изображения: <https://ru.pinterest.com/pin/590041988693799684/>

Рис. 10. А.П. Левитин. Портрет Дмитрия Хворостовского. 1991. Холст, масло.
180,5 x 130 см. Государственный
художественный музей Алтайского края

Fig. 10. A.P. Levitin. Portrait of Dmitry Hvorostovsky. 1991. Oil on canvas. 180,5 x 130 cm.
Altai Territory State Art Museum

Источник изображения: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16072372>

ние свидетельствует о понимании автором статьи ценности художественной выставки в качестве региональной культурной практики, важности анализа и оценки ее функционирования в обществе.

В 1925 г. в Красноярск после обучения во ВХУТЕМАС вернулись художники А.П. Лекаренко и А.В. Воцакин, которые впервые предложили организовать межрегиональное сибирское художественное сообщество. По этой инициативе в 1926 г. в Новосибирске под председательством А.В. Воцакина образуется общество «Новая Сибирь», а в 1927 г. организуется «Первая всесибирская выставка живописи, скульптуры, графики и архитектуры». На выставке были представлены более 600 произведений изобразительного искусства, классифицируемые по принципу видовой и региональной

принадлежности, что с 1964 г. по настоящее время станет характерным принципом организации и проведения зональных художественных выставок «Сибирь социалистическая» и межрегиональных художественных выставок «Сибирь».

Заключение

Художественные практики как инструмент трансформации общества посредством искусства стали важным элементом внедрения в социум государственной идеологии, способствовали сознанию мифологической системы молодого советского государства. Будучи единством творческой и коммуникативной деятельности, практики наделяются способностью презентации ценностей, идеалов, норм. Благодаря практикам, таким образом, преодолевает-

ся оппозиция личности и общества, общества и государства в период перемен. Произведение искусства как самостоятельная художественная практика представляет собой эталонную схему, способствующую выстраиванию картины мира, но только в единстве с воспринимающим художественный образ и заключенные в нем смыслы зрителем. А художественные объединения и выставки берут на себя миссию «летописцев» новой истории. Художественный опыт первых лет советской власти в этой связи выступает в качестве художественных культурных практик, репрезентирующих изменения в социуме.

Проводя исследование визуальных художественных практик раннего советского искусства в его локальной специфике, мы можем определить методы и нарративы, способствующие «прививке» обществу, находящемуся в значительной географической удаленности от центра, новых ценностей, в том числе и идеологических, конструированию единой государственной модели.

Культурологическое исследование региональных художественных культурных практик позволяет определить их в качестве базовых элементов современного регионального социально-культурного пространства.

Рассмотрение теоретических оснований понятия «художественные культурные практики» с точки зрения актуальных куль-

турологических изысканий и современной методологии художественной культуры на материале исследования художественной культуры Красноярского края первой трети XX в. позволяет сделать следующие выводы.

1. Появление профессионального искусства и формирование профессионального художественного сообщества в Красноярском крае в результате общественной и просветительской деятельности В.И. Сурикова и влияние его творческого авторитета на все последующие поколения красноярских художников.

2. Целенаправленное становление и развитие художественно-культурного пространства регионального красноярского и макрорегионального сибирского уровней, включающего уникальные художественные события и процессы, начиная с 1905 г. по настоящее время и до определенной степени не имеющие аналогов в других регионах и/или макрорегионах Российской Федерации.

3. В годы Гражданской войны художественная культура Красноярска, сохранив, в отличие от других регионов Сибири, большую культурную автономность и независимость от столичных авангардистских и западных художественных влияний, продолжала социокультурные тенденции предшествующего периода и формировала региональное своеобразие средствами ставших характерными для нее художественных культурных практик.

Список литературы / References

- Borodina M. A. *The use of historical subjects in the works of Krasnoyarsk artists as a process of regional identification*. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2024. 2(8), 85–86.
- Borodina M. A. *Artistic Image of Siberian Identity by V.I. Surikov as a Visual Pattern in the Fine Arts of Krasnoyarsk*. In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2023. 2(2). 36–45. EDN BCJSRQ
- Burd'e P. *Practical meaning*. Saint Petersburg, 2001, 562.
- Burrio N. *Relational aesthetics. Post-production*. Moscow, 2016. 216.
- Dzhon. *A Single Skit. For an Exhibition of Artists*. In: *Krasnoyarsk Worker*, 17.08.1920 (180), 2.
- Fliyer. A. Ya. The prevailing ideology and cultural policy. In: *The world of culture and cultural studies*. Saint Petersburg, 2017–2018. (6). 375.
- Kopersak E. V. *Painting of the Krasnoyarsk Territory in the Second Half of the 20th Century. Searches for an Artistic Image*. Saint Petersburg, 2022. 45–46.
- Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Ermakov T. K. i dr. *Russian culture in the mirror of periodicals of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries*. Krasnoyarsk, 2024. 330. ISBN 978-5-605-07712-1. – EDN PQJEXN.

- Koptseva N.P., Nevol'ko N. N., Reznikova K. V. Formation of ethnic cultural identity in modern Russia with the help of works of national art (on the example of the Evenki epic and decorative and applied arts). In: *Pedagogy of art*. 2013, 1, 1–15. EDN: RDYJPV.
- Koptseva N.P., Shpak A. A., Menzhurenko Yu.N., Degtyarenko K. A. *The image of the history of the fatherland in the essays of the first part of the first volume of the publication «Picturesque Russia» (1881)*. In: *Bygone Years*, 2024. 19(1), 312–324. DOI 10.13187/bg.2024.1.312. – EDN SRQUTU.
- Kotozhev G. G. *Artistic culture of the peoples of the USSR: dialectics of development*. Moscow, 1984. 139.
- Kvashnina Yu. V. The influence of the state cultural policy of the USSR on the development of amateur artistic creativity of indigenous peoples of the North. In: *Northern Archives and Expeditions*. 2023(2), 43–49. EDN GGQLDL.
- Lomanova T.M. *History of the Krasnoyarsk Union of Artists*. In: *Artists of the Krasnoyarsk Territory*. Krasnoyarsk, 2020. 10–21.
- Muratov P. D. *Artistic life of Siberia in the 1920s*. Leningrad, 1974. 141.
- Nimaeva D. A. Philosophical and art criticism analysis of the painting «Ghost Rider» (2019) by the Buryat artist Zorigto Dorzhie. In: *Digitalization*, 2024. 5(3). 49–61. EDN TAAVOC.
- Pivovarov D. V. *Culture and religion: sacralization of basic ideals*. Ekaterinburg, 2013. 248.
- Rusakova T.G. The educational potential of artistic practices in the spiritual and moral development of a younger student. In: *Kazan Pedagogical Journal*, 2023 (3), 206–212.
- Seredkina N. N. The concept of «artistic practices»: a thematic analysis of scientific literature (1990s 2023). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024. 17(4). 751–765. EDN: STXBOC.
- Sertakova E.A. The image of the creator and creativity in the painting of the classicists: analysis and comparison of the mythological works «The Inspiration of the Poet» by N. Poussin and «Sappho and Phaon» by J.-L. David. In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2024. 3(1). 7–19. DOI 10.31804/2782–4926–2024–3–1–7–19. – EDN FXUMUA.
- Sertakova E. A., Leshchinskaya N. M., Kolesnik M. A., Sitnikova A. A. Mir Iskusstvo magazine (1899–1904) as a source on the history of Russian art of the late XIX – early XX centuries. In: *Bygone Years*, 2023. 18(4). 2025–2035. – DOI 10.13187/bg.2023.4.2025. – EDN TCWFHH.
- Shurygina A. D. The Image of the Yakut People in the Films «The Sun Never Sets Above Me» (2019) by Director L. Borisova and «Ichchi» (2021) by Director K. Marsaan. In: *Digitalization*, 2024. 5(2). 71–82. EDN TAYRZV.
- Sirenko S. O., Zamaraeva YU. S. Participatory practices of contemporary art (based on the analysis of the artistic works of Tihar Shiota). In: *Asia, America and Africa: history and modernity*, 2023. 2(2). 56–90. – DOI 10.31804/2782–540X-2023-2-2-56–90. – EDN VDCWZI.
- Sitnikova A. A. *Krasnoyarsk student culture of the late XX – early XXI century*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk regional public organization Commonwealth, 2024. 214. – ISBN 978–5–605–07713–8. – EDN KXCRLH.
- Sitnikova A. A. The image of China in the work of Krasnoyarsk artist Sergei Forostovsky. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2022. 6(4). 87–98. – DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–4–87–98. – EDN OOZXXN.
- Sitnikova A. A. Three paintings by Chinese contemporary artists of the Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region). In: *Siberian Anthropological Journal*, 2020. 4 (3). 118–129. – DOI 10.31804/2542–1816–2020–4–3–118–129. – EDN ZGDPUB.
- Stroj L. R., Moskalyuk M. V. *Artistic life of Siberia in the 1870s – 1920s*. Krasnoyarsk, 2010. 187.
- Suvorov N. N. Practice in field of artistic culture. In: *Review of SPbSUCA*, 2017. (2. 31). 49–56.
- Volkov V., Kharkhordin O. *Theory of practices*. Saint Petersburg, 2008. 298.
- Zborovickaja N. N. The Image of the North in the Art of the Soviet Poster of the 1920s-1960s. In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2024. 3(3). 7–21. DOI 10.31804/2782–4926–2024–3–3–7–21. – EDN MICUMX.
- Zembylas T. *Artistic practices: Social interactions and cultural dynamics*. London: Routledge, 2014. 216.
- Zhukovskiy V.I., Koptseva N.P. *Propositions of the theory of fine arts*. Krasnoyarsk, 2004. 266.
- Zhuromskaya E. YU., Sertakova E. A. Modern American film fantasy as a phenomenon of a multidimensional picture of the world: an analysis of the film “Interstellar” by K. Nolan. In: *Asia, America and Africa: history and modernity*, 2024. 3(2). 35–51. – DOI 10.31804/2782–540X-2024-3–2–35–51. – EDN NPULAK.

EDN: WGCGAM
УДК 7.041–055.2(47+57)”1917/1922

The Image of Soviet Russia Woman in the Art of 1917–1922

Natalia M. Leshchinskaia* and Ekaterina A. Sertakova

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 19.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 21.01.2025

Abstract. The period from 1917 to 1922 – a unique time in the history of Russian art, in these years there is a consolidation of new values, radically different from the previous era – the times of the Russian Empire. Having destroyed the “old world”, they turn to the creation of a new one – with new ideals, including new ideas about what a woman should be in the new state. The article is devoted to analyzing the work of Russian artists, whose works depict female images. The works of D. P. Shterenberg, V. G. Tikhov, A. E. Arkhipov, and F. A. Malyavin were chosen as representatives, since for these artists the depiction of women is an important line of their creative path.

As a result of applying the method of philosophical and art history analysis it was found that the masters-painters, brought up in an academic environment, who valued Russian culture, in the post-revolutionary years did not hurry to turn to the images of revolutionary women, battle girlfriends, companions and comrades. Other subjects were embodied in the works of art of the period, transformation and reinterpretation of traditional images were visualized by artists of young Soviet Russia. Turning to the depiction of everyday subjects, placing heroines in simple interiors of huts, bathhouses, masters with the help of signs, color symbolism and poses, elevate them to the level of goddesses, presenting them as guardians of life, a source of warmth, joy and light, thus affirming the traditional values of native Russian culture.

Keywords: the image of woman, painting, fine art of Soviet Russia 1917–1922, philosophical and art history analysis.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Leshchinskaia N. M., Sertakova E. A. The Image of Soviet Russia Woman in the Art of 1917–1922. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 277–286.
EDN: WGCGAM

Образ женщины советской России в искусстве 1917–1922 гг.

Н.М. Лещинская, Е.А. Сертакова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Период с 1917 по 1922 г. – уникальное время в истории российского искусства, в эти годы происходит закрепление новых ценностных ориентиров, кардинально отличающихся от предыдущей эпохи – времен Российской империи. Разрушив «старый мир», обращаются к созданию нового – с новыми идеалами, и в том числе с новыми представлениями о том, какой должна быть женщина в новом государстве. Статья посвящена анализу творчества российских художников, в произведениях которых изображены женские образы. В качестве репрезентантов были выбраны работы Д. П. Штеренберга, В. Г. Тихова, А. Е. Архипова, Ф. А. Малявина, поскольку для названных художников изображения женщин – важная линия всего творческого пути.

В результате применения метода философско-искусствоведческого анализа было обнаружено, что мастера-живописцы, воспитанные в академической среде, ценившие русскую культуру, в постреволюционные годы не спешили обращаться к образам революционерок, боевых подруг, соратниц и товарищей. Иные сюжеты были воплощены в произведениях искусства данного периода, трансформация и переосмысление традиционных образов визуализировались художниками молодой советской России. Обращаясь к изображению бытовых сюжетов, помещая героинь в простые интерьеры избы, бани, мастера с помощью знаков, символики цвета и поз, возвышают их до уровня богинь, представляя их как хранительниц жизни, источник тепла, радости и света, таким образом, утверждая традиционные ценности исконно русской культуры.

Ключевые слова: образ женщины, живопись, изобразительное искусство советской России 1917–1922 гг., философско-искусствоведческий анализ.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Лещинская Н. М., Сертакова Е. А. Образ женщины советской России в искусстве 1917–1922 гг. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2025, 18(2), 277–286. EDN: WGCGAM

Введение

Политические, экономические и социально-культурные изменения в России в годы Гражданской войны привлекают внимание исследователей по ряду причин. 1917–1922 гг. – время активного переустройства материальных и духовных основ общества, которые в дальнейшем скажутся на том, в каком направлении первые годы будет развиваться большая страна СССР.

Несомненно, огромное значение данный период имел для так называемого женского вопроса. Именно в это время правовое положение женщины как равной мужчине было закреплено конституционально (Konstitutsiya RSFSR 1918 goda). Все для того, чтобы привлечь женщин в партийные ряды и повысить их активность в борьбе за социализм. Историки формирования концепции большевиков об освобождении женщин, организацию жен-

ского пролетарского движения и изменения труда, быта и частной сферы жизни женщины рассматривает И. В. Алфёрова (Alferova, 2011). В качестве одного из ключевых этапов женского вопроса в советской России 1917–1922 гг. рассматривают Н. Пушкарева (Pushkareva, 2012), М. И. Старуш (Starush, 2011), А. Митрофанова (Mitrofanova, 2018).

Особая роль в формировании нового мировоззрения возлагалась на искусство и его заразительность. Исследователи Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина и К. А. Дегтяренко (Koptseva, Seredkina, Degtyarenko, 2023) рассмотрели эстетические трансформации в 1917–1922 гг., повлиявшие на новое искусство. Историю и специфику создания художественных объединений в РСФСР отследили Н. А. Сергеева и Ю. С. Замараева (Sergeeva, Zamaraeva, 2023). Графику плаката как средство пропаганды борьбы за перемены в данный период времени изучили Н. Н. Пименова, А. А. Шпак, Т. К. Ермаков (Pimenova, Shpak, Ermakov, 2023). Изменение тематики и стилистики в искусстве 1917–1922 гг. в творчестве отдельных художников отмечали Н. М. Лещинская, М. В. Тарасова, М. А. Колесник (Leshchinskaia, Tarasova, Kolesnik, 2023) и другие.

Соответственно, перед искусством была поставлена задача сформировать новый образ женщины – прогрессивный, соответствующий требованиям времени (Plaggenborg, 2000; Shabatura, 2006). Репрезентацию женщин в раннесоветском искусстве плаката рассматривали В. Боннелл (Bonnell, 2009), О. О. Хлопонина (Khlopoinina, 2017), Н. В. Плунгян (Plungyan, 2017). Реконструкцию образа советской женщины в публикациях журнала «Работница» проводит Е. В. Болотова (Bolotova, 2018). Влияние идеологии и новой культуры на художественные решения образа женщины в кино отмечает С. Смагина (Smagina, 2019; 2023).

В целом обнаружено много исследований по «женскому вопросу» в РСФСР и СССР, имеются труды по женской об разности и ее репрезентации в плакатном искусстве и кино. Тем не менее стоит отметить что названные исследования охватывают данный вопрос не в полной мере.

Отсутствует освещение трансформации образа женщины в искусстве живописи. Остается неясной роль данного вида искусства в продвижении новых идеалов и ценностей.

Методы

Методологическим основанием настоящего исследования являются концептуальные положения теории изобразительного искусства В. И. Жуковского, Н. П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004; Koptseva, Zhukovskiy, Pivovarov, 2006). В качестве основного метода в исследовании был выбран философско-искусствоведческий анализ, дающий возможность погружаться в содержание произведений изобразительного искусства. Данный метод был неоднократно апробирован в исследованиях направленных на изучение произведений изобразительного искусства (Sitnikova, Lee, 2022; Koptseva et al., 2021; Koptseva, Seredkina, 2021), а также произведений киноискусства (Reznikova, Sertakova, Sitnikova, 2022).

Исследование

Революционные события 1917 г. перевернули привычный уклад жизни и определили направления в развитии всех сфер культуры в новом государстве – Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (РСФСР), образовавшемся в пространстве Российской империи и существовавшем до образования в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Данный период вызывает исследовательский интерес не только историков, но и искусствоведов, культурологов, религиоведов. Становление и укрепление советской власти осуществлялось не только в ходе политических столкновений и боёв Гражданской войны, но и мягкими силами культуры, среди которых искусство. Искусство было призвано служить народу.

Мастера искусства по-разному отклинулись на революционные события. Многие, с восторгом принимая Революцию 1917 г., видели в перспективе не только политические трансформации, но и абсолютную свободу для творчества и развития искусства. Особую роль в развитии изо-

бразительного искусства сыграли Марк Захарович Шагал, Казимир Северинович Малевич, Лазарь Маркович Лисицкий, чьи творческие усилия соответствовали духу времени. Не боясь экспериментов, мастера создавали новое искусство. В области театрального творчества разворачивает реформаторскую деятельность Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В кино продолжает работать Яков Протозанов и Петр Чардынин, и пробуют свои силы Владимир Маяковский, Александр Разумный, Владимир Гардин.

В период с 1917 по 1922 г. формируется ряд творческих объединений. Среди них УНОВИС – «Увердители нового искусства» (1920–1921 гг., Витебск), стремящиеся к новому реализму, победе над условностями и к торжеству независимых формы, цвета, фактуры. «Обмоху» – «Общество молодых художников» (1919–1922 гг., Москва), увлеченных абстрактно-техническим творчеством, экспериментирующих с цветом и фактурой. «Рабочая группа конструктивистов Инхука» (1921–1922 гг., Москва), направившая свои усилия на «общественное переустройство» на конструктивистскую и изобретательскую деятельность в предметно-бытовой среде. Также в данный период зародилось объединение «Маковец» (1921–1927 гг., Москва), участники которого стремились к одухотворенному искусству и сохранению преемственности с великими мастерами прошлого.

Таким образом, можно отметить, с одной стороны, устремленность мастеров к новациям в искусстве, подобным революционным событиям потрясшим страну, а с другой – потребность творческих людей сохранять традиции, создавать одухотворенное искусство, несущее в себе живое и вечное.

В первые послереволюционные годы на законодательном уровне утверждаются ценностные константы, которые должны были стать прочным фундаментом нового государства. И сфера искусства, как один из способов утверждения новых идеалов, становится пространством поиска новых средств и способов визуализации идеа-

лов, формирования мировоззрения и новой системы ценностей, соответствующей гражданину РСФСР. Одним из ключевых и фундаментальных понятий было понятие свободы. Свобода от старого, открытость к новому – данные понятия трактовались в разных контекстах. Одно из многочисленных проявлений – это свобода женщин, трактовавшаяся, в частности, как равенство мужчин и женщин в правах и возможностях: получать образование, участвовать в политической деятельности, выбирать любую профессию.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей визуализации женских образов в изобразительном искусстве. Для философско-искусствоведческого анализа были выбраны работы мастеров живописцев, в чьем творчестве изображение женских персонажей является одним из ведущих направлений.

Давид Петрович Штеренберг в изучаемый период времени был знаковой фигурой в искусстве. С 1918 по 1920 г. заведовал отделом изобразительного искусства Народного комисариата просвещения, публиковал программные статьи про задачи искусства. В его работах новаторски соединялись минимализм, примитивизм и кубизм, но при этом все элементы изображения выглядели материально-достоверными и узнаваемыми.

В обозначенный период Давид Штеренберг пишет два ярких женских образа «Женщину на диване. Н. Д. Штеренберг» (рис. 1), в которой он изображает свою супругу и «Тетю Сашу». Несмотря на близкие отношения с изображаемыми, героини показаны несколько отстраненно. Их фигуры представлены в условной глубине, на переднем плане обязательно размещены элементы натюрморта, которые выступают своего рода границей между ними и зрителем.

«Женщина на диване» решена в светлых, блекло-желтых и охристых тонах. Образ героини дан возвышенно. Подобное качество формируется, во-первых, за счет отсутствия перспективы, из-за чего фигура перемещается в верхнюю часть холста, а, во-вторых, за счет явного приподняния фигуры подушкой и спинкой кро-

Рис. 1. Давид Штеренберг «Женщина на диване. Н.Д. Штеренберг», 1920. 142×107 см.
Холст, масло. Частная коллекция

Fig. 1. David Shterenberg "The woman on the couch. N. D. Shterenberg", 1920. 142×107 cm.
Oil on canvas. Private collection

Режим доступа: <https://artchive.ru/>

вати, которые отражают явное цитирование картин старых мастеров («Спящая Венера» Джорджоне, «Венера Урбинская» Тициан, «Маха» Ф. Гойя, «Олимпия» Э. Мане и др.). Невесомость героине придает и белое платье, выделяющееся на фоне фактурной диванной ткани. Яркой деталью произведения является блюдо. В нем представлены кусочек ржаного хлеба, спелая груша и завиток кожуры апельсина, которые можно проинтерпретировать как знаки бедного и голодного времени, так и символы чистоты, вечной жизни и духовного наполнения.

Ранее Д. Штеренберг уже обращался к сличию современных героев с религиозными и мифологическими образами. Так, в работе «Завтрак» 1916 г., женщина явно отождествлялась с Евой. В анализируемом варианте супруга сопоставляется с богинями прошлого. Ее красота, возвышенность, изображение возлежащей на диване отсылает к мифологической богине красоты и любви – Венере. Плоскостное решение работы, светлый, золотистый колорит, нимбобразная спинка кровати и символичность

элементов на блюде раскрывают иконописные черты религиозного женского образа – задумчивой Мадонны.

Героиня произведения «Тетя Саша» (рис. 2) исполнена в темных тонах. Сдержанний и отстраненный облик героини – пожилой крестьянки – притягивает взгляд. Как и в предыдущей работе внимание сконцентрировано на плоскости стола и лавки, на которых представлены скучные дары земли – небольшой кочан капусты, корнеплод редьки, два корня петрушек, несколько картофелин в лукошке. Цветовой аскетизм вкупе с изображенными предметами демонстрируют образ голодного времени и разрухи после Гражданской войны. При этом данные элементы вновь преисполнены символизма. Знаки овощей раскрывают простоту героини, ее укорененность, тесную связь со своей землей. На это же указывает и обилие коричневого цвета на картине, включая загорелое лицо героини. Сопоставление тети Саши с окном духовно возвышает скромную сцену, показывая не только простоту героини, но и ее внутреннюю чистоту и красоту.

Рис. 2. Д.П. Штеренберг «Тетя Саша», 1922–1923. Холст, масло. 130 x 98. ГРМ

Fig. 2. D.P. Shterenberg "Aunt Sasha", 1922–1923. Canvas, oil. 130 x 98. TIMING belt

Режим доступа: <https://artchive.ru/>

Тихов Виталий Гаврилович – один из последних выпускников Академии художеств, с 1916 г. являющийся экспонентом Товарищества передвижных художествен-

ных выставок. Он всегда поддерживал идею, что искусство оказывает влияние на формирование личности, как эстетически, так этически. В 1930-х гг. он полностью перейдет к тематике строительства нового общества и будет воспевать в работах индустриализацию. Но в первые годы после революции основной мотив его творчества – красота. В первую очередь он обнаруживал ее проявление в женщинах и их тела.

Произведение «В бане» (рис. 3) демонстрирует мастерскую компоновку женских обнаженных тел в тесном пространстве купальни. Подобный мотив имеет классическую традицию, отраженную в «Турецкой бане» Ж.О.Д. Энгра и работах импрессионистов (Э. Мане, Э. Дега). Композиция выстроена так, что тела женщин выстроены кругом, ввод в который осуществляет сидящая спиной к зрителю героиня с шайкой. Женщины возвыщенно прекрасны и чисты. О чем свидетельствует не только само место действия – баня, но и то, что позы героинь, принимающих банные процедуры, лишены откровенной эротизации. Мягкий свет и клубящийся пар превращают распаренные пышные тела красавиц в чудесное видение и божественное откровение. Композиция, закручиваясь спиралью, находит выход в свете центрального окна, крестообразная рама которого символически придает всей сцене характер религиозного очищения.

Рис. 3. В.Г. Тихов «В бане», 1921. 98 x 124. Холст, масло. ГТГ, Москва
Fig. 3. V.G. Tikhov "In the bathhouse", 1921. 98 x 124. Oil on canvas. GTG, Moscow
Режим доступа: <https://artchive.ru/>

Другие работы В.Г. Тихова, созданные в изучаемый период времени – «Портрет Обнажённой» (1919) и «Обнажённая» (1920), также отражают его восприятие женщины. Художник часто отождествляет женщину с богиней, видит в ней не только проявление красоты, но и чистоты, которая так жизненно необходима в сложные исторические времена.

Художник Абрам Ефимович Архипов был родом из крестьянской семьи. И тема сельской жизни, крестьянства была ведущей на протяжении всего его творческого пути. Женские персонажи встречаются во многих его жанровых работах, а также в качестве отдельной линии творчества можно выделить портреты крестьянок. В советское время именно это направление становится ведущим в его творчестве. А.Е. Архипов был из тех мастеров, кто принял и понял революционные преобразования России. В 1918–1920 гг. он был преподавателем СГХМ («Свободные государственные художественные мастерские»), и в 1922–1924 гг. преподает во ВХУТЕМАСе. В изучаемый в настоящем исследовании период в творчестве мастера проявляется доминирование портретов крестьянок. Его героями были девушки и женщины Нижегородской и Рязанской губерний. Сложилась особая манера их изображения в работах А.Е. Архипова. В качестве репрезентанта можно рассмотреть произведение «Женщина в красном» 1919 г. (рис. 4).

В пространстве избы представлена пышнотелая румяная женщина. Изображение её фигуры заполняет практически всё пространство картины. Художник мало внимания уделяет проработке фона, не прописывает детали. Вся работа выполнена широкими размашистыми мазками, автор сосредотачивается на проработке нюансов, он создает обобщенный образ. Но всё же в глубине пространства вполне прочитывается беленая печь с полатями, а также отмеченный синим пятном горшок в правой части картины, расположенный у подножия печи. Героиня широко улыбается и не смотрит на зрителя, её мысли

Рис. 4. А.Е. Архипов. «Женщина в красном», 1919. 185 × 85. Холст, масло.

Нижегородский государственный художественный музей

Fig. 4. A.E. Arkhipov. "The Woman in Red", 1919. 185 x 85. Canvas, oil.

Nizhny Novgorod State Art Museum

Режим доступа: <https://artmuseumnn.ru/upload/image/Архипов%20Женщина%20в%20красном.jpg>

в ином пространстве. Она в ярком красном платье, шея украшена голубыми, вероятно, бирюзовыми бусами, а голова покрыта светлым платком, который не скрывает красоту длинной богатой косы. Головной убор украшен цветочным узором, который уподобляет его яркому живому венку. Сложеные на коленях руки женщины бережно поддерживают сосуд, написанный глубоким зеленым цветом, активно контрастирующим с платьем. Сосуд укутан светлой тканью, которая перекликается с платком на голове героини. Дородная улыбающаяся крестьянка подобна наполненному сосуду, она пышет здоровьем, радостью, теплом, как печь, изображенная позади неё. Её об-

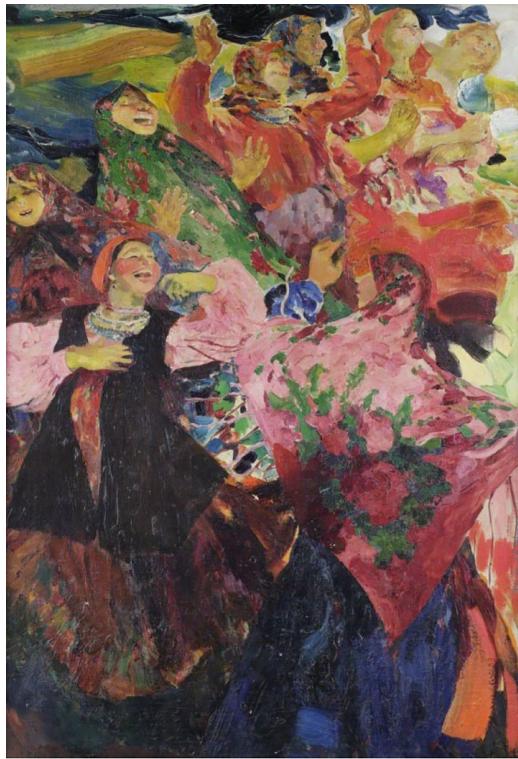

Рис. 5. Ф.А. Малевин. «Деревенский танец», 1920. 116 x 81. Холст, масло.
Частная коллекция

Fig. 5. F.A. Malyavin. "Village dance", 1920.
116 x 81. Canvas, oil. Private collection

Режим доступа: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Филипп_Андреевич_Малевин_-_Деревня_танца.jpg

раз вполне соотносим с образами древних богинь, дарующих жизнь.

Разнообразные оттенки красного цвета мастер неоднократно использует в работах послереволюционного периода, в том числе и в женских портретах («Весёлая девушка» и «Молодая крестьянка» 1920 г., «Портрет крестьянской девушки» 1920-е гг.). Символика данного цвета, с одной стороны, уводит к традиционным смыслам, свойственным крестьянской исконно русской культуре: красный – значит красивый, праздничный. Но после 1918 г. добавляются новые смыслы, связанные с революцией. Таким образом, мастеру удается посредством нарядных ярких портретов крестья-

нок простирать связь между традиционной русской культурой и постреволюционной действительностью.

Ещё один мастер изображения крестьянских сюжетов – Филипп Андреевич Малевин. Так же, как и А.Е. Архипов, Ф.А. Малевин неоднократно в качестве героинь своих живописных работ выбирал крестьянок. Мастер писал как их портреты, так и групповые сцены, зачастую наполненные буйством цвета и движения. Работа «Деревенский танец» 1920-х гг. (рис. 5) – одна из последних, где художник использует яркую палитру и сложные ракурсы в многофигурной композиции. Нарядные бабы движутся в разухабистом танце – каждая в особенной позе, расположения их тел в пространстве уникальны – нет повторов. Художник выстроил их по круто изогнутой линии, которую можно сравнить с изгибами рек. И движение героинь деревенского танца, также стихийно и динамично, как полноводная река. В их платьях и платках представлены всевозможные цвета и оттенки, на их лицах весь спектр радости и позитива – от улыбки до заливишего смеха. Они полны жизни и радости, полностью поглощены движением. Движение как символ жизни, в противоположность статике, безжизненному покою, охватывает крестьянок и вырывает их из обыденности, поднимает значение деревенского танца до уровня ритуала, сравнимого с неистовыми танцами вакханок.

Заключение

Обращаясь к анализу произведений, созданных в 1917–1922 гг., обнаруживается, что качества революционерок и соратниц мало интересовали мастеров-живописцев. Работы изучаемого периода создавались преимущественно мастерами, получившими классическое художественное образование, чье творчество (взгляды и стиль) сформировалось в период Российской империи. Отсюда наблюдается явная двойственность работ. Художники переосмыслили традиционную художественную культуру, находя новые решения в композиции, приемах, манере письма, образах своих персонажей. В ряде рассмотренных картин женщины

явно отождествляются с мифологическими (Венера, Вакханки) и религиозными образами (Ева, Мария), что придает их изображению возвышенный, одухотворенный смысл. Простые крестьянки преображаются, возвышаются, в них ценится их жизненная сила, способность источать тепло и радость. Таким образом, женщина в своей простоте, чистоте и красоте виделась спасением в реальных исторических проблемах, противостоянием тому хаосу, который неизбежно обнаруживал себя в последствиях Гражданской войны.

Казалось бы, образы революционерок, работниц, женщин товарищей, бойцов

за светлое будущее должны быть в приоритете. Но произведения на данную тематику встречаются в жанре плакатного искусства – более демократичного и отзывчивого к веяниям эпохи. Тогда как героини, утрачивающие в борьбе за равенство свою женственность, мало интересовали живописцев в период 1917–1922 гг. Живопись как вид искусства более высокий, в сравнении с демократичным плакатным, напрямую сообщающим ту или иную идею, обращается к глубинным смыслам, затрагивает традиционные, исконно ценные качества женственности, которые не перестают быть важными при любых обстоятельствах.

Список литературы / References

- Alferova I. V. “*The Women’s Question*” in the Theory and Practice of Bolshevism. Bryansk, 2011. 352. EDN UCUALL.
- Bolotova E. V. Formation of the image of a Soviet woman in the 20–30s. XX century (based on publications of the magazine “Rabotnitsa”). In: *Bulletin of Humanitarian Education*, 2018, 2, 60–69. DOI 10.25730/VSU.2070.18.021.
- Bonnell V. Representation of Women in Early Soviet Posters. In: *Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism*. Red. Ye. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov. Moscow, 2009. 264.
- Khloponina O. O. “Women’s World” in Soviet Posters of the 1910s–1930s: Evolution of Mythological Constructs]. In: *Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, 4, 287–295. EDN YQKMRN.
- Constitution of the RSFSR of 1918*. Available at: <http://www.greatflags.su/dokumentyi/konstitutsiya-rsfsr-1918-goda.html> (accessed 11.09.2024).
- Koptseva N. P., Seredkina N. N., Degtyarenko K. A. Aesthetic transformations as an ideological basis of Soviet fine art in 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*, 2023, 16(4), 522–535. EDN NZUUTM.
- Koptseva N. P., Degtyarenko K. A. Shpak A. A. The journal “Nature and People” (1910) as a source on the history of the peoples of the Russian Empire. In: *Bygone Years*, 2021, 16(2), 990–999. DOI 10.13187/bg.2021.2.990. EDN TWZTDB.
- Koptseva N. P., Seredkina N. N. The journal “North” (1903) as a historical source: on the issue of education reform in the Russian Empire. In: *Bygone Years*, 2021, 16(1), 343–356. DOI 10.13187/bg.2021.1.343. EDN XYJIOS.
- Leshchinskaia N. M., Tarasova M. V., Kolesnik M. A. Paintings by Boris Mikhailovich Kustodiev from the period 1917–1922: philosophical and art criticism analysis. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social sciences*, 2023, 16(4), 536–550. EDN MDDBEH.
- Mitrofanova A. The Gender Revolution of 1917. In: *New Literary Review*, 2018, 1(149), 548–563. EDN YUYJHN.A
- Pimenova N. N., Shpak A. A., Ermakov T. K. The Genre of the Soviet Poster in the Fine Arts of 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social sciences*, 2023, 16(4), 580–593. EDN FGTIYC.
- Plaggenborg St. *Revolution and Culture: Cultural Landmarks in the Period between the October Revolution and the Era of Stalinism*. SPb., 2000, 416.
- Plungyan N. V. Female images in mass propaganda during the revolution and civil war: from symbol to mask. In: *Neprikosnovenny zapas. Debates on politics and culture*, 2017, 6(116), 88–104. EDN YQRJZW.

- Pushkareva N. The Gender System of Soviet Russia and the Fates of Russian Women. In: *New Literary Review*, 2012, 5(117), 8–23. EDN PFSTCP.
- Sergeeva N. A., Zamaraeva Yu. S. Creation of new artistic associations in the Soviet fine arts 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social sciences*, 2023, 16(7), 1043–1061. EDN YDDUBL.
- Shabatura Ye. A. *The image of the “new woman” in Soviet culture 1917–1929*. Omsk, 2006. 25.
- Sitnikova A. A., Lee S. The image of China in the works of Krasnoyarsk artist Sergei Forostovsky. In: *Northern archives and expeditions*, 2022, 6(4), 87–98. DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-87-98. EDN OOZXNN.
- Sitnikova A. A., Sertakova E. A. Artistic image of artificial intelligence in animation of the 21st century. In: *Sociology of artificial intelligence*, 2022, 3(2). 57–70. DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-2-57-70. EDN FNLDPE.
- Smagina S. A. “New Woman” in Soviet Cinema of the 1920s as a Phenomenon. In: *Bulletin of Slavic Cultures*, 2019, 51, 257–266. EDN SRBCZO.
- Smagina S. A. *New Woman in Cinematography of Transitional Historical Periods*. Moscow, 2023, 376.
- Starush M. I. On the history of the “women’s question” in the USSR in the first post-revolutionary years. In: *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2011, 5(43), 59–64. EDN OJTOAN.
- Zhukovskiy V. I., Koptseva, N. P. *Propositions of the theory of fine arts*. Krasnoyarsk, 2004, 266. EDN QXPZAZ.
- Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P., Pivovarov D. V. *Visual essence of religion: monograph*. Krasnoyarsk: 2006, 460. EDN QUAYFJ.

EDN: ZRQLLW
УДК 7.067.3

The Journal “Art to the Masses” 1929–1930 as the Theory of Early Soviet Art Source

Natalia P. Koptseva and Yulia N. Menzhurenko*

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 16.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 21.01.2025

Abstract. The article presents the results of a cultural and theoretical-artistic analysis of text documents of the magazine “Art to the Masses” published in 1929–1930. Based on the text and conceptual analysis, a conclusion is made that it was at this time in a number of programmatic articles written by the first Soviet art critics (F. S. Roginskaya and L. Roshchin, among others), in discussions, debates, reviews and various forms of art criticism that the basic principles of the development of Soviet culture in the aspect of discussing proletarian fine art were formed. It was these principles that laid the foundations of the basic artistic cultural practices, the sum of which constitutes the space of Soviet culture. Thus, in the article “On the Question of the Creative Method” by Frida Solomonovna Roginskaya and in the articles “Art in Captivity of Borrowings”, “Functionalism is Not Our Style” by L. Roshchin, all the programmatic statements that were subsequently implemented both in creativity and in artistic visual education in the USSR are set out.

Keywords: history of Soviet art, Soviet culture, cultural policy, F. S. Roginskaya, L. Roshchin, the magazine “Art to the Masses”, Theory of Soviet Art, functionalism, constructivism, continuity of culture, proletarian style.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Koptseva N. P., Menzhurenko Yu. N. The Journal “Art to the Masses” 1929–1930 as the Theory of Early Soviet Art Source. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 287–298. EDN: ZRQLLW

Журнал «Искусство в массы» 1929–1930 гг. как источник по теории раннего советского искусства

Н.П. Копцева, Ю.Н. Менжуренко

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье представлены результаты культурологического и теоретико-искусствоведческого анализа текстовых документов журнала «Искусство в массы» 1929–1930 гг. издания. На основании текстового и концептуального анализа делается вывод о том, что именно в это время в ряде программных статей, написанных первыми советскими искусствоведами (Ф. С. Рогинской и Л. Рошиной в том числе), в дискуссиях, обсуждениях, обзорах и различных формах художественной критики были сформированы основные принципы развития советской культуры в аспекте обсуждения пролетарского изобразительного искусства. Именно эти принципы заложили базовые художественные культурные практики, сумма которых и составляет пространство советской культуры. Так, в статье «К вопросу о творческом методе» Фриды Соломоновны Рогинской и в статьях «Искусство в плену заимствований», «Функционализм – не наш стиль» Л. Рошина изложены все программные заявления, реализованные впоследствии как в творчестве, так и в художественном изобразительном образовании СССР.

Ключевые слова: история советского искусства, советская культура, культурная политика, Ф. С. Рогинская, Л. Рошин, журнал «Искусство в массы», теория советского искусства, функционализм, конструктивизм, преемственность культуры, пролетарский стиль.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство).

Цитирование: Копцева Н. П., Менжуренко Ю. Н. Журнал «Искусство в массы» 1929–1930 гг. как источник по теории раннего советского искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 287–298. EDN: ZRQLLW

Введение

Советская культура формировалась в трудах деятелей искусства, которые во многом направлялись теоретическими работами советских искусствоведов-теоретиков. Теория советской культуры, советского искусства (как базы советской культуры) фиксировалась в разных культурных практиках: в формировании и распространении советских и партийных документов в области культуры и искусства (Koptseva et al., 2023; Koptseva et al., 2024), в деятельности Академии художеств СССР и ее республиканских отделений, в издании

книг, брошюр, в издании научной, научно-популярной литературы, в том числе в формате искусствоведческих журналов, в распространении художественной критики в советской и даже партийной периодической печати (если произведение искусства значительно затрагивало идеологические принципы того времени). Постепенно формируется новая академическая группа искусствоведов-теоретиков, которые объединяются либо вокруг искусствоведческих журналов, либо вокруг научно-исследовательской деятельности в научных институтах, на кафедрах, в издательствах.

В настоящее время исследования советских искусствоведческих журналов в качестве источника по изучению теории раннего советского искусства еще только начинаются. Как правило, это дескриптивные тексты, обозначающие роль того или иного журнала или его авторов в процессе формирования советского искусства и шире – советской культуры. Однако существует запрос и на концептуальные обобщения, связанные с ранним советским искусствоведением, где была сформирована теория советского искусства. Причем этими теоретическими положениями действительно руководствовались советские художники. В 1960–1970-е гг. отказ от следования этим положениям приводит к появлению феномена диссидентского искусства, своеобразного нового авангарда. И для понимания процессов раннего советского искусства, и для изучения более поздних процессов послевоенной эпохи равным образом необходимо разобраться в истоках этих теорий, обозначить ученых, которые создавали и закрепляли в своих трудах принципы советской культуры, советского искусства.

Данное исследование выполнено на основе источниковедческого анализа ряда текстов журнала «Искусство в массы» 1929–1930-х гг. издания (*Art for the masses*, 1929, 1930). Журнал выступает репрезентантом определенного количества таких изданий, в числе его авторов – советские искусствоведы, художественные критики, которые делают первые шаги в теоретизировании о том, каким должно быть советское искусство и как именно принципы социалистического реализма должны воплощаться в творчестве художников СССР. Нельзя сказать, что это была простая задача. В одном теоретическом пространстве необходимо было объединить принцип признания универсальной ценности «классического» искусства мира и новые произведения советских художников, происходящих из разных социальных классов, сословий, народов, объединенных стремлением активно создавать новую социалистическую культуру.

Основой исследования выбрана концепция Д. В. Пивоварова культуры как идеалообразования (Zhukovskiy et al., 2006; Libakova

et al., 2014; New Art Criticism ..., 2015; New Siberian Sinology ..., 2018; Sitnikova, 2021; Koptseva, 2020; Seredkina, 2022; et al.), которая неоднократно в контексте художественной культуры апробирована для анализа художественных процессов как в историческом (Leshchinskaia, 2021; Sitnikova and Li, 2022; Borodina, 2023 et al.), так и в актуальном контекстах (Ermakov et al., 2023). Используется теория искусства В. И. Жуковского, Н. П. Копцевой (Zhukovskiy and Koptseva, 2004), где произведение искусства понимается как художественный образ (Koptseva and Zhukovskiy, 2008; Russian cultural ..., 2023; Kovalevskii, 2024 et al.), как результат игрового взаимодействия между зрителем и произведением искусства как «вещью». Данная теория была апробирована в культурологических и искусствоведческих исследованиях в историческом и современном аспектах (см. Sertakova et al., 2016; Sertakova et al., 2022; Kolesnik et al., 2019; The Image of Artificial ..., 2023; Baklanov, 2024; Zhuromskaia and Sertakova, 2024; Mikhailova, 2023; et al.).

**Вопросы теории советского искусства
в публицистике Ф. С. Рогинской,
изданной в журнале
«Искусство в массы» 1929–1930 гг.**

Журнал «Искусство в массы» в контексте деятельности Ассоциации революционных художников (АХР) был исследован Степаном Сергеевичем Бакарягиным в статье «Журнал «Искусство в массы» как источник изучения художественной культуры СССР на рубеже 1920–1930-х гг.» (Bakaryagin, 2020). Поэтому нет необходимости сейчас подробно описывать исторические обстоятельства возникновения и трансформации содержания журнала. Обратимся непосредственно к его публикациям авторства Фриды Соломоновны Рогинской (1893–1963), искусствоведа и публициста, научного сотрудника Научно-исследовательского института теории и истории изобразительного искусства Академии художеств СССР. В открытой печати ее деятельность описана крайне скучно. Так, ее имя чаще всего упоминается в связи с ее авторством знаковой книги «Пере-

движники» (Roginskaia, 1993) (эта книга в первом издании имела несколько другое название: «Товарищество передвижных выставок. Исторические очерки» (1989), возможно, это своеобразный итог искусствоведческой деятельности Ф. С. Рогинской), книги «Советский текстиль» (Roginskaia, 1930). Она упомянута в статье И. А. Мирлас о творчестве Д. В. Мирласа (Mirlas, 1921), в сборнике документов «Художественная жизнь Советской России 1917–1932» (2010), в статье К. Л. Гусевой «Рецепции авангарда в советском массовом текстиле 1930-х годов» (2024), в статье Е. Э. Суровой «Художник в контексте эпохи: к юбилею А. А. Дейнеки» (2024). Личностные черты Ф. С. Рогинской немного раскрываются в предисловии к книге «Передвижники», где упомянуто, что книга опубликована уже после ее смерти и что, возможно, сама Фрида Соломоновна могла бы доработать ее в духе времени 1980-х гг. с учетом новых документов, но этого не случилось.

Однако в искусствоведческих изданиях советского периода можно встретить не только академическое издание ее монографии «Передвижники», но и целый ряд других работ Ф. С. Рогинской, в том числе ее книги «Советский лубок» (1929), «Архитектура клубного здания» (упоминается в статье И. А. Мирлас) (1932), «Григорий Григорьевич Мясоедов» (1948), «Искусство Советской Грузии: Очерки по истории живописи, скульптуры и графики» (1952), «Мария Сергеевна Назаревская» (1955), «Лукиан Васильевич Попов: 1873–1914» (1961), «Художники Москвы и Ленинграда» (1957), «Петр Владимирович Сабсай» (1958), «Заир Исаакович Азгур» (1961). В эти годы Фрида Соломоновна Рогинская – зрелый и состоявшийся искусствовед, научный сотрудник академического института. Но в данной статье предлагается рассмотреть ее произведения, опубликованные в журнале «Искусство в массы», когда ей было 36–37 лет и когда ее трудами и создавалась теория советского искусства на достаточно ранней стадии становления данной теории.

Всего в 1929–1930 гг. в журнале «Искусство в массы» было опубликовано 7 статей

Ф. С. Рогинской, т.е. в значительном количестве выпусков (более 50 %) был обязательным опубликован ее текст. Названия статей Ф. С. Рогинской: «Болезни ИЗО-клубной работы» (1929), «Очередные задачи на фронте производственных искусств» (1930), «Женщина и художественное производство» (1930), «Против культа французов» (1930), «Лицо ОСТ» (1930), «Октябрь в изображении художников» (1930), «К вопросу о творческом методе» (1930). Практически все статьи Фриды Соломоновны проиллюстрированы репродукциями современных ей пролетарских художников, скульпторов, графиков (рис. 1, 2).

Рассмотрим теоретические принципы советского искусства, которые были изложены в статье Ф. С. Рогинской «К вопросу о творческом методе» (1930). Эта статья дискуссионная, о чем сразу же сообщается в предисловии редакции: «Статья т. Рогинской помещается как дискуссионная. Редакция не разделяет некоторых положений статьи. Оставляя за собой право в дальнейшем полемизировать с т. Рогинской по отдельным установкам, редакция уже сейчас отмечает следующее: статья совершенно обходит вопрос о правой опасности, по которой, в разрезе взятой темы, необходимо было ударить со всей силой. В части статьи, направленной против т. Маца, не указывается, что т. Маца уже не стоит на своих старых, механистических позициях» (Roginskaia, 1930, № 6: 6). «Т. Маца» – это Иван Людвигович Маца (1893–1974), который был крупным художественным критиком в Советской России в 1920–30-е гг. В 1929 г. он основал Всероссийское общество (Всесоюзное объединение) пролетарских архитекторов, которое позже вошло в Союз архитекторов СССР. Впоследствии – доктор искусствоведения, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В этом же выпуске № 12 за 1930 г. журнала «Искусство в массы» опубликованы тезисы его доклада «Проблема творческого метода в пролетарском искусстве» (Matsa, 1930). Именно с положениями доклада И. Л. Мацы, кото-

рый был сделан им на заседании секции искусства Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии 28 октября 1930 г., по мнению редакции, и дискутирует Ф. С. Рогинская.

Однако предварительный анализ текста статьи Ф. С. Рогинской показывает, что эту статью можно рассматривать как достаточно самостоятельное произведение, где она, да, вступает в дискуссию, но гораздо более широкую, чем в дискуссию только с И. Л. Мацой. В зоне ее внимания статья Белы Уитца об идеологических формах (рис. 1), а также безымянная статья в берлинской «Freiheit» от 19 июля 1921 г., где описываются формы общественных поселков и обосновывается целесообразность применения для этих форм круга.

Структура статьи Ф. С. Рогинской «К вопросу о творческом методе» включает следующие элементы: 1. Против метафизики и схоластики. 2. Исходный пункт – классовость искусства. 3. За «литературщину».

4. За диалектический метод. 5. О культурном наследии, или жемчужных зерен не ищут в навозных кучах. Самый маленький объем – у первого раздела, самый большой объем – у последнего раздела. Зафиксируем основные тезисы каждого раздела статьи.

1. «Все эти рассуждения об извивающихся колоннах и лесных грибах не что иное, как такая же беспочвенная попытка найти «идеологическую форму». Можно смело сказать, что все аналогичные попытки будут сопровождаться столь же успешными результатами, как и попытки алхимиков приготовить в реторте живого человека» (Roginskaya, 1930, № 12: 7).

2. «Искусство – одно из мощных орудий выработки классового самосознания и самоутверждения класса. Искусство – средство противоположения его другим классам. Причем искусство нисходящих эксплуататорских классов обычно всячески маскирует свои классовые функции. Искус-

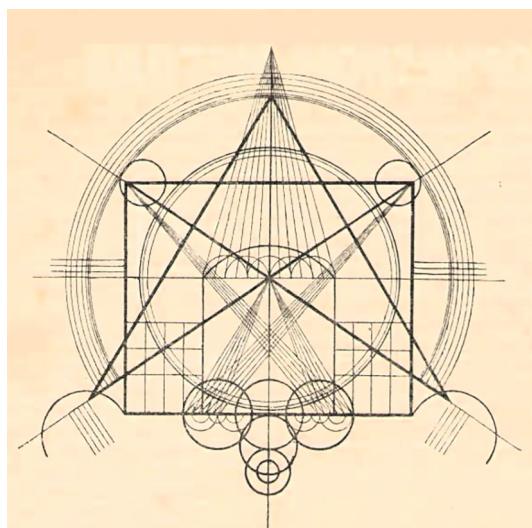

Рис. 1. «Идеологическая форма Б. Уитца». Иллюстрация к статье Ф. Рогинской «К вопросу о творческом методе». Рогинская Ф. К вопросу о творческом методе // Искусство в массы. 1930. № 12. С. 8

Fig. 1. "The ideological form of B. Witz". Illustration to the article by F. Roginskaya's "On the question of the creative method". Roginskaya F. On the question of the creative method // Art for the masses. 1930. No. 12. p. 8

Рис. 2. Скульптура О. К. Сомовой «Партизанка». Иллюстрация к статье Ф. Рогинской «Октябрь в изображении художников // Искусство в массы. 1930. № 10–11. С. 4

Fig. 2. Sculpture by O. K. Somova "Partizanka". Illustration to the article by F. Roginskaya's "October in the image of artists // Art to the masses. 1930. No. 10–11. p. 4

ство же классов подымающихся выходит с открытым забралом, помогая утверждению в массах одного класса мировоззрения, вырабатываемого его авангардом» (Roginskaia, 1930, № 12: 8).

3. «Последовательное осуществление лозунга о наличии каких-то особенных задач и совершенно своеобразных методов у изоискусства ведет в конечном итоге к беспредметничеству, к схеме, к геометрической символике магических треугольников, к превращению изоискусства в «вещь в себе», доступную только самому художнику и ничего не говорящую зрителю (кроме разве узкому кругу буржуазных эстетов). Утверждение же общности задачи методов всех видов искусства приводит к проблеме образного искусства, к анализу того, в чем специфичность методов образного воздействия для пролетарского и, наконец, в чем специфичность средств пролетарского искусства» (Roginskaia, 1930, № 12: 9).

4. «Говоря о будущей социальной революции, Маркс указал, что она «может почертить для себя поэзию не из прошлого, а из будущего». То же самое можно сказать про искусство социальной революции. Но так как это будущее заложено в нашей конкретной действительности и так как главные артерии этой конкретной действительности – это, да, действительность, которая куется в индустриальных, совхозных и колхозных центрах, то наиболее существенная предпосылка для продуктивной работы – это метод изучения действительности на местах. Художник раскрывает свои задачи посредством конкретного зрительного образа» (выделено Ф. С. Рогинской). Он никогда не даст ничего мощно воздействующего на зрителя, если творчески не сольется с задачами социалистической стройки, если не проникнет в глубины нашей действительности, не поймет пружин изменения этой действительности.

<...> Как производить выборку из этого огромного живого материала, чтобы обработать его в плане диалектического метода?

По краткости места здесь есть возможность остановиться только на двух моментах:

1) Путем отбрасывания всего *случайного* (выделено Ф. С. Рогинской), имеющего интерес лишь как индивидуальное или частное явление.

2) Путем стремления к предельной *ясности* (выделено Ф. С. Рогинской), раскрытия связей явления, той самой ясности, которую Ленин считал столь необходимой для пролетариата» (Roginskaia, 1930, № 12: 10).

5. Если мы не желаем загромождать творческие искания пролетарского искусства в отношении культурного наследия «тем хламом, который не нужен», тогда мы должны обратить его от искусства исторически гибнущего класса к культурному наследию революционных, подымающихся классов, культурному наследию эпох, выдвигавших материалистические и освободительные идеи (выделено Ф. С. Рогинской).

<...> Наряду со стремлением «поддержать свой энтузиазм на высоте великой исторической трагедии», революционное искусство подымающихся классов связано с богатым расцветом социальной сатиры, социальной сатиры, изучение которой тоже должно оказаться чрезвычайно полезным для творческого метода пролетарского искусства.

И, наконец, потому что и энтузиазм, и сатира служили целям борьбы, которая – при всей ее ограниченности – велась для того, «чтобы разорвать мертвящие социальные, политические и духовные оковы», наложенные классами, обреченными на гибель.

Повторяю, однако, пролетарское искусство не может быть эпигонским. Не может быть и речи, конечно, о каких-нибудь попытках возрождения классицизма и т. п. Социальная революция «может почертить для себя поэзию не из прошлого, а только из будущего» (Roginskaia, 1930, № 12: 11).

В данной статье для концептуальной поддержки Ф. С. Рогинская обращается к цитированию В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Цеткин, а также к опоре на эстетику Г. В. Ф. Гегеля, где она оговаривается, что речь идет об идеалистической форме диалектики, тогда как метод пролетарского искусства связан с материалистической диалектикой художественного процесса (Roginskaia, 1930, № 12: 10).

Статья Ф.С. Рогинской «К вопросу о творческом методе» представляет собой репрезентант манифестации принципов и методов «пролетарского искусства», что оформлено ею и другими теоретиками искусства и культуры в стиль социалистического реализма. Даже самое поверхностное знание истории советского искусства и советской культуры дает возможность убедиться в том, что данная статья является программой художественного творчества в рамках изобразительного искусства до самых последних лет советской культуры, а в форме образовательных практик и практик, рекомендованных в различных творческих союзах, существующих и в настоящее время. Кажется, что единственное заявление о стремлении пролетарского искусства в будущее принимает в советской культуре характерные формы изображения идеальных советских людей, идеальных производственных и культурных взаимоотношений (включающих, конечно же, борьбу за установление этого лучшего будущего), а также научно-фантастические сюжеты детской литературы, взрослой художественной литературы, живописи (например, космонавта Алексея Леонова), кинематографа, мультипликации, декоративно-прикладного искусства, включая искусство плаката и ряд других.

Таким образом, содержание статей Ф.С. Рогинской 1929–1930-х гг., опубликованных в журнале «Искусство в массы», в полной мере выражает (создает) раннюю теорию советской культуры в аспекте пролетарского изобразительного искусства. В дальнейшем эти принципы были распространены на различные формы советской культуры и воплотились в реальных художественных практиках многих советских художников.

**Теория советского искусства
раннего периода в статьях Л. Рошина,
опубликованных в журнале
«Искусство в массы» в 1929–1930 гг.**

Всего в 1929–1930 гг. в журнале «Искусство в массы» было опубликовано 4 статьи

Л. Рошина: «Искусство в плену заимствований» (1930); «Отгородившиеся от жизни» (1930); «Функционализм – не наш стиль» (1930); «Искусство, требующее признания» (1930). Рассмотрим теоретические принципы советского искусства, которые были изложены в данных публикациях.

В статье «Искусство в плену заимствований» Л. Рошин поднимает достаточно дискуссионный в советской среде вопрос – вопрос культурной преемственности. Автор полагает, что в области искусства опасность идеологического заражения наиболее высока. В своих статьях он полемизирует по поводу понимания марксистско-ленинских положений о культурном наследстве различными истолкователями.

Кроме того, автор отмечает, что предпринимаются попытки пересмотра марксистского искусствоведения с позиции теоретических положений конструктивизма, функционализма, «лефизма» в живописи и т.д. Ярким примером такой практики Рошин считает организующиеся изо-выставки, которые, следуя западному мастерству, оказываются совершенно чуждыми и непонятными рабочему зрителю. Еще одним примером, по его мнению, является деятельность ВХУТЕИН, который выпускает оторванных от жизни, эпигонствующих мечтателей, а вовсе не инициативных, растущих из советской действительности художников. Чтобы разрешить такие спорные тенденции, касающиеся вопросов культурной преемственности, Рошин обращается к идеям В.И. Ленина как к отправной точке: «Пролетарская культура, должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновниччьего общества» (Lenin, 1967); «Без наследия капиталистической культуры нам не построить социализма» (Report of the Central..., 1919).

Рошин указывает, что многие, кто приводит в пример эти цитаты в защиту положения о том, что новая культурная формация строится из материала, который достался нам от старой культуры, не до конца пони-

мают всю суть этого вопроса и сами слова Ленина. Он критически анализирует, как истолковываются ленинские положения в статьях и выступлениях отечественных искусствоведов:

«Во-первых, ленинские положения о культурной преемственности истолковываются не только в том смысле, что мы должны использовать для строительства пролетарской культуры критически преодоленные ценности предшествующей культуры, но и в том смысле, что пролетарское искусство в своих творческих поисках должно идти от буржуазного искусства.

Во-вторых, этой системой нам навязывается мысль о самостоятельной решающей преемственности по линии искусств.

В-третьих, этой лже-ленинской системой настойчиво утверждается, что исходным пунктом для пролетарского искусства нужно считать именно искусство последней фазы капиталистического общества, как наследство особенно высокой ценности» (Roshchin, 1930, 5(13): 14).

Рошин считает неверным и вредным положение, что пролетарское искусство должно идти в своих исканиях от буржуазного искусства. В творческих поисках нужно исходить из нашей бурной действительности, из глубокого проникновения в ее сущность, из поисков соответствующего смелого художественного выражения этой действительности в новых образах, в новых формах искусства. Именно это, а не ориентировка на западничество должно иметь приоритет в творческой работе. Это также предполагает необходимость критического использования ценностей старых культур, тем более что никто из самых молодых художников не свободен от наследий опыта искусства прошлого.

Необходим диалектический подход к искусству. Искусство – надстройка, и развитие его в конечном счете определяется самодвижением экономического базиса. В этой установке Рошин ссылается на высказывания К. Маркса:

«Туманные образования в мозгу людей являются также необходимыми сублиматами их материального, эмпирически констатиру-

емого и связанного с материальными условиями жизненного процесса ... Только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой деятельности также свое мышление (Archive of K. Marx and F. Engels, 1924).

Рошин подвергает острому сомнению и упор некоторых искусствоведов в культурной преемственности на искусстве именно последней фазы капиталистического общества: «Конечно, мы многое усваиваем из экономики, техники последней фазы капиталистического общества. Но не нужно забывать, что в то же время мы создаем принципиально иную политическую систему, совершенно иную экономику, иные отношения классов, другие социальные связи, отношение людей к производству, иную психологию. И именно поэтому нам во многом ближе бодрая и ясная культура капиталистической юности и расцвета, чем упадочная, извращенная, совершенно чуждая рабочему классу культура отживающего капитализма» (Roshchin, 1930, 5(13): 14).

Что же касается самого искусства, то автор здесь применяет все вышеизложенные критические положения и в сторону многих художников АХР. Они также, по его мнению, идут не из поисков образов в советской действительности, а из буржуазного искусства и сложившихся ранее форм, для них творчество характерен пассивный натурализм, неопределенное передвижничество, «бестемпераментность», вялость кисти, топтание на старых путях.

В другой своей статье «Отгородившиеся от жизни» Рошин также демонстрирует правомерность своих положений на примере деятельности ВХУТЕИН, в особенности выставки «ударников-вхутениновцев»: «Все болезненное, отрицательное в формировании нашего художнического молодняка нашло здесь выпуклое, резкое выражение. И прежде всего – отрыв от нашей действительности, неумение чувствовать ее в образах и исходить из нее в формальных исканиях. Вместо этого «ударники» демонстрировали дешевое эпигонство, легковесное подражание большим мастерам, изготовление формальных амальгам, годных,

по их мнению, для одевания любой сюжетной схемы» (Roshchin, 1930, 2(10): 26).

Рошин стоит на позиции, что мы ничего не должны брать из структуры капиталистического общества: ни натурализма, ни импрессионизма, ни экспрессионизма, ни конструктивизма. Для принципиально новых культурных сплавов мы берем из капиталистической культуры только то, что нам нужно. Он считает, что советской стране как никогда нужны художники-революционеры и смелые поиски в искусстве. Материалистически-диалектический подход ко всей истории искусств, изучение текущей действительности даст возможность наметить направление творческих поисков для молодых художников. Путь к новому стилю – это коллективность в творчестве, расчет на массовость, переход к монументальности, сверхмерности, органическая увязка живописи и скульптуры с искусством массовых празднеств, с достижениями действительно советской архитектуры, смелые опыты с новыми материалами.

Л. Рошин призывает художников и искусствоведов начать борьбу за «действительно ленинскую политику» в искусстве, реконструировать живописный факультет, приблизить обучение на нем к производству (а также к деятельности клубов, к организации массовых празднеств, к художественным журналам, газетам и т.д.), изменить программы и методы воспитания молодого поколения художников.

В статье «Функционализм – не наш стиль» Рошин обращается к теме советской архитектуры. Социалистическое строительство разворачивается в бурном темпе, а вместе с ним – гигантские здания индустрии, учреждений, клубов, новые рабочие поселки, изменяющие лицо страны. Автор подчеркивает, что каждая вещь имеет свой язык, в том числе архитектура, в системе которой каждое возведенное здание приобретает право голоса в широчайшей аудитории.

Между тем Рошин отмечает, что для советской архитектуры характерны беспорядочность, случайность, разнобой в строительстве и в архитектурном язы-

ке. В архитектуре еще не найдено нового пролетарского стиля, который отразил бы в себе с нужной силой и выразительностью новые общественные отношения в целом, энтузиазм социалистического строительства, психологию нового коллективного человека. Советская архитектурная область не освоена еще диалектическим методом.

Функциональный метод в архитектуре выдвигался как метод, как стиль советской действительности. Этот стиль сложился в последнее десятилетие капиталистической культуры, и в нем объективировалось все своеобразие капиталистического заката: классовое угнетение, небывалый рост техники, подчиненный задаче выжимания прибавочной стоимости, делячество, стремление к целесообразности и экономии, игнорирование человеческого достоинства рабочего класса, подавление его культуры. Отсюда последовательно вытекало отрижение широкого массового искусства, в частности архитектуры, во имя технологизма и рационализма.

Рошин вступает в полемику с идеологом конструктивного функционализма, архитектором Р. Хигером, который стоял на позициях, что сущность построения социализма заключается в том, чтобы продолжать, развивать, усовершенствовать культурное наследие капиталистического общества. Рошин задается здесь вопросом: в чем тогда смысл социальной революции? В исторической смене культур Хигер видит только непрерывность, преемственность. Диалектика же не знает абсолютной непрерывности, преемственности – она во всем видит их единство. В интерпретации Л. Рошина Хигер отрицает в применении к архитектуре основное во всяком процессе – борьбу противоположностей, развитие через борьбу противоречий. Кроме того, критикует Рошин и следующее высказывание Хигера: «Вещь, как вещь – «красива» для нас, т.е. эмоционально выразительна лишь постольку, поскольку она логична, поскольку целесообразна, поскольку функционально выразительна» (Khiger, 1929).

Рошин полагает, что сведение языка архитектуры только к функциональной и ло-

гической выразительности это сведение одной качественности к другой, более простой, т.е. упрощенчеству (как одна из черт механистического мировоззрения).

Отрицание архитектуры как образного искусства, сведение его к инженерии, непонимание сущности стиля как общественного отношения, выраженного в системе образов, фактическое утверждение субъективизма в творчестве – все это не революционное откровение в области искусств (как это многие стараются изобразить), а только повторение положений западного, позднекапиталистического, стиля в архитектуре. По мнению Роцина, функционализм должен уступить место пролетарскому стилю.

В статье «Искусство, требующее признания» Роцин поднимает вопрос об огромном значении массовых празднеств. Он убежден, что современное ему искусство еще недостаточно реализует своей потенциал, что оно должно стать громадной формирующей силой в условиях напряженной социалистической стройки.

По мнению Роцина, ведущим видом искусства, революционизирующим и творчески питающим другие искусства, должны стать массовые празднества – они ближе всех искусств к советской действительности. Это колоссальный экран революционных идей, ориентирующих материалов и цифр, культурных лозунгов. Это возможность художественного воспитания масс. Но для всего этого массовые празднества должны быть организованы как тщательно продуманные цельные художественные произведения. Все виды искусства должны войти живыми частями в единый замысел массового празднества.

Таким образом, в статьях Л. Роцина, опубликованных в журнале «Искусство в массы», отрицается функционализм и конструктивизм как чужеродная пролетарскому искусству идеология, которая не может быть основанием для стилей советской

культуры, советского искусства. Автор призывает начать борьбу за действительно ленинскую политику искусства, применяя диалектико-материалистический метод.

Заключение

Художественные практики, совокупность которых в 1920–1980-е гг. составила систему советской культуры, закладывались в ранней теории советского искусства и советской культуры. Одним из основоположников теории советского (пролетарского) изобразительного искусства была публицист, искусствовед, научный сотрудник Фрида Соломоновна Рогинская, которая в своих программных манифестах, в обзорных и дискуссионных статьях, опубликованных в журнале «Искусство в массы» в 1929–1930 г., сформулировала важнейшее содержание программы пролетарского искусства, и данная программа потом была реализована в творчестве советских художников и в способах художественного образования, организации художественного творчества советской эпохи практически полностью. Целый ряд современных художественных практик также имеет свое происхождение из концептуальных принципов этой программы и может быть понят именно в этом контексте.

Другой автор дискуссионных статей журнала «Искусство в массы» Л. Роцин поднимает значимые для дальнейшего развития советского искусства вопросы, связанные с «правильностью» истолкования искусствоведами основных марксистско-ленинских положений относительно преемственности культуры. Автор вносит ряд важных замечаний в их трактовку и выделяет ключевые направления художественной деятельности, которые позволяют реализовать ленинскую политику, требующую выплавить новые формы массового искусства, установить принцип коллективности в творчестве и организовать эффективное художественное воспитание масс.

Список литературы / References

- The “Bulletin of Fine Arts” of the 1880s as a Source on the History of Art (an Art Historian’s Model). In: *Bygone Years*, 2023.
- Archive of K. Marx and F. Engels. Moscow, 1924. Kniga 1. 253.
- Bakaryagin S. S. The Journal “Art for the Masses” as a Source for the Study of the Artistic Culture of the USSR at the Turn of the 1920s and 1930s. In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, 4(115), 199–204.
- Baklanov Yu. A. Influence of Performatism Theory on the Modern Understanding of Performance as an Art Form. In: *Digitalization*, 2024, 5(3), 38–48. EDN: FSBYHW.
- Borodina M. A. Religious Issues in Historical-Revolutionary Works of the “Severe Style”. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2023, 7(2), 15–26.
- Guseva K. L. Reception of the Avant-Garde in Soviet Mass Textile of the 1930s. In: *HSE University Journal of Art & Design*, 2024. URL: https://art-journal.hse.ru/issue-1-2024/ksenia-guseva_recepctii-avangarda-v-sovetskoy-massovoy-tekstile-1930-h-godov
- Khiger R. Constructivism in Architecture. In: *Revolution and Culture*, 1929, 19/20, 26–31.
- Artistic Life of Soviet Russia. 1917–1932. Events, Facts, Comments. Collection of Materials and Documents. Moscow: Galart, 2010. 420.
- Kolesnik M. A., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. The Image of the Poet-Creator in the Symbolism of Gustave Moreau. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2019, 3(4), 25–37.
- Koptseva N. P., Pimenova N. N. Cultural Transformations: Opportunities for Study. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2020, 4(3), 36–44.
- Koptseva N. P., Zamarieva Yu. S., Menzhurenko Yu. N. The Policy of the Soviet People’s Commissariat and the Russian Communist Party (Bolsheviks) towards Visual Arts in 1917–1918. In: *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2024, 17(4), 666–680.
- Koptseva N. P., Zamarieva Yu. S., Menzhurenko Yu. N. The Formation of the Aesthetics of Soviet Design in the Activity of VKhUTEMAS from 1920 to 1922. In: *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2023, 16(11), 1936–1955.
- Koptseva N. P., Kolesnik M. A., Leshchinskaya N. M., Samarina D. N. Russian Cultural Identity in the Visual Arts of the 19th – Early 20th Century. Krasnoyarsk, 2023. 124. ISBN: 978-5-6043407-4-5. EDN: CBYTXX.
- Kovalevskii S. L. Victor Sachivko’s Sets. In: *Siberian Journal of Art Studies*, 2024, 3(3), 47–58. DOI: 10.31804/2782-4926-2024-3-3-47-58. EDN: HRMKRE.
- Lenin V.I. Collected Works. Moscow, 1967, 7, 317.
- Leshchinskaya N. M. Cultural Studies Approaches to the Analysis of Decorative and Applied Art Works. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2021, 5(2), 9–15.
- Matsa I. The Problem of Creative Method in Proletarian Art. In: *Art for the Masses*, 1930, 12, 4–6.
- Mikhailova S. A. AI System Project for Preserving the Musical Heritage of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation: Case Study of the Khant Music Culture. In: *Sociology of Artificial Intelligence*, 2023, 4(4), 45–55. EDN: IIXYLI.
- Mirlas I. A. Break the Boundaries, Hurry to the Bow! We Begin the International Exchange (On the Life, Pedagogical Activity, and Creative Fate of D. V. Mirlas (1900–1942)). In: *New Art History*, 2021, 3, 58–66.
- New Art Criticism on the Banks of the Yenisei. Krasnoyarsk, 2015. 340.
- New Siberian Sinology. Basic Concepts of Chinese Culture. Krasnoyarsk, 2018. 263.
- The Image of Artificial Intelligence in Cinema: Transformations in the 1980s-2010s. In: *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2023, 16(8), 1454–1470.
- Report of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to the VIII Congress, 1919. The Diseases of the IZO Club Work. In: *Art for the Masses*, 1929, 1–2, 14–15.
- Roginskaia F. On the Question of the Creative Method. In: *Art for the Masses*, 1930, 12, 7–11.
- Roginskaia F. The Face of OST. In: *Art for the Masses*, 1930, 6, 9–13.
- Roginskaia F. New Tasks on the Front of Industrial Arts. In: *Art for the Masses*, 1930, 2, 6–11.

- Roginskaia F. October in the Depictions of Artists. In: *Art for the Masses*, 1930, 10–11, 4–7.
- Roginskaia F. Against the Cult of the French. In: *Art for the Masses*, 1930, 4, 28–29.
- Roginskaia F.S. The Architecture of the Club Building. 10 Workers' Clubs of Moscow. Moscow: OGIZ-IZOGIZ, 1932. 92.
- Roginskaia F.S. The Wanderers. Saratov: SP “Ellis Lak”, 1993. 183.
- Roginskaia F.S. Soviet Lubok. Moscow, 1931.
- Roginskaia F. Soviet Textile. Moscow, 1930. 95.
- Roginskaia F. Woman and Artistic Production. In: *Art for the Masses*, 1930, 3, 6–8.
- Roginskaia F.S. Grigory Grigorievich Myasoedov. 1835–1911. Moscow – Leningrad, 1948. 32.
- Roginskaia F.S. Art of Soviet Georgia: Essays on the History of Painting, Sculpture, and Graphics. Moscow, 1952. 272.
- Roginskaia F.S. Lukian Vasilyevich Popov: 1873–1914. Leningrad, 1961. 110.
- Roginskaia F.S. Maria Sergeevna Nazarevskaya. Moscow, 1955. 66.
- Roginskaia F.S. Petr Vladimirovich Sabsai. Moscow, 1958. 87.
- Roginskaia F.S. Society of Traveling Art Exhibitions: Historical Essays. Moscow, 1989. 430.
- Roginskaia F.S. Zair Isaakovich Azgur. Moscow, 1961. 91.
- Roginskaia F.S., Brodskii I.A., Kaganovich A.L. Visual Art of the RSFSR. 1917–1957. Artists of Moscow and Leningrad. Vol. 1. Moscow, 1957. 220.
- Roginskaia F.S., Bystrova T.A. Anti-Religious Tour of the Tretyakov Gallery. Moscow, 1933. 103.
- Roshchin L. Functionalism – Not Our Style. In: *Art for the Masses*, 1930, 6(14), 14–17.
- Roshchin L. Art in Captivity of Borrowing. In: *Art for the Masses*, 1930, 5(13), 14–16.
- Roshchin L. Art Demanding Recognition. In: *Art for the Masses*, 1930, 9(17), 3–4.
- Roshchin L. Isolated from Life. In *Art for the Masses*, 1930, 2(10), 26–28.
- Seredkina N.N. Anthropological and Ethnological Approaches to Studying All-Russian Civic Identity. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2022, 6(1), 111–121. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-1-111–121. EDN: AHNUED.
- Sertakova E.A., Sitnikova A.A., Kolesnik M.A. Computer Art of the 1960s-1980s. In: *Sociology of Artificial Intelligence*, 2022, 3(3), 69–90. DOI: 10.31804/2712-939X-2022-3-3-69–90. EDN: JUGALR.
- Sitnikova A.A. Theoretical, Applied and Synthetic Methods of Studying Culture as a Socio-Anthropological System. In: *Social Anthropology of Siberia*, 2021, 2(2), 6–17. EDN: ICEFEC.
- Sitnikova A.A., Li S. Image of China in the Work of Krasnoyarsk Artist Sergey Forostovsky. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2022, 6(4), 87–98. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-4-87–98. EDN: OOZXNN.
- Surova E.E. The Artist in the Context of the Era: On the Anniversary of A.A. Deineka. In: *Current Problems of Monumental Art: Collection of Scientific Papers*, Part I, edited by D.O. Antipina, Ya.A. Aleksandrova, R.A. Bakhtiyarov. Sankt-Petersburg: FGBOUVO “SPbGUPTD”, 2024, 77–87.
- Zhukovskiy V.I. Propositions of the Theory of Visual Arts: A Textbook. Krasnoyarsk, 2004. 265.
- Zhukovskiy V.I., Pivovarov D.V., Koptseva N.P. The Visual Essence of Religion: Monograph. Krasnoyarsk, 2006. 460.
- Zhuromskaia E.Yu., Sertakova E.A. Modern American Sci-Fi as a Phenomenon of Multidimensional Worldview: Analysis of Christopher Nolan’s Film “Interstellar”. In: *Asia, America and Africa: History and Modernity*, 2024, 3(2), 35–51. DOI: 10.31804/2782-540X-2024-3-2-35–51. EDN: NPULAK.
- Koptseva N.P., Zhukovskiy V.I. The Artistic Image as a Process and Result of Game Relations between a Work of Visual Art as an Object and its Spectator. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2008. 1(2). 226–244. EDN: IUDTOF.
- Libakova N.M., Semenova A.A., Sertakova E.A. [et al.] *Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia)*. Life Science Journal. 2014. 11(12). 133–140. DOI 10.7537/marslsj111214.21. EDN: SHUPLN.
- Sertakova E.A., Koptseva N.P., Kolesnik M.A. [et al.] *Brand-management of Siberian cities (Krasnoyarsk as a case study)*. International Review of Management and Marketing. 2016. 6(5). 185–191. EDN WWABUJ.

EDN: ZIDINS
УДК 75.03

Socialist Realism in the Works by the “Four Arts” Association Artists

Natalya N. Seredkina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 22.01.2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of the Four Arts art association and the identification of their strategy for including art in the general context of cultural construction in the early Soviet period of the 1920s. The study includes an analysis of a number of documents regulating the activities of representatives of this artistic association, as well as the work of one of its leading sculptors, A. T. Matveev. The philosophical and art criticism analysis of one of his representative works is carried out – the sculptural composition “October”, made in 1927 in honor of the decade of the October Revolution, a landmark event in the history and culture of the Russian state. It is determined that the activities of the members of the association were focused on the inclusion of art in the general policy of building a socialist culture of Russian society. This activity was documented and assumed the implementation of a fairly wide range of types of work, each of which was aimed at the development and actualization of Russian fine art as one of the most important mechanisms for the transformation of the cultural identity of Soviet society. The analysis of the work of sculptor A. T. Matveev, including as part of the membership of the art association “Four Arts”, allowed us to identify the characteristic features of the direction of the creative activity of the masters of this association. The possibility of developing one’s own unique method of creative work is recognized as relevant, which was also used by each master in order to implement the practice of maintaining the cultural policy of socialist construction, stated in the manifestos of the members of the art association “Four Arts”. It is determined that this direction of creative activity of the members of the association has expanded the subject of their works, the range of artistic forms and signs designed to embody the new values of the new socialist culture.

Keywords: “Four Arts”, art associations, Soviet art, the works by A. T. Matveev.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Seredkina N. N. Socialist Realism in the Works by the “Four Arts” Association Artists. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 299–309. EDN: ZIDINS

Социалистический реализм в творчестве художников объединения «Четыре искусства»

Н.Н. Середкина

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности художественного объединения «Четыре искусства» и выявлению его стратегии включения искусства в общий контекст культурного строительства в начальный советский период 1920-х гг. Исследование включает в себя анализ ряда документов, регламентирующих деятельность представителей данного художественного объединения, а также творчества одного из ведущих его скульпторов – А. Т. Матвеева. Осуществлен философско-искусствоведческий анализ одного из репрезентативных его произведений – скульптурной композиции «Октябрь», выполненной в 1927 г. в честь десятилетия Октябрьской революции, знакового события в истории и культуре российского государства. Определено, что деятельность членов объединения была ориентирована на включение искусства в общую политику построения социалистической культуры российского общества. Данная деятельность была документально закреплена и предполагала реализацию достаточно широкого спектра видов работ, каждый из которых был направлен на развитие и актуализацию российского изобразительного искусства как одного из важнейших механизмов трансформации культурной идентичности советского общества. Анализ творчества скульптора А. Т. Матвеева, в том числе в составе членства художественного объединения «Четыре искусства», позволил выделить характерные особенности направленности творческой деятельности мастеров данного объединения. Актуальной признается возможность развития своего собственного уникального метода творческой работы, который в том числе применялся каждым мастером в целях реализации, заявленной в манифестах членов общества «Четыре искусства», практики поддержания культурной политики социалистического строительства. Определено, что данное направление творческой деятельности членов объединения расширило тематику их произведений, спектра художественных форм и знаков, призванных воплощать новые ценности новой социалистической культуры.

Ключевые слова: «Четыре искусства», художественные объединения, советское искусство, творчество А. Т. Матвеева.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Середкина Н. Н. Социалистический реализм в творчестве художников объединения «Четыре искусства». Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2025, 18(2), 299–309. EDN: ZIDINS

Введение

Объединение художников «Четыре искусства» представляет собой одну из знаковых вех в истории развития советского

искусства, изучение которого признается сегодня актуальным и востребованным направлением научных исследований (Serveeva, Zamaraeva, 2023). Деятельность объединения

складывалась в ситуации периода значимых трансформаций, происходящих как в жизни российского общества и государства, так и внутри российского искусства в целом, что нашло свое отражение, в частности, в ряде концепций, которые были сформулированы в области эстетики искусства в ранний советский период (Koptseva, Seredkina, Degtyarenko, 2023).

Изучение деятельности отдельных существующих в этот период художественных объединений видится значимым направлением исследований закономерностей развития искусства в первые годы правления советской власти. Анализ деятельности объединения «Четыре искусства» позволит расширить и уточнить имеющиеся сведения не только относительного специфики деятельности данного объединения, но и развития российского искусства в начале XX в. в целом. Тем более что научных исследований, посвященных осмыслению деятельности данного объединения, не так много.

Среди современных ученых большой вклад в изучение деятельности общества «Четыре искусства» внесла Н. Л. Адаскина, опубликовавшая результаты своего исследования в труде «Общество художников «Четыре искусства»» (2022). Анализируя деятельность представителей объединения, Н. Л. Адаскина отмечает в качестве основного принципа его работы «стремление к широкому культурному сообществу представителей разных видов искусства...» (Adaskina, 2022: 30), что отвечало общей тенденции, господствовавшей в 1920-е гг. среди всех художественных сообществ. Это и определило, согласно автору, название общества, объединившего собой представителей четырех искусств: живописи, скульптуры, графики и архитектуры. В этом проявлялся новаторский подход к развитию современного искусства, который отвечал в то же время требованиям политики социалистического строительства. Тем не менее Н. Л. Адаскина приходит к выводу, что общество себя проявило прежде всего через три вида искусств – живопись, графику и скульптуру (Adaskina, 2022).

Первым знаковым событием, предопределившим официальное объявление об образовании данного общества, стало открытие выставки в 1925 г. группой художников в московском Государственном музее изящных искусств. Ряд экспертов (Е. Бебутова, П. Кузнецов) определяют начало деятельности общества с 1924 г. (URL: <https://gupo.me/dict>). Среди учредителей Н. Л. Адаскина называет В. А. Фаворского, А. И. Кравченко, А. С. Глаголеву и А. Т. Матвеева (Adaskina, 2022). В основе творческой деятельности членов общества автор видит влияние традиций французского искусства и принципов мюнхенской школы, которые в том числе воплотились через художественные знаки символизма и авангардного формализма, к которым обращались художники общества (Adaskina, 2022). Е. А. Чертыховцева, анализируя творчество Н. П. Ульянова, одного из представителей общества, отмечает в качестве отличительной особенности творчества художников, приверженность их поиску стиля при едином подходе к пониманию предназначения искусства (Chertykovtseva, 2018). При изучении творческой деятельности общества важным представляется анализ документов, в которых отражены ключевые принципы организации работы его членов. Общество «Четыре искусства» тем и отличалось, что оно носило легитимный характер и имело ряд нормативных документов, регламентирующих деятельность ее членов. Отдельные такие документы опубликованы Н. Л. Адаскиной в качестве приложения к ее труду (Adaskina, 2022). Их изучение и анализ в качестве исторических источников позволит уточнить и дополнить имеющиеся сведения о деятельности членов художественного объединения «Четыре искусства» наряду с анализом творчества одного из лидеров данного объединения – А. Т. Матвеева.

Материалы и методы

В качестве источниковедческого материала для исследования выступили материалы, касающиеся деятельности общества «Четыре искусства». Среди них: устав общества, отчетный документ

от 1930 г., декларация общества художников «Четыре искусства», переписка членов общества с Академией художественных наук, Главным управлением учреждений изобразительных искусств, а также совместная декларация членов трех художественных обществ – общества художников-станковистов, общества московских художников и общества «Четыре искусства». Кроме того, эмпирическую базу исследования составили отдельные репрезентативные произведения творчества российского скульптора, одного из учредителей общества «Четыре искусства» А. Т. Матвеева.

В основу исследования были положены культурологический и источниковедческий подходы. Ключевыми методами исследования выступили качественный контент-анализ, позволивший проанализировать представленные в документах общества «Четыре искусства» данные и обобщить их с целью конструирования целостного знания относительно его деятельности, а также философско-искусствоведческий анализ (Zhukovskiy, Koptseva, 2004; Zhukovskiy, 2011) скульптурных произведений А. Т. Матвеева.

Результаты

Анализ документов, регламентирующих деятельность общества «Четыре искусства»

Деятельность общества художников «Четыре искусства» была регламентирована специально разработанным уставом, утвержденным в 1928 г. Народным комисариатом внутренних дел (Adaskina, 2022).

Согласно данному Уставу, деятельность общества осуществлялась на территории российского государства в рамках господствовавшего в 1920-е гг. художественного направления социалистического реализма и в контексте государственной политики социалистического строительства. Вся творческая деятельность художников определялась задачей ее реализации, специфика которой была закреплена в отчетном документе общества от 1930 г. в аспекте «реконструкции сельского хозяйства, индустри-

ализации страны, строительства нового социалистического быта и культуры» (цит. по: (Adaskina, 2022: 263). Данные направления политики закрепили в качестве приоритетных четыре основных вида деятельности общества, которые определили работу четырех секций. Это секции: 1) культурно-просветительской работы (клубная, выставочная, лекционная), 2) монументального искусства, 3) производственного искусства, 4) научно-лабораторной работы.

Согласно декларации общества художников «Четыре искусства», культурно-просветительская работа носила социально ориентированный характер и была направлена на приобщение рабочего класса к искусству и «активизации общественной деятельности среди членов Общества» (цит. по: Adaskina, 2022: 270). Среди членов общества ответственным за реализацию данного вида работы был назначен В. М. Мидлер. Просветительская работа предполагала организацию и проведение лекций, учебных курсов, учреждение специальных студий, лабораторий и мастерских, а также музеев, библиотек.

Секция монументального искусства возглавлялась В. А. Фаворским и была ориентирована на строительство «социалистических городов, клубов, дворцов культуры» (Adaskina, 2022: 270). С этой целью устанавливалась связь с архитектурными организациями. Секция производственного искусства была ответственна за проектирование и изготовление вещей, имеющих художественную ценность. Руководил ею А. И. Кравченко. Научно-лабораторная работа, возглавляемая Л. А. Бруни, была соединена с исследовательским направлением деятельности членов общества в области станкового и производственного искусства. В рамках данного вида деятельности общество имело право организовывать и проводить научно-просветительские мероприятия в форме заслушивания и обсуждения докладов по тематикам, входящих в область интересов членов общества. В соответствии с этим же направлением члены общества занимались практикой издания трудов, периодических изданий, репродук-

ций произведений, брошюр, листовок, плакатов и др.

Согласно положениям устава, в состав общества могли вступить лица, достигшие 18-летнего возраста, занимающиеся изобразительным искусством. Структура общества включала в себя действительных и почетных членов, а также сотрудников. В число первых действительных членов вошли 20 человек, среди которых были К. С. Петров-Водкин, А. Т. Матвеев, И. С. Ефимов, В. В. Лебедев, Д. Н. Лопатников, А. С. Глаголева и другие деятели искусства начала XX в. Действительные члены обладали рядом преимуществ, касающихся участия в тех или иных организованных обществом мероприятиях. Почетными членами общества были лица, «приобретшие известность своими трудами в области искусства или имеющие существенные заслуги перед Обществом» (цит. по: Adaskina, 2022: 249). Наряду с правами действительных членов почетные члены также имели право присутствовать на заседаниях правления. Членами-сотрудниками были те лица, которые содействовали в организации работы Общества. Руководящим органом общества было определено выборочное правление, в ведение которого входило в том числе взаимодействие с Академией художеств и выполнение поставленных ею поручений в рамках задач деятельности общества.

Члены общества, среди которых были живописцы, скульпторы, архитекторы и графики, видели свою задачу в том, чтобы содействовать «росту художественного мастерства и культуры изобразительных искусств» (цит. по: Adaskina, 2022: 247). В связи с тем что вся деятельность членов общества была направлена на поддержание социалистического строительства, носила она преимущественно агитационный характер, который выражался в тех или иных формах и художественных знаках тех проектов, которые реализовывались членами отдельных секций. Сами члены общества называли свой стиль пролетарским и видели его развитие при условии «теснейшей связи искусства с рабоче-крестьянскими массами; при совместном и напряженном

творческом искании работниками профессионального и самодеятельного искусства; при активном участии молодых пролетарских кадров художников» (цит. по: Adaskina, 2022: 272).

По данным отчетного документа общества за 1930 г., ввиду отсутствия материальной поддержки запланированные виды деятельности в большинстве своем не были реализованы. Среди тех мероприятий, которые были реализованы обществом и зафиксированы в отчетном документе, прослеживается широкая их просветительская направленность. Помимо организации выставок члены общества проводили экскурсии и организовывали чтение докладов. Помимо выставок работ художников-членов общества организовывались и выставки зарубежных художников, зачитывались доклады о зарубежном современном искусстве, в частности, упоминается в отчетном документе тематика, связанная с французским современным искусством. Кроме того, члены общества «Четыре искусства» видели в своей деятельности возможность активного продвижения русского искусства за рубежом посредством как организации выставок картин русских художников, так и путем чтения докладов о современном искусстве в СССР. Признавалась при этом необходимость соблюдения академической строгости и «технической ответственности» (цит. по: Adaskina, 2022: 245). Инициаторами данного направления деятельности общества, в частности, были Н. В. Кузнецов, М. С. Сарьян и Н. П. Ульянов.

О высоком уровне образованности и мастерстве членов общества, а также их приверженности профессиональному искусству свидетельствует тот факт, что члены общества в большинстве своем (20 человек из 31) являлись профессорами и преподавателями высших и средних художественных учебных заведений Москвы, Ленинграда, Казани, Эривани, Саратова. Согласно сведениям отчета, «московская группа деятельно участвовала в организации Высшего художественно-технического института, главным образом на скульптурном, полиграфическом факультетах, основ-

ном отделении и монументальном отделении живописного факультета» (цит. по: Adaskina, 2022: 265).

Практическая сторона деятельности членов общества подробно расписана в докладной записке общества, адресованной в Главное управление изобразительных искусств от 1929 г., в которой обосновывается возможность и необходимость расширения сферы деятельности ряда художников общества до включения их деятельности в работу отдельных отраслей производства. С этой целью обществом была инициирована практика создания лаборатории, цель которой определялась поиском производственных форм «в различных областях промышленности, не только отвечающих своему утилитарному назначению, но художественно отражающих классовую борьбу и социалистическое строительство нашего дня» (цит. по: Adaskina, 2022: 259). Среди форм работы лаборатории и, соответственно, практической деятельности членов общества выделены полиграфическая деятельность, текстильное производство, керамическое производство и монументальное искусство, представленное живописью и скульптурой. Внутри каждой из выделенных форм деятельности определялся перечень возможных видов творчества и производимых художниками объектов искусства. Так, в рамках керамического производства предполагалось создание утвари и посуды, игрушек, статуэток (агитационных, бытовых, портретных, шаржей), декоративных панно и барельефов агитационного назначения.

Присоединиться к работе в лаборатории мог любой желающий. Тем более что при лаборатории должны были быть учреждены мастерские для проведения курсов по живописи, рисунку, скульптуре, а также подготовке к работе по выбранной производственной специальности. Наряду с практикой создания лаборатории обосновывалась необходимость введения таких новых практик художественной деятельности, как практики шефства с целью достижения более тесного взаимодействия сферы искусства и общества и практики ведения художественных репортажей. В рамках тра-

диционной деятельности, присущей всем художественным обществам, объединение «Четыре искусства» активно поддерживало практику организаций выставок, в том числе передвижных районных выставок.

О масштабности деятельности общества свидетельствует тот факт, что оно имело свои филиальные отделения, осуществляющие свою деятельность в рамках установленного единого устава. Отделения подчинялись правлению общества и должны были отчитываться о своей деятельности региональным органам Наркомпроса.

Еще одним документом, в котором обосновывался подход к художественному творчеству представителей общества «Четыре искусства», является декларация, подписанная представителями трех художественных обществ – общества художников-станковистов, общества московских художников и общества «Четыре искусства». В данном документе прописаны цели и задачи художников на пути поддержания ими советской политики культурного строительства.

Согласно декларации, искусство, создаваемое художниками, должно быть социально ориентированным, поэтому в задачи художников ставится необходимость осуществления поиска наиболее «верных» и «кратчайших» путей в «организации и поднятии художественного сознания широких масс» (цит. по: Adaskina, 2022: 256). Этому должна быть подчинена деятельность всех художественных сообществ, ввиду того что искусству отводится значимая роль в реализации культурного строительства. Признавая разрозненность существующих художественных сообществ и отсутствие единой цели в их деятельности, членами трех художественных обществ провозглашается необходимость усиления роли искусства в деле культурной революции путем установления связи друг с другом данных разрозненных художественных объединений, созиания художественных сил, которые бы актуализировали социально ориентированную направленность искусства, его включенности в общий поток развития советской

культуры. Ввиду того, что искусству отводилась значимая роль в общем процессе становления нового типа культуры, членами художественных объединений, подписавших декларацию, предложена стратегия объединения всех существующих художественных организаций в рамках реализации единой цели – реализации художественными средствами задач нового государства. Особое значение придавалось отбору лучших достижений в практике развития российского изобразительного искусства, которые могли бы служить механизмом поддержания политики культурного строительства. При этом объединение не предполагало нивелирования своеобразия творческого метода членов того или иного художественного сообщества или отдельного художника. Наоборот, оно поощрялось, но индивидуальный путь художественного развития каждого объединения мыслился в контексте реализации единой цели построения нового социалистического искусства.

В декларации определена концепция искусства, которая, по мнению лидеров объединившихся художественных объединений, должна составить основу развития социалистического искусства. В соответствии с данной концепцией главными критериями искусства признавалась полнота и единство формы и содержания. Акцент ставился именно на содержательность формы, ее динамичность и конструктивность. Подобные требования наряду с востребованностью новой тематики произведений потребовали от художников поиска новых художественных форм, отвечающих требованиям нового искусства и новой эпохи в развитии российской культуры. При этом отвергался принцип художественного документирования в пользу толкования именно «образа современности в искусстве», преображения «всякого материала жизни в эмоционально-действенное художественно-организованное явление» (цит. по: Adaskina, 2022: 257). В этом прослеживается ориентация художников на выражение в своем творчестве определенного содержания, не только формы, фиксирующей со-

бой факт действительности, определенного культурного явления, но и определенного смысла и содержания. Поэтому и станковая картина в концепции искусства художников расширяется до концепции жанра монументальной картины. Таким образом, через содержание, а также включение искусства в организующие быт людей пространства и среды конструировались новые идеалы, нормы и ценности, которые способствовали ликвидации художественной неграмотности населения и построению новой социалистической культуры среди российского общества.

Наряду с этим художники высказывались о необходимости поиска новых методов реализации художественного образования в противовес существовавшей академической традиции. Ему отводилась большая роль в реализации новой концепции искусства и художественной деятельности художников. Тем более что в декларации высказывается мысль о важности профессионального подхода к творчеству и развитию социалистического искусства.

Одним из членов художественного объединения «Четыре искусства» был Александр Терентьевич Матвеев (1878–1960), анализ творчества которого позволит проследить, какие художественные знаки были востребованы мастерами, входившими в число членов объединения, для реализации заявленной в программе общества «Четыре искусства» концепции необходимости построения нового искусства.

Анализ творчества А. Т. Матвеева как представителя художественного объединения «Четыре искусства»

Александр Терентьевич Матвеев учился в Боголюбском рисовальном училище, затем в качестве вольнослушателя в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где его учителями были скульпторы С.И. Иванов и П.П. Трубецкой. Обучался он также за рубежом в течение 1906–1907 гг. в частных студиях Парижа. С 1918 г. руководил скульптурными мастерскими в Академии художеств и Московском училище живописи, ваяния и зодчества (Moskalyuk,

2012). А. Т. Матвеев является признанным основателем русской школы скульптуры, ведущим мастером в области пластического искусства, оказавшим влияние на развитие российской скульптуры (Dobrolyubov, 2022). Он был активным участником складывающихся на рубеже XIX–XX вв. художественных объединений, в частности, входил в общество «Мир искусства» (1910–1924) и «Общество русских скульпторов» (1926–1932). Был он также одним из учредителей и участников выставок художественного объединения «Четыре искусства».

Одной из характерных черт творчества А. Т. Матвеева является специфика тех художественных образов, к которым он обращался. Среди них ведущее место занимает образ человека с присущими ему сущностными характеристиками. В качестве художественного материала им выбирается обнаженное тело как художественный знак визуализации природы человека как таковой. Данный художественный материал является характерным символическим знаком скульптурных произведений античного классицизма, позволивший скульптору воплощать в своих произведениях высшие ценности и смыслы человеческого бытия.

Одной из таких репрезентативных его работ является Надгробие художника Виктора Борисова-Мусатова в Тарусе, выполненное в период с 1910 по 1912 г. Композиция работы выстраивается благодаря высокому прямоугольному постаменту, на котором представлена лежащая фигура обнаженного мальчика. Изгиб его тела вторит линиям верхней части постамента, благодаря чему достигается единство композиции в целом. Лежащая поза персонажа, а также плавные изгибы тела позволяют охарактеризовать персонажа как расслабленного, находящегося в состоянии сна. Смерть, таким образом, наделяется характеристикой сна, того пограничного состояния, которое отделяет бытие человека от его небытия. Это тонкая грань, которая связывает жизнь и смерть, бытие и небытие. Изображение лежащего мальчика подчеркивает хрупкость самой жизни, которая может прерваться и обернуться небытием, не успев достигнуть своего расцвета.

Отдельный этап в творчестве А. Т. Матвеева приходится на период его работы в составе художественного объединения «Четыре искусства». Творчество А. Т. Матвеева призвано было презентировать особенность «третьего искусства», входившего в сферу деятельности общества, – скульптуры. Он активно принимал участие в организуемых объединением выставках. Н. Л. Адаскина называет А. Т. Матвеева самым крупным скульптором среди участников общества (Adaskina, 2022).

Первая выставка общества состоялась в 1925 г. в здании Музея изящных искусств в Москве, где А. Т. Матвеев представил свои этюды женских фигур (Adaskina, 2022). Вторая выставка состоялась в 1926 г., отличалась она большим числом участвовавших в ней мастеров по сравнению с первой выставкой и включенностью в ряды экспозиций архитектурных проектов. Среди участников выставки были и ученики А. Т. Матвеева. Сам скульптор представил на выставке свою работу «Женская фигура», выполненную из дерева (1922 г.). Данное произведение принадлежит стилевому пространству ареклассицизм, в рамках которого преимущественно работал скульптор. В этом, равно как и обращенность к женскому образу, проявляется влияние творчества А. Майоля, одного из виднейших французских скульпторов и живописцев рубежа XIX–XX вв.

Открытие третьей выставки состоялось в 1928 г. в Санкт-Петербурге в здании Государственного Русского музея. Четвертая заключительная выставка общества была открыта в следующем 1929 г., но так же, как в третьей выставке, в ней не была представлена архитектура. Организована она была в Москве в здании университета на Моховой.

На двух последних выставках в полном объеме были представлены произведения живописи, графики и скульптуры. Знаменитым событием для деятельности членов общества «Четыре искусства» стало празднование в Советском Союзе десятилетия Октябрьской революции, которое совпало с открытием третьей выставки общества. Это событие во многом определило тема-

тику работ членов объединения. Одной из репрезентативных работ данного периода в творчестве членов общества является работа А. Т. Матвеева «Октябрь» (рис. 1), этюды к которой были выставлены в качестве самостоятельных работ на третьей выставке. В частности, это этюды «Крестьянин» (1927 г.) и «Красноармеец» (1927 г.) (Adaskina, 2022).

Скульптура представляет собой композицию из трех мужских фигур, объединенных единым постаментом. Композиция отличается уравновешенностью, единством и целостностью, что достигается особым расположением персонажей относительно друг друга. Стоящая в центре фигура предстает осью композиции, по отношению к которой симметрично располагаются две сидящие по сторонам от нее фигуры. Разворот их торсов к центральной фигуре, движение их рук к центру усиливают единство ком-

позиций. Расположение данных персонажей сидящими придает композиции характер пирамидальности и устойчивости, в основании которой находятся две крайние фигуры.

В данном произведении скульптор соединяет классицистическую традицию и актуально-исторический материал. Идущая от античной скульптуры традиция изображения обнаженных фигур и воплощения посредством данного художественного знака сопричастности их к божественному придает изображенным в скульптурной композиции А. Т. Матвеева персонажам характеристику святости и избранничества. Они показаны в облике, в котором изображали богов в скульптуре эпохи Античности, которая заложила основные принципы классицистического искусства. Используемый скульптором данный прием позволяет охарактеризовать их как готовых принять высшие законы бытия и следовать им. В то же са-

Рис. 1. А. Т. Матвеев. Октябрь. 1927 г.

Fig. 1. A. T. Matveev. October. 1927

Источник изображения: <http://ourarts.ru/?p=2053>

мое время персонажи имеют атрибутивные характеристики, относящие их к актуальной для скульптора эпохе начала XX в. Одним из знаковых элементов в этом отношении является изображенный на голове одного из персонажей головной убор военнослужащего – буденовка, позволяющий охарактеризовать его как представителя Красной Армии. Название одного из этюдов к данной композиции – «Крестьянин», атрибутирует, соответственно, данного персонажа как крестьянина. Их расположение друг против друга, но не в аспекте противопоставления, а, наоборот, в аспекте согласия и открытости друг другу, позволяет охарактеризовать их как героическую силу, опору устойчивости и стабильности. Это они – крестьяне – представляют Красную Армию, и они же стоят в основании крепкого и устойчивого мира. Подобно стражам они охраняют и поддерживают выступающего вперед центрального персонажа, который в контексте историко-культурной ситуации, связанной с Октябрьской революцией 1917 г., олицетворяет идею перехода от старого порядка к новому, связанному с образованием нового советского государства, нового порядка и новой стратегии развития русской культуры и советского общества. И он осуществляется под эгидой божественного порядка и волеизъявления теми, кто принял на себя этот высший закон и теперь выступают его проводниками в мир земной.

Заключение

Анализ ряда документов, касающихся регламентации деятельности художественного объединения «Четыре искусства», осуществляющего свою деятельность в период с 1924 по 1931 г., показал, что деятельность членов объединения была ориентирована

на поддержку стратегии советского правительства в отношении культурной политики построения общесоциалистической культуры российского общества и встраивания в эту линию художественной культуры. Данная деятельность была документально закреплена и предполагала реализацию достаточно широкого спектра видов работ, каждый из которых был направлен на развитие и актуализацию российского изобразительного искусства как одного из важнейших механизмов реализации культурной политики советского правительства.

Одним из лидеров и активным участником художественного объединения «Четыре искусства» был А. Т. Матвеев, анализ творчества которого позволил уточнить особенности творческой деятельности, присущей членам объединения «Четыре искусства». Деятельность мастеров отличалась двумя тенденциями своего развития. С одной стороны, в составе членства художественного объединения «Четыре искусства» А. Т. Матвеев продолжил развитие своего собственного уникального метода творческой работы. Развитие своего художественного языка каждым мастером поддерживалось со стороны правления художественного объединения при соответствии критериям мастерства и профессионализма. С другой стороны, данный уникальный творческий метод каждого отдельного мастера был одновременно применен в практике поддержания политики социалистического культурного строительства. В рамках данной тенденции мастера расширили тематику своих произведений, ввели новые художественные знаки, которые призваны были воспроизводить новые ценности новой эпохи и новой социалистической культуры.

Список литературы / References

Adaskina N. L. *The Society of Artists “Four Arts”*. Moskva: BuksMArt, 2022. 368.

Bebutova E., Kuznetsov P. Society of artists “4 arts”. In: *Creativity*. 1966. 11, 5.

CHertykovceva E. A. N.P. Ulyanov at the exhibitions of the society “4 arts”. In: *Scientific notes of the Orel State University*. 2018. 1(78), 361–363.

Declaration of artists of the OST, OMH and “4 arts”. In: Adaskina N. L. The Society of Artists “Four Arts”. Moskva: BuksMArt, 2022. 256–258.

- Declaration of the Society of Artists “4 arts” from 1930.* In: Adaskina N. L. The Society of Artists “Four Arts”. Moskva: BuksMArt, 2022. 270–272.
- Dobrolyubov P. V. The school of sculptor Alexander Terentyevich Matveev and his students. In: *Burganov’s house. The art of culture.* 2022. 18(4), 29–43.
- Koptseva N. P., Seredkina N. N., Degtyarenko K. A. Aesthetic transformations as the ideological basis of Soviet fine Art in 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities.* 2023. 16(4), 522–535.
- Mirlas D. Exhibition “4 Arts”. In: *Art to the Masses. 1929.* 3–4, 52.
- Moskalyuk M. V. *Russian art of the late XIX – early XX century.* Krasnoyarsk: SFU, 2012. 256.
- The report of the Society of artists “4 arts” from 1930.* In: Adaskina N. L. The Society of Artists “Four Arts”. Moskva: BuksMArt, 2022. 263–266.
- Correspondence with Glavizo in 1928–1930.* In: Adaskina N. L. The Society of Artists “Four Arts”. Moskva: BuksMArt, 2022. 259–263.
- Sergeeva N. A., Zamaraeva Yu. S. The creation of new artistic associations in the Soviet fine arts of 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities.* 2023. 16(7), 1043–1061.
- The Charter of the Society of artists “Four Arts” from 1928.* In: Adaskina N. L. The Society of Artists “Four Arts”. Moskva: BuksMArt, 2022. 247–255.
- Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P. *Propositions of the theory of fine arts: a textbook.* Krasnoyarsk: KGU, 2004. 266.
- Zhukovskiy V. I. *Theory of fine arts.* SPb.: Aletejya, 2011. 496.

EDN: ZKVIVC
УДК 7.036.1

History of the Association of Revolutionary Russia Artists Formation and the Creative Activities of its Members in 1917–1922

Alexandra A. Sitnikova* and Maria A. Kolesnik

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 17.11.2024, received in revised form 22.12.2024, accepted 22.01.2025

Abstract. This article describes the history of the artistic association – the Association of Revolutionary Russia Artists (1922–1931). The authors of the study attempt to identify the reasons for the emergence of the “AKhRR”, to explain why artists of different skill levels and views joined this association. Based on the philosophical and art history analysis of graphic and pictorial works by artists created between 1917 and 1922, the artistic searches of the masters are shown, which is especially evident in the example of numerous self-portraits and portraits that express the drama of the historical era. In addition, the portrait is defined here as the most important genre that began the tradition of perpetuating the memory of significant Soviet figures in this form. Other genres in which artists worked are also considered, where a new method and canon for depicting a Soviet person, everyday life and significant events was sought.

Keywords: Association of revolutionary Russia artists, AKhRR, Abram Arkhipov, Boris Loganson, Evgeny Katsman, Isaak Brodsky, Sergei Malyutin, Soviet art.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Sitnikova A. A., Kolesnik M. A. History of the Association of Revolutionary Russia Artists Formation and the Creative Activities of its Members in 1917–1922. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 310–326. EDN: ZKVIVC

История создания Ассоциации художников революционной России и творческая деятельность ее членов в 1917–1922 годы

А.А. Ситникова, М.А. Колесник

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В настоящей статье представлено описание истории художественного объединения – «Ассоциации художников революционной России» (1922–1931). Авторы исследования делают попытку выявить причины возникновения «АХРР», объяснить, почему разные по уровню мастерства и взглядам художники вступали в это объединение. На материале философско-искусствоведческого анализа графических и живописных произведений художников, созданных в период с 1917 по 1922 г., показаны художественные поиски мастеров, что особенно видно на примере многочисленных автопортретов и портретов, в которых выражены драматизм исторической эпохи. Кроме того, портрет определяется здесь как важнейший жанр, положивший начало традиции увековечивания памяти о значимых советских деятелях именно в такой форме. Также рассматриваются и другие жанры, в которых работали художники, где осуществлялся поиск нового метода и канона изображения советского человека, быта и значимых событий.

Ключевые слова: Ассоциация художников революционной России, АХРР, Абрам Архипов, Борис Иогансон, Евгений Кацман, Исаак Бродский, Сергей Малютин, советское искусство.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Ситникова А. А., Колесник М. А. История создания Ассоциации художников революционной России и творческая деятельность ее членов в 1917–1922 годы. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2025, 18(2), 310–326. EDN: ZKVIVC

Введение

В современных искусствоведческих и культурологических исследованиях, проводимых отечественными учеными, большое внимание уделяется тем процессам, которые происходили в художественной и культурной жизни в начале XX столетия (Koptseva et al., 2024; Koptseva et al., 2023). В настоящей статье интерес этот поддерживается, поскольку предметом исследования является насыщенная художественная жизнь первых послереволюционных лет советского государства, во многом определившая вектор развития советского искусства.

В 1920-е гг. в молодом Советском Союзе шла борьба между представителями Левого фронта искусств (ЛЕФ), отстаивающими идеалы авангардного искусства, абстрактного живописно-пластического художественного языка и конструктивистского искусства, моделирующего далекое утопическое будущее; и творческими объединениями, продолжающими традиции реалистической живописи XIX века, изменяя сюжетную основу произведений на соответствующую революционную тематику, – это «АХРР», «ОСТ». В конечном счете в 1932 г. победила эстетика «ОСТ»,ложенная в основу художественной программы социалистического реализма, и «АХР»

(с 1928 г.), которая трансформировалась в Союз художников СССР в 1931 г. Художественный стиль «социалистический реализм» утвердился в советском искусстве на долгие годы: с 1932 до конца 1980-х гг. К началу «перестройки» социалистический реализм выродился в рисование идеологических лозунгов, плакатов и сильно померк под натиском новой визуальной культуры, которая начала свое формирование в 1980-е гг. С 1990-х до конца 2010-х гг. советская визуальная культура активно критиковалась по многим причинам: несоответствие действительности, отсутствие истинной творческой свободы в деятельности художников, полностью подчиненных необходимости выполнения госзаказа, сознательный отказ от принятия иных возможных форм изобразительного искусства – например, абстрактного искусства. И эта критика не позволяла проводить объективные исследования, которые помогли бы выявить особенные художественные качества социалистического реализма и предшествующих его становлению явлений. Целью настоящей статьи является рассмотрение истории становления одной из центральных художественных организаций в Советском Союзе 1920-х гг. – Ассоциации художников революционной России, а также изучение послереволюционного творчества тех художников, которые вошли в состав данной организации в 1922 г., то есть понимание причин присоединения различных художников к АХРР.

Степень изученности темы

Публикации современных ученых показывают, что интерес к советскому искусству не ослабевает. Достаточно привести в пример только некоторые публикации, вышедшие за последние три года: о религиозных качествах живописных произведений 1920-х гг. пишут М. В. Тарасова и Н. А. Сергеева (Tarasova, Sergeeva, 2023); религиозная проблематика в произведениях советских художников также интересует М. А. Бородину (Borodina, 2023); о специфике образов в советском плакате начиная с 1920-х гг. статья Н. Н. Зборовицкой (Zboroviskaya, 2024); о мозаичном творчестве П. Д. Корина статья А. А. Шпак (Shpak,

2022); об искусстве оформления массовых советских праздников пишут М. А. Колесник с соавторами (Kolesnik et all., 2023), об архитектурных стилях в 1917–1922 гг. статья Н. Н. Пименовой с соавторами (Pimenova, Sertakova, Shpak, 2023).

В первые годы существования АХРР художниками велась активная издательская деятельность, выпускались каталоги выставок объединения. В качестве примера можно привести справочник-каталог «Восьмая выставка картин и скульптуры АХРР» (Skvortsov, 1926), в 1925 г. уже были опубликованы воспоминания Е. А. Кацмана о создании объединения (Katzman, 1925). К советскому времени относится монография «Ассоциация художников революционной России «АХРР», представляющая собой подробнейший сборник статей разных авторов, включающий разного рода документы, такие как декларации, устав, резолюции, а также воспоминания участников объединения (Gronskii, Perel'man, 1973). Также известна монография советского искусствоведа В. П. Князевой по истории «АХРР» (Knyazeva, 1967).

В 1990-е гг. авторы пишут в основном в критическом ключе о творчестве художников «АХРР». Например, упоминания мастеров, входивших в «АХРР», и анализ их творческой деятельности имеются в монографии А. И. Морозова (Morozov, 1995).

Публикации на тему деятельности «АХРР» последних лет отличаются разнообразием в рассмотрении разных сторон деятельности объединения.

Самым полным изданием можно назвать труд Б. И. Иогансона «АХРР. Ассоциация художников революционной России» (Ioganson, 2016), в которой автором предлагается непредвзятый взгляд на наследие художников, попытка отойти от анализа произведений сквозь призму политической ситуации и ангажированности художников того времени. В монографии дается информация по истории объединения, о старшем поколении АХРРовцев, о наиболее ее ярких представителях.

Исследование Д. Я. Северюхина посвящено более широкому контексту процессов,

происходивших в 1920-е и 1930-е гг. в художественной жизни нового государства (Severukhin, 2024). Автора интересует то, каким образом сформировался метод социалистического реализма в изобразительном искусстве, и именно в этом контексте им рассматривается деятельность «АХПР». Похожей проблематике посвящена статья О. А. Юшковой, в которой она раскрывает становление метода на анализе тематических картин, включая также и произведения АХПРовцев (Yushkova, 2023). О раннем этапе формирования в советском государстве художественных объединений, включая «АХПР», статья авторов Н. А. Сергеевой и Ю. С. Замараевой (Sergeeva, Zamaraeva, 2023).

А. А. Варламова фокусирует внимание на такой теме, как творческие командировки советских художников, которые были важной частью деятельности АХПРовцев (Varlamova, 2015; Varlamova, 2016).

Интересный материал о советской художественной культуре рубежа 1920-х-1930-х гг. представлен в статье С. С. Бакарягина, в которой проводится анализ журнала «Искусство в массы», издаваемом «АХПР» (Bakaryagin, 2020).

Однако стоит отметить, что в основном авторы научных публикаций интересуются уже более поздним этапом в истории «АХПР» начиная с рубежа 1920–1930-х гг., тогда как первые годы становления и причины объединения мастеров мало освещены в научной литературе.

Материалы и методы исследования

Биографический анализ, философско-искусствоведческий анализ В. И. Жуковского и Н. П. Коптевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004), зарекомендовавший себя в ряде научных работ, посвященных анализу визуальных произведений искусства (Kolesnik, Sitnikova, Andryushina, 2023; Starko, Koptseva, 2022; Vysotskaya, Sitnikova, Pimenova, 2023; Nimaeva, 2024; Borodina, 2022; Zhigaev, Fil'ko, Zhigaeva, 2022).

Результаты исследования

Идея создания нового сообщества сторонников реалистической живописи про-

звучала на 47-й выставке передвижников, состоявшейся 4 марта 1922 года, в докладе П. А. Радимова «О значении быта в живописи». Он выступил с резким осуждением творчества представителей ЛЕФ (Левого фронта искусств), который отстаивал позиции беспредметного искусства, конструирования нового языка живописи с помощью абстракций, что совпадало с социальными процессами – создание совершенно нового государства на месте Российской империи после 1917 года. К 1922 году позиции ЛЕФ на уровне руководства культурной политической страны были крепки: во главе Отдела ИЗО Наркомпроса стоял Д. П. Штеренберг. Ему и В. В. Кандинскому поручили заведование кафедрами в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1919 году был основан Музей живописной культуры, проект которого разрабатывали В. В. Кандинский, А. М. Родченко, Р. Р. Фальк и другие; велись закупки авангардного искусства в Музейный фонд. Таким образом, рождение АХПР происходило в борьбе: в первую очередь необходимо было в дискуссиях и на эстетическом уровне победить представителей ЛЕФ.

После выступления П. А. Радимова стало понятно, что у ЛЕФ есть серьезная оппозиция. Как утверждают первые члены АХПР государственного заказа на создание оппозиционной ЛЕФ художественной организации не было, ассоциация создавалась на энтузиазме художников, хотя известно, что В. И. Ленин не поддерживал «футуризм» (как непосвященные зрители обобщенно назывались все авангардные направления того времени) и давал распоряжения что-нибудь поделать с этим плохим искусством. К П. А. Радимову присоединился ряд художников – в частности, С. В. Малютин и Е. А. Кацман. В ходе собраний на квартирах членов становящегося общества в течение нескольких месяцев обдумывалась его идеяная и художественная программа. Сначала организацию планировалось назвать «Ассоциация художников по изучению современного революционного быта». В качестве художественной программы изначально был обозначен герои-

ческий реализм, но детально это понятие не было проработано. Постепенно ряды художников-сторонников пополнялись – В. Н. Мешков, М. Б. Греков. В первый год существования ассоциации, который и интересует нас в контексте данного исследования, не удалось выработать четкую художественную программу. Были обозначены только основные ориентиры.

Поскольку основное ядро АХРРовцев возникло из бывших передвижников, их искусство признавалось неким образцом, достойным подражания, в частности, потому что в искусстве передвижников уже была представлена народная тема, тема нищих и бедных крестьян Российской империи. Во вступительной статье И. М. Гронского к сборнику статей и воспоминаний про АХРР он пишет о том, что к 1922 году передвижничество уже не было однородным и в нем оформилось три направления – салонное, демократическое (народное) и пролетарское (рис. 1), в наибольшей степени представленное в творчестве Н. А. Касаткина (1859–1930). АХРРовцы взяли за ори-

ентир творчество Н. А. Касаткина, а сам он стал членом ассоциации.

Еще один авторитетный художник-передвижник выступил инициатором создания АХРР – С. В. Малютин (1859–1957). У него на квартире поначалу собиралось ядро ассоциации для разработки творческой декларации. В конце XIX века С. В. Малютин прославился росписью первой русской матрёшки, изготовленной в ремесленных мастерских Абрамцево и представленной на Всемирной выставке в Париже (рис. 2). В послереволюционное время С. В. Малютин специализировался на написании портретов, интересно, что эта линия в творчестве начинается с пронзительного автопортрета (рис. 3): худое лицо художника представлено на алом фоне, одна сторона лица находится в тени, вторая высвечена, что сообщает и о пламенных внешних событиях, во время которых осознает себя художник, и о противоречиях, имеющихся в его душе. Продолжается ряд портретов – портретом Н. Д. Виноградова, кооператоров Н. П. Грибнера и Г. Н. Золотова, профессора К. Ф. Сне-

Рис. 1. Н. А. Касаткин. «Сбор угля бедными на выработанной шахте». Холст, масло. 1894

Fig. 1. N. A. Kasatkin. "Collecting coal by the poor in a depleted mine." Canvas, oil. 1894

Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

Рис. 2. Русская матрёшка, расписанная С. В. Малютиным. 1899–1900

Fig. 2. Russian matryoshka doll, painted by S.V. Malyutin. 1899–1900

Источник изображения: <https://www.stydiai.ru/>

гирева (все созданы с 1919 по 1922 год). Для одной из первых выставок АХРР художник написал портрет Д. А. Фурманова, комиссара Чапаевской дивизии (рис. 4). В портрете сделан акцент на изображении лица комиссара – уверенный в себе человек с умным, проницательным взглядом; его одежда – шинель, гимнастерка – и предметы, которые он держит в руках – портфель, лист бумаги и карандаш, – выдают в нем человека занятого, ненадолго оторвавшегося от дел для позирования художнику. Яркое пятно на портрете – орден Красного Знамени.

Важным направлением в творчестве АХРР стало сотрудничество с заводами: художники хотели рисовать тружеников новых заводов, быт индустриальных предприятий. Уже 16 марта 1922 года редакция газеты «Рабочий» направила послание директорам заводов разрешить художникам писать с натуры заводскую жизнь. Заводы согласились на такое сотрудничество и в скором времени первые художники Е. А. Кацман, В. В. Журавлев, П. А. Радимов, В. В. Журавлев и другие.

В 1922 году велись споры о том, как правильно изображать новую советскую действительность: документально или

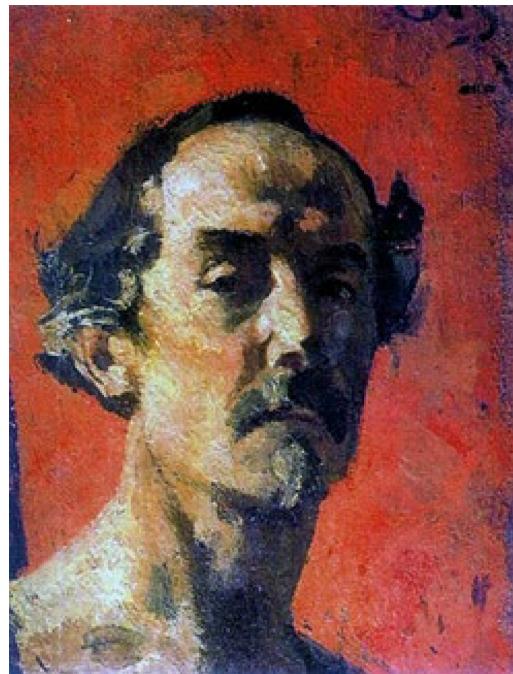

Рис. 3. С. В. Малютин. Автопортрет. 1918

Fig. 3. S.V. Malyutin. Self-portrait. 1918

Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

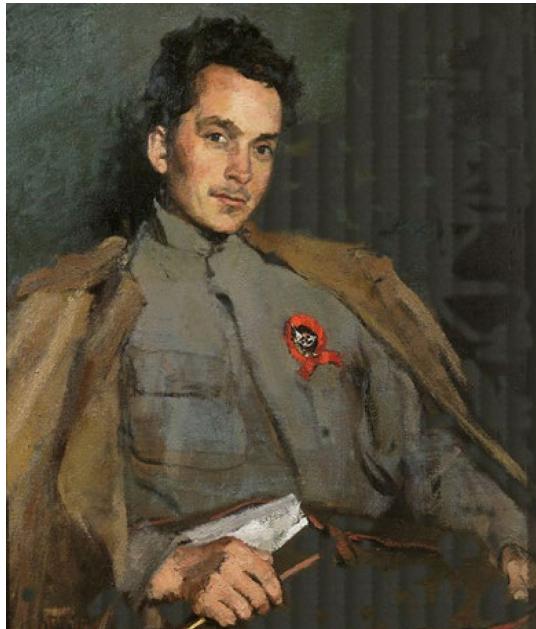

Рис. 4. С. В. Малютин.
Портрет Д. А. Фурманова. 1922

Fig. 4. S. V. Malyutin.
Portrait of D.A. Furmanov. 1922

Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

художественно-документально. Под документальным стилем подразумевалось творчество И. В. Владимира (1869–1947). В 1917–1918 гг. Владимир работал в Петроградской милиции, имея возможность запечатлевать преступников и работу с ними. Во время Октябрьской революции он наблюдал за происходящими событиями, буквально и беспристрастно фиксируя происходящие события: выселение бывших офицеров и чиновников из квартир, сцены вандализма, захвата и расхищения крестьянами оплотов «буржуазной» культуры и быта – театров, дворцов (рис. 5), винных магазинов; аресты царских генералов и др. Во время Гражданской войны он ездил по деревням, наблюдая там расстрелы попов, кулаков, белогвардейцев; бывших чиновников и священников, отправленных на принудительные работы; продразверстку в крестьянских домах и т.п. Интересно, что в произведениях И. В. Владимира подобно тому, что грубо выгля-

дят белогвардейцы и казаки, расстрелившие крестьян в царской России, также неприятно выглядят и крестьяне, городской люд, растаскивающие дворцовые богатства, курящие в царской ложе театра, так что объективность и документальность рисунков художника складывалась из того, что он не приукрашивал происходящие события. Также для произведения И. В. Владимира характерна эскизная манера (многие рисунки выполнены акварелью на бумаге), поскольку он зарисовывал непосредственные впечатления от увиденного на улицах. Понятное дело, что стиль И. В. Владимира не был поддержан другими художниками АХРР, а буквальный документализм в изображении революционных событий был отвергнут. Художники сошлись на том, что необходимо придерживаться документально-художественного стиля, то есть, с одной стороны, изображать реальные исторические события, но художественно интерпретировать эти события, подчеркивать героизм и правду Красной Армии и большевиков, крестьян и рабочих. Несмотря на это, И. В. Владимир входил в состав АХРР, получил кавалера ордена Трудового Красного Знамени, а самой признанной его картиной стала «Расстрел манифестиации 9 января 1905 года у Зимнего дворца» 1917 года.

Концепция искусства АХРР базировалась на том, что искусство должно является зеркалом жизни, то есть высвечивать положительные и отрицательные стороны реальной жизни. Этот подход сильно отличался от концепции ЛЕФ, где художники творили неизвестное будущее, создавали новый мир. Также эта концепция оказалась несовместимой и с социалистическим реализмом, так как в соцреализме моделировался мир утопического будущего – наступившего коммунизма, к достижению которого должен был двигаться советский народ, подобно тому как ранее старался обрести возможность вхождения в горний мир, представленный в иконописных произведениях.

Первая официальная выставка АХРР состоялась 23 июня 1922 года в Музее изящ-

Рис. 5. И. В. Владимиров. Вандализм в Зимнем дворце. 1918. Бумага, акварель

Fig. 5. I. V. Vladimirov. Vandalism in the Winter Palace. 1918. Paper, watercolor

Источник изображения: https://vk.com/album-60112307_271032603

ных искусств на тему «Жизнь и быт Красной Армии». На выставку согласился привести одну из своих работ авторитетный представитель «Союза русских художников» Ф. А. Малявин, ранее сотрудничавший с ТО «Мир искусства», в основном работавший в экспрессионистском стиле, часто изображая русских крестьянок в красных платках, создавая фигуристивные изображения на грани с абстракциями, передавая тем самым энергию вихря, в который погружена русская культура. Для первой выставки АХРР он предоставил портрет А. Луначарского (рис. 6). В этом же году Ф. А. Малявин эмигрировал за границу. Остальные картины членов АХРР носили эскизный характер.

Осенью 1922 года прошла вторая выставка АХРР в Доме Союзов в Москве, приуроченная к V Всероссийскому съезду профсоюзов. Темой этой выставки стала «Жизнь и быт рабочих». Основное содержание выставки – картины на шахтёрскую тему Н. А. Касаткина, а также этюды, сде-

ланные к тому времени членами АХРР на московских заводах, портреты рабочих.

К ноябрю 1922 года в состав АХРР входило 150 художников. В первый год существования организации молодые художники показывали довольно слабый художественный уровень работ – где-то это было связано с недостаточностью профессионального опыта, где-то с тяжелыми условиями труда в послереволюционное время, где-то с ограниченным наличием художественных материалов. Евгений Качман в послереволюционное время рисовал портреты политических деятелей – это были черно-белые рисунки карандашом небольшого формата, эскизная манера письма была связана и с недостаточностью времени у политических работников для позирования художнику. В 1918 году он написал свой автопортрет в подобном стиле (рис. 7): на портрете представлен изможденный молодой человек, который пристально (с недоверием) всматривается в зрителя.

Рис. 6. Ф. А. Малевин. Портрет наркома просвещения А. Луначарского. 1922 г.

Fig. 6. F.A. Malyavin. Portrait of the People's Commissar of Education A. Lunacharsky. 1922

Источник изображения: <https://www.liveinternet.ru/users/6318384/post449260528>

М. Б. Греков (1882–1934) сражался на фронте во время Первой мировой войны, во время Гражданской войны был на стороне Красной Армии. Получив непосредственный опыт участия в боевых действиях, М. Б. Греков специализировался на картинах батального жанра в составе АХПР. В 1920 году М. Б. Греков написал картину «Вступление полка имени Володарского в Новочеркасск в 1920» (рис. 8). Очевидно, что в отличие от многих других молодых художников, вступивших в АХПР, М. Б. Греков получил качественное художественное образование, его картины были

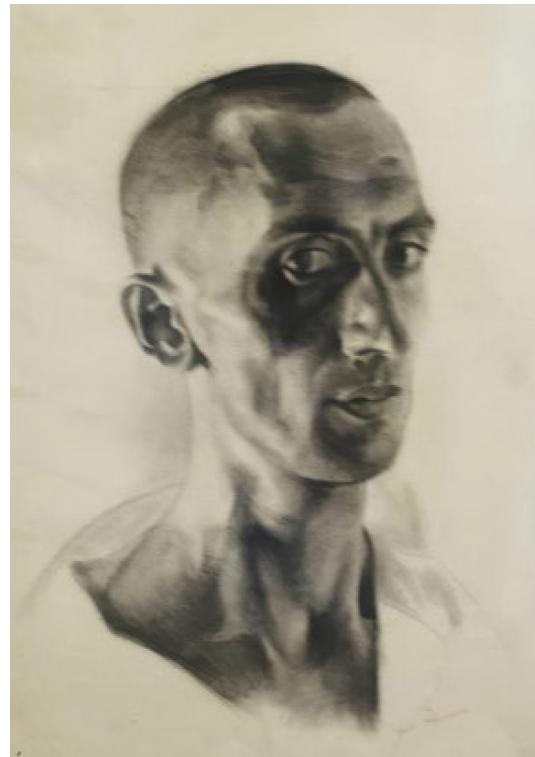

Рис. 7. Е. А. Кацман. Автопортрет. Бумага, соус. 1918

Fig. 7. E. A. Katsman. Self-portrait. Paper, sauce. 1918

Источник изображения: https://vk.com/wall-199943427_37971

гораздо более проработанными на композиционном и изобразительном уровне, в отличие от картин других молодых художников ассоциации. Картина написана на основе «живых» впечатлений, так как художник был свидетелем представленных событий: в это время он работал учителем рисования в Новочеркасске. Непонятно, насколько достоверно при этом изображено вступление отряда в Новочеркасск: в исторических источниках отмечено, что к 1920 году полк отличался незначительной численностью и борьба с контрреволюционерами в регионах давалась нелегко. Возможно, в данном случае вступление полка представлено в духе героического реализма, так как мы видим бесконечные ряды красноармейцев. При этом здесь нет восторженно встре-

Рис. 8. Б.В. Греков. Вступление полка имени Володарского в Новочеркасск в 1920 году. Холст, масло. 1920

Fig. 8. B.V. Grekov. The entry of the Volodarsky regiment into Novocherkassk in 1920. Canvas, oil. 1920

Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

чающих армию шахтеров или крестьян: буквально пара человек в поселке выходит на встречу солдатам, а крестьянин с лошадью на переднем плане, вынужденный заниматься повседневными делами, старается обойти военных стороной.

Будущая звезда АХРР В.Н. Перельман (1892–1967), автор знаменитой картины 1925 года «Рабкор», в 1922 году пишет свой автопортрет (рис. 9). Автопортрет написан в охристых, темных тонах, как и во многих других автопортретах этого времени, одна половина лица высвечена, вторая находится в тени, визуализируя мрачные противоречивые думы художника.

Б. В. Иогансон (1893–1973), также в большей степени прославившийся в 1930-е годы, в 1921 году создает портрет композитора Л. Усачева (рис. 10). Б. В. Иогансон известен своими драматичными светотеневыми эффектами, и это качество проявляется уже в его раннем живописном произведении: темно-красный тревожный фон, фронтально освещенное лицо композитора с ехидной улыбкой и сигаретой в руке вы-

дают в портретируемом легкую степень сумасшествия, готовность с насмешкой встретить драму бытия.

Ф. С. Богородский (1895–1959) во время учебы в Москве с 1914 по 1916 год увлекался футуризмом, дружил с В. Хлебниковым и В. Маяковским, влияние авангарда на раннее творчество художника очевидно в его автопортрете 1918 года (рис. 11 и 12), где совмещается и армейский опыт художника, и черты кубизма, и присутствует вербальный лозунг «Даешь!» (будущее название поэтического сборника Ф. С. Богородского) В 1922 году он завершает свое художественное образование во ВХУТЕМАС у А. Е. Архипова. В автопортрете 1922 года сильно меняется его художественный стиль в сторону академической живописи: в отличие от многих других автопортретов этого времени перед нами предстает мощное мужское лицо, в продолжение экспрессивных традиций, написанное угловатыми линиями, что создает образ человека строгого и сильного характера. В этом же году Ф. С. Богородский написал портрет художника А. В. Куприна.

Рис. 9. В.Н. Перельман. Автопортрет.
Фанера, масло. 1922

Fig. 9. V.N. Perelman. Self-portrait.
Plywood, oil. 1922

Источник изображения: vk.com

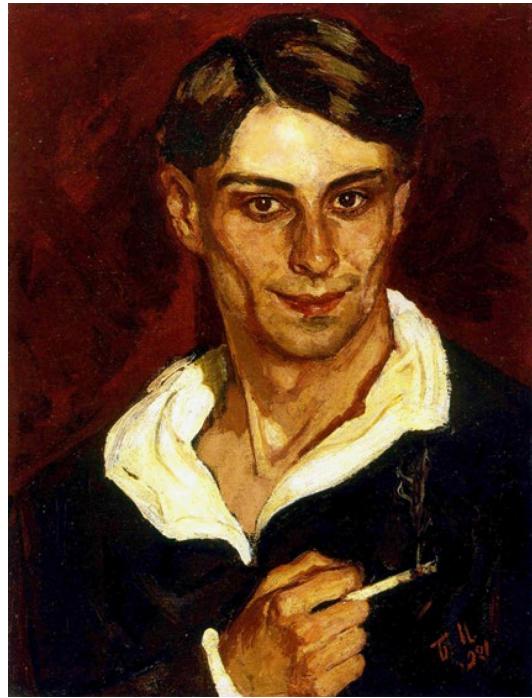

Рис. 10. Б.В. Иогансон.
Портрет композитора Л. Усачева. 1921

Fig. 10. B.V. Ioganson. Portrait of the composer
L. Usacheva. 1921

Источник изображения: vk.com

Рис. 11. Ф.С. Богородский. Автопортрет.
1918. Источник: vk.com (слева)

Fig. 11. F.S. Bogorodsky. Self-portrait.
1918. Source: vk.com (on the left)

Рис. 12. Ф.С. Богородский. Автопортрет.
1922. vk.com (справа)

Fig. 12. F.S. Bogorodsky. Self-portrait.
1922. vk.com (on the right)

Поскольку молодые члены ассоциации АХРР в первые годы существования организации чаще работали в эскизной манере, пока еще искали свой художественный стиль и не отличались высоким мастерством, то для повышения авторитетности своей ассоциации в первые годы существования АХРР постаралась привлечь в свои ряды именитых художников, среди которых оказались И. И. Бродский, А. А. Рылов, А. Е. Архипов, К. Ф. Юон и Б. М. Кустодиев.

Б. М. Кустодиев (1878–1927), переключившись в 1920-е годы с описания купеческого быта на живописание революционных событий, сохранил главный мотив своих произведений – мотив народного праздника. В 1920-е годы он пишет такие работы, как «27 февраля 1917 года» (1920) и «Праздник в честь открытия II конгресса Коминтерна 19 июля 1920 года. Демонстрация на площади Урицкого» (1922).

Один из самых символических визуальных образов, посвященных Октябрьской революции, создает К. Ф. Юон – это картина «Новая планета» (рис. 13). Довольно нехарактерное произведение художни-

ка, рисовавшего пейзажи и города России, стало одним из самых известных его полотен. Символический язык К. Ф. Юон освоил в ходе создания рисунков на тему «Сотворение мира» в 1910-х годах, а обобщенную образность – в процессе работы над декорациями, в частности, для «Русских сезонов» С. Дягилева. «Новая планета» буквально отображает многие реалии революционного времени: мы видим, как многочисленные силуэты людей на покрившейся поверхности одной планеты либо гибнут, либо протягивают руки к новому красному светилу в космическом пространстве посреди других космических тел.

А. Е. Архипов (1862–1930) с 1894 года состоял в ТПХВ. Постепенно от создания сюжетных произведений на крестьянские темы он полностью сосредоточился на написании полнотелых, энергичных русских крестьянок в народных костюмах, улыбающихся и наполненных жизненной силой, способной переменить мир. В его палитре доминировал ярко-красный цвет, которым он пользовался для живописания крестьянских платьев, в результате чего он создавал образ огненных женщин (рис. 14).

Рис. 13. К.Ф. Юон. «Новая планета», 1921

Fig. 13. K.F. Yuon. The New Planet, 1921

Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

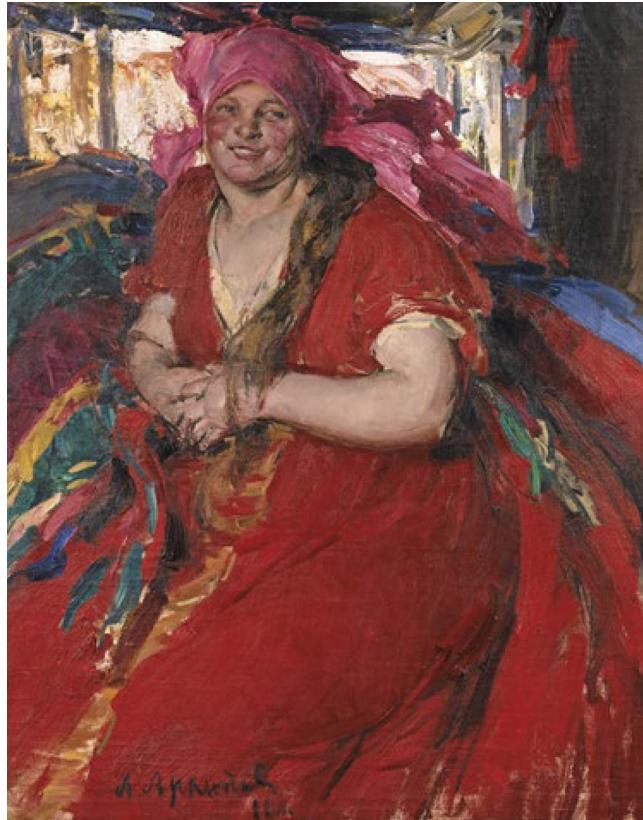

Рис. 14. А. Е. Архипов. «Крестьянка в красном платье», 1922

Fig. 14. A. E. Arkhipov. "The peasant Woman in the Red dress", 1922

Источник изображения: Сайт «Архив» <https://artchive.ru/>

Ярким представителем АХПР является И. И. Бродский (1883–1884), ученик И. Е. Репина, считающийся одним из главных основоположников социалистического реализма, создавшим наиболее характерные для этого метода произведения. В 1917 году на волне большой популярности А. Ф. Керенского он вместе со своим учителем добивается возможности написать его портрет (рис. 15). Таким образом, это первое произведение в его творческой биографии, представляющее образ лидера страны. Данный портрет выполнен в эскизной манере, без лишних деталей и лаконично, а вся композиция выстроена таким образом, что фокусируется внимание зрителя на тяжелом и уставшем взгляде А. Ф. Керенского. Обращает на себя также и фигура портретируемого, очевидно исходившего, посколь-

ку военная форма сидит на нем мешковато. Во всем этом виден прежде всего человек, напряженно думающий, деятельный, целеустремленный. Но одновременно с тем несколько погруженный в собственные мысли, что делает его оторванным от окружающего мира, что дополнительно подчеркивается абстрактным белым фоном, контрастирующим с темной и написанной преимущественно в теплых тонах фигурой. Портрет уже следующего вождя революции был сделан И. И. Бродским карандашом в серии портретов-набросков для картины «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде» (рис. 17) – это портрет «В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна» 1920 года (рис. 16). Работа эта отличается фотографичностью, все характерные черты облика портрети-

Рис. 15. И.И. Бродский.
Портрет А.Ф. Керенского. 1917. (слева)

Fig. 15. I.I. Brodsky. Portrait of A.F. Kerensky. 1917. (on the left)

Источник изображения: wikipedia.org

Рис. 16. И.И. Бродский. В.И. Ленин
на II конгрессе Коминтерна. 1920. (справа)

Fig. 16. I.I. Brodsky. V.I. Lenin at the Second Congress of the Comintern. 1920. (on the right)

Источник изображения: Сайт
«Архив» artchive.ru

руемого схвачены. Характерный профиль, который использует художник в карандашном эскизе, впоследствии станет каноном в изображении В.И. Ленина в советском искусстве.

Что же касается самого полотна, для которого эскиз был создан, то исследователи отмечают несомненное влияние на его композицию и ряд художественных решений произведения И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г. в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1901–1903 гг.) (Pchelov, 2012).

В 1923 году АХРР уже стала более значимой организацией для Советской власти, а когда в 1924 году умер В.И. Ленин и потребовалось создать “икону” вождя совет-

ской революции, именно АХРРовцы во главе с И. Бродским смогли выполнить эту задачу и одержали окончательную победу над ЛЕФовцами. В брошюре Н.М. Щекотова (Shchekotov, 1926) про АХРР автор продолжает полемизировать с ЛЕФ, даже обозначая, что он старается быть объективным, но во всем его тексте чувствуется высокомерный тон победителя. Уже к 1924 году большинство сопутствующих эклектичного раннесоветскому времени художественных организаций – «Союз русских художников», «Четыре искусства», «Общество московских художников» – присоединилось к АХРР. История этой организации не закончилась в 1932 году, а преобразовалась в Союз художников СССР.

Рис. 17. И.И. Бродский. Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде. 1924

Fig. 17. I.I. Brodsky. The grand opening of the Second Congress of the Comintern at the Uritsky Palace in Leningrad. 1924

Источник изображения: wikipedia.org

Выводы

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

- В Ассоциацию художников революционной России, сформировавшуюся в 1922 году, вошли бывшие передвижники; молодые художники, идеалы которых не совпадали с беспредметничеством Левого фронта искусств; художники дореволюционного времени, которым необходимо было присоединиться к каким-либо художественным союзам послереволюционного времени для дальнейшего существования.
- В творчестве художников 1918–1922 гг., которые войдут в состав АХРР, существует высокая потребность в создании автопортретов для осуществления саморефлексии на фоне сложных и драматичных историко-культурных событий.
- В 1918–1922 гг. одним из ключевых жанров становится портрет, реализующий

необходимость начать создавать галерею значимых деятелей, стоявших у истоков рождения нового государства.

- Для большинства произведений 1918–1922 гг., тяготевших к реализму, характерна эскизная манера (идет процесс кристаллизации визуальных образов), зачастую используются дешевые материалы для создания рисунков и картин (бумага, карандаш, фанера и т.п.)

- К моменту формирования АХРР в 1922 году в творчестве художников-членов ассоциации существовали такие эстетические явления, как документальный рисунок, объективно фиксирующий противоречивые явления реальности; экспрессивная живопись, визуализирующая мощный энергетический вихрь жизненных сил народа в процессе преобразования действительности; батальная живопись, созданная на основе реальных наблюдений за боевыми действиями.

Список литературы/References

- Bakaryagin S. S. The magazine «Art to the Masses» as a source for studying the artistic culture of the USSR at the turn of the 1920s and 1930s. In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, 4(115), 199–204.
- Borodina M. A. *The Image of the Civil War in Siberia in the Works of A. M. Znak*. In: *Northern archives and expeditions*, 2022, 6(1), 154–163. EDN: WWIELC
- Borodina M. A. *Religious issues of historical-revolutionary works of the «severe style»*. In: *Northern archives and expeditions*, 2023, 7(2), 15–26. EDN: EVTONZ.
- Gronskii I. M., Perel'man V. N. *Association of Artists of Revolutionary Russia “AKhRR”. Collection of memoirs, articles, documents*. Moscow, 1973, 503.
- Ioganson B. I. *AKhRR AKhRR Association of Artists of Revolutionary Russia*. Moscow, 2016, 127.
- Katsman E. A. How the AKhRR was created (Memoirs). Moscow, 1925, 20.
- Knyazeva V. P. *AKhRR [Association of Artists of Revolutionary Russia]*. Leningrad, 1967, 135.
- Kolesnik M. A., Leshchinskaia N. M., Omelik A. A., Ermakov T. K. *The art of decorating mass soviet holidays (1918–1923)*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(11), 1918–1935. EDN: FAXHTR
- Kolesnik M. A., Omelik A. A. *Artificial intelligence in the field of culture and art: a review of domestic publications*. In: *Sociology of artificial intelligence*, 2024, 5(3), 35–45.
- Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Andryushina Ya. D. *Artificial Intelligence as a Tool and Co-author in the Works of Contemporary Artists: Examples of Artistic Practices and Analysis of Works of Visual Art*. In: *Sociology of Artificial Intelligence*, 2023, 4(1), 37–51. EDN: UOQRVI. DOI: 10.31804/2712-939X-2023-4-1-37-51
- Koptseva N. P. et al. *Russian cultural identity in the fine arts of the XIX – early XX centuries Series. Russian Culture Volume Part 1*. Krasnoyarsk, 2023, 124. EDN: CBYTXX
- Koptseva N. P. et al. Russian culture in the mirror of periodicals of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. Krasnoyarsk, 2024, 303. EDN: PQJEXN
- Matveev E. V., Ivlev S. V., Panichkina E. V., Sher A. A. *The Phenomenon of the Delay of an Architectural Style and Its Outliving Its Era on the Example of Rational Art Nouveau in Kuzbass in the First Half of the Twentieth Century*. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2023, 7(2), 58–66. EDN: LICJCO.
- Morozov A. I. *The End of Utopia From the History of Art in the USSR in the 1930s*. Moscow, 1995, 218.
- Nimaeva D. A. *Philosophical and art history analysis of the painting «Ghost Rider» (2019) by the Buryat artist Zorigto Dorzhiev*. In: *Digitalization*, 2024, 5(3), 49–61. EDN: TAAVOC
- Nimaeva D. A. The influence of Buddhism on Buryat fine art: a review of scientific literature (2013–2023). In: *Digitalization*, 2024, 5(1), 56–64. EDN: SWJUAA
- Pchelov E. V. *Ilya Efimovich Repin and socialist realism*. In: *Works of the Russian anthropological school*, 2012, 11, 234–250.
- Pimenova N. N., Sertakova E. A., Shpak A. A. *The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(4), 566–579. EDN: DRAULG
- Severyukhin D. Ya. *Socialist realism in the fine arts of the USSR. A view from the 21st century*. In: *Scientific works of the St. Petersburg Academy of Arts*, 2024, 70, 173–187.
- Sergeeva N. A., Zamaraeva Y. S. *Creation of New Art Associations in the Soviet Fine Arts 1917–1922*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(7), 1043–1061. EDN: YDDUBL
- Sertakova E. A. *Local cultural memory: representations and interpretations of the past in the visual culture of the Krasnoyarsk region*. Krasnoyarsk, 2024, 123. EDN: BZRRJT
- Sitnikova A. A. *Krasnoyarsk artistic culture of the late 20th – early 21st centuries*. Krasnoyarsk, 2024. 214.
- Skvortsov A. M. *The Eighth Exhibition of Paintings and Sculptures of the AKhRR. «Life and Everyday Life of the Peoples of the USSR»*. Moscow, 1926, 81.
- Shchekotov N. M. *Art of the USSR. New Russia in Art*. Moscow, 1926, 84.

- Shpak A. A. *Monumental mosaic in the works of Pavel Dmitrievich Korin*. In: *Siberian art history journal*, 2022, 1(3), 21–28. EDN: JUXKEY DOI: 10.31804/2782–4926–2022–1–3–21–28
- Starko E. A., Koptseva N. P. *The Works of Yayoi Kusama as a Representative of Contemporary Artistic Culture of Japan*. In: *Asia, America and Africa: History and Modernity*, 2022, 1(1), 39–48. EDN: IGPWDX. DOI: 10.31804/2782–540X-2022–1–1–39–48.
- Tarasova M. V., Sergeeva N. A. *Religious qualities of works of Russian painting of the 1920s*. In: *Siberian art history journal*, 2022, 1(1), 32–53. EDN: OJGUND DOI: 10.31804/2782–4926–2022–1–1–32–53
- Varlamova A. A. *The brigade of the Association of Artists of the Revolution at the Kolomensky Plant in 1931: on the history of one targeted creative mission*. In: *Historical journal: scientific research*, 2016, 2, 143–150.
- Varlamova A. A. *Experience of the first creative trip of Soviet artists*. In: *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2015, 3(24), 93–98.
- Vysotskaya I. I., Sitnikova A. A., Pimenova N. N. *The Image of Family in Japanese Culture in the Films of Hirokazu Koreeda*. In: *Asia, America and Africa: History and Modernity*, 2023, 2(3), 18–26. EDN: YXSZBI. DOI: 10.31804/2782–540X-2023–2–3–18–26
- Yushkova O. A. *The Origin of Socialist Realism*. In: *Academia*, 2023, 3, 302–317.
- Zborovitskaya N. N. *The Image of the North in the Art of the Soviet Poster 1920–1960*. In: *Siberian Art Criticism Journal*, 2024, 3(3), 7–21. EDN: MICUMX. DOI: 10.31804/2782–4926–2024–3–3–7–21
- Zhigaev I. G., Filko A. I., Zhigaeva A. A. *Determining the orientation of the painting by K. S. Malevich «Lady Playing the Piano»*. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2022, 6(2), 61–72. EDN: RISKTS. DOI: 10.31804/2542–1816–2022–6–2–61–72
- Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P. *Propositions of the theory of fine arts*. Krasnoyarsk, 2004, 266.

EDN: NHQOJ
УДК 7.036

The Image of Scientific Progress in Monumental Art of the USSR: on the Material of Mosaics Analysis

Anna A. Shpak and Maria S. Koptseva*

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 18.11.2024, received in revised form 22.12.2025, accepted 22.01.2025

Abstract. Mosaic art is a complex and labor-intensive form of monumental art that gained widespread prominence during the Soviet period, becoming an important tool for visualizing and promoting the core values and ideas of the new socialist state. Despite its significance, Soviet mosaic art often remains undervalued, underexplored, and forgotten due to a combination of ideological, cultural, and aesthetic factors. This article aims to analyze a selection of works created in the mosaic technique, focusing on their role as carriers of ideals and values characteristic of the era of their creation, specifically those conveying the imagery of scientific progress. The study considers the historical context, the features of state ideology, and the sociocultural conditions of the time in which these works were produced. Particular attention is devoted to the theme of scientific progress, which remained one of the most central and relevant topics throughout the Soviet period, reflecting the drive for modernization. The article highlights the main themes, directions, and the key period of creation for works of monumental art.

Keywords: monumental art, mosaics, Soviet art, scientific and technological progress.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Shpak A. A. Koptseva M. S. The Image of Scientific Progress in Monumental Art of the USSR: on the Material of Mosaics Analysis. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 327–337. EDN: NHQOJ

Образ научного прогресса в монументальном искусстве СССР: на материале анализа мозаик

А.А. Шпак, М.С. Копцева

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Мозаика – это сложный и трудоёмкий вид монументального искусства, который получил широкое распространение в советский период, став важным инструментом визуализации и популяризации ключевых ценностей и идей нового государственного строя. Несмотря на свою значимость, искусство советской мозаики часто остаётся недооценённым, малоизученным и забытым по ряду идеологических, культурных и эстетических причин. Настоящая статья ставит своей целью анализ ряда произведений, созданных в технике мозаики, с точки зрения их роли как носителей идеалов и ценностей, характерных для эпохи их создания, а именно транслирующих образы научного прогресса. Исследование учитывает исторический контекст, особенности государственной идеологии и социокультурные условия времени, когда создавались анализируемые произведения. Особое внимание удалено теме научного прогресса, которая оставалась одной из ключевых и наиболее актуальных на протяжении всего советского периода, отражая стремление к модернизации. Выделяются основные темы, направления и основной период создания произведений монументального искусства.

Ключевые слова: монументальное искусство, мозаика, советское искусство, научно-технический прогресс.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Шпак А. А., Копцева М. С. Образ научного прогресса в монументальном искусстве СССР: на материале анализа мозаик. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 327–337. EDN: NHQOJ

Введение

Советское искусство на протяжении всей своей истории умело сочетало эстетическую выразительность с идеологической направленностью, служа инструментом для визуализации и популяризации ключевых ценностей и идей нового государственного строя. Особое место в этом контексте заняло монументальное искусство, которое в силу своей масштабности и символической выразительности стало одним из ключевых средств передачи идеологических посланий.

Ещё в 1918 г. В. И. Ленин, исходя из учения Маркса и Энгельса о преобразующей

общественной роли реалистического искусства, выдвинул план «монументальной пропаганды», где особая роль уделялась созданию произведений, которые должны были не только украшать общественное пространство, но и воспитывать массовое сознание. По воспоминаниям А. В. Луначарского, Ленин предлагал следующее: «В разных видных местах на подходящих стенах или каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма. <...> Ещё важнее над-

писей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы» (Lunacharskii, 1968). При разработке этого плана Ленин ссылался на идеи социалист-утописта Томмазо Кампанеллы, который упоминал фрески как украшение идеального коммунистического города. Однако, как отмечал Ленин, климатические условия России делали использование фресок менее практичным (Tolstoi, 1961). Вместо этого акцент был сделан на другие устойчивые формы монументального пластического искусства – архитектуру, живопись, скульптуру, декоративно-прикладное искусство.

Особую роль среди них сыграла мозаика, которая благодаря своей долговечности, выразительности и декоративному потенциалу стала одним из главных инструментов воплощения идеологических посланий советской эпохи. Её цветовая насыщенность и способность сохранять первоначальный вид на протяжении десятилетий позволяли создавать яркие, монументальные образы, которые органично вписывались в архитектурное пространство городов.

Обзор публикаций

Мозаичное искусство имеет древние корни и получило распространение на Руси благодаря влиянию Византии. Этот трудоёмкий вид монументального искусства, основанный на использовании смальты – стеклянных кусочков, отличался яркостью и долговечностью. В XI веке для украшения храмов Киевской Руси приглашались греческие мастера, которые не только создавали мозаичные произведения, но и организовывали мастерские по производству смальты, обучая своему ремеслу русских художников (Allenov, 1989). Мозаикой украшались алтари, наиболее освещенные и символически важные части храмов. Одним из выдающихся примеров такого украшения является Софийский собор в Киеве, единственный сохранившийся к нынешнему времени ансамбль монументальной мозаики периода Киевской Руси. Однако из-за высокой трудоёмкости мозаика пережила лишь кратковременный расцвет, вскоре уступив место менее затратным тех-

никам монументального искусства, таким как фрески. К сожалению, как и упоминал Ленин, многие из них не сохранились, в том числе под влиянием сложного климата.

В советское время, начиная с 1930-х гг., мозаика как форма монументального искусства возрождается в новом качестве. Мозаикой украшаются интерьеры и экстерьеры зданий, она, наравне с панно, становится основной формой монументальной живописи. Одним из самых ярких советских монументалистов того времени можно назвать Александра Александровича Дейнеку (1899–1969) – художника-живописца, графика, скульптора, педагога, лауреата Ленинской премии и Героя Социалистического Труда. Среди его известных работ – серия московских пейзажей, батальное полотно «Оборона Севастополя» и бронзовая композиция «Эстафета». Технику мозаики Дейнека использовал, в частности, для украшения станции метро «Маяковская» в 1938 г. Его работа характеризуется яркими чертами того времени: острыми, чёткими ритмами, энергичными ракурсами, локальными красочными пятнами и условностью в изображении фигур и объектов (Allenov, 1989).

Другим ярким автором периода 1920–1940-х гг. является В. А. Фролов, среди работ которого также встречаются произведения, выполненные в мозаичной технике. В ходе его деятельности в 1925 г. на фасаде Киевского вокзала в Москве были размещены первые советские мозаики – два герба СССР, расположенные над входами на вокзал. В то же время он был одним из немногих авторов, работавших в этот период. Как отмечает Алленов М. М. в книге «История русского и советского искусства» 1989 г., хотя некоторые утверждают, что мозаика долгое время не распространялась по идеологическим причинам, так как считалась религиозным видом искусства, настоящей причиной была трудозатратность этого вида искусства, в особенности в рамках монументальности (Allenov, 1989).

Исследования советского монументального искусства в основном затрагивают период с 1960-х гг., во многом из-за

наилучшей сохранности архитектурных сооружений этого периода. Произведения, созданные раньше этого временного промежутка, зачастую плохо сохраняются, вследствие отсутствия должного ухода и запустения зданий, на или в которых они расположены (Kotov, 2023). Как отмечают Е. Рускевич и А. Петрова в книге «Монументальная мозаика Москвы». Между утопией и пропагандой»: «Советское монументальное искусство сегодня оказывается привычной частью городского ландшафта, мы практически перестали замечать его, точнее наше внимание чаще привлекают факты демонтажа или утраты того или иного панно, скульптуры, витража» (Shpak, 2022). Несмотря на эти осложнения, интерес к советскому монументальному искусству, в особенности к мозаике, значительно возрос, в том числе в рамках локальных исследований культурных пространств городов (Pivovarov, 2021).

Так, например, мозаики города Королёва рассматриваются в статье 2019 г. за авторством А. В. Чермошенцева как важный культурный символ советской эпохи. Автор отмечает, что мозаики, сохранившиеся в городе с начала 1970-х гг., несут ту же смысловую нагрузку, соответствуют тем же эстетическим и идеологическим направлениям мысли, что и другие произведения того времени (Chermoshentsev, 2019).

К аналогичным выводам пришли А. М. Иванова-Ильинчева, И. А. Стущня и Н. В. Орехов в своей статье «Мозаика в декоративном убранстве зданий эпохи советского модернизма (на примере города Ростова-на-Дону)» 2017 г. Авторы отмечают, что городские советские мозаики, сохранившиеся с периода 1960-х – 1980-х гг., соответствуют основным идеям советского модернизма, одновременно сохраняя индивидуальный стиль художников Ростовского комбината монументального искусства.

В статье 2024 г. обсуждается возрождение осознания ценности советской мозаики в рамках современного городского пространства. Автор Н. А. Студеникин приводит пример г. Волжского Волгоградской области, где уничтожение в 2019 г. панорамной

мозаики «Людей в белых халатах» за авторством Геннадия Черноскутова вызвало широкий общественный резонанс (Studenikin, 2024). По словам автора, после произошедшей утери данной мозаики группа городских активистов обеспокоилась сохранением других памятников монументального искусства СССР, что служит доказательством возможности актуализации советского мозаичного наследия в качестве ценного элемента городской среды, способствующего усилению локального бренда. Как отмечает в своей статье 2019 г. «Судьба произведений монументально-декоративного искусства советского периода: Актуальные проблемы сохранения и изучения» М. Л. Терехович, монументально-декоративное искусство советского периода требует активных действий по его защите и сохранению как ещё один важный идеологический и эстетический образец советского наследия (Terekhovich, 2019).

Таким образом, исследования мозаик чаще всего сосредотачиваются на вопросах их сохранения и реставрации, в то время как подробный анализ тем, культурных нарративов и визуальных образов, которые они передают, остаётся менее изученным. Между тем именно интерпретация этих образов позволяет глубже осознать культурную значимость мозаик как памятников, воплощающих идеи своей эпохи. Тематика мозаик тесно связана с историческими событиями и культурными концепциями, характерными для периода существования СССР. Многие из них отражают торжество коммунистической идеологии, воспевают героев труда и войны, а также прославляют достижения научного прогресса (Shpak, 2022). Последняя тема особенно выразительно передаёт стремление советского общества к развитию, отражая основные направления общественной и политической мысли того времени.

Теоретические основания и методы исследования

Интерпретация искусства через анализ знаков, символов и культурных значений рассматривается в рамках концепций.

Основу для интерпретации таких произведений дают идеи Чарльза Пирса, Ролана Барта, и Клиффорда Гирца (Peirce, 2001; Bart, 1996; Geertz, 2020). Ролан Барт выделяет два уровня значений: первичный уровень значения, то есть прямое изображение какого-либо объекта, и вторичный мифологический уровень, то есть значение в рамках мифологии и значения символа в культуре эпохи, идеологии и пр. Чарльз Пирс отмечает три типа знаков: иконические (подобие), индексные (наличие причинно-следственной связи), символические (значение, приобретаемое через культурный контекст или официальную государственную идеологию). И в целом изучение культуры с позиции текста, необходимого для интерпретации, встречается у Клиффорда Гирца. В данном случае важен социальный контекст, так как искусство формирует коллективное сознание.

Методы исследования с опорой на рассмотренные ранее теоретические концепции отражают комплексный подход при анализе мозаик советского периода. Так как позволяют исследовать произведение искусства с позиции анализа формы, содержания, символов и их значений на разных уровнях. Применение данной методологии позволяет интерпретировать мозаики научно-технического прогресса как сложные произведения искусства, объединяющие художественные, идеологические и культурные смыслы. Монументальное искусство выступает как культурный текст, через который транслируются ключевые ценности эпохи.

В том числе комплексный подход к анализу произведений изобразительного искусства через материальный, индексный, иконический и символический статусы художественного образа, отражен в положениях современной теории изобразительного искусства Н. П. Копцевой и В. И. Жуковского (Zhukovskiy, Koptseva, 2004). В том числе данный подход отражен в работах таких ученых, как Сергеева Н. А. (Sergeeva, 2023), Пименова Н. Н. (Pimenova, 2018), Копцева Н. П., Середкина Н. Н., Дегтяренко К. А. (Koptseva, et al., 2023).

Общая характеристика советских мозаик на темы научного прогресса

Социальный реализм отражает идеалы социалистического общества в первую очередь. Данные идеалы включают в себя труд честных пролетариев, колLECTИВИЗМ, строительство нового государства в его научно-технической, социальной, государственной полноте, утопическое, светлое будущее, с опорой на те же категории, идеи международного сотрудничества и братства, воспитание человека в соответствии с новыми идеалами, ведущая роль государства.

Охватывает как живопись, так и архитектуру, скульптуру, литературу и другие виды искусства, но в данной статье акцент смешен на такой распространенный вид в советское время, как монументальное искусства, а именно мозаика. Мозаики размещались в общественном пространстве: на фасадах зданий, станциях метро, значимых инфраструктурных объектах, социальных культурных, государственных, образовательных зданиях. Органично работали и были синтезированы с архитектурой модернизма, в том числе работали в качестве культурных механизмов, демонстрируя, как определенные знаки и символы советской эпохи влияли на формирование гражданской идентичности человека советского времени. Монументальное искусство имеет большой масштаб, контрастные цвета, четкие понятные знаки, доступно каждому зрителю и рассчитано на большую аудиторию, соответственно, содержит понятные, узнаваемые символы и идеи.

Техника мозаики выбрана не случайно, так как отличается долговечностью, возможностью использовать яркие, контрастные цвета и сочетания, что также активно воздействует на восприятие зрителем монументальных произведений искусства. Техника переплетается и с социально-идеологическим аспектом. Путь к светлому будущему лежит через объединение людей – колLECTИВИЗМ, как и мозаика, созданная из большого количества маленьких частей, образует общее монументальное произведение. Так как произведения имеют зачастую большие размеры и могут зани-

мать всю плоскость стены здания, набирается частями в мастерских и впоследствии уже объединяется, редко когда удавалось создавать мозаичные панно прямым набором.

Темы и образы научно-технического прогресса напрямую зависят от идеологического, общегосударственного компонента, а уже впоследствии от регионального и локального. Можно выделить такие категории тем: 1. Конкретные персонажи – герои своего времени, как космонавты, так и инженеры, ученые и т.д.; 2. Символы научных достижений, например научные, индустриальные или космические аллегории; 3. Представление утопического будущего через призму научно-технического прогресса; 4. Взаимодействие человека и техники. Все темы переплетаются между собой и могут содержать, например, как аллегории, так и фигуры героев-ученых и темы светлого будущего.

Необходимо также разделить компоненты общие советские, региональные по отношению к республикам СССР и локальные по конкретным местным центрам. Региональный компонент в мозаиках часто прослеживается в чертах антропоморфных фигур или же использовании привычных той или иной культуре знаков и символов. Мозаики городских пространств содержат отношения к конкретным научным или техническим назначениям зданий.

Научный прогресс в монументальных произведениях искусства соединяет в себе актуальную историческую ситуацию – передовое положение государства в области развития науки и техники, идеологическую, с ориентацией на центральное положение коллективного труда, в данном случае ученых и образов космического и технического будущего.

Специфика отображения основных тем научно-технического прогресса в мозаичных панно советского времени

Произведения монументального искусства, как было сказано ранее, созданы в определенный период и содержат знаки и символы разных уровней – государствен-

ного, регионального, местного, помимо того, что все они объединены единой темой научно-технического прогресса. В основном создание образов будущего и разных вариантов научно-технического прогресса приходится на время 1960–1980-х гг. Это время активного развития советской науки.

Темы произведений включают символы научных достижений или научные, индустриальные, космические аллегории, можно отметить следующие общие черты для данного направления: пространство может объединять в себе как антропоморфные фигуры, так и содержать только абстрактное космическое пространство, антропоморфные фигуры могут иметь индивидуальные черты лица реальных космонавтов, таких как Юрий Алексеевич Гагарин, поскольку он был знаковой фигурой человека, первым посетившего космическое пространство, антропоморфная фигура часто неустойчива и находится в невесомости, расположена диагонально либо же выходит изнутри вовне на зрителья, имеет круговое движение и затягивает зрителя в пространство произведения, цветовые решения самые разнообразные, но преимущественно используется синий и красный цвета, а также оконтуренность фигур и контраст, присутствуют и многофигурные композиции, но в таком случае указывается значимость народного, колективного участия в научно-техническом прогрессе. Многофигурные композиции нередко сохраняют определенные регистры, ритмичность, четкое разделение пространств, космоса, достижений и ученых. Е. К. Максимова отмечает, что в рамках космической темы наиболее встречающимися символами стали звезда, планета, спутник, солнце (Maksimova, 2022). Помимо использования символики небесных тел включаются и символы государственные, такие как серп, молот, красная звезда.

Стоит отметить несколько репрезентантов: мозаичное панно клуба космонавтики в г. Воронеже художника Э. Плотникова, «Космос» панно аэропорта «Байкал» в г. Улан-Удэ Д. Уланова, «Человек и звезды» в г. Санкт-Петербурге В. Аноповой,

мозаичное панно «Юрий Гагарин», Московская область, Космодром Байконур – Стелла, Казахстан, «Космос» В. Г. Мишина, г. Челябинск и многие другие.

Наука и техника как темы монументального искусства встречаются как с пересечением темы героя-ученого, так и как абстрактные, геометрические представления о выбранных научных положениях или инженерных деталях, технических достижениях. Иногда сопровождаются необходимым текстом, или же знаки и символы включают формулы.

Герой – ученый, космонавт, инженер на мозаичных панно чаще всего занимает центральное положение или как собирательный образ человека вообще, в окружении достижений науки и техники, либо же коллектива ученых со своими атрибутами. Чаще всего, как и темы науки, располагаются на зданиях, назначение которых так или иначе связано с выбранной научной сферой. Антропоморфные фигуры масштабнее других фигур, указывают на важность человека вообще или коллектива в целом для развития науки и техники. Если это темы, связанные с освоением космоса, то присутствует обязательный элемент одежды – скафандр. Например, в рамках изучения темы науки и героев-ученых, космонавтов, инженеров можно обозначить такие произведения: «Наука», Куйбышевский политехнический институт, В. Замков, «Наука», корпус НПП «Сапфир», В. И. Голов, Б. И. Казаков, и др., «Космонавт», Школа на Варшавском шоссе, Ю. Королев, «Человек. Наука. Медицина», СО РАМН, г. Новосибирск, В. Кирьянов, «Слава советской науке», г. Пенза, «Плоды науки», НИЯУ МИФИ, М. Шварцман, Г. Дауман, «Триумф кибернетиков. Победа над раком», г. Киев, Г. Зубченко, Г. Пришедько, «Биожизнь», Ю. П. Кравченко, г. Красноярск, и многие другие произведения.

Темы светлого будущего в советскую эпоху связаны и со всеми другими направлениями, так как данный образ включает такие основные компоненты: развитие науки и техники, робототехники, освоение космического пространства, освоение про-

странства Земли, а также отражение необходимых для этого условий, автоматизация, идеализация труда. Но отличительной особенностью в данном случае является подчеркнутый мотив пути, а также наличие других сфер, помимо научной, ведущих человека к советскому образу будущего. Такие работы, как «Мечты коммунистов», Л. Шенгелия, Г. Каландадзе, и другие художники, в г. Тбилиси, «Кузнецы современности» Г. Зубченко, Г. Пришелько, г. Киев, характеризуют данное направление в монументальном искусстве мозаики советской эпохи.

**Анализ мозаичного панно
на здании телецентра «Энергия»
в качестве репрезентанта темы
научно-технического прогресса
в монументальном искусстве периода СССР**

Для анализа темы научно-технического прогресса выбрано мозаичное панно на здании телецентра (бывшее здание научно-производственного отделения «Энергия») в Воронеже, созданное в 1988 г. Владимиром Клепниным и Василем Каревым (рис. 1). Оно сочетает в себе элементы научно-технической тематики, характерные для социалистического реализма, с эстетическими особенностями, переходящими к более абстрактному и динамичному художественному языку. Произведение отражает дух эпохи, когда научно-технический прогресс оставался важным идеалом, несмотря на нарастающие кризисы в советском обществе. Произведение является поздним репрезентантом тем научного прогресса, так как создано уже в 1980-е гг.

Данная мозаика не имеет как такового официального, оригинального названия и, как и многие монументальные панно, связана с назначением здания – НПО «Энергия» занималась разработкой и созданием электромеханических и электронных изделий для ракетно-космической техники и систем вооружения, медицинской техники, изделий общепромышленного назначения и бытовых приборов (Каграсhev, 2008). Как и большинство произведений монументального искусства, рассчитано,

Рис. 1. Мозаичное панно на здании телекомпании (бывшее здание научно-производственного отделения «Энергия», г. Воронеж, В. Клепнин, В. Караев

Fig. 1. Mosaic panel on the building of the television center (former building of the scientific and production department of Energia, Voronezh, V. Klepnin, V. Karaev

на большую аудиторию и должно воздействовать на массы, что отвечает советским программам. В том числе отражает позднесоветскую эпоху, когда идеалы научно-технического прогресса ещё сохраняли свою силу, несмотря на нарастающий общественный, идеологический кризис. Это время, когда освоение космоса всё еще оставалось одним из главных государственных символов, а вера в силу науки и труда – часть коллективного сознания.

Композиционно содержит такие геометрические фигуры, как несколько кругов, два треугольника, образующие фигуру песочных часов, квадрат, вписанный в круг, с прочерченными диагоналями. Пересечение линий приходится на символическую диагональ ракеты, прорезающую пространство мозаики и выходящую в пространство зрителя. Простота в использовании геометрии и абстрактных форм позволяет задавать направление движения в произведении. Подчеркнутые линии внутри фигур и сами фигуры содержат вневременные символы бесконечного пространства Вселенной, конечного человеческого мира

и времени, пересекающего оба этих пространства. Простота линий задаёт направление движения, создавая динамику и акцентируя внимание на центральной идеи произведения. Геометрические элементы, такие как круги, песочные часы и квадрат, символизируют взаимодействие бесконечного пространства Вселенной, конечного человеческого мира и времени, соединяющего эти два измерения. Это отражает философскую концепцию связи человека с космосом и вечностью.

Цветовое решение включает в себя обилие красных и черных элементов с преобладанием белого контура. Красный цвет – основной государственный цвет, поддерживает передовые научные исследования и научные разработки СССР. Конtrast в использовании цветов позволяет сделать произведение динамичнее и активнее взаимодействовать и акцентировать внимание зрителя.

Оконтуренность фигур позволяет говорить о ясности предлагаемых образов и символов, их завершенности и кристаллизованности. Помимо этого, самый большой

круг светло-коричнево-золотого цвета содержит прямые текстовые значения: «человек», «время», «энергия», «пространство», «вселенная». Данные текстовые значения расположены по часовой стрелке и в содержательном смысле от частного к общему. От человека до Вселенной через научные положения, связанные с освоением космоса. Помимо этого, есть и физическая формула энергии – $E=mc^2$, что указывает на ее центральное положение в произведении.

Динамика в расположении фигур поддерживается как антропоморфными, так и абстрактными фигурами. Это создаёт впечатление движения, геометрические линии и мелкие абстрактные элементы приглашают зрителя в пространство произведения, подчёркивая единство человека и космоса.

Центральный образ композиции – космонавты за пультом управления – символизирует успехи СССР в освоении космоса. Этот сюжет подчёркивает лидерство страны в науке и технике, где космос выступает метафорой устремлённости в будущее и преодоления границ человеческих возможностей. Ракета, изображённая диагонально, визуально прорезает пространство мозаики, акцентируя динамику научного прогресса и устремлённость к великим целям.

Изображённая ракета становится знаком технологических достижений, а динамичные элементы, окружающие центральную сцену, создают эффект движения и подчёркивают непрерывность развития. Композиция вовлекает зрителя, приглашая его стать частью изображённого процесса. В центре мозаики – человек как главный созидатель и исследователь, что отражает ключевую идею социалистического реализма – гармонию труда и науки.

Присутствует и два других антропоморфных персонажа, изображенных по диагонали от космонавтов, находящихся за пультом ракеты. Жесты рук указывают на приглашение или же выделение важного элемента, в данном случае фигуры обращают внимание на то, что действительно важно, а именно развитие и основание космоса, а также в целом научно-технический прогресс, который представлен техническими

элементами, например зеркальными парabolicкими антеннами, системой навигации. Технические элементы, относящиеся к электромеханическим изделиям, отвечают назначению здания и реализуют принцип коллективной работы для создания масштабных инженерных решений, позволяющих осваивать космическое пространство.

Персонажи не статичны, они находятся в процессе работы и движения как в космическом пространстве, так и на пути к великому коммунистическому будущему. Применяется и частый прием расположения фигур сверху, что работает на втягивание зрителя в пространство произведения.

Монументальное произведение отражает гармонию человека, науки и космоса как основ научного прогресса. Произведение символизирует устремлённость к бесконечным возможностям через коллективный труд и достижения науки, где человек представлен главным созидателем. Мозаика показывает связь человеческого разума с бесконечностью Вселенной, подчеркивая, что прогресс, опирающийся на знание и сотрудничество, ведёт к светлому будущему.

Заключение

Темы научно-технического прогресса обширны и отражают ключевые идеалы эпохи – труд, коллективизм, стремление к модернизации, утопическое видение будущего. В контексте социалистического реализма мозаики становились визуальными проводниками идеологии, объединяя эстетику, символизм и потенциал культурных механизмов по конструированию общей гражданской идентичности. Монументальные произведения не только отражали достижения своего времени, но и формировали визуальную модель «светлого будущего», в которой наука и труд выступали основными движущими силами. Мозаичные панно как часть монументального искусства позволяют глубже понять идеологический и социокультурный контекст эпохи, демонстрируют сложность взаимодействия искусства, науки и государственной политики.

Стоит отметить следующие ключевые аспекты: мозаики – носители идеологии. Использование образов космонавтов, ракет, формул и других символов демонстрирует неразрывную связь искусства с достижениями советской науки и техники. Эти элементы не только подчеркивают успехи эпохи, но и формируют визуальную концепцию будущего, основанного на технологическом и интеллектуальном развитии.

Основные темы мозаик включают героизацию труда, образы учёных, инженеров и космонавтов, а также символы научных и технических достижений – от индустриальных аллегорий до абстрактных изображений космоса. Центральное место

в композициях занимали фигуры человека, подчёркивающие значимость его роли в освоении техники и преобразовании природы. Цветовые решения и геометрическая структура усиливали динамику изображений, создавая ощущение движения и прогресса.

Особенностью мозаик было использование региональных и локальных элементов, которые адаптировали общие идеалы к культурным особенностям различных республик и городов СССР. Визуальные образы сочетали государственные символы, такие как серп, молот и красная звезда, с элементами, отражающими достижения конкретных научных или технических объектов.

Список литературы / References

- Allenov M. M., Evangulova O. S., Plugin V. A. *History of Russian and Soviet Art*. Moscow, Vysshiaia shkola, 1989. 383.
- Bart R. *Mythologies*. Translated by S. N. Zenkin. Introduction and comments by S. N. Zenkin. Moscow, 1996. 312. ISBN 5–8242–0048–3.
- Chermoshentsev A. V. Mosaics of the City of Korolev as a Cultural Symbol of the Soviet Era. In: *Cultural Heritage of Russia*, 2019, 4, 49–53.
- Geertz C. After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist. Translated from English by A. M. Korbut. Moscow, 2020. 282.
- Interpretation of Culture*. Translated from English by O. V. Barsukova, A. A. Borzunov, G. M. Dashedevsky E. M., Lazareva V. G., Nikolaev; Afterword by A. L. Yefimov; Scientific editor A. L. Yefimov, A. V. Mateshuk. Moscow, 2004. 560.
- Ivanov M. A. Historical and Artistic Preconditions in Soviet Monumental Mosaic Art. In: *Journal of the Institute of Heritage*, 2021, 2(25), 51–61.
- Ivanova-II'icheva A. M., Stushniaia I. A., & Orekhov N. V. Mosaic in the Decorative Design of Buildings of the Soviet Modernism Era (on the Example of Rostov-on-Don). In: *Manuscript*, 2017, 12–5(86), 100–103.
- Koptseva N. P., Seredkina N. N., Degtyarenko K. A. Aesthetic transformations as the ideological basis of Soviet visual art 1917–1922. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2023, 16, 4, 522–535. EDN NZUUTM.
- Kotov A. *Monumental Art of the USSR (History of Russia in Color)*. Moscow, 2023. 208.
- Lunacharskii A. V. *Memoirs and Impressions*. Moscow, 1968. 377.
- Maximova E. K. Space in Soviet Monumental Art as a Symbolic Feature of the Culture of the 1950s–1980s: Problem Statement. Proc. Int. Conf. on Current Issues of Monumental Art, St. Petersburg, March 11–12, 2022. Edited by D. O. Antipina, R. A. Bakhtiyarov, S. N. Krylov. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2022, 235–238. EDN RXSXJY.
- Peirce C. S. *Principles of Philosophy*. St. Petersburg, 2001. 541.
- Pimenova N. N. Contemporary philosophical stance on the mechanisms of socio-cultural changes. In: *Siberian Anthropological Journal*, 2018, 2, 2, 47–69. EDN XVLYIP.
- Pivovarov G. O. Industrial illustrative art. Industry and “third places” (on the example of Krasnoyarsk). In: *Siberian Anthropological Journal*, 2021, 5(3), 366–376. DOI: 10.31804/2542–1816–2021–5–3–366–376. EDN: OHIRMH.

- Prigov V. I., Beliakov A. Yu. The Art of Florentine Mosaics in the USSR. In: *Nature*, 2020, 2(1254), 38–48. DOI: 10.7868/S 0032874X20020040. EDN: WDPPE.
- Sergeeva N. A. The concept of «visuality» in contemporary theories and history of art. In: *Northern Archives and Expeditions*, 2023, 7, 2, 108–115. EDN JZKOFH.
- Shpak A. A. Monumental mosaics of Moscow: between utopia and propaganda. Review of the book by Anna Petrova, Ekaterina Ruskevich, James Hill, and Evgeniia Kudelina. In: *Siberian Art Studies Journal*, 2022, 1(1), 17–22. DOI: 10.31804/2782–4926–2022–1–1–17–22. EDN: ZRTOTS.
- Shpak A. A. Monumental mosaics in the work of Pavel Dmitrievich Korin. In: *Siberian Art Studies Journal*, 2022, 1(3), 21–28. DOI: 10.31804/2782–4926–2022–1–3–21–28. EDN: JUXKEY.
- Studenikin N. A. Soviet Mosaic in the Modern Russian City: How Monumental Heritage Can Become Valuable Again? In: *Urban Studies and Practices*, 2024, 9(1), 55–79. DOI: 10.17323/usp91202455–79.
- Terekhovich M. L. The Fate of Works of Monumental-Decorative Art of the Soviet Period: Current Issues of Preservation and Study. In: *Art of Eurasia*, 2019, 2(13), 185–197.
- Tolstoi V. P. *Lenin's plan of monumental propaganda in action*. Moscow, 1961. 56.
- Voronezh Encyclopedia*. In 2 volumes. Sen. ed. M. D. Karpachev. Voronezh, 2008. 30. ISBN 978–5–900270–99–9.
- Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P. *Propositions of the Theory of Visual Art: A Textbook*. Krasnoyarsk, 2004. 265. ISBN 5–7638–0494–5.

EDN: LDJNHS
УДК 7.01:316.653:159.9.018

Artistic Institution: Causes and Consequences of Silence

Adrià Harillo Pla*

Independent Scholar

Manresa (Barcelona), Kingdom of Spain

Received 16.02.2022, received in revised form 19.03.2022, accepted 23.01.2025

Abstract. This article presents the potential application of Noelle-Neumann's Spiral of Silence to the Institutional Theory of Art. Our main hypothesis is that this application is doable. The basic premise is that being art a cultural product with problems of objective definition and evaluation, certain groups in the art world act as a social group of reference. On the contrary, those agents outside it, choose to silent their opposing opinions not to be rejected and, in turn, to carry out a process of snobbish imitation. It is important to remark that the tools used in this article are mainly theoretical. The argument is presented through an inductive argumentation using propositional logic. As a consequence, the results are different than the ones obtained through another kind of argumentation, such as the deductive. Because of this, the results will be plausible. The conclusions are not empirically or statistically proven. The main conclusion of this text is that, confirming the initial hypothesis, the Spiral of Silence seems applicable to the Institutional Theory of Art. At least, is likely applicable in a generic and global context. On the other hand, further analysis, both quantitative or qualitative, could help to confirm if this plausibility is true to reality.

Keywords: contemporary art, elites, institutional theory of art, sociology of art, spiral of silence.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Adrià Harillo Pla. Artistic Institution: Causes and Consequences of Silence. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 338–353. EDN: LDJNHS

Художественная институция: причины и последствия молчания

Адриà Арильо Пла

Независимый исследователь

Королевство Испания, Манреса (Барселона)

Аннотация. Статья рассматривает возможность применения «Спирали молчания» Ноэль-Нойман к институциональной теории искусства. Основная гипотеза заключается в том, что такое применение потенциально осуществимо. Основной предпосылкой является следующее: поскольку искусство – культурный продукт, имеющий проблемы объективного определения и оценки, некоторые группы в мире искусства действуют как референтная социальная группа. Напротив, те агенты, которые находятся вне его, предпочитают замалчивать свои противоположные мнения для того, чтобы их не отвергли, и, в свою очередь, осуществлять процесс снобистского подражания. Важно отметить, что инструменты, использованные в этой статье, в основном носят теоретический характер. Аргумент представлен с помощью индуктивной аргументации с использованием логики высказываний. Как следствие, полученные результаты отличаются от результатов, полученных с помощью другого вида аргументации, например дедуктивной. Благодаря этому результаты будут правдоподобными. Сделанные выводы не подтверждены эмпирически или статистически. Главный вывод предпринятого исследования заключается в том, что, подтверждая первоначальную гипотезу, «Спираль молчания» может быть применима к институциональной теории искусства. По крайней мере, применима в общем и глобальном контексте. С другой стороны, дальнейший анализ, как количественный, так и качественный, может помочь подтвердить, соответствует ли отмеченное правдоподобие действительности.

Ключевые слова: современное искусство, элиты, институциональная теория искусства, социология искусства, спираль молчания.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Адриà Арильо Пла. Художественная институция: причины и последствия молчания. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2025, 18(2), 338–353. EDN: LDJNHS

Methodology

This text is intended to extend the content presented under the title of “Artistic institution: causes and consequences of silence” during the “V Congress Between Clio & Euterpe: Art and Power”. The mentioned congress – March 22/23, 2018 – was held by the Department of Philosophy of the University of Santiago de Compostela. The specific presentation took place on Thursday, March 22 in the Assembly Hall of the Faculty of Philosophy of the aforementioned university and, more specifically, in Table I, under the

moderation of Abel Lorenzo. At this point, it must be added for informational purposes only, that the thematic block in which it was inserted was entitled: “What do intellectuals think about? Interpretations of art and its function.”

After that initial communication and its subsequent development, this text presents a work of a mainly conceptual nature.

(S 0) Summary: This conceptual paper is based on the theory of the “Spiral of Silence” proposed by the German author Elisabeth Noelle-Neumann initially in 1974 and

its possible (or not) application to the “Institutional Theory of Art”. This now classic theory is mainly taught in disciplines that focus their efforts on what is called “public opinion”. More specifically, it is especially used from a political perspective – although also from Media and Communication Studies. (Chen, 2018; Hopkins, 2015; Katz, 1981; Sohn, 2019) Nevertheless, this theory has not been linked – or not clearly – to the “Institutional Theory of Art” field. This potential relationship between the “Spiral of Silence” and the “Institutional Theory of Art” is intended to be the main academic contribution of this text.

(S 1) Initial observation: Like any academic and scientific work, this conceptual paper is based on an initial observation susceptible of being analyzed in greater detail. This observation is that, in a contemporary art world with great information problems, this institutionalized art world increasingly acts as a socio-economic system made up of superstars and with few agents acting as a reference social group. Due to these factors, the “Spiral of Silence” seems to be a theory of possible application.

(S 2) Hypothesis: Consequently, the main hypothesis of this text is a hypothesis of a general and theoretical nature. This hypothesis can be put in a brief but clear statement: **(MH)** the “Spiral of Silence” plays a role within the mechanisms of interaction used by some agents of the art world.

(S 3) Experimentation: If our general and theoretical hypothesis is proven to be right in a coherent and plausible way, it is important to bear in mind that the results will be in a conceptual and pre-experimental stage.

If any individual or group is interested in testing the validity of this hypothesis in an experimental way, they can do so using the quantitative or qualitative instruments typical of the Social Sciences that they consider the most appropriate, which may include but are not limited to surveys or interviews.

Due to the nature of the “Spiral of Silence”, but also of the interviews or surveys, the experimental researcher might have to face, predictably, some potential issues. One of them is the lack of honesty due to the self-report of

data. This self-report would be the one provided by the interviewees and respondents. However, this negative factor and others that the experimental researcher may have to face could be significantly reduced with a good planning of the experimental tests.

Two other important steps of the scientific method have to be referred here.

One is that of creating **(S 4) a theory**:

As this is a theoretical embryo, even if the hypothesis is shown to be coherent and plausible, it will be far from a theory. Many subsequent processes, analysis, and discussions will be necessary to obtain a solid and proven knowledge that can be titled as a theory.

The other step is the one of contributing with **(S 5) representative conclusions**.

The conclusions will be presented in the final part of this paper. However, it is critical to specify the order on how the content will be presented to obtain such a conclusion.

In the first place **(1)**, we are going to present the “Spiral of Silence” in a contextualized way, and we will make a brief schematic summary of its main contributions. We do so by considering that it is one of the two key theoretical frameworks for this text and that, consequently, the object must be clearly delimited and defined.

Secondly **(2)**, we will do the same with the Institutional Theory of Art for the same reasons.

Finally **(3)**, we are going to interrelate what is presented here to observe if our theoretical and general hypothesis is logically plausible or if, on the contrary, the hypothesis is null or an alternative hypothesis must be sought.

We will finish this article with the necessary conclusions **(4)** and bibliography **(5)**.

Note: Any translation from Spanish, Catalan, or French into English has been made by the author of this text, unless otherwise indicated.

Note 2: This is a general and theoretical article. Consequently, any analysis of some individualized institutional micro-system could reflect different results.

Note 3: Any linguistic definition quoted literally corresponds to the Cambridge Dictionary in its latest edition, unless otherwise indicated.

1. The Spiral of Silence

As previously stated, we must start by specifying and defining what is the “Spiral of Silence.” By “Spiral of Silence” (from now on SoS) we refer to the theory presented and developed by Elisabeth Noelle-Neumann using the same expression. She did so through two texts published in 1974 – one in German and one in English. (Noelle-Neumann 1974) Afterwards, she published a book developing this theory. (Noelle-Neumann, 1993)

Such a theory supports that human beings – as social agents – do not want to be excluded from a collective environment and its mechanisms although, sometimes, there may be occasions and moments in which this is not possible. (Cacioppo et al., 2011; Cacioppo and Hawkley, 2009; Weiss, 1975) The way in which – according to Noelle-Neumann – individuals would try to avoid being separated from the social collective would be, simply speaking, by considering the opinions and actions of the perceived majority; next, individuals decide to act imitatively. (Noelle-Neumann, 1974; 1993)

It appears to be true that the proposal of Noelle-Neumann has an especially important application when opinions refer to moral or sentimental judgments and, consequently, not necessarily to rationally created ones. (Pollock and Cruz, 1999; van Roojen, 2010) As will be further specified, this maximizes its possible application to the Institutional Theory of Art.

However, beyond this elementary presentation of Noelle-Neumann’s work, it is also indispensable to specify the sub-hypotheses confirmed in the So S. To achieve this, we will follow the order used by one of the experts in her work, Dr. Thomas Petersen. The reason for doing so is in the first place because his criteria is shared after comparing it with the original text. Secondly, because the analysis of Noelle-Neumann’s work carried out by him along his career are analyses in greater depth.

That being said, Petersen (Petersen, 2015) summarize Noelle-Neumann’s proposal as follows:

1. *Most people are afraid of social isolation;*

2. *Therefore, people constantly observe other people’s behavior in order to find out which opinions and behaviors are met with approval or rejection in the public sphere;*

3. *People exert “isolation pressure” on other people, for instance, by frowning or turning away when somebody says or does something that is rejected by public opinion;*

4. *People tend to hide their opinion away when they think that they would expose themselves to “isolation pressure” with their opinion;*

5. *People who feel public support, in contrast, tend to express their opinion loud and clear;*

6. *Loud opinion expressions on the one side and silence on the other side sets the spiral of silence into motion;*

7. *The process is typically ignited by emotionally and morally laden issues;*

8. *In case of consensus on an issue in a given society, it is unlikely that a spiral of silence will be set into motion. The spiral is usually elicited by controversial issues;*

9. *The actual number of partisans of an opinion is not necessarily decisive for their weight in the spiral of silence. The opinion of a minority may actually be perceived as a majority in the public sphere if their partisans act assertively enough and publicly defend their opinion with emphasis;*

10. *Mass media may have a decisive influence on the formation of public opinion. If the media repeatedly (in a “cumulative” way) and concordant (in a “consonant” way) support one side in a public controversy, this side will stand a significantly higher chance of finishing the spiral-of-silence process as winner;*

11. *Fear of and threat with social isolation operate subconsciously: Most people do not consciously think about how their behavior is oriented by public opinion;*

12. *Public opinion is limited in time and space. Wherever people live together in societies, public opinion will function as a mechanism of social control. However,*

what specifically public opinion approves or rejects will change with time and differ from place to place;

13. *Public opinion stabilizes and integrates society because conflicts will be resolved through spirals of silence in favor of one opinion. This is what is referred to as the integration function of public opinion.*

Said this and as a partial summary, it can be said that Noelle-Neumann's theory postulates that individuals have fear of social sanction. In consequence, people have three chances:

1. To unify their opinions and attitudes with the ones of the perceived public majority;
2. to stay silent with the will of not being socially penalized;
3. to prioritize freedom of thoughts and speech over fear of social punishment¹.

Noelle-Neumann's proposal is considered a scientific theory because, firstly, it fits with the definition of theory provided by Cambridge Dictionary, according to which a theory is "*an idea or set of ideas that explains something.*" But not less important because there are numerous studies carried out from Social Psychology and Sociology that confirm the hypotheses established by Noelle-Neumann. Some classics are the cases of Solomon Asch, Philip Zimbardo, or Stanley Milgram. (Asch, 1956; 1951; Blass, 2009; Zimbardo, 2004) From a strict perspective of public opinion and its evolution, it is recommended the academic production of Hans Speier (2001). To understand the networks of public opinions the work of Watts and Dodds (2007) is of high value, and the research of Carroll J. Glynn (1989) is of high interest to understand the differences between real and perceived public opinion.

These three elements: the historical, relational, and real vs. perception are significant to thoroughly understand that a public opinion is, precisely:

1. An opinion: "*a thought or belief about something [art in our case] or someone*";

¹ This is only applicable to countries which recognize freedom of speech. In cases in which freedom of speech can be penalized with jail or physical punishment, it could be different due to the coercive factor.

2. Being this "thought" something epistemologically of subjective nature with a low sense of certitude;

3. Which is public: so "*of, for, or concerning, the people (of a community or nation) in general*";

At this point, it is time to present the theoretical framework of the "Institutional Theory of Art" to observe how Noelle-Neumann's SoS is applicable to this field.

2. The Institutional Theory of Art

As we have stated, we are going to use the "Institutional Theory of Art" (from now on **IToA**) as a theoretical framework to which to apply the So S. Consequently, we must contextualize and delimit what we mean by IToA. Beyond ontological questions and specific details, the IToA is the theory mainly established by Arthur C. Danto (1964) and George Dickie (1974) from Humanistic fields such as Philosophy and Howard S. Becker (2008) from Sociology.

In a simplified but honest way, it could be said that according to this theory, a society names as "art" something that is within an "art world" with the aim of being presented to a public. (Dickie, 2005)

An explanation of what the "art world" is it is not easy. However, Gerard Vilar i Roca wrote one description that seems quite accurate. For the Professor, the "art world" is

"the complex formed by artists, gallery owners, museums, collectors, foundations, art critics, some magazines and other media, and some educational institutions. Some political institutions and some patrons that have social practices such as producing works of art, selling them, buying them, appraising them, collecting them, exhibiting them, writing about them, defending them, attacking them, enjoying them, being fascinated and obsessed with them." (Vilar i Roca, 2005, 80)

It is important to note that, this definition, does not provide us any kind of ontological knowledge, but rather shows us what a human community refers to as art and in what social environment this categorization is generated.

This was specifically clarified by George Dickie himself by stating that

"the set of institutions that make up an art world – artists, fine arts schools, galleries, collectors, museums, magazines, critics, auction houses, historians, experts, etc. – constitutes the necessary institutional framework for the existence of art but in no way explains enough what art is and what it does." (Dickie, 2005, 26)

However, although some thinkers like Difley (1969) have come to postulate that this art world acts as a republic, in the next section of this text we will try to show with data that this is not the case. Consequently, the SoS is applicable, since there is no balance of power between those previously mentioned agents that makes up the art world².

3. Silence and Institutional Theory

According to Noelle-Neumann's work and the analysis made up by Petersen, "*most people are afraid of social isolation*" (1). According to the World Health Organization, the definition of "health" – unchanged since 1948 – is "*a state of complete physical, mental and social well-being, and not only the absence of diseases or illnesses.*"³ Health is, in consequence, also social. In fact, an incipient number of studies are coming to identify negative effects of isolation derived from the current pandemic situation worldwide⁴. (Banerjee and Rai, 2020; Hwang et al., 2020; Jeste, Lee, and Cacioppo, 2020) However, this current situation has only reminded us of something that we already knew since, previously, some significant studies had been carried out on how self-isolation has negative consequences physically but also psychologically. In fact, self-isolation is a significant cause of suicide in global terms.

² By power, we mean, according to the Cambridge Dictionary, the "control over people and things that happen", being this control "the power to make a person or thing do what you want". This seems consistent with the normative role that every institution has.

³ This definition can be found on the WHO webpage.

⁴ To observe points in common with the psychological-effects consequence of the self-isolation generated by the SARS pandemic, see: (Hawryluck et al. 2004).

(Cacioppo et al., 2002; Farmer, Ciaunica, and Hamilton, 2018; Fässberg et al., 2012; Heffner et al., 2011; Kobayashi and Steptoe, 2018; Kuijper et al., 2015; Lee et al., 2019; Leigh-Hunt et al., 2017; Steptoe et al., 2013; Xia and Li, 2017; Yu et al., 2020)

But not only medical and psychological disciplines have been in charge of defining human beings as social.

Abraham Maslow placed the needs of socialization only behind the ones purely physiological and of security, and a timeless thinker like Aristotle has already described humans as political animals, social animals. (Aristotle, 2013; Aronson, 2004; Maslow, 2013) In fact, for Aristotle, sociability was the natural condition of humans and, acting against this own nature would imply going against nature. (Aristotle, 2013)

From a demographic perspective and according to the World Bank data, the global urban population has increased from the 33,6 % in 1960 to the 55,7 % in 2019, confirming these statements⁵.

But while we confirm the statement of Noelle-Neumann when describing the human being as social and afraid of self-isolation, we are not using a naïf definition of "social." In fact, when we describe humans as social, we do so using the definition from the Cambridge Dictionary according to which social means "*living in communities*".

This specification is important since we have to consider that human beings have both pro-social and anti-social attitudes. These anti-social attitudes take place within a social community, and cannot be used as an example to defend that humans are not social. Linguistically speaking, note that the prefix *anti-*, shows opposition to something, which must be present. On the other hand, the prefix *un-*, shows absence or lack of something, and we are not using in here the term unsocial. (Eisenberg and Mussen, 1989; Miller and Eisenberg, 1988; Simmel, 2010; 2017)

The novelist Jane Austen, for example, considered in *Pride and Prejudice* that socia-

⁵ There are different criteria by which a city is considered a city, from having a cathedral in Poland to the size of the territory, for example. But one of the most used criteria is the amount of population, being a city a large human settlement.

bility had an insignificant importance. There, she stated that if we are living together is just to serve as entertainment to our neighbors, and laugh at them when we have a chance to. (Austin, 1992)

With the time passing, the understanding of humans in society has been improved, and it has been classified as individual, social and historical (Zubiri, 2006), or as rationally selfish (Rand and Branden, 1964) – but in no case as a non-social. In fact, the famous Latin polypoton “*homo homini lupus*” used by Plautus and popularized by Hobbes is a useful cultural resource to remind us that humans have tendencies both towards fission and to fusion with others. This fission and fusion processes were excellently represented by the Schopenhauerian dilemma of the porcupines. These porcupines, in search for body heat in winter, were close to each other. Nevertheless, this was only possible until their spikes were painful, and they had to search for distance again. (Schopenhauer, 2000, 2:651–52)

The second point extracted from Noelle-Neumann's work is that “*people constantly observe other people's behavior in order to find out which opinions and behaviors are met with approval or rejection in the public sphere*” (2). This attitude lies at the base of man's imitative capacities, skills that the sociologist Gabriel Tarde analyzed and studied in greater detail. (Tarde, 2011) In more recent dates, some researchers in sectors such as Biology or Social Psychology have continued to work on human methods of imitation⁶. This imitation ranges from numerous activities: from evolutionary such as learning a language to merely symbolic ones such as fashion or smoking. (Brooks, 1995; Erner, 2020; Godart, 2016; Monneyron, 2006) However, the example of fashion is a significant case that illustrates how not all forms of imitation occur in society with the same validity. Pierre Bourdieu contributions are capital in this case. He distinguishes three universes of tastes: the legitimate one, the average one, and the popular one. (Bourdieu, 1999: 13–16) This

difference makes the imitation sometimes addressed to feel part of the same social group, to be identified as different (underground culture) or, sometimes, imitation is just intended to imitate social groups considered to have a most legitimate taste (aspiration group-disclaimant group). This is frequently called snob imitation. (Baudrillard, 2000; Veblen, 2004).

So far, we have tried to justify that human beings are social and imitative. Although they may sometimes have anti-social attitudes, they are only possible in society. We also stated that imitative processes can be motivated by different reasons and with different objectives, including those of assimilating to a certain social group of reference.

According to Petersen's (2015) analysis from Noelle-Neumann's work, “*people exert “isolation pressure” on other people, for instance, by frowning or turning away when somebody says or does something that is rejected by public opinion*” (3). This appears to be true. Human beings have different ways of expressing feelings and attitudes, often through language, although not always through verbal language. (Darwin, 1950; Frith, 2009; Goldin-Meadow, 2014; McCall and Singer, 2015; Sekerdej et al., 2018) However, it is relatively easy to find samples of this same rejection within the IToA. In fact, in the text that gives origin to the IToA properly speaking, Danto himself refers to the individual who does not share the opinion of the agents of the art world as Testadura. (Danto, 1964) Testa Dura, in Italian, means hardheaded, which already implies a series of negative attributes.

Other expressions frequently used to refer to those who does not share the criteria provided by the establishment of the art world are, just to put a few examples, that of provincial, uneducated or peasant. (Bourdieu, 1999; Shiner, 2001)

Art, nevertheless, is a political and cultural product. It means that since it is political, its “social value” comes from its “social use” as a consequence of being “*produced and developed in a social and cultural political framework, it is polytheia and expression of a polis or civitas.*” (Berger and Luckmann, 1966; Geertz, 1976; Vilar i Roca, 2017: 145).

⁶ See: (Byrne 2005; Clay and Tennie 2018; Farmer, Ciaunica, and Hamilton 2018; Huber et al. 2009; Mengotti, Corradi-Dell'acqua, and Rumianti 2012; Nielsen, Moore, and Mohamedally 2012; Sakkalou et al. 2013; Subiaul 2016)

It is essential, then, to analyze how the structure of this art world looks like. It is necessary in order to understand who holds the ability to make use of these expressions of rejection and isolation pressure. (Bourdieu, 1993; 1996; Witkin, 1995) As Inglis put it: “*art is a label put on certain things by certain powerful interested parties*”. (Inglis, 2005a: 101)

According to Petersen analysis, “*people tend to hide their opinion away when they think that they would expose themselves to “isolation pressure” with their opinion*” (4). Meanwhile, “*people who feel public support, in contrast, tend to express their opinion loud and clear*” (5). Although this statement is complex due to its generalizability, it is certainly a possibility. Hiding an opinion that is considered socially unfavorable is a way of conflict avoidance. At the same time, it can also serve as a tool to not be seen as part of a certain group (the disclaimant one) and, thus, unify criteria with the aspiration group. (Bourdieu, 1999;Forgas and Fiedler, 1996)

In this framework, it is consistent that those who unify their criteria with the reference group – aspiration group for those who are not part of it, will express their opinion louder and clearer. This is because the recognition by the agents of that group, would carry a whole series of symbolic meanings socially seen as positives. (Caillé, 2008; Heidegren, 2004)

According to Petersen’s analysis of the SoS, “*loud opinion expressions on the one side and silence on the other side sets the spiral of silence into motion*” (6). If we accept as coherent the conceptual context until here presented, this seems to be its logical consequence.

Logically, if a sender transmits his message and finds no obstacle in the form of a contrary or opposing opinion, the message can be transmitted through the channel relatively easily and the message can reach the receiver without significant problems. Adding several interlocutors or multiple messages at the same time could interfere with the emission of the message, something that does not happen in this case following the theoretical framework presented. One way in which multiple messages and interlocutors would not necessarily imply an obstacle would be if the

communicative act were carried out through different channels.

However, in the art world, as we have already noted, it is key to observe its structure.

There are some powerful agents within the art world. Some of them, but not only, are Christie’s or Sotheby’s (auction houses). Gagosian, Pace Gallery or Opera Gallery (art galleries). Thyssen-Bornemisza, Louvre, Hermitage (museums). Art Basel, Frieze or Scope Art Show (art fairs). These agents are having every time more social influence and, some of them, are even expanding their activities both geographically and through diversification of their activities.

These agents act as a reference institutional group in which their decisions, messages, and rules have a definitive role within what a society refers to be art and what kind of attitudes are legitimate and which ones are not. Some data can help to confirm this fact:

According to Artprice,

“[in 2018] the financial power of the Contemporary Art Market [was] focused on a relatively small elite of artists in a much larger pool: 89 % of the segment’s global turnover is generated by its 500 most successful artists in an overall pool of 20,335 Contemporary artists who sold at least one work via auction between end-June 2017 and end-June 2018. The leading trio – Basquiat, Doig and Stingel – alone accounted for 22 % of the segment’s global turnover”⁷.
(Artprice, 2019)

From his side, Fraiberger and his colleagues published an article expressing how important it is, for an artist, to be able to be linked and exhibited by a key institutional agent. (Fraiberger, et al. 2018) This data is supported as well by the work from Wickham and his colleagues (2020) and the data reported by the Center for Cultural Innovation. (2016) The study carried out by Fraiberger and his colleagues has shown that a scarce 14 % of artists

⁷ The same tendency was reported in 2019. (Artprice 2020)
Most recent analysis come to confirm this, but they are not here referred due to the exceptionality of our times regarding the pandemic situation.

who are outside those reference agents remain active after ten years. Not less important: the paper has shown that if one of the five initial shows takes place in one of the reference institutional agents, the risk of ending up in the edges of this social system is only 0.2 %. (Fraiberger, et al. 2018)

This framework turned the art world in a social system where some agents act as superstars and as a reference group, meaning that “*small numbers of people earn enormous amounts of money and dominate the activities in which they engage.*” (Adler, 1985; Bottomore, 1993; Hunter, 1953; Mills, 2013; Quemin, 2013; Rosen, 1981: 845)

We said that “*the process is typically ignited by emotionally and morally laden issues*” (7), and art seems to be one of these issues. As we have suggested, what a society calls art is something purely cultural and is not subject to rules of another kind, such as natural laws. Even when art is approached from a scientific perspective, it is cultural. (Iaccarino, 2003) In fact, there are examples in which a human community has given a series of connotative values – artistic in our case – to an object or practice, while those same individuals were not giving those same meanings to those same objects in different contexts. Some examples – but not limited to – are the ones from Banksy, Martin Kippenberger, John Chamberlain, Gustav Metzger or Sara Goldschmied and Eleonora Chiari. (Bergareche, 2013; Burrell, 2004; Cascone, 2019; EFE, 2016; Gómez, 2011; Redaction, 2008; 2013a; 2013b; Squires, 2015)

This illustrates that it is the social framework and its agents, mechanisms, and interests that determine what is art versus what is not. This is since there are no universal and falsifiable criteria to categorize what is art through a series of pre-established methodological and qualitative criteria. On the contrary, in a discipline in which there was a certain falsifiability, it would be relatively easier to be able to unify criteria and to determine which are true, false, significant, or irrelevant. (Kuhn, 2012)

This, in turn, corroborates the fact that “*in case of consensus on an issue in a given society, it is unlikely that a spiral of silence will be set into motion. The spiral is usually elicited*

by controversial issues” (8). Even though some counterculture or social groups with a certain tendency to not follow the shared and common consensus can always be observed, problems and conflicts of authority are much less frequent in some contexts. Specially, when there is a pre-established work methodology, a well-defined corpus, and well-established conditions of possibility and necessity. (Bijker, Bal, and Hendriks 2009) Art, however, is not like that. This is why it is a controversial subject. In fact, on many occasions, different agents from the art world minimize the uncertainty inherent in the use of the word art through at least two easily observable ways (although as far as we know, not thoroughly studied):

1. Taking as a reference objects or practices that already have a privileged institutional position and on which, consequently, a significant community of individuals will not hesitate to refer to it as art or; (Dickie, 2005, 18; 43; 122)
2. Using the term in a polysemic or even unspecific way, holding discourses and discussions about the same term but referring to different or non-delimited things.

According to Peterson’s, “*the actual number of partisans of an opinion is not necessarily decisive for their weight in the spiral of silence. The opinion of a minority may actually be perceived as majority in the public sphere if their partisans act assertively enough and publicly defend their opinion with emphasis*” (9). As we have expressed, a few agents are those who occupy the center of influence of this art world. Consequently, in an environment with high uncertainty like this one, they are those who treasure the authority to stipulate, and the resources to transmit, what is art versus what is not.

Although numerous agents are acting on the edges of this social system, they have very little power of influence. Usually, they also act mainly at a very local level or to very specific niches. (Fraiberger, et al. 2018) There is another important element that must be considered. Due to the flexibility of what is called art and its lack of falsifiability, when an outsider agent obtains a significant role and manages to give a value to something that the center did not consider, this center expands itself. With that, the establishment includes it within the net-

works of its influence, acting through flexible responses, and thus, keeping its role as a reference group within the totality of the social mechanism of the art world. (Young, Welter, and Conger, 2017) This is illustrated by practices such as graffiti or nowadays well-known postmortem artists.

Based on Noelle-Neumann's work, Petersen stated that "*mass media may have a decisive influence on the formation of public opinion. If the media repeatedly (in a "cumulative" way) and concordantly (in a "consonant" way) support one side in a public controversy, this side will stand a significantly higher chance of finishing the spiral-of-silence process as winner*" (10). There are many studies that show the way how the media influences on public opinion, not only qualitatively, but also in the amount of importance that public opinion gives to certain things. (Dearing and Rogers 1996; Katz and Lazarsfeld 1966)

There is no reason to think that art is an exception.

It is also true that, the mass media, are mainly concerned with providing information about what is considered to be of interest to a significant number of individuals. Thais is why they mainly report what is already in the center of influence of this art world. (McQuail, 2010; Severin and Tankard, 2001) In addition, sometimes the content provided or the way in which it is offered, can be influenced by advertising or political influences, among others. (Comapaine and Gomery, 2000) However, these agents who act in the center of the art world, already have institutional relationships with similar organizations. Their links with the media and private sponsors are much more powerful than those available to those agents on the edges. (Comapaine and Gomery, 2000; Wu, 2002) This provides them with a greater power to transmit the message and obtain a greater diffusion of its influence. And by doing so, confirming its role as a minimizer of opposing opinions – through generating silence – and as a maximizer of the opinion established by those agents in the center of this social framework.

To finish, we must remind that according to Petersen's analysis – with which we agree – of the SoS, "*fear of and threat with social iso-*

lation operate subconsciously: Most people do not consciously think about how their behavior is oriented by public opinion" (11). As we expressed, this social fear of isolation exists because we are all social animals. Thus, we presented how silence and imitation are effective ways both to not fell under isolation and to try to be associated with certain classes and social groups as well. The fact that this process is more or less conscious does not affect the facts that we expressed here.

It is not less true that "*public opinion is limited in time and space. Wherever people live together in societies, public opinion will function as a mechanism of social control. However, what specifically public opinion approves or rejects will change with time and differ from place to place*." (12)

As we have stated, these reference agents have a powerful influence and resources. We must not ignore the fact that, as institutional agents, they hold a normative power which has an impact on public opinion⁸. (Friel, 2017; March and Olsen, 1984; Scott, 2013, 55–85) However, the fact that these agents have that power does not imply that they sometimes cannot provide flexible responses – as we already stated. It does not mean, neither, that individual members who make them up do not have different kind of values, ending up internally modifying that institutional agent. (Williams, 1979) Other factors, such as morality, political changes, or the economic situation, are factors that can also significantly influence the configuration of these institutional agents of the art world.

To conclude and before the conclusions, we must refer to the last of the points made by Petersen. The one specifying that "*public opinion stabilizes and integrates society because conflicts will be resolved through spirals of silence in favor of one opinion. This is what is referred to as the integration function of public opinion*" (13). In this same line of thought, as we expressed, some societies call art to some products and practices within a social system and framework. As we also stated, there are no objective, pre-established and absolute methodologies to distinguish what is art against

⁸ If not, they would not have power, and they would not be an institutional agent.

what it is not. We can only see the position that this certain objects and practices occupy inside this institutional system. George Dickie, another of the fathers of the IToA shared this point by writing that: “*by institutional approach we understand the idea that art works are art as a result of position they occupy within an institutional framework or context. Institutional theory, therefore, a fortune of contextual theory.*” (Dickie, 2005: 17)

This kind of contextual and positional knowledge helps, nevertheless, to observe the usage that a certain reference group makes of the term art. And, through a process as human as the process of imitation, how those opinions and referential knowledge on what do we call art within our society are integrated. The issue is that a significant number of people is on the edges of this institutional system. Their voice is silenced through social coercion, and we “*must always realize that something only counts as ‘art’ because a particular powerful person or group has defined it to be. If ‘art’ is a label put on certain things by certain people, where this label come from*” (Inglis, 2005b: 12)

Conclusions

In this theoretical article, we have started by exposing the methodological steps that we have followed for its preparation. We started with a contextual and content presentation on the Spiral of Silence, a theory presented decades ago by the German author Elisabeth Noelle-Neumann.

References

- Adler Moshe. Stardom and Talent. *The American Economic Review*. 1985, 75(1), 208–12.
- Aristotle. *Politics*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 2013.
- Aronson Elliot. *The Social Animal*. Duffield: Worth Publishers. 2004.
- Artpice The Contemporary Art Market Report 2018. Artpice. 2019. <https://www.artprice.com/artprice-reports/the-contemporary-art-market-report-2018/general-synopsis-contemporary-arts-market-performance>.
2020. The Contemporary Art Market Report 2019. Artpice. <https://www.artprice.com/artprice-reports/the-contemporary-art-market-report-2019>.
- Asch Solomon E. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion of Judgments. In: *Groups, Leadership and Men; Research in Human Relations*, edited by Harold S. Guetzkow, 177–90. Oxford: Carnegie Press. 1951.
- Studies of Independence and Conformity: A Minority of One against a Unanimous Majority. *Psychological Monographs: General and Applied* 70 (9), 1–70. 1956.

The presentation of the content has been done by using the summarization from one of the main experts in her work, Dr. Thomas Petersen. We have done it this way because we agree with his summary after comparing it with the original, and because he has greater knowledge about the author and the totality of her production.

Subsequently, we have contextualized and synthesized the Institutional Theory of Art, especially based on the work of its three most important authors. In short, we could say that something is art when it is found within a social system (an art world) and depending on the position it occupies in that system composed by agents, mechanisms, and motivations.

After doing this, we have attempted to apply the Spiral of Silence to Institutional Theory.

The main conclusion obtained is that the Spiral of Silence is applicable, coherently, to the Institutional Theory of Art. However, from a theoretical perspective, it is not possible to obtain an axiomatic proof of this, being an experimental research necessary to verify if this conceptual possibility exists *de facto* or if it should be relativized.

Note:

The author does not work for, consult, own shares in, or receive funding from any company or organization that would benefit from this article. The author has disclosed no relevant affiliations that could involve a conflict of interests.

- Austen Jane. *Pride and Prejudice*. London: Wordsworth Editions. 1992.
- Banerjee Debanjan and Mayank Rai. Social Isolation in Covid-19: The Impact of Loneliness. *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. 66(6), 525–27. <https://doi.org/10.1177/0020764020922269>.
- Baudrillard Jean. *El crimen perfecto*. Barcelona: Anagrama. 2000.
- Becker Howard S. *Art Worlds, 25th Anniversary Edition*. 1st ed. Berkeley: University of California Press. 2008.
- Bergareche Borja. El mural contra el trabajo infantil de Banksy, vendido entre champán y techno. *ABC*, June 4, 2013, sec. Culture. 2013. <https://www.abc.es/cultura/arte/20130604/abci-banksy-vendido-201306041752.html>.
- Berger Peter L. and Thomas Luckmann. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Doubleday. 1966.
- Bijker Wiebe E., Roland Bal and Ruud Hendriks. *The Paradox of Scientific Authority: The Role of Scientific Advice in Democracies*. MIT Press. 2009.
- Blass Thomas. *The Man Who Shocked The World: The Life and Legacy of Stanley Milgram*. New York: Basic Books. 2009.
- Bottomore T. B. *Elites and Society*. London: Routledge. 1993.
- Bourdieu Pierre. *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*. New York: Columbia University Press. 1993.
- The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford: Stanford University Press. 1996.
- La distinción: Criterios y bases sociales del gusto*. 2nd ed. Madrid: Taurus.
- Brooks Janet. 1995. American Cigarettes Have Become a Status Symbol in Smoke-Saturated China. *CMAJ: Canadian Medical Association Journal*. 1999. 152(9), 1512–13.
- Burrell Ian. Modern Art Is Rubbish – and Confusing for Tate Cleaner. *The Independent*, August 26, 2004. <https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/modern-art-is-rubbish-and-confusing-for-tate-cleaner-557922.html>.
- Byrne Richard W. Social Cognition: Imitation, Imitation, Imitation. *Current Biology: CB*. 2005. 15(13), R 498–500. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2005.06.031>.
- Cacioppo John T. and Louise C. Hawkley. Perceived Social Isolation and Cognition. *Trends in Cognitive Sciences*. 2009. 13(10), 447–54. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.06.005>.
- Cacioppo John T., Louise C. Hawkley, Gary G. Berntson, John M. Ernst, Amber C. Gibbs, Robert Stickgold and J. Allan Hobson. Do Lonely Days Invade the Nights? Potential Social Modulation of Sleep Efficiency. *Psychological Science*. 2002. 13(4), 384–87. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00469>.
- Cacioppo John T., Louise C. Hawkley, Greg J. Norman and Gary G. Berntson. 2011. Social Isolation. *Annals of the New York Academy of Sciences* 1231(1), 17–22. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2011.06028.x>.
- Caillé Alain. Reconhecimento e sociologia. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. 2008. 23(66), 151–63. <https://doi.org/10.1590/S 0102-69092008000100010>.
- Cascone Sarah. A Late Tang Dynasty Sculpture Bought at a Missouri Garage Sale for Less Than \$ 100 Just Sold for \$ 2.1 Million. Artnet News. March 22, 2019. <https://news.artnet.com/market/chinese-buddhist-sculpture-garage-sale-1495570>.
- Center for Cultural Innovation. Creativity Connects: Trends and Conditions Affecting U.S. Artists. Washington D. C.: National Endowment for the Arts. 2016. <https://www.arts.gov/impact/research/publications/creativity-connects-trends-and-conditions-affecting-us-artists>.
- Chen Hsuan-Ting. Spiral of Silence on Social Media and the Moderating Role of Disagreement and Publicness in the Network: Analyzing Expressive and Withdrawal Behaviors. *New Media & Society*. 2018. 20 (March), 3917–36. <https://doi.org/10.1177/1461444818763384>.
- Clay Zanna and Claudio Tennie. Is Overimitation a Uniquely Human Phenomenon? Insights From Human Children as Compared to Bonobos. *Child Development*. 2018. 89(5), 1535–44. <https://doi.org/10.1111/cdev.12857>.
- Compaine Benjamin M. and Douglas Gomery. *Who Owns the Media? Competition and Concentration in the Mass Media Industry*. London: Routledge. 2000.

- Danto Arthur C. The Artworld. *The Journal of Philosophy*. 1964. 61(19), 571–84. <https://doi.org/10.2307/2022937>.
- Darwin Charles. *La expresión de las emociones en el hombre y en los animales*. Buenos Aires: Prometeo. 1950.
- Dearing James W. and Everett M. Rogers. *Agenda-Setting*. Thousand Oaks: SAGE Publications. 1996. <https://doi.org/10.4135/9781452243283>.
- Dickie George. *Art and the Aesthetic: An Institutional Analysis*. Ithaca: Cornell University Press. 1974. 2005. *El círculo del arte: una teoría del arte*. Barcelona: Paidós.
- Diffey T.J. The Republic Of Art. *The British Journal of Aesthetics*. 1969. 9(2), 145–56. <https://doi.org/10.1093/bjaesthetics/9.2.145>.
- EFE. Un jubilado guardaba en su casa un Leonardo Da Vinci de 15 millones. *La Vanguardia*, December 14, 2016, sec. Culture. <https://www.lavanguardia.com/cultura/20161213/412596727284/una-casa-de-subastas-francesa-encuentra-por-sorpresa-un-dibujo-de-da-vinci.html>.
- Eisenberg Nancy and Paul Henry Mussen. *The Roots of Prosocial Behavior in Children*. Cambridge: Cambridge University Press. 1989.
- Erner Guillaume. *Sociologie des tendances*. Paris: Presses universitaires de France.
- Farmer Harry, Anna Ciaunica and Antonia F. de C. Hamilton. 2018. The Functions of Imitative Behaviour in Humans. *Mind & Language* 33(4), 378–96. 2020. <https://doi.org/10.1111/mila.12189>.
- Fässberg Madeleine Mellqvist, Kimberly A. van Orden, Paul Duberstein, Annette Erlangsen, Sylvie Lapierre, Ehud Bodner, Silvia Sara Canetto, Diego De Leo, Katalin Szanto and Margda Waern. A Systematic Review of Social Factors and Suicidal Behavior in Older Adulthood. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2012, 9(3), 722–45. <https://doi.org/10.3390/ijerph9030722>.
- Forgas Joseph P. and Klaus Fiedler. Us and Them: Mood Effects on Intergroup Discrimination. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. 70(1), 28–40. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.1.28>.
- Fraiberger Samuel P., Roberta Sinatra, Magnus Resch, Christoph Riedl and Albert-László Barabási. Quantifying Reputation and Success in Art. *Science*, 2018. 362(6416), 825–29. <https://doi.org/10.1126/science.aau7224>.
- Friel Daniel. Understanding Institutions: Different Paradigms, Different Conclusions. *Revista de Administração*, 2017. 52(2), 212–14. <https://doi.org/10.1016/j.rausp.2016.12.001>.
- Frith Chris. Role of Facial Expressions in Social Interactions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. 364(1535), 3453–58. <https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0142>.
- Geertz Clifford. Art as a Cultural System. *MLN. Comparative Literature*. 1976. 91(6), 1473–99. <https://doi.org/10.2307/2907147>.
- Glynn Carroll J. Perceptions of Others' Opinions as a Component of Public Opinion. *Social Science Research*. 1989. 18(1), 53–69. [https://doi.org/10.1016/0049-089X\(89\)90003-3](https://doi.org/10.1016/0049-089X(89)90003-3).
- Godart Frédéric. *Sociologie de la mode*. Paris: La Découverte. 2016.
- Goldin-Meadow Susan. How Gesture Works to Change Our Minds. *Trends in Neuroscience and Education*, 2014. 3(1), 4–6. <https://doi.org/10.1016/j.tine.2014.01.002>.
- Gómez Juan. Una limpiadora daña una obra de 800.000 euros al creer que estaba sucia | Cultura | EL PAÍS. *El País*, November 4, 2011. https://elpais.com/cultura/2011/11/04/actualidad/1320361206_850215.html.
- Hawryluck Laura, Wayne L. Gold, Susan Robinson, Stephen Pogorski, Sandro Galea and Rima Styra. SARS Control and Psychological Effects of Quarantine, Toronto, Canada. *Emerging Infectious Diseases*. 2004. 10(7), 1206–12. <https://doi.org/10.3201/eid1007.030703>.
- Heffner Kathi L., Molly E. Waring, Mary B. Roberts, Charles B. Eaton and Robert Gramling. Social Isolation, C-Reactive Protein, and Coronary Heart Disease Mortality among Community-Dwelling Adults. *Social Science & Medicine*. 2011. 72(9), 1482–88. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.03.016>.
- Heidegren Carl-Göran. Recognition and Social Theory. *Acta Sociologica*, 2004. 47(4), 365–73.
- Hopkins Alexander E. Effects of the 'Spiral of Silence' in Digital Media. *Inquiries Journal* 2015. 7(9), 1–2.
- Huber Ludwig, Friederike Range, Bernhard Voelkl, Andrea Szucsich, Zsófia Virányi and Adam Miklosi. The Evolution of Imitation: What Do the Capacities of Non-Human Animals Tell Us about the

Mechanisms of Imitation? *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. 364(1528), 2299–2309. <https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0060>.

Hunter Floyd. *Community Power Structure: A Study of Decision Makers*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1953.

Hwang Tzung-Jeng, Kiran Rabheru, Carmelle Peisah, William Reichman and Manabu Ikeda. Loneliness and Social Isolation during the COVID-19 Pandemic. *International Psychogeriatrics*. 2020. 32(5), 1–4. <https://doi.org/10.1017/S 1041610220000988>.

Iaccarino Maurizio. Science and Culture. *EMBO Reports*. 2003. 4(3), 220–23. <https://doi.org/10.1038/sj.embo.embor.781>.

Inglis David. The Sociology of Art: Between Cynicism and Reflexivity. In: *The Sociology of Art: Ways of Seeing*, edited by David Inglis and John Hughson, 98–110. London: Palgrave Macmillan. 2005a.

Thinking ‘Art’ Sociologically. In: *The Sociology of Art: Ways of Seeing*, edited by David Inglis and John Hughson, 11–29. London: Palgrave Macmillan. 2005b.

Jeste Dilip V., Ellen E. Lee and Stephanie Cacioppo. Battling the Modern Behavioral Epidemic of Loneliness: Suggestions for Research and Interventions. *JAMA Psychiatry*. 2020. 77(6), 553–54. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2020.0027>.

Katz Elihu. Publicity and Pluralistic Ignorance: Notes on ‘The Spiral of Silence’. In: *Öffentliche Meinung Und Sozialer Wandel / Public Opinion and Social Change*, edited by Horst Baier, Hans Mathias Kepplinger, and Kurt Reumann, 1981. 28–38. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87749-9_2.

Katz Elihu and Paul Felix Lazarsfeld. *Personal Influence, the Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. New Brunswick: Transaction Publishers. 1966.

Kobayashi Lindsay C. and Andrew Steptoe. Social Isolation, Loneliness, and Health Behaviors at Older Ages: Longitudinal Cohort Study. *Annals of Behavioral Medicine: A Publication of the Society of Behavioral Medicine*. 2018. 52(7), 582–93. <https://doi.org/10.1093/abm/kax033>.

Kuhn Thomas S. *The Structure of Scientific Revolutions: 50th Anniversary Edition*. Edited by Ian Hacking. 4th ed. Chicago: University of Chicago Press. 2012.

Kuiper Jisca S., Marij Zuidersma, Richard C. Oude Voshaar, Sytse U. Zuidema, Edwin R. van den Heuvel, Ronald P. Stolk and Nynke Smidt. Social Relationships and Risk of Dementia: A Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Cohort Studies. *Ageing Research Reviews*. 2015. 22 (July), 39–57. <https://doi.org/10.1016/j.arr.2015.04.006>.

Lee Ellen E., Colin Depp, Barton W. Palmer, Danielle Glorioso, Rebecca Daly, Jinyuan Liu, Xin M. Tu et al. High Prevalence and Adverse Health Effects of Loneliness in Community-Dwelling Adults across the Lifespan: Role of Wisdom as a Protective Factor. *International Psychogeriatrics*. 2019. 31(10), 1447–62. <https://doi.org/10.1017/S 1041610218002120>.

Leigh-Hunt N., D. Bagguley, K. Bash, V. Turner, S. Turnbull, N. Valtorta and W. Caan. An Overview of Systematic Reviews on the Public Health Consequences of Social Isolation and Loneliness. *Public Health* 152 (November), 2017. 157–71. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2017.07.035>.

March James G. and Johan P. Olsen. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *The American Political Science Review*. 1984. 78(3), 734–49. <https://doi.org/10.2307/1961840>.

Maslow Abraham. H. *A Theory of Human Motivation*. New York: Simon and Schuster. 2013.

McCall, Cade and Tania Singer. Facing Off with Unfair Others: Introducing Proxemic Imaging as an Implicit Measure of Approach and Avoidance during Social Interaction. *PLOS ONE*, 2015. 10(2), e0117532. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117532>.

McQuail Denis. *McQuail's Mass Communication Theory*. 6th ed. London: SAGE. 2010.

Mengotti Paola, Corrado Corradi-Dell'acqua and Raffaella Ida Rumati. Imitation Components in the Human Brain: An fMRI Study. *NeuroImage*, 2012. 59(2), 1622–30. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.09.004>.

Miller Paul A. and Nancy Eisenberg. The Relation of Empathy to Aggressive and Externalizing/Antisocial Behavior. *Psychological Bulletin*, 1988. 103(3), 324–44. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.103.3.324>.

- Mills Charles Wright. *La élite del poder*. México, D.F: Fondo de Cultura Económica. 2013.
- Monneyron Frédéric. *Sociologie de la mode*. Paris: Presses universitaires de France. 2006.
- Nielsen Mark, Chris Moore and Jumana Mohamedally. Young Children Overimitate in Third-Party Contexts. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2012. 112(1), 73–83. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2012.01.001>.
- Noelle-Neumann Elisabeth. The Spiral of Silence A Theory of Public Opinion. *Journal of Communication*. 1974. 24(2), 43–51. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>.
- The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 1993.
- Petersen Thomas. The ‘Spiral of Silence’ Theory. Elisabeth Noelle-Neumann. Her Life and Scientific Work. 2015. <https://noelle-neumann.de/scientific-work/spiral-of-silence/>.
- Pollock John L. and Joseph Cruz. *Contemporary Theories of Knowledge*. Lanham: Rowman & Littlefield. 1999.
- Quemin Alain. *Les stars de l'art contemporain – Notoriété et consécration artistiques dans les arts visuels*. Paris: CNRS Éditions. 2013. <https://www.cnrseditions.fr/catalogue/arts-et-essais-litteraires/les-stars-de-l-art-contemporain/>.
- Rand Ayn and Nathaniel Branden. *The Virtue of Selfishness: Fiftieth Anniversary Edition*. New York: Signet. 1964.
- Redaction. Un Banksy a precio de oro. *El País*, January 14, 2008, sec. Cultura. https://elpais.com/cultura/2008/01/14/actualidad/1200265207_850215.html.
- Banksy vende valiosas obras en Central Park por 60 dólares. *La Vanguardia*, October 16, 2013a. <https://www.lavanguardia.com/cultura/20131015/54391113583/banksy-vende-valiosas-obra-central-park-60-dolares.html>.
- El éxito del ‘Banksy falso’ en Nueva York, October 22, 2013, sec. Culture. 2013b. <https://ecodiario.eleconomista.es/cultura/noticias/5245211/10/13/El-exito-del-Banksy-falso-en-Nueva-York.html>.
- Roojen Mark van. Moral Rationalism and Rational Amoralism. *Ethics*, 2010. 120(3), 495–525. <https://doi.org/10.1086/652302>.
- Rosen Sherwin. The Economics of Superstars. *The American Economic Review*, 1981. 71(5), 845–58.
- Sakkalou Elena, Kate Ellis-Davies, Nia C. Fowler, Elma E. Hilbrink and Merideth Gattis. Infants Show Stability of Goal-Directed Imitation. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2013. 114(1), 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2012.09.005>.
- Schopenhauer, Arthur. *Parerga and Paralipomena: Short Philosophical Essays*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press. 2000.
- Scott W. Richard. *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*. London: SAGE Publications. 2013.
- Sekerdej Maciej, Claudia Simão, Sven Waldzus and Rodrigo Brito. Keeping in Touch with Context: Non-Verbal Behavior as a Manifestation of Communalism and Dominance. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2018. 42(3), 311–26. <https://doi.org/10.1007/s10919-018-0279-2>.
- Severin Werner Joseph and James W. Tankard. *Communication Theories: Origins, Methods, and Uses in the Mass Media*. 5th ed. New York: Longman. 2001.
- Shiner Larry. *The Invention of Art: A Cultural History*. Chicago: University of Chicago Press. 2001. <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/I/bo3633486.html>.
- Simmel Georg. *El conflicto: sociología del antagonismo*. Barcelona: El Acantilado. 2010.
- Sobre la diferenciación social: Investigaciones sociológicas y psicológicas*. Barcelona: Gedisa. 2017.
- Sohn Dongyoung. Spiral of Silence in the Social Media Era: A Simulation Approach to the Interplay Between Social Networks and Mass Media. *Communication Research*. 2019. 49(1), 139–66. <https://doi.org/10.1177/0093650219856510>.
- Speier Hans. Historical Development of Public Opinion. *Anàlisi: Quaderns de Comunicació i Cultura*, 2001. 26: 209–21.

- Squires Nick. Art Installation in Italy Ended up in the Bin by Cleaners Who Thought It Was Rubbish. *The Telegraph*, October 26, 2015. <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/11956330/Art-installation-in-Italy-ended-up-in-the-bin-by-cleaners-who-thought-it-was-rubbish.html>.
- Steptoe Andrew, Aparna Shankar, Panayotes Demakakos and Jane Wardle. Social Isolation, Loneliness, and All-Cause Mortality in Older Men and Women. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013. 110(15), 5797–5801. <https://doi.org/10.1073/pnas.1219686110>.
- Subiaul Francys. What's Special about Human Imitation? A Comparison with Enculturated Apes. *Behavioral Sciences*. 2016. 6(3), 13. <https://doi.org/10.3390/bs6030013>.
- Tarde Gabriel. *Las leyes de la imitación y La sociología*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas. 2011.
- Veblen Thorstein. *Teoría de la clase ociosa*. Madrid: Alianza Editorial. 2004.
- Vilar i Roca Gerard. *Las razones del arte*. Boadilla del Monte: Antonio Machado. 2005.
- Precariedad, estética y política*. Círculo Rojo Editorial. 2017.
- Watts Duncan J. and Peter Sheridan Dodds. Influentials, Networks, and Public Opinion Formation. *Journal of Consumer Research*. 2007. 34(4), 441–58. <https://doi.org/10.1086/518527>.
- Weiss Robert Stuart. *Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation*. Cambridge: MIT Press. 1975.
- Wickham Mark, Kim Lehman and Ian Fillis. Defining the Art Product: A Network Perspective. *Arts and the Market*. 2020. 10(2), 83–98. <https://doi.org/10.1108/AAM-10-2019-0029>.
- Williams Bernard. Internal and External Reasons. In: *Rational Action*, edited by Ross Harrison, 1979. 101–13. Cambridge: Cambridge University Press.
- Witkin Robert W. *Art and Social Structure*. Cambridge: Polity Press. 1995.
- Wu Chin-Tao. *Privatising Culture: Corporate Art Intervention Since the 1980s*. London: Verso. 2002.
- Xia Ning and Huige Li. Loneliness, Social Isolation, and Cardiovascular Health. *Antioxidants & Redox Signaling*. 2017. 28(9), 837–51. <https://doi.org/10.1089/ars.2017.7312>.
- Young Susan L., Christopher Welter and Michael Conger. Stability vs. Flexibility: The Effect of Regulatory Institutions on Opportunity Type. *Journal of International Business Studies*, 2017. 49(4), 407–41. <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0095-7>.
- Yu Bin, Andrew Steptoe, Li-Jung Chen, Yi-Huei Chen, Ching-Heng Lin and Po-Wen Ku. Social Isolation, Loneliness, and All-Cause Mortality in Patients With Cardiovascular Disease: A 10-Year Follow-up Study. *Psychosomatic Medicine*, 2020. 82(2), 208–14. <https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000777>.
- Zimbardo Philip G. A Situationist Perspective on the Psychology of Evil: Understanding How Good People Are Transformed into Perpetrators. In: *The Social Psychology of Good and Evil*, edited by A. G. Miller, 21–50. New York: The Guilford Press. 2004.
- Zubiri Xavier. *Tres dimensiones del ser humano: individual, social, histórica*. Madrid: Alianza. 2006.

Education

Образование

EDN: KEIFNP
УДК 81'246.2

The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness

**Zhansaya Sh. Aden*, Akbope N. Akhmet,
Nursulu Zh. Shaimerdenova and Sandugash K. Sansyzbayeva**
*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Received 20.12.2024, received in revised form 16.01.2025, accepted 27.01.2025

Abstract. The article is devoted to the study of zoomorphisms at different stages of ethno-cultural self-awareness in bilingual children. The zoomorphism dog is presented as culturally significant and the most frequent in textbooks of Russian language and in the everyday communication of schoolchildren.

The objectives are analysis of the cultural symbolism of the dog in different linguistic traditions (Kazakh and Russian); determination of the peculiarities of the perception of zoomorphism by bilingual language groups. In the context of bilingual education, it becomes necessary to take into account the cultural characteristics of the Kazakh and Russian languages, including the peculiarities of the perception of the zoomorphism dog, which may differ significantly in different cultures. The correct understanding of texts with the image of a dog in multi-system languages, the use and interpretation of the animal's name being a part of paremiological and phraseological constructions contribute to effective intercultural communication, the development of linguistic and cultural competences of bilingual students. Taking into account the approach of cognitive anthropology, the analysis of such texts deepens the understanding of cultural values, mental patterns and worldviews of different peoples, which, in turn, increases the level of intercultural competence and enhances successful interaction.

Keywords: zoomorphism, bilingual personality, ethno-cultural significance, dog, intercultural communication, language learning, language acquisition, mythology, linguistic anthropology, cognitive anthropology.

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant № AP23486380 “Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernisation of society: from graphics to epic text”).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: iserv.iserv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0289-6288 (Aden); 0000-0001-6403-657X (Akhmet); 0000-0002-2830-8336 (Shaimerdenova); 0000-0003-3741-2589 (Sansyzbayeva)

Research area: Theory and History of Culture, Art (Cultural Studies). Bilingual Education. Linguistics.

Citation: Aden, Zh. Sh., Akhmet, A. N., Shaimerdenova N. Zh., Sansyzbayeva S. K. The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 356–366. EDN: KEIFNP

Роль и значение зооморфизмов в обучении и развитии этнокультурного самосознания у билингвальных детей

**Ж.Ш. Аден, А.Н. Ахмет,
Н.Ж. Шаймерденова, С.К. Сансызбаева**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. Статья посвящена исследованию зооморфизмов на этапах формирования этнокультурного самосознания у билингвальных детей. В качестве объекта анализа рассматривается зооморфизм *собака*, который выступает культурно значимым и наиболее частотным как в учебниках русского языка и литературы, так и в повседневном общении школьников.

Задачи исследования включают: анализ культурной символики собаки в различных языковых традициях (казахской и русской) и выявление особенностей восприятия данного зооморфизма билингвальными языками группами. В условиях двуязычной среды Казахстана возникает необходимость учитывать культурные особенности казахского и русского языков, включая специфическое восприятие образа собаки, которое имеет существенные отличия.

Правильное понимание текстов с образом собаки в разносистемных языках, использование и интерпретация этого животного в составе паремиологических и фразеологических конструкций способствуют не только эффективной межкультурной коммуникации, но и развитию языковых, культурных и страноведческих компетенций учащихся-билингвов. С учетом подхода когнитивной антропологии анализ таких текстов позволяет углубить понимание культурных ценностей, ментальных моделей и мировоззренческих особенностей разных народов, что, в свою очередь, повышает уровень межкультурной компетентности и способствует успешному взаимодействию в мире.

Ключевые слова: зооморфизм, билингвальная личность, этнокультурная значимость, собака, межкультурная коммуникация, языковое обучение, усвоение языка, приобретение языка, мифология, лингвистическая антропология, когнитивная антропология.

Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта [ИРН АР23486380] «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому

тексту» (по Программе грантового финансирования научных и научно-технических проектов на 2024–2026 годы).

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства. 5.6.4. Этнология, антропология и этнография. 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Аден Ж. Ш., Ахмет А. Н., Шаймерденова Н. Ж., Сансызбаева С. К. Роль и значение зооморфизмов в обучении и развитии этнокультурного самосознания у билингвальных детей. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 356–366. EDN: KEIFNP

Introduction

Current research shows that bilingual children face significant cultural and cognitive challenges as they learn two language systems and conventionally two cultural paradigms. Developing ethno-cultural awareness in these children is important to maintain their connection to their cultural identity, as well as to develop their ability to recognise and accept cultural diversity. Zoomorphisms or animal images play a relevant role in this process, being a common cultural element in folklore, mythology and literature. With the help of zoomorphisms these systems convey national character traits, cultural values and worldviews.

Zoomorphism, as one of the central elements of cultural codes, plays a major role in the formation of worldview and linguistic perception of the world. In different cultures, animal images not only reflect human relations with nature, but also become ethno-cultural symbols used in communication, training and education.

The name of the animal *dog* has become a constituent of a large number of phraseological expressions, proverbs, sayings, fairy tales, riddles, legends and is firmly embedded in the language. The metaphorical meaning of the zoomorphism *dog* has been described in the works of various researchers such as B. A. Uspensky, N. D. Arutyunova, A. E. Beldiyany, Z. V. Belkina, K. M. Gyulumyants, O. N. Trubachev, S. B. Bektemirova, F. R. Akhmetzhanova and others.

The aim of this article is to investigate the ethno-cultural significance of the zoomorphism *dog* in teaching a bilingual person, who in the process of learning his/her native

and second language acquires new knowledge, which is essential in the conditions of intercultural communication.

The objectives of the article are to describe the role of the dog image in the cultural traditions of Kazakh and Russian peoples when teaching Russian to bilingual Kazakhs. At the same time, it is important to find effective ways of teaching Russian as a second language taking into account ethno-cultural peculiarities of Kazakhs.

The study is based on the analysis of literary sources, the use of cultural and comparative methods, as well as on the observation of learning indicators of schoolchildren learning Russian in a bilingual environment.

Ethno-cultural aspects of the language play a key role in the formation of linguistic personality, while the zoomorphism *dog* as an expressive means embodies a wide range of meanings and symbols: from loyalty and devotion to aggression and defence.

Discussion and results

Most cultural zoomorphisms lack substantial symbolic meanings, but they reflect values, worldviews and norms of behaviour. For example, the fox in Russian folk tales often represents cunning and wiliness, while the wolf symbolises strength and courage. In Asian cultures, the dragon and the tiger represent the power of nature and might, as well as traditional ethical notions of good and evil. Bilingual children, when confronted with such images, begin to perceive the world through the prism of symbols associated with the culture.

The use of zoomorphisms in the learning process of bilingual children allows them to in-

ternalise cultural codes and develop a two-way understanding of culture. Thus, zoomorphisms help bilinguals perceive and understand cultural values while creating their own emotional connections to elements of national identity. The animal Russian and Kazakh images recommended for consideration stimulate comparison and comprehension of the linguistic and cultural environment. For example, the wolf in Slavic cultures can be perceived as a dangerous but fair animal, whereas in Western culture, it often denotes cruelty. At the same time, in Kazakh culture, the wolf symbolises valour and honour, strength and ancestral spirit.

Through figurative and emotionally rich zoomorphisms, children are introduced to ethnic identity and gradually begin to associate themselves with the culture of their own people, and in doing so they are enriched with ideas about the symbols and traditions of the Russian and Kazakh peoples. Zoomorphisms help children to realise their cultural identity and influence their perception of the world in the context of bilingual education (Staszak, 2020).

Bilingual education is a process aimed not only at mastering two languages, but also at integrating cultural elements of two societies. Their inclusion in the educational process opens up opportunities for deeper immersion in the cultural traditions of the contacting nations.

Zoomorphisms stimulate not only language development, but also emotional perception of cultural outcomes and activate cognitive processes. Children more easily perceive images based on familiar symbols and having vivid emotional references, which make such images especially useful in teaching bilinguals. The development of empathy and emotional intelligence is evident in the fact that children exposed to cultural symbols often begin to associate themselves with them, which fosters the variable emotional perception of different cultural paradigms. For teaching bilinguals it is important and necessary to emphasise the development of associative thinking, which occurs through the comparative study of cultural images of animals, when children are able to recognise similarities and differences in the perception of the same symbols in different cultures, resulting in flexibility of thinking.

The use of fairy tales with zoomorphic characters to convey cultural norms and behavioural patterns characteristic of the two language communities is one of the important game techniques in teaching bilingual children. Let us turn to the ethno-cultural symbolism of the dog. The analysed material shows that in cultural and linguistic tradition the zoomorphism *dog* varies according to ethnicity and geographical area. In Western cultures, the dog is often associated with loyalty, protection and devotion. In the mythology of the ancient Egyptians, the dog is *Anubis*, the god of the dead who guards the passage to the afterlife. In the culture of nomadic peoples, for example in Kazakh beliefs, *the dog* is one of the seven fortunes, symbolising wealth, abundance and happiness.

Thus, the symbolism of the dog can vary significantly across cultures, and this diversity becomes an important aspect in the study of languages and cultures. For bilingual individuals who are at the intersection of two or more language systems, animal images such as the *dog* can become a bridge for understanding and interpreting different cultural codes. For instance, bilingual learners in schools are confronted with different interpretations of the *dog* image, which sometimes leads to cognitive dissonance and complicates intercultural communication.

It should be noted that *the dog* metaphor in the languages under consideration carries both negative and positive connotations. For example, in Russian, although the dog can carry negative connotations (e.g. the expressions “dog’s life” or “a dog barks, the wind carries it”), it also has strong positive associations associated with loyalty and devotion, e.g. the phrases “a dog is man’s best friend” or “faithful as a dog” reflect positive traits. However, the connotations “evil”, “rude”, “grumpy”, “predatory”, “despicable”, etc. are widespread as well. There are so-called “dog” metaphors, reflecting similarities in the behaviour of a human and a dog, for example, in Russian these are *to dog (meaning “to quarrel”)*, *to snap, to growl, to whine*, etc.; in Kazakh – *arpylbau, ulu, talsu, zharylau*.

Consequently, a dog, in the view of the Russian and Kazakh peoples, is a mean, dirty,

rude, evil, predatory, unfit, despicable, vile person. *To pester someone like a dog* means “to harass, bother with questions, reproaches, moralising”; *to live like a dog* – “in extreme poverty, deprivation, loneliness, persecution and persecution”; *to bark like a dog* – “to talk rudely, swear”; *to bite like dogs* – “to quarrel, fight”; *to look at someone like a dog* – “with insulting contempt and arrogance”, etc.

In the Kazakh language there is a number of phraseological expressions, proverbs, sayings, where the lexeme *dog* conveys negative connotation, for example: *auzyna ak it kirip, qara it shykty* in the sense of “to swear with obscene words”; *it aytaktau* in the sense of “set someone to quarrelling”; *it bolu* – “to lose all positive qualities, traits”, literally it means “to turn into a dog”; *yt zhandy* means “tenacious”; *yt zhyny ustady* is used in the sense of “got angry”; *ytke syyek karyzdar* means “beggar”, literally “owes a dog a bone”; *itten de kop* in the sense of “a lot”, similar to the Russian phraseological phrase “like a lot of dogs, more than enough”; *it minez* is used in the sense of “bad, irascible, irreconcilable character”; *itten zharalgan, ittin balasy* means “dog’s son”, and others; *itshe kyrkysu* means “to enmity, to harm each other”; *kabaghan itshe kabu/kutyr-gan itshe kabu* (lit.: like a rabid dog) – “to behave maliciously, cruelly towards someone” (Sansyzbaeva, 2000).

The use of the lexeme *dog* as part of phraseological expressions and proverbial expressions has a close connection with the cultural traditions of the Russian and Kazakh peoples, their history. According to O.N. Trubachev: “the dog is the most ancient first domestic animal almost everywhere”. However, it “came close to man as a parasite, eating rubbish near human camps” (Trubachev, 1960). Despite this, many Indo-European peoples treated it as an animal with divine power and therefore gave it all kinds of honours. Hence, ethnographer E.A. Kreinovich, describing the role of the first domesticated animal in the life of the Gilyaks, notes that “the dog is the guardian of the Gilyaks not so much from visible as from invisible enemies. It guards the house, children, teeth, the soul of a dead person, the entrance to the afterlife from evil spirits” (Kreinovich, 1930).

According to the representations of this people, the dog has the ability of thinking, speech, and soul. The image of a dog in Slavic beliefs, according to V.A. Maslova, “is found in myths in connection with the motifs of the earth and the afterlife, because it accompanies the souls of the dead to the lower world, besides, it is a watchman at the gates of hell” (Maslova, 1997). The role of the dog in human life has determined people’s attitude to it. For example, a long-standing trade of the Russian people was hunting, in which a dog played an essential role. People in villages kept a dog hungry so that it would be meaner and hunt better, hence the associations that were preserved in the language: *hungry like a dog, angry like a dog*, etc.

Thereby in the Russian language, on the one hand, the dog is associated with a good course, which is reflected in the language: *dog devotion, dog loyalty, dog affection, dog obedience* (about a loyal, devoted person); *to eat a dog* (about an experienced person); *dog’s sniff* (about a keen sense); *dog’s eyes* (expressing loyalty, obedience); *to follow someone like a dog* (to follow everywhere by virtue of loyalty and affection), etc.

In the Kazakh language zoomorphism *it* has a positive connotation in proverbs: *it – yrys* (a dog is happiness); *auylga zhakyndaganda it ozady* (approaching an aul (a village), a dog overtakes a traveller); *zhaksy it olimtig-in kørsetpeidi* (a good dog does not show its corpse); *it te iesine tartady, it te iesin korgaidy* (a dog is like its master; a dog protects); *it –jeti kazynanyn biri* (a dog is one of the seven treasures).

It should be remarked that the *dog* in the languages under study is a symbol of various, sometimes contradictory characteristics. Negative characteristics include such qualities as greediness, voracity, stupidity, ingratitude, imposition, impudence, inconsiderateness, cowardice, etc. Positive characteristics include loyalty, devotion, defence, protection, security, dexterity, and skilfulness. For bilingual pupils, the perception of these symbols may differ depending on their cultural environment and linguistic background. All these connotations form in pupils the corresponding associations that arise when they encounter phraseological

expressions, proverbs and sayings, images of the *dog* presented in literature and in communication with native speakers. This can cause cognitive dissonance, making it difficult to build a unified ethno-cultural identity and complicating intercultural interaction of bilinguals in the school environment.

In this manner the zoomorphism *dog* in the languages under study includes both positive and negative connotative signs, reflecting the influence of this animal on the characteristics of personality, behaviour, appearance and living conditions of a person; all these facts should be taken into account when teaching the Russian language and literature to the Kazakh bilinguals.

It follows from the above that the zoomorphisms *dog/it* belong to the most widespread zoomorphisms characterising humans in both

Russian and Kazakh languages. This fact is confirmed by the coincidence of the following connotative features in the metaphors in Russian and Kazakh languages: *bad, rude, hungry, tired, lonely, living a difficult, unbearable life* (see Table 1).

As mentioned above, *dog/it* metaphors in Russian and Kazakh languages with negative and positive connotations are particularly vividly reflected in phraseological expressions: *dog loyalty, dog devotion, etc., it iesine tartady, it – yrys*, etc. Professor M.M. Kopylenko describes this phenomenon and, referring to other languages, points out that “one of the strongest insults in the Arabic world is “dog!” (Kopylenko, 1990).

Not only is language acquisition important for bilinguals, but also awareness of cultural differences in the use of zoomorphisms. When teaching bilingual learners, such nuances must

Table 1. Connotative attributes of zoomorphisms *dog/it* in Russian and Kazakh languages

Negative attributes		Positive attributes	
Russian	Kazakh	Russian	Kazakh
Person's character			
vicious predatory bad grumpy rude annoying cruel heavy	hostile dumb rude insolent bad ignoramus hateful beggar unreliable sycophant coward resentful secretive	loyal faithful obedient skilled skilful proficient in some business keen	inoffensive addressing of peers to each other or to younger people
Physical condition of the person			
hungry frozen tired battered oppressed	tired hungry	----	----
Human living conditions			
poor lonely neglected outcast buried hastily hard, unbearable life	hardscrabble difficult life lonely buried without proper rites and rituals	-----	-----

be taken into consideration to help them develop a deeper understanding of language through cultural symbols. In the process of learning Russian, bilinguals need to understand the cultural contexts of zoomorphisms, which can be achieved through the integration of national characteristics into teaching materials. Learning different cultural contexts with children absorbing the meanings of animals and their symbolism contributes to the formation of a flexible ethnic and cultural identity (Zhang, 2021).

Russian language textbooks for Kazakhstani schoolchildren contain various works which have the image of a *dog*. Among them are “The Myth of Actaeon. Dogs of Actaeon”, “Mumu” by I. S. Turgenev, “White Bim, Black Ear” by G. N. Troepolsky, “Bread for a Dog” by V. F. Tendryakov, “Arstan, I and a Cello” by M. Kabanbaev.

During the lessons in the 7th grade, we worked on revealing the image of the dog Arstan in the story “Arstan, I and the Cello” by M. Kabanbaev. The characterisation of the dog begins with the words of the author “People, trees, houses can be found in all cities, but not every house, street, not every city can have Arstan!” In analysing the text, middle grade students answered a number of hard and easy questions, including “Why was the puppy named Arstan?”, “What qualities of a lion did the dog’s owners want to see in it by giving it such a nickname?”, “How does the main character feel about the dog?”, “What do you know about Arstan’s appearance and character?”, “How did the puppy behave when listening to music?”, “What does the expression ‘a dog is a friend of a man’ mean?”, “Do you have a dog? What can you tell about it?” Then they wrote out the descriptions of the animal’s appearance and character given in the story: “a black huge shaggy dog”, “very humble”, “it thinks that all living creatures, except cats, are relatives, friends-buddies”, “the dog is ready to tear off its tail for me”, “it starts to spin joyfully on the spot, rushing to my chest”, “it yelped and started jumping on the spot on all four paws to the rhythm of the melody”, “I appreciate Arstan’s devotion”, “Arstan is surprisingly understandable”, etc. Schoolchildren appreciated the image of the dog as a true and loyal friend of

Asan, which tried to “make amends” for growling at the portrait drawn by the boy, dispersing sparrows and chasing another man’s calf out of the yard. The conclusion was made that in the view of both Kazakhs and Russians, the dog has not only negative connotations associated with anger, ferocity, onslaught, but also deeply positive ones: courage, sensitivity, loyalty, emotionality, wit. At the end of the analysis, pupils wrote an essay on the theme “The significance of the dog in the national culture”.

1. Word-formation possibilities of zoomorphism *dog*

The material we extracted from various dictionaries testifies to the diversity of prefixal-suffixal zoomorphic formations, as well as to the appearance of new zoomorphic verbs. Thus, in the word-formation dictionary of A. N. Tihonov the following verbs are found based on the stem “sobaka”: *prisobachivat’sia* (to become attached), *nasobachit’sia* (to become adept at smth), *sobachit’* (to call someone names), *sobachit’sia* (to quarrel) (Tihonov, 1985), N. A. Yanko-Trinitskaya noted a rare zoo-verb *obessobachit’sia* (to get rid of) (Yanko-Trinitskaya, 2001).

Kazakh zoomorphic verbs derived from the word *it* are represented by a number of derivatives. Based on the representations of Kazakhs, as mentioned in the previous section, the *dog* metaphors have mainly negative connotative meanings, which is undoubtedly reflected in the semantics of derived zoomorphic verbs. In lexicographic sources, verbs derived from the zoomorphism *it* are recorded in the following meanings: *ittenu* means “to become extremely unscrupulous, to earn distrust and disrespect”; *ittesu* is used in the meaning “to enmity”; the zoo-verb *itshileu* appears in the meaning “to experience difficulties, hardship”; close to it is the zoomorphic verb *ityryktau* in meaning “to be tired to the point of exhaustion”; *ittekteu* means “to walk with an ugly gait”; the verbs *itinu*, *itarshylanu* have the meaning “to beg, to pester, to sycophantise”.

Transformation, as is known, is one of the ways in which secondary linguistic structures arise as a result of changes in nuclear structures. Transformation in analysing zoomorphic verbs can also be considered as a method of

transforming a primary model into a secondary one, cf. *dog barks – man ‘barks’ – man dogs* in Russian; in Kazakh: *it salpaqtaidy – adam salpaqtaidy – itshe salpaqtau – itshileu*.

The universal transformation model, on the basis of which zoomorphisms and zoomorphic verbs are formed, is as follows (Fig. 1).

Some zoomorphisms, from which zoo-verbs are formed, can also combine positive and negative connotative attributes, which manifest themselves in a kind of opposition in emotional evaluation, cf.: *nasobachit’sia* “to learn to do smth deftly, to gain experience in smth” has a positive evaluativity, *prisobachit’* “to do in a bad way, unscrupulously, to fix, to attach in an unreliable way” is used in a negative form and *rassobachit’sia* “to come on the loose” also expresses a negative evaluativity. Another example: Kazakh zoo-verbs, derived from the name of the animal *it*, also abound with contradictory connotative features: cf.: *ittenu* – “to earn disrespect, distrust by one’s behaviour” is negatively evaluative; also, the zoo-verb *ittesu* – “to live in enmity, quarrel” has negative evaluative connotation. However, the verbs *ityryktau* and *itshileu* are used with a neutral emotional colouring, if not in a positive evaluative sense, as the zoo-verb *ityryktau* means “to be tired to exhaustion”, *itshileu* means “to experience hardship and deprivation”, the use of the latter also contains an element of pity.

2. Mythological and religious motifs of meanings of zoomorphism *dog*

The origin of many metaphors with the component *dog*, related to the culture of peoples also have certain religious motifs. For example, the bilingual environment should make allowance for the role of the *dog* in Islam, because the *dog*, according to theologians, influences the ritual purity of a Muslim. Based on spiritual rules, Muslims do not keep dogs at home, except for service or hunting dogs. This explains the fact that most Kazakhs do not understand the culture of dog care in urban living conditions. At the same time, mercy, which is at the heart of any religion, is represented in Islam through stories of people whose sins were forgiven because of their humane treatment of animals, particularly the *dog*.

When teaching children Russian, it is necessary to explain to schoolchildren also the religious motifs associated with the image of the *dog*. It should be mentioned that in Islam it is allowed to have a *dog* for the purpose of guarding, hunting, farming, using animals to serve blind people as guides. And it is necessary to make a reservation that the living space of a human and a dog should not overlap, this is the peculiarity in the culture and religious ideas of bilingual Kazakhs studying Russian language and literature.

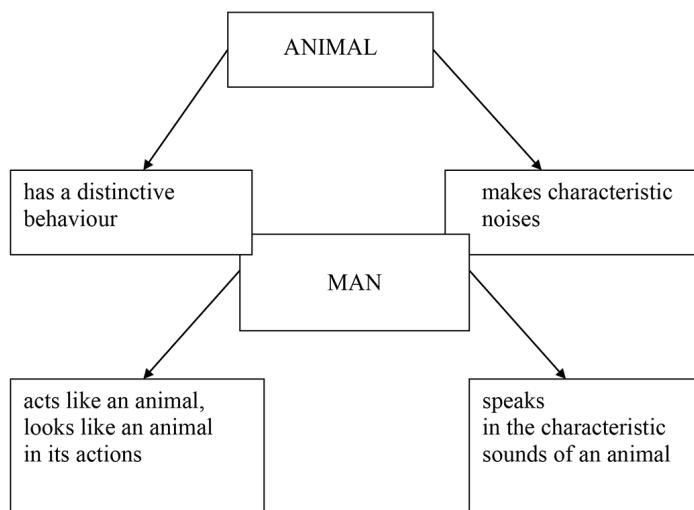

Fig. 1. Transformational model of zoomorphic verbs

3. Zoomorphism *dog* in bilingual learning

Zoomorphic metaphors related to the dog are often found in both language systems of bilinguals. For example, there are phraseological expressions referring to dogs in both Kazakh (“сүйекке таласкан иттеи”, “итше zhagynу”) and Russian (“dog’s life”, “work like a dog”). These expressions, while similar in external form, may have different cultural connotations, which requires careful study for successful bilingual acquisition.

We have carried out the work on revealing the symbolic image of zoomorphism *dog* in the representation of modern bilingual schoolchildren. Schoolchildren studying in 7–9 grades of Kazakh and Russian-language schools were asked to answer the questions of the questionnaire, which were related to the meaning of the *dog* in their native and studied cultures: the connection of characteristics with national and cultural traditions; students’ perceptions of myths, art works, fairy tales and the role of *dogs* in them; the symbolism of the *dog* in cultural, religious traditions; emotional connection with animals and many others.

When asked about the role of the *dog* in people’s lives, most respondents said that the *dog* has always been perceived as a faithful animal, a friend, a helper in everyday life and hunting, used to protect livestock and homes.

Among the most common character traits of a *dog*, the students emphasised bravery and loyalty. It can also symbolise wisdom and intuition. Many drew attention to the special role of the dog in the life of ancient nomadic Kazakhs, with its protective and guarding functions. In this regard, schoolchildren demonstrated knowledge of a special hunting dog breed – *tazy*, which is associated with hunting, calm temperament and loyalty, valued for its speed, endurance and ability to track game. The breed of dog *tøbet*, used since ancient times as guards of livestock and faithful assistants of the shepherd, was also singled out, and all schoolchildren, irrespective of their nationality, knew this information, while for bilinguals these facts about dog breeds were meaningful and more understandable than those of such breeds as *bulldog*, *dachshund*, and *toy terrier*, which only in recent years have arrived with the re-

locatees and have become part of modern Kazakh culture.

The survey showed how in a bilingual environment there happens a dialogue of cultures, expansion of country studies knowledge and understanding of the essence of phraseological phrases, which are not peculiar to the native culture, but are important in teaching second and third languages. Schoolchildren in the questionnaire also pointed out that in Kazakh myths, for example, “Kumai-Tazy”, “Altynshash” and fairy tales “It pen kaskyr”, “How a man-made friend with a cat and a dog” *dogs* are often portrayed as faithful companions of heroes, intelligent and loyal creatures, and admitted the changes in the attitude to animals in the process of their education and in general in the modern world. The questionnaire survey also showed that the perception of the image of the *dog* varies depending on the composition of student groups. There are children with varying levels of proficiency in Kazakh and Russian, which they start learning in Grade 1, and in 2022 English was included in the educational process as a third language of instruction. There are also Kazakh repatriates (under the programme for the return of compatriots to their historical homeland) in the classes, for whom the image of the *dog* differs depending on the place of settlement (Mongolia, China, Russia).

The questionnaires of schoolchildren demonstrated that while in the past *dogs* were perceived as working animals, now they have become full-fledged family members living in homes and bringing joy to their owners. For example, in the questionnaires it was written that in Russian folk tales a *dog* often helps the hero, symbolising loyalty and ingenuity. It was observed that hunting scenes with *tazy* dogs are depicted in traditional paintings and sculptures and *dogs* play an important role in hunting events such as *tazy* competitions, which continue in modern Kazakhstan. At the same time, through literary sources, pupils learn about traditional hunting with dogs, especially greyhounds, which was popular in Russia in the past. And, turning to the realities of modern society, they give examples of cynological exhibitions and competitions.

Concerning the emotional connection between animals and people, pupils noted that an animal causes joy and peace, modern society is alarmed about the social problems of stray dogs, their capture and keeping in shelters. Bilingual pupils cited proverbs and phraseological expressions both in Russian and Kazakh languages, for example, “a dog in the manger”, “it yredi, keruen koshedi” (“a dog barks, a caravan goes”).

The study of zoomorphisms in the bilingual context helps learners to develop skills in critical thinking about cultural differences. Teaching bilingual programmes with a focus on ethno-cultural images of animals such as the dog allows learners to integrate their knowledge of different cultures into a common linguistic worldview. Zoomorphism can be particularly useful in early language learning when children are beginning to internalise cultural symbols and associations. For example, stories about *dogs* in children’s literature and folktales can serve as an important tool for introducing cultural features through the prism of animal symbols.

Conclusion

Zoomorphisms play a crucial role in the process of formation of ethno-cultural identity in bilingual children. Through animal images, bilingual students gain access to the values, norms and worldviews of two cultures, which contributes to the formation of ethnic identity. Zoomorphisms not only enrich cognitive development but also create a cultural representation. They focus the attention of bilingual learners on explaining the mental sides of the native and learner cultures, which is important for cognitive anthropology.

As the study has shown, for a bilingual individual, understanding cultural symbols such as the *dog* is of great importance for successful intercultural communication and integration in the natural environment of Kazakh-Russian bilingualism. Practical use of zoomorphism in educational programmes of oral folk art and

children’s literature for bilingual students both in their native language and in second and third languages contributes to the development of their linguistic and cultural competences.

The study of the ethno-cultural significance of *dog* zoomorphisms for teaching bilinguals has shown that the *dog* serves as a link between different cultural systems, influencing the bilingual’s perception of the world. Prospects for further research include the development of additional techniques and exercises that focus on specific aspects of bilinguals’ perception of zoomorphisms in different languages. To integrate ethno-cultural knowledge about zoomorphisms into educational programmes that have been developed using the example of the *dog* requires further development of special teaching materials focusing on cultural differences. This will improve inter-ethnic communication and develop ethno-cultural competence of bilingual learners. In this regard, the issues of creating bilingual dictionaries of zoomorphic metaphors are relevant.

As a result of the study, it was confirmed that the use of zoomorphism as a cultural symbol in teaching bilinguals helps to effectively develop learners’ intercultural competence skills. Knowledge of different interpretations of zoomorphisms ensures a better understanding of national images and teaches children to distinguish national-cultural specificity of Kazakh and Russian languages. The use of zoomorphic images in the educational process not only contributes to the enrichment of the vocabulary, but also forms students’ linguistic competence, develops their ability to intercultural communication. Zoomorphisms, as part of the ethno-cultural worldview, create unique opportunities for in-depth study of languages and cultures, which is especially important in the context of globalisation and the growing need to involve materials, in particular zoomorphisms, in order to form bilingual personalities capable of understanding representatives of different cultures and effective interacting with them.

References

- Dal V.I. *Interpretive dictionary of the living Great Russian language in 4 vols.* 1985. 576.
Dictionary of the Russian language in 4 vols. Moscow, 1981–1984.
- Hadis 8. Hadith 8. Dishes that have been licked by a dog should be washed seven times. *Muslim Spiritual Authority in Russia*. Published 29.04.2014. Available at: <https://www.muslimpress.ru/raznoe/xadis-8-posudu-kotoruyu-oblizala-sobaka-sleduet-pomyt-sem-raz.htm> (accessed 1 October 2024).
- Kopylenko M.M. On the motivation of giving animal names in Turkic languages. In: *Problems of etymology on Turkic languages*, 1990, 395.
- Koran, Sura al'-Maida*, ayat 4. Available at: <https://quran-online.ru/5:4> (accessed 15 September 2024).
- Kreinovich E. A. Gilyak dog breeding and its reflection in religious ideology. In: *Ethnography*, 1930, 4, 21–25. DOI: <http://kronk.spb.ru/library/etnogr.htm>
- Maslova V.A. *Introduction to linguistic and culture studies*. Moscow, Nasledie, 1997, 205.
- Mohammad's hadiths translation*. Available at: <https://hadeethenc.com/ru/browse/hadith/8950> (accessed 15 September 2024).
- Sahih al-Bukhari. *Mohammed's hadiths*, 59:17, 3320. Available at: <https://isnad.link/book/sahih-al-bukhari/59-kniga-nachala-tvorenija-hadisy-3190-3325/17-glava-esli-muha-upadyot-v-pityo-kogo-nibud-iz-vas-pust-on-snachala-pogruzit-eyo-v-eto-pityo-polnostyu-a-potom-vytashit-eyo-ottuda-ibo-poistine-na-o-dnom-eyo-kryle-bolezni-a-na-drugom-iscelenie> (accessed 8 October 2024).
- Sansyzbaeva S.K. The linguistic and cultural concept of “dog” in the linguistic worldview. In: *Bulletin of KazNU*, 2015, 153(1), 184–189. DOI: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1546/1482>
- Staszak J. Zoosemiotics and Bilingual Education: Cultural Symbols and Cognitive Models in Multilingual Contexts. In: *Journal of Anthropological Linguistics*, 2020, 42(3), 124–146.
- Tikhonov, A.N. *Educational dictionary of Russian language in 2 vols.*, 1985. 1744.
- Trubachev O.N. *The origin of pet names in Slavic languages (etymological research)*. Moscow, USSR Academy of Science, 1960, 104.
- Uspensky B. Mythological aspect of Russian expressive phraseology. In: *Language and culture*, 1996, 103–119
- What animals can be kept at home? *Muslim Spiritual Authority in Kazakhstan*. Available at: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-02-25/21500-kakih-zhivotnyih-mozhno-derzhat-domu/> (accessed 1 October 2024).
- Yanko-Trinitskaya N.A. *Word Formation in Modern Russian Language*. Moscow, Indrik, 2001, 503.
- Zhang X., Miller P. Animal Metaphors in Bilingual Education: Bridging Linguistic and Cultural Borders. In: *International Journal of Bilingualism and Education*, 2021, 34(4), 210–229.

EDN: LOXFVT
УДК 378.147+ 004.9

Role of Modern Information Technologies in Professional Training of Philology Teachers (Kazakhstani Experience)

Assel S. Zhunisbayeva* and Saule B. Begaliyeva

*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Received 20.12.2024, received in revised form 16.01.2025, accepted 27.01.2025

Abstract. The article considers the role of information technologies in educational activities, their influence on the formation of professional competences of future teachers. The analysis of scientific publications and empirical research determined that the use of digital tools significantly improves the quality of training, promotes the creation of interactive materials and expands opportunities for independent learning. Special attention is paid to the introduction of innovative technologies, such as artificial intelligence and automated systems, which opens new avenues for the educational process.

The state programme “Digital Kazakhstan” (2018–2024) focuses on the development of human potential in educational sphere, which is manifested through the introduction of modern curricula in universities, including areas such as artificial intelligence, data analysis and cloud technologies. This makes it possible to train professionals in demand on the labour market. The increasing number of grants for IT education inspires young people to choose promising specialities, while the development of online platforms makes high quality education accessible even to those living in remote parts of the country. Digital technologies are becoming an integral part of the educational process: the use of digital libraries, interactive whiteboards and virtual laboratories makes learning more exciting and effective. To create equal opportunities, the Internet infrastructure is being actively developed, providing schools with access to the network and introducing distance education platforms, which is especially important in the context of pandemics and other constraints. Digitalisation of the management of educational institutions simplifies interaction between students, parents and teachers: electronic diaries, journals and progress monitoring systems make the process more transparent and manageable (State Programme “Digital Kazakhstan”).

Positive changes of the IT use in the training of future teachers have been identified, but there remain challenges related to insufficient training and infrastructural limitations. Based on the findings, recommendations for further development of digital technologies in teacher training are proposed, which will improve its quality and compliance with modern requirements.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: js.aasel@gmail.com

ORCID: 0009-0002-3680-8266 (Zhunisbayeva); 0000-0002-3528-7756 (Begaliyeva)

Keywords: information technologies, professional competences, competences, future teachers, digital Kazakhstan, IT, artificial intelligence, digital literacy.

Research area: Theory and History of Culture, Art (Cultural Studies), Education.

Citation: Zhunisbayeva A. S., Begaliyeva S. B. Role of Modern Information Technologies in Professional Training of Philology Teachers (Kazakhstani Experience). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 367–377. EDN: LOXFVT

Роль современных информационных технологий в профессиональной подготовке учителей-филологов (казахстанский опыт)

А.С. Жунисбаева, С.Б. Бегалиева

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби
Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. В статье рассматривается роль информационных технологий в образовательной деятельности, их влияние на формирование профессиональных компетенций будущих учителей. Проведённый анализ научных публикаций и эмпирическое исследование позволили определить, что использование цифровых инструментов значительно улучшает качество подготовки, способствует созданию интерактивных материалов и расширяет возможности для самостоятельного обучения. Особое внимание уделяется внедрению инновационных технологий, таких как искусственный интеллект и автоматизированные системы, что открывает новые перспективы для образовательного процесса.

В государственной программе «Цифровой Казахстан» (2018–2024) акцентируется внимание на развитии человеческого потенциала в образовании, который проявляется через введение современных учебных программ в университетах, включая направления, такие как искусственный интеллект, анализ данных и облачные технологии. Это позволяет готовить профессионалов, востребованных на рынке труда. Увеличение числа грантов на обучение в сфере информационных технологий вдохновляет молодежь на выбор перспективных специальностей, а развитие онлайн-платформ делает качественное образование доступным даже для жителей отдаленных уголков страны. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью учебного процесса: использование электронных библиотек, интерактивных досок и виртуальных лабораторий делает обучение более увлекательным и результативным. Для создания равных возможностей активно развивается интернет-инфраструктура, обеспечивая школы доступом к Сети и внедряя дистанционные образовательные платформы, что особенно важно в условиях пандемий и других ограничений. Цифровизация управления образовательными учреждениями упрощает взаимодействие между учениками, родителями и педагогами: электронные дневники, журналы и системы контроля успеваемости делают процесс более прозрачным и управляемым (Государственная программа «Цифровой Казахстан»).

Выявлены положительные изменения в применении ИТ в обучении будущих учителей, однако остаются вызовы, связанные с недостаточной подготовкой

и инфраструктурными ограничениями. На основании полученных данных предложены рекомендации по дальнейшему развитию цифровых технологий в педагогической подготовке, что позволит повысить её качество и соответствие современным требованиям.

Ключевые слова: информационные технологии, профессиональные компетенции, компетенции, будущие учителя, цифровой Казахстан, ИТ, искусственный интеллект, цифровая грамотность.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.
5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Жунисбаева А. С., Бегалиева С. Б. Роль современных информационных технологий в профессиональной подготовке учителей-филологов (казахстанский опыт). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 367–377. EDN: LOXFVT

Introduction

Modernisation of education and global digitalisation requires the future teacher to be able to use digital or information technologies. Pervasiveness of distance learning and application of artificial intelligence makes it necessary for a modern teacher to develop or acquire information competences.

The message of the head of state Kasym-Jomart Tokayev “Fair Kazakhstan: law and order, economic growth, social optimism” emphasises that teachers are the intellectual vanguard of the country, laying the foundation for the long-term progress of the nation. The importance of providing the economy with qualified personnel, especially through the training of talented and motivated young people in pedagogical universities, is highlighted as one of the priority tasks (Tokayev, 2024).

In this context, the use of information technologies in educational practice becomes a key element of training future teachers of philology. Modern technologies allow educators not only to improve the learning process, but also to form competences necessary in the rapidly changing digital society. The integration of information technologies contributes to the creation of conditions for training future teachers who will be able to become leaders in the educational environment, meeting the demands of the time and the requirements of the state.

The purpose of this article is to analyse the impact of information technologies on the

formation of professional competences of future teachers of philology, as well as to identify the opportunities and problems of their use in educational activities.

Theoretical Framework

Information technologies (IT) have become one of the most important tools of education modernisation, providing qualitative transformation of the educational process. In modern conditions they fulfil several key functions, influencing pedagogical creativity, formation of communicative competence and development of professional skills of future teachers.

The use of IT promotes the creativity of teachers, offering a wide range of tools for producing interactive and adaptive educational resources. Multimedia presentations help to visualise complex concepts, interactive tasks on platforms enhance student engagement, whereas educational content creation software provides opportunities to integrate text, images and video into a single coherent learning material. IT also enables teachers to develop innovative approaches to teaching, fostering their professional self-realisation and creative solutions.

Communicative competence is one of the key components of a teacher's professional training. The use of IT in the educational process supports effective interaction between teachers and students through online platforms and messengers, the formation of skills to work

in digital environments, which is important for the development of interpersonal and professional relations, as well as the organisation of distance learning, which requires the IT application for the creation and transfer of materials, knowledge control and feedback. The work of O. V. Iakovleva and E. P. Shmakova has shown that ICT (information and communication technologies) contribute to the development of skills of dialogue building between students and teachers, effective use of terminology and communicative strategies in educational activities (Iakovleva, 2007; Shmakova, 2013).

The use of IT enhances all aspects of educational activities. Digital libraries and databases allow students and teachers to quickly find the necessary materials; video lessons, virtual laboratories and simulations help to better understand complex concepts and theories; tests and assignments on digital platforms automate knowledge testing, providing instant feedback. The use of information and education environment (IEE), as noted in the studies of B. U. Dzholdasbekova, K. N. Zhapparkulova, and O. Aleksandrova, improves students' learning and promotes independent work (Dzholdasbekova et al., 2019).

E. K. Nauryzbaeva conducted the research related to foresight technologies, which involve the use of IT tools for the development of digital culture and professional training of humanitarian specialists, including philologists. These studies emphasise the importance of training future teachers to apply information technologies in educational activities.

The pedagogical universities of Kazakhstan play an important role in training future teachers of philology using modern information technologies: Abay Kazakh National Pedagogical University advocates for active use of LMS Moodle for teaching philological disciplines, L. N. Gumilev Eurasian National University is supportive of IT research for student training, Kazakh National Pedagogical University named after Al-Farabi holds courses and educational programmes on information technologies, which are comprehensively used in the training of specialists at various levels: online course "Information and Communication Technologies", the purpose of which is to

train specialists (future teachers of philology) who would be able to apply modern technologies in the professional activities using digital technologies, and which integrates modern IT solutions in the process of teaching languages. Thus, IT plays an important role in safeguarding accessibility of education for all categories of students, including students with special educational needs. Digital technologies ensure the development of individual educational trajectories, adjusting the content and pace of learning to the needs of learners. As regards inclusive educational technology, the use of voice-activated programmes or adaptive interfaces help students with disabilities to become active participants in the educational process.

Modern society requires educators not only to have special knowledge, but also to be able to use IT to adapt to changing conditions. This implies mastering new technologies such as artificial intelligence, virtual and augmented reality, using online platforms for professional development of teachers, flexibility and adaptability in teaching and learning approaches.

Problem Statement

The education system in the modern world is facing the challenges posed by rapid digitalisation and the need to train teachers to work in a dynamically developing information society. The integration of digital technologies into the educational process becomes not only a prerequisite of improving the quality of training of future teachers, but also an important element in the formation of their key professional skills. However, in practice, the level of use of these technologies is significantly inferior to their potential.

The main difficulty is the insufficient readiness of teachers and students to effectively apply information technologies in their activities. This is due to their low level of digital literacy, lack of targeted training in the use of modern IT tools, and limited access to resources for professional development. In addition, the technical infrastructure of educational institutions often does not meet the standards required to implement advanced solutions such as artificial intelligence systems, virtual reality and automation of learning processes.

Another problem is the disconnected implementation of digital technologies. As a result, the formation of a full-fledged educational environment based on information resources remains at a low level. Teachers and students rarely use adaptive and interactive approaches, besides they insufficiently use such resources as digital libraries, learning management platforms and automated knowledge testing systems.

Thus, the educational system faces the task of training teachers who will be able to use digital technologies as a means of improving the effectiveness of learning. For this purpose, it is necessary to implement a set of following measures: improve educational programmes, upgrade technical infrastructure, and organise specialised courses and seminars. Only such an approach will allow teachers to meet the challenges of the time and effectively use technologies to solve professional tasks.

Methods

The research was aimed at the analysis of scientific publications, synthesis of teaching and methodological ideas, also empirical research was used, i.e. questionnaire survey of future teachers and teachers of philology, generalisation of teaching experience, interpretation of the obtained data.

The results of the experiment conducted in 2019 at the Kazakh National University named after Al-Farabi Dzholdasbekova confirmed the effectiveness of the new methodology developed on the basis of information and educational environment. 350 students were surveyed (Dzholdasbekova et al., 2019).

In 2022 in the Kazakh National Women's Pedagogical University, scientists

Zh. B. Akhmetova, V.I. Zhumagulova, G.A. Orynkhanova (2022) conducted the next study based on the survey of 95 participants. Their work is directed to the use of digital technologies (hereinafter – DT) in the professional training of future teachers of Russian language and literature. The authors highlight the significance of digital educational resources (hereinafter – DER) in the educational process and their influence on the formation of key professional competences. 20 % of students constantly use DER, 72 % use them rarely, and 8 % do not use them at all. The main types of work with DER include searching for information (92 %), creating texts (90 %), presentations (77 %) and reading electronic materials (68 %). However, 76 % of respondents reported inadequate readiness to use DT in their professional activities, indicating the need for more in-depth training in this area (Akhmetova et al., 2022).

In 2024, the authors conducted a study of the assistance of information technologies in the formation of professional competences at the Kazakh National University, as well as in schools of Almaty. A questionnaire survey of students of philology, future teachers (more than 120 students), and school teachers of philology (more than 100) was conducted.

Philology teachers had to answer the following questions:

1. Do you often use information technologies in teaching? (yes; no; difficult to answer)
2. Do you think that the use of IT facilitates preparation for lessons and allows you to diversify them? (yes; no; difficult to answer)
3. What IT tools do you use? (text editors, specialised software (e-textbooks, learn-

Table 1. Data from the 2019 questionnaire survey

Indicator	Results
Positive perception of the methodology	69 %
Improved learning through IEE	84 %
Facilitated learning	80 %
Ability to learn the material independently	71 %
Clarity and accessibility of the methodology	81,3 %
Discomfort with the voice-over text	12 %

ing systems, knowledge control systems), internet (search engines, etc.), audio-video)

4. Would you like to receive additional knowledge to improve your IT competence? (yes; no; I have sufficient level of knowledge; no, I don't see the need; difficult to answer)

5. What IT innovations do you think would be useful in training? (artificial intelligence for teacher training – virtual simulations to train teachers in new methods and technologies, programmes to manage the learning process (e.g. tracking students' progress and lesson planning), programmes for automated assignment checking, speech and text recognition systems to facilitate interaction (for students with special needs)).

The questionnaire of future teachers contained the following questions:

1. What IT tools do you use when studying professional disciplines? (search engines (Google, Yandex), software for creation of presentations (PowerPoint), audio-video materials, electronic libraries, reference books).

2. What role, in your opinion, does IT play in teacher preparation for lessons? (it can simplify the preparation process, improve the quality of teaching, help to create interactive materials).

3. What IT tools or technologies would you like to master for your work in the future? (artificial intelligence and chatbots for teaching, software for automating knowledge testing, programmes for creating educational content (animations, videos)).

Results

Having studied the scientific works of I. A. Zimnyaya and A. V. Khutorskoy, we understand competences as an integration of an individual's inner potential (according to Zimnyaya) and external social requirements (according to Khutorskoy). These approaches stress the dual nature of competences: on the one hand, they reflect personal development and internal capabilities and, on the other hand, compliance with the requirements of society and the educational process (Zimnyaya, Mazaeva, Lapteva; Khutorskoy).

Kazakhstan scientist N.D. Khmel connects professional competence of a teacher

with his/her main activity – holistic pedagogical process. She points out that the training of a specialist includes three main aspects: content, personal and procedural-technological (Begaliyeva).

Information technologies can be used in several forms by modern teachers. These can be fulfilling the requirements of educational institutions or ministries, working with ready-made tools based on given algorithms, as well as methods of creative approach: creating their own software products, developing new methods of their application or adapting existing solutions for specific tasks.

The use of information technologies contributes to the optimisation of the educational process, making the interaction between teacher and students more effective. E. V. Shirshov's research identifies the following didactic functions of information technologies:

- visibility, which ensures awareness and comprehension of perceived educational information, formation of ideas and concepts;
- informativeness, as learning tools are direct sources of knowledge, i.e. carriers of certain information;
- compensatory function, facilitating the learning process, contributing to the achievement of the goal with the least expenditure of effort and time;
- adaptability, oriented towards maintaining favourable conditions for the learning process, organising demonstrations, independent work, etc.;
- integrativeness, giving way to consider an object or phenomenon as a part and as a whole (Shirshov, Undozyorova).

Information technologies have a great didactic potential, which gives various opportunities to the teacher in the educational process. IT in I. V. Robert's research has the following functions:

- possibility to implement interactive dialogue, which is characterized by immediate feedback between the user and IT tools (each user request causes a response action of the system and, vice versa, a system reply requires a user response);
- computer visualisation of educational information about the studied object, process

or phenomenon (visual representation on the screen of the object, its components or their models; the display of the process or its model, including those hidden in the real world; graphic or other visualised interpretation of the studied object or the regularity of the studied process);

- computer modelling of studied or researched objects, their relations, phenomena, processes, running both in real and “virtual” modes (representation on the screen of a mathematical, informationally descriptive, visual model adequate to the original);

- archiving, storage of large volumes of information with the possibility of easy access to it, its transfer, replication;

- automation of computational, information retrieval processes, operations on collection, processing, transfer, display, replication of information, archival storage of sufficiently large amounts of information, as well as processing the results of a teaching experiment (both real and virtual), its screen visualisation with the possibility of multiple repetition of a fragment or the experiment itself;

- automation of the processes of information and methodological support, organisational management of learning activities and control of learning results (Robert).

These functions enable teachers of philology to manage the learning process and thoroughly prepare for the teaching process.

It is possible to define readiness to use information technologies in the pedagogical pro-

cess as a complex systemic personal education of a teacher, combining the focus on solving pedagogical tasks with the use of information technologies, as well as abilities and skills necessary for their pragmatic use in educational activities.

The results of the questionnaire survey of teachers-philologists and students are shown below: teachers-philologists (Fig. 1, 2, 3 and 4), students (Fig. 5, 6, 7).

Discussion

Information technologies (IT) play a significant role in the educational environment, and the results of the survey among teachers of philology and students confirm their importance in the development of professional competences. The majority of respondents actively use IT, considering it useful for simplifying lesson preparation, improving the quality of teaching and creating interactive materials. In particular, 66 per cent of teachers said that the use of technology makes lesson preparation easier, 61 per cent admitted it improves the quality of teaching, and another 66 per cent emphasised the ability to create more engaging and up-to-date teaching materials.

The survey revealed that the most popular tools among teachers are word processing tools and online resources, used by 82 per cent of those surveyed. Learning management software proved popular with 44.3 per cent of participants, while automated assignment checking systems were supported by 54.4 per cent.

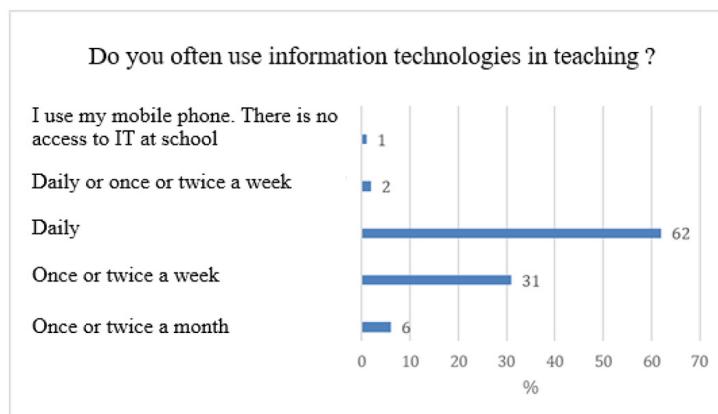

Fig. 1. Frequency of IT use

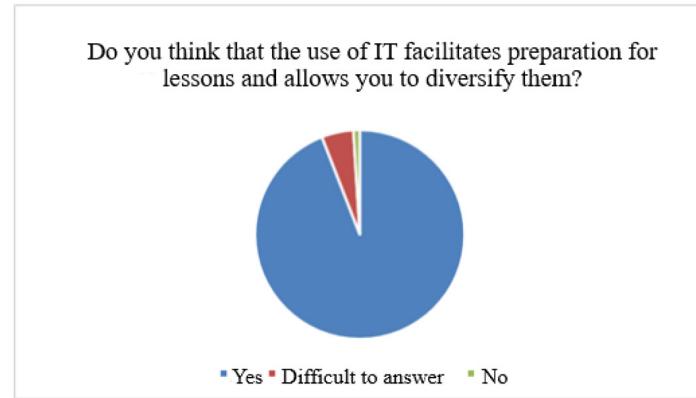

Fig. 2. Use of IT in preparation for classes

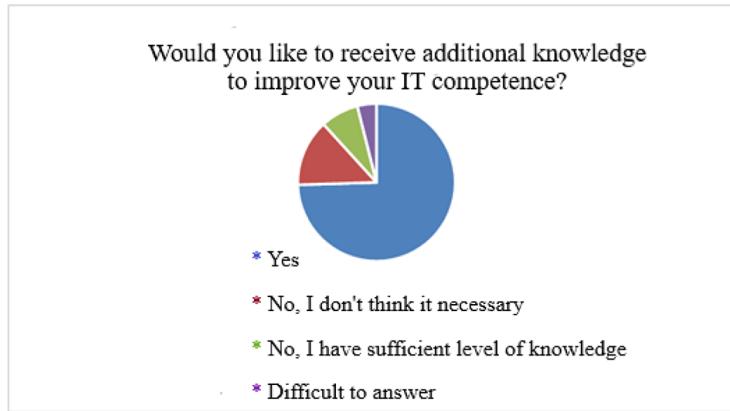

Fig. 3. Knowledge to improve IT competence

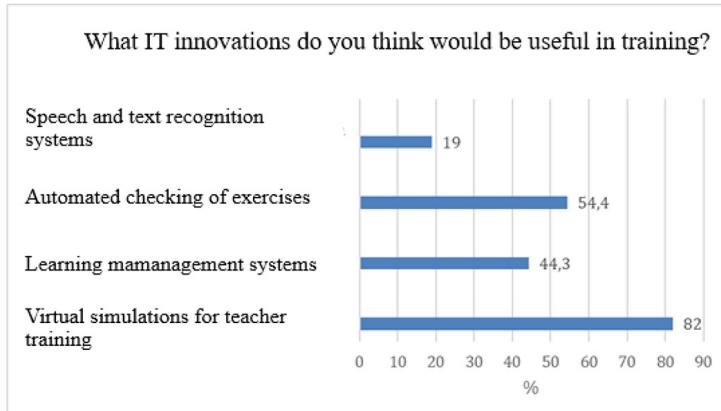

Fig. 4. Useful IT innovations in education
Results of future teachers' questionnaire survey (Fig. 5, 6, 7)

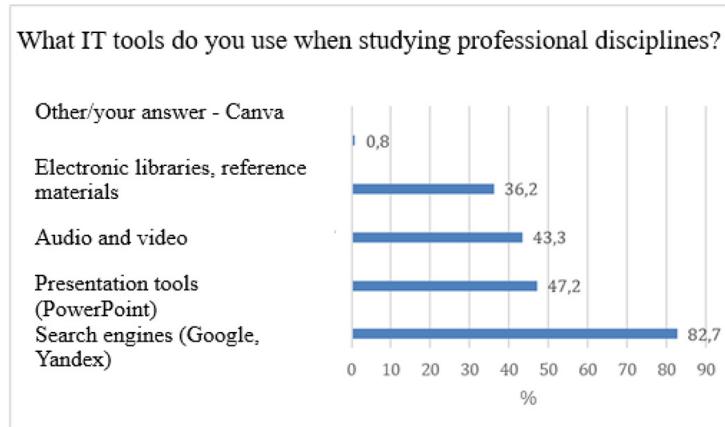

Fig. 5. IT means used for studying professional disciplines

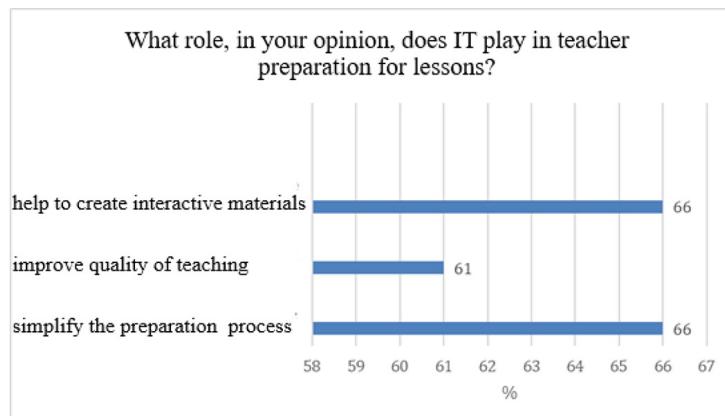

Fig. 6. The role of IT in lesson preparation

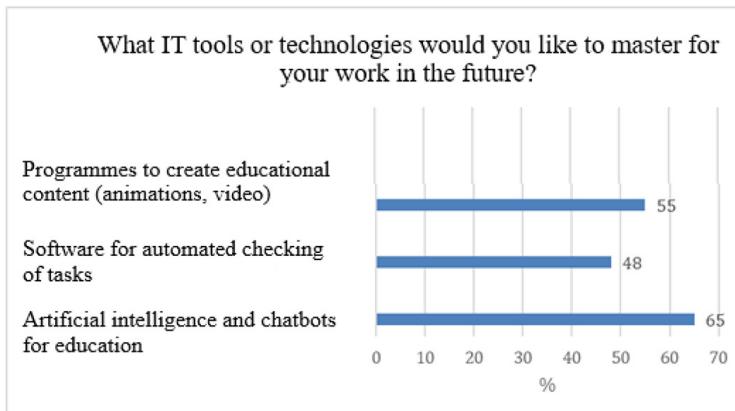

Fig. 7. IT tools

These data show that IT not only optimises routine tasks, but also contributes to the professional development of teachers.

Search engines are the most popular among students of philology, they are frequently used by 82.7 % of respondents. In the second place there are programmes for creating presentations (47.2 %), while audio and video materials are used by 43.3 %. At the same time, only 36.2 % of students use electronic libraries and reference books, which indicates the need to promote these resources for the formation of more comprehensive professional skills. Respondents' interest in innovative technologies deserves special attention. For instance, 65 % expressed a desire to learn about tools based on artificial intelligence, including chatbots for training. In addition, 48 % of respondents are interested in programmes for automating knowledge testing, and 55 % consider tools for creating multimedia educational content, such as animations and videos, to be utmost important.

Based on these data, it can be concluded that information technologies are becoming an integral part of teacher training. They simplify routine processes, diversify teaching methods and significantly increase students' involvement in the educational process. The high interest of both teachers and students in the use of modern technologies underlines their promising potential. It is important to further develop the use of IT in teaching by holding specialised training sessions and master classes, as well as integrating digital solutions into educational programmes. This will enable future educators to successfully cope with professional challenges in the context of digitalisation of education.

In 2022, the study by Zh. B. Akhmetova, V.I. Zhumagulova, G.A. Orynkhanova revealed the problem of low readiness of teachers and students to use digital technologies.

The study 2024 revealed a wider use of IT by teachers (for example, 82 % keenly use text editors and Internet resources), which indicates some progress.

Comparing the data demonstrates an important change. While earlier studies testified to a low level of IT readiness among educators

and students, the current study documents an increase in basic technology use and a growing interest in innovative tools.

Conclusion

Modern information technologies have a sustainable impact on the process of training future teachers of philology in Kazakhstan. Thanks to the state programme "Digital Kazakhstan" and relentless efforts of educational institutions: Kazakh National Pedagogical University named after Al-Farabi and Abay Kazakh National Pedagogical University, innovative conditions for training future teachers of philology are being currently created in the country. Systematic introduction of digital tools into the learning process, including the use of online platforms and educational resources, contributes not only to the improvement of quality education, but also to the formation of key digital competences in future teachers of philology.

Kazakhstan scientists such as: S.B. Begaliyeva, E.K. Nauryzbayeva, B. Dzholdasbekova incessantly research effective ways of integrating information technologies into educational practice. This experience of technology integration is relevant in the multilingual and multicultural environment of Kazakhstan.

Modern information technologies are purported to be essential in the formation of professional competences of future teachers of philology by aiding preparing for classes, improving the quality of teaching and creating interactive teaching materials.

The results of the study confirm that the use of IT helps to form professional competences of teachers that meet the requirements of modern education. Special attention is paid to the introduction of innovative tools and technologies, such as artificial intelligence, which opens up new opportunities for boosting the efficiency of the educational process.

Despite the progress achieved, certain challenges remain related to the training of teachers how to work with IT, as well as the development of material and technical infrastructure. Successful technology integration requires a comprehensive approach that includes systematic training and support for educators,

as well as creating the necessary conditions for their work, developing new educational platforms, and supporting scientists and educators in their pursuit of innovation.

References

- Akhmetova Zh.B., Zhumagulova V.I. & G.A. Orynkhanova. Using digital technologies for forming professional competencies of future teachers of Russian language and literature. In: *Bulletin of the National Academy of Sciences of Kazakhstan*. 2022, 4, 36–55. DOI: https://doi.org/10.32014/2518-1467_2022_398_4_36-55
- Begaliyeva S.B. *Result and prospects of implementation of pedagogical technologies in modern Kazakhstani school. Monograph*. Almaty. Abay Kazakh National Pedagogical University, 2021, 132.
- Dzholdasbekova B., Zhapparkulova K. & O. Aleksandrova. Information technologies for forming professional and communicative competence of future teachers of Russian language and literature. In: *Bulletin of KazNU. Pedagogical series*. 2019, 59(2), 150–156. DOI: <https://doi.org/10.26577/JES.2019.v59.i2.015>
- Iakovleva O.V. Research on the possibilities of information and communication technologies in forming communicative competence of pedagogical university students. *Candidate's thesis*. Saint Petersburg, 2007, 166.
- Khutorskoy A.V. Educational competences and methodology of didactics. In: *Methodology of pedagogy in the context of modern scientific knowledge. Collection of scientific works of the International scientific-theoretical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of V.V. Kraevsky and edited by A.A. Mamchenko. (22 September 2016)*, 70–79. Moscow: Institute of Education Development Strategy of the Russian Academy of Education. 2016
- Nauryzbayeva E.K. & Bezhina V.V. Educational programmes for students of humanitarian sphere in VUCA world via foresight (international experience). In: *Bulletin of Toraighyrov University. Pedagogics series*. 2022, (1), 440–453. <https://doi.org/10.48081/QCXG9010>
- Robert I.V. *Modern Information Technologies in Education: Didactic Problems; Prospects of Use*. Moscow: Institute of Informatization of Education of the Russian Academy of Education. 2010, 140.
- Shirshov E.V., Undozyorova A.N. Use of new computer technologies by university teachers in the conditions of informatisation of education. In: *Teacher of the 21st century*. 2008, 3, 27–33.
- Shmakova A.P. *Formation of future teachers' readiness for pedagogical creativity using information technologies*. Moscow, 2013, 184.
- State Programme “Digital Kazakhstan” for 2018–2024. Available at: <https://egov.kz/cms/ru/digital-kazakhstan?mobile=no#0> (accessed: 8.12.2024)
- Tokayev K. Zh. The message of the President Kassym Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan: Fair Kazakhstan: law and order, economic growth, public optimism. 2024. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazakhstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014>
- Zimnyaya I.A., Mazaeva I.A., Lapteva M.D. *Communicative competence: speech activity, verbal communication*. Moscow. 2020, 400.

EDN: АНУТКО
УДК 81–26: 347.78.034
МРНТИ 16.31.41

Effectiveness of Cognitive-Pragmatic Approach in Special Translation: Experimental Study

Ainur A. Iskakbayeva^a, Aigul K. Zhumabekova^b
and Veronica A. Razumovskaya^c

^a*al-Farabi Kazakh National University, Caspian Public University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

^b*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

^c*Siberia Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.12.2024, received in revised form 23.12.2024, accepted 27.01.2025

Abstract. Terminology is a cornerstone of scientific communication. However, its translation poses significant challenges, demanding a deep understanding of not only linguistic but also cognitive and anthropological factors. This study experimentally investigates the efficacy of a cognitive-pragmatic approach in translating specialized geological terms. The approach allows for the examination of terms not merely as linguistic units but as reflections of cognitive models and cultural representations. The study compared two translation approaches: classical and cognitive-pragmatic approaches. Results indicate that the utilization of cognitive maps and corpus analysis enables a more precise understanding of term semantics, thereby mitigating errors associated with homonymy and polysemy. An experiment was conducted with two groups of translation students (15 students in each group). One group employed a cognitive-pragmatic approach, while the other used a traditional method. The groups translated scientific texts in the field of geology. A sampling method was used to identify pragmatic markers (terms), and resources such as NgramViewer and the British National Corpus (BNC) on the Word Sketch platform were employed to assess translation accuracy. The research focused on geological terms prone to synonymy and homonymy. The findings of this study are applicable to the teaching of scientific-technical translation for specialists in both language and subject-matter domains. The application of cognitive-pragmatic analysis enables a comprehensive understanding of a term and its domain of use, thereby preventing distortions and errors related to homonymy.

Keywords: term, scientific-technical translation, cognitive-pragmatic approach, homonymy, cognitive maps, intercultural communication.

Research area: Theory and History of Culture and Art. Linguistics, Translation Studies.

Citation: Iskakbayeva A.A., Zhumabekova A.K., Razumovskaya V.A. Effectiveness of Cognitive-Pragmatic Approach in Special Translation: Experimental Study. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 378–389. EDN: АHYТКО

Эффективность когнитивно-прагматического подхода в специализированном переводе: экспериментальное исследование

А.А. Исакбаева^a, А.К. Жумабекова^b, В.А. Разумовская^в

^aКазахский национальный университет им. аль-Фараби,

Каспийский общественный университет

Республика Казахстан, Алматы

^бКазахский национальный педагогический университет имени Абая

Республика Казахстан, Алматы

^вСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Терминология является фундаментальной составляющей научной коммуникации. Однако перевод терминологии сопряжен со значительными трудностями, обусловленными не только лингвистическими, но и когнитивными и антропологическими факторами. Целью данного исследования является экспериментальная проверка эффективности когнитивно-прагматического подхода в контексте перевода специализированной геологической терминологии.

Когнитивно-прагматический подход позволяет рассматривать термины не только как языковые единицы, но и как отражение когнитивных моделей и культурных представлений. В ходе эксперимента сравнивались два подхода к переводу: классический и когнитивно-прагматический. Результаты исследования свидетельствуют о том, что использование когнитивных карт и корпусного анализа способствует более точному пониманию семантики терминов и минимизации ошибок, связанных с омонимией и полисемией.

Экспериментальная часть исследования включала работу с двумя группами студентов-переводчиков (по 15 человек в каждой). Одна группа применяла когнитивно-прагматический подход, другая – традиционный подход при переводе научно-технических текстов в области геологии. Для идентификации прагматических маркеров (терминов) был использован метод отбора, а для оценки точности перевода – ресурсы «NgramViewer» и Британского национального корпуса (BNC) на платформе «Word Sketch». Объектом исследования стали геологические термины, склонные к синонимии и омонимии.

Полученные результаты могут быть полезны при обучении научно-техническому переводу как лингвистов, так и специалистов в области геологии. Применение когнитивно-прагматического анализа способствует глубокому пониманию специальных терминов и сферы их применения, что позволяет предотвратить искажения и ошибки, связанные с омонимией.

Ключевые слова: термин, научно-технический перевод, когнитивно-прагматический подход, омонимия, когнитивные карты, межкультурная коммуникация.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства. 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Искакбаева А. А., Жумабекова А. К., Разумовская В. А. Эффективность когнитивно-прагматического подхода в специализированном переводе: экспериментальное исследование. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 378–389. EDN: AHYTKO

Introduction

Modern translator training involves retraining technical specialists in language skills. While this method works well for scientific and technical texts, it is unsuitable for educational materials due to resource constraints. Universities address the issue by introducing specialized courses, but without a strong methodological foundation, the courses may fall short. However, translators have primary linguistic education and less special domain knowledge.

Translation methods mainly focus on semantic and syntactic analysis, but sometimes it can be insufficient. A deeper cognitive-pragmatic analysis is necessary to fully grasp the meaning and context of terms which allows to consider both the linguistic and cognitive aspects of terms, leading to more accurate and effective translations. The approach enables the identification of complex terminological units, which may span multiple words, and ensures their integrity during the translation process.

Combining a cognitive approach with existing training methods improve the translation of special terms in educational discourse. This hypothesis is based on the following observations from the provided texts:

- geological terms have complex cognitive-pragmatic meanings – understanding their pragmatics is crucial for accurate translation.
- current translator training methods focus on linguistic skills and basic background knowledge. This might be insufficient for capturing the cognitive-pragmatic aspects of terms.
- educational discourse requires clear and precise communication – misinterpreted geological terms can hinder pragmatics of the text.

Therefore, the hypothesis proposes that incorporating a cognitive-pragmatic approach into translator training can equip translators with tools to grasp the deeper meaning of terms and accurately convey the pragmatics of text.

Literature Review

Many scholars explore ways to train translators for scientific texts. The incorporation of information technology, alongside leveraging the advancements of corpus linguistics and translation studies within the learning process, has gained significant traction (L. P. Tarnayeva & Ye. S. Ossipova, 2016; N. N. Gavrilenco, 2018). Scholars such as V. S. Vinogradov (2001), I. S. Alekseeva (2008), A. Tarakov & el. (2013), A. Pym (2018), T. O. Esembekov & G. Sh. Akimbekova (2023) deal with theoretical investigations of pragmatic aspect of translation studies. While C. Guillemin & B. Tillmann (2021), G. Kasper & K. R. Rose (2001) observed explicite and implicite methods of teaching, such scholars as T. V. Parshina (2016), L. E. Strautman & Sh. B. Gumarova (2019), H. A. Khau & al. (2024) made research in special discourse translation training. They and others make great impact on translation studies development and contribution on methodology of the field and teaching.

Scientific translation deals with other language and culture through scientific discourse, which means necessity to have knowledge in particular domain in both languages. As M. V. Oparin (2019; 233) mentions scientific discourse is original for perception even if it is provided by translation. So, the usage of equivalent terms is important regardless to special domain. However, he notifies that translation of technical or scientific texts

requires special knowledge in presented domain. Translator may gain this knowledge through experience, self-development, and working-out pragmatic competence. Pragmatic competence, mostly, is worked out in understanding scientific discourse and terminological system. To maintain translation, it is necessary to choose strategy, V. V. Sdobnikov (2011a) denotes “translation strategy is a program for implementing translation activities that is formed on the basis of the translator’s overall approach to translation in the conditions of a specific communicative situation of bilingual communication and determines the nature of the translator’s professional behavior within this situation”. (Sdobnikov, 2011a: 165–172). When choosing a translation strategy, it is important to consider the communicative situation, which determines the choice of strategy (Sdobnikov, 2011b: 1446)

Thus, translator must choose strategy according to the text and domain discourse. In the context of scientific or technical discourse, overcoming several specific challenges is crucial for formulating an effective translation strategy. According to Ch. Nord (1991) there are three main translation challenges: linguistic, conventional, pragmatic. However, additional factors such as genre, linguistic challenges, and target audience profile must be considered. A complex approach is essential to address the diverse challenges within a single text. Moreover, the concept of a single “correct” translation remains elusive (Oparin, 2019: 233).

The inherent complexities of scientific text translation require a systematic and accurate analysis which is intrinsically linked to the established terminological framework of the domain in both source and target languages. While advancements in artificial intelligence (AI) offer promising solutions for widely used terminology, challenges arise when dealing with new, syntactically complex, or archaic terms. As M. Iu. Volgina (2013: 171) states, “Terms can become almost any lexical units that have moved into a highly specialized area and served to denote specific concepts”. Consequently, the task of extracting terminological units from sentences, comprehending their meaning, and selecting the most appropriate equivalents is particularly demanding.

Term is complex concept, as some scholars consider that the quantity of terms are not determined and we percept concepts as terms. This point of view has the right to exist but addressing to the clarifications made by V. N. Komissarov (2011) we are surrounded by signs which may be iconic, symbolic, signal, and conventional. Conventional are the base of any language as they have 3 main features: semantics, syntaxics, pragmatics. Being a system of the signs, a language interprets all signs. “The meaning of a linguistic sign is a generalized reflection of extra-linguistic reality and correlates with other generalizations of the form of thought – the concept”. (Komissarov, 2011: 45). The concept being a generalized form of thought may be represented scientifically, linguistically, colloquially, nationwide. Hence, the scientific concepts are terms, and their concentration and semantical relation to a particular domain make them a terminology system (Komissarov, 2011).

Pragmatics, the study of language use in context, was introduced by C. Morris in the 1930s. It explores how language users interpret meaning beyond the literal words, considering factors like context, speaker intent, and cultural norms (Morris, 2001: 45–97). But we cannot observe words separately, they have definite meaning in utterance or sentence. H.P. Grice (1957) distinguished between sentence meaning (literal) and speaker meaning (implied). This distinction is crucial for understanding how language is used to convey implicature and explication. Scientific discourse provides no space for standard implicature. However, the usage of the same term in different fields may be observed as a sign of implicature proved by homonymy occurring. Homonymy is mostly regarded as a semantic issue, not pragmatic. G. Leech argues that the distinction between language and language use blurred the lines between semantics and pragmatics. While semantic meaning is inherent to linguistic expressions, pragmatic meaning is context-dependent and author-oriented. (Leech, 1983:4–6). However, pragmatic failures can arise from cultural misunderstandings or linguistic incompetence. J. Thomas (1983) distinguishes between pragmalinguistic and sociopragmatic

failures. Effective communication requires both linguistic and pragmatic competence. Written texts necessitates a focus on syntax, semantics, and pragmatics. While scientific discourse often avoids explicit implicature, linguistic and stylistic variations can still pose challenges, particularly in term identification and translation. Understanding the author's intent and the illocutionary force of the text is crucial. Widdowson (2000) emphasizes the role of context in interpreting linguistic structures. Komissarov (2011) highlights the importance of conventional codes and schematic elements in conveying meaning. Reference, as a linguistic act, often carries implicit intentions beyond its denotative meaning (Khrutova, 2007). Authors may use synonymous terms to differentiate between processes or create complex concepts complicating the translation process.

Cognitive approaches to translation, as explored by I.N. Remhe (2007) and G.I. Mansurova (2006), consider the mental processes involved in understanding and producing translations. These approaches emphasize the importance of transferring not only the linguistic content but cultural and contextual nuances of original text. Terminological diversity presents another challenge in scientific translation. Single-component terms may have multiple meanings, while multi-component terms require careful analysis to avoid misinterpretation. The problem here may arise from incorrect identification of the terminological frame leading to its division and to translation errors. S. V. Sahnevich (1998) discusses various translation techniques, such as calquing, borrowing, and metaphorization, that can be used to adapt terms to the target language.

Background knowledge is crucial for translating scientific-technical texts. It helps translators choose correct equivalent for terms and concepts depending on the context (Ignatyeva, 2010). Other challenge is to identify homonym and synonym which are common phenomena in scientific terminology. Synonymy occurs when multiple terms refer to the same concept, while homonymy occurs when a single term has multiple meanings.

Understanding the pragmatic aspects of term use and the cognitive processes involved

in translation is essential for developing effective translation strategies.

Materials and Methods

The training of translators demands the cultivation of diverse competencies, encompassing linguistic, text-formation, intercultural-communicative, professionally oriented, information-technological, special-professional, cognitive, and pragmatic domains. Notably, the development of these competencies follows a gradual trajectory, with the cognitive-pragmatic function assuming a dominant role from the second year onwards. This emphasis stems from its pivotal role in facilitating mastery of linguistic conceptual systems and enabling an accurate understanding of terms and concepts.

This study investigated the efficacy of cognitive-pragmatic analysis in pre-translation analysis of scientific-technical texts by comparing results of two groups of 3rd-year students, consist of 15 students each, educational program "Intercultural-communicative translation" of Caspian public university (Almaty, Kazakhstan). Their ages range from 19 to 20. The study of scientific-technical text translation was a part of a discipline "Practice of Translation" studied at the 3rd year of education. An experiment was conducted as a cross-sectional which lasted 3 hours to determine the necessity of usage the analysis as a part of pre-translation analysis in translating scientific and technical texts. The similar method was proposed by N. N. Gavrilenko (2011) with completing terminological map in translation scientific-technical texts. The difference is that terminological map is enlarged during the special discipline studying while the usage of cognitive-pragmatic approach is carried when the student does not have enough skills and specialization in the sphere of translation as well as limitation of the time for achieving them. A. Akbari & al. (2021) realized experiment to justify impact of pragmatic teaching on capacity to identify implicit and explicit discourse markers in the source text in a two sample groups of 40 translators, aged from 21 till 40 with 6.5–8.0 IELTS scores. Data analysis showed linguistic skills have no crucial impact on quality of translation, more

important was well-developed pragmatic skills based on G. Kasper (2003). In A. Akbari & al.'s research the students were provided by texts with pragmatic markers related to cultural and economic issues. In our experiment we had two texts of scientific-technical domain with prag-

matic markers related to terms of geology (Table 1, Table 2).

A concept map illustrates the interrelationships of geological concepts, forming the basis for cognitive-pragmatic meaning. The concepts are interconnected and essential for under-

Table 1. Concept Map of pragmatic markers of the text "Geodesy"

Concept	Related Concepts	Relationship
Earth	Mantle, Crust (not explicitly mentioned), Geoid	composed of, has property
Mantle	Mantle Convection, Tectonic Plates	involved in, supports
Tectonic Plates	Plate Boundaries, Latitude, Longitude	interact at, determined by
Plate Boundaries	Geoid Anomalies	relevant for
Geoid	Reference Ellipsoid, Geoid Anomalies	approximated by, influenced by
Latitude	Tectonic Plates, Control Point	used for
Longitude	Tectonic Plates, Control Point	used for
Control Point	Survey, Photogrammetry, GPS (not explicitly mentioned)	measured by
Survey	Geodetic Satellites	uses
Sea Level	Elevation	relative to
Geoid	Sea Level	influences

Table 2. Concept Map of pragmatic markers of the text "History of Surveying"

Geometric and topographic concepts	Geodesic methods and tools	Applied areas and markers
Elevation	Surveying	Agricultural area
Horizontal Position	Geodetic survey	Nile River
Vertical Position	Photogrammetry	Great Pyramid of Khufu
Horizon	Aerial photographs	Aqueduct
Valley	Boundary Stones	Mapping
Plain	A vertical wooden A-frame with a plumb bob	Processing and recording of survey data
Land Boundaries	Groma	Measurement Data
Relative Position	Astrolabe	
Alignment	Magnetic compass	
	Odometer	
	Theodolite	
	Micrometer microscope	
	Telescopic sights	
	Electronic distance measurement	
	Satellite	
	Hand-held cord	
	Clay tablet	

standing the Earth's processes and for various applications like surveying and navigation. The concepts of the second text are distributed according to basic group of concepts (Table 2).

Surveying instruments are used to measure coordinates, elevations, distances, and directions. Mapping is the result of processing these measurements.

The 1st text focus on geological and engineering geology concepts. While the 2nd text emphasizes the historical development of surveying instruments.

The 1st sample group (further called as group "A") was trained using familiarization with terminological system of the texts. Instructions were given on how to choose the right terms for a geology terminology system. Group "A" was proposed to use cognitive-pragmatic analysis to understand terminological definitions and analyze contextual meaning of the terms. The approach is grounded in the understanding of how terms are structured and perceived in the minds of native speakers. The approach considers:

1. Cognitive models and concepts.

Translators analyze the cognitive models and concepts behind the term to ensure accurate translation, considering cultural and linguistic differences.

2. Prototypical semantics. This aspect focuses on the core and peripheral meanings of the term. Translators must identify the primary meaning and consider secondary associations.

3. Metaphors and metonymies. The approach analyzes metaphorical and metonymic transfers associated with the term, considering cultural differences in expression.

4. Mental models of perception. The approach considers cultural differences in perception and categorization, ensuring accurate translation across cultures.

5. Empirical data: Data from cognitive research, such as association experiments, are often employed within this approach to understand how native speakers perceive and use terms.

Thus, the approach aims for a deeper understanding of mental processes, enabling more accurate and adequate rendering of term meanings in translation.

The 2nd sample group (further called as group "B") used a linguistic approach for translating special texts. While this approach is effective for experienced translators, it may be insufficient for amateurs which is confirmed by our experiment.

Qualitative research was used to assess translations based on confidence, correctness, and explanation of strategies. The British National Corpus and Google Ngram Viewer were used to verify term usage and frequency, helping to identify potential translation errors. The Lasswell Formula used to analyze the texts (Vorontsov, 2019: 421–427).

Results and Discussion

After the introductory theoretical part, students in practical classes were asked to translate two texts: "Geodesy" (original title "Study of the structure of the Earth" by Windley, & Harbaugh. Date of request: 20.11.2023), "History of Surveying" (original title "Surveying. History" by Lyman, & Wilfrid Wright, Date of request: 20.11.2023) which are non-adapted and sourced from the Britannica encyclopedia.

The results of both groups are strikingly different, both in the quality and emotional state of the students upon completion of the translations. The first difficulties were noted during translating text titles. Both groups identified the style of the texts correctly. Students used Multitran online dictionary, the Lingvo electronic dictionary adjusted for geology, and Oxford dictionaries.

As part of pre-translation analysis, Group "A" identified pragmatic markers and classified them as geological terms and concepts. Upon examining them, they discovered that some terms exhibited syntactically complex structures. Subsequently, they extracted all introductory phrases and general scientific terms to initiate the translation process. When translating, they considered the possibility that a lexical unit may not be a term, but a concept, and using cognitive-pragmatic analysis, they translated the title of 1st text as "geodeziia", and the title of 2nd text as "istoriia razvitiia geodezii". Voicing the reasons for terminological correspondence, Group "A" explained that geodesy is "science that combines methods for

determining the shape and size of the Earth and drawing maps and drawings of the Earth's surface" (Zhumagaliev & Kuandikhov, 2000: 82), while "маршнейдерское дело" or "surveying" is "a branch of mining science and engineering concerned with spatial and geometric measurements (mine surveying) ..." (Omelchenko, 1987: 74). While both terms relate to geology, geodesy focuses on surface features, whereas surveying examines subsurface objects. Group "B" translated the title of 1st text as "геодезия", and the title of 2nd text as "история маркшейдерии". The students attempted to justify their translation choice by citing the translation provided in dictionaries. They reasoned that their selection of the equivalent was based on the similarity in sound and the assumption that if the same term was used in the text to refer to the same scientific field, then it should be used in the translation. Since 2nd text had a different title, they concluded that it must be translated differently. The reason of error lies in both insufficient back-ground knowledge in the field and an incorrect logical approach to the translation task, which failed to recognize the semantic connection between the title and the text's subject matter.

The Lasswell formula helps to analyze the texts' purpose, transmission, and cultural adaptation. In the most challenging cases, a detailed analysis of terminological units was undertaken. When translating "geodesy" in

Multitran, students found only two options: "геодезия" and the outdated "землемерие". This limited choice effectively guided students toward correct translation.

When studying the term "surveying", students faced the problem of selecting correspondence (Fig. 1).

Fig. 1 illustrates various translation options provided for "geodesy". Potential semantic equivalents include "топографо-геодезические работы", "геодезическая съемка", "геодезические измерения". However, students opted for the "marshheyderskiy" section, leading to the translation "маршнейдерия".

To check prototypical semantics of the term, we use BNC (Fig. 2).

Fig. 2 presents wide range of term "surveying" usage, the column five directs to mapping. It proves correctness in choice made.

The cognitive-pragmatic approach to analyzing and translating the term "surveying":

1. Cognitive Models and Concepts: Surveying involves measuring and mapping the Earth's surface, including geological features. Native speakers associate it with specialized equipment and methods for accurate measurement and analysis.

2. Prototypical Semantics: Surveying typically involves using theodolites, levels, GPS, and other tools to create precise maps, plans, and profiles of terrain.

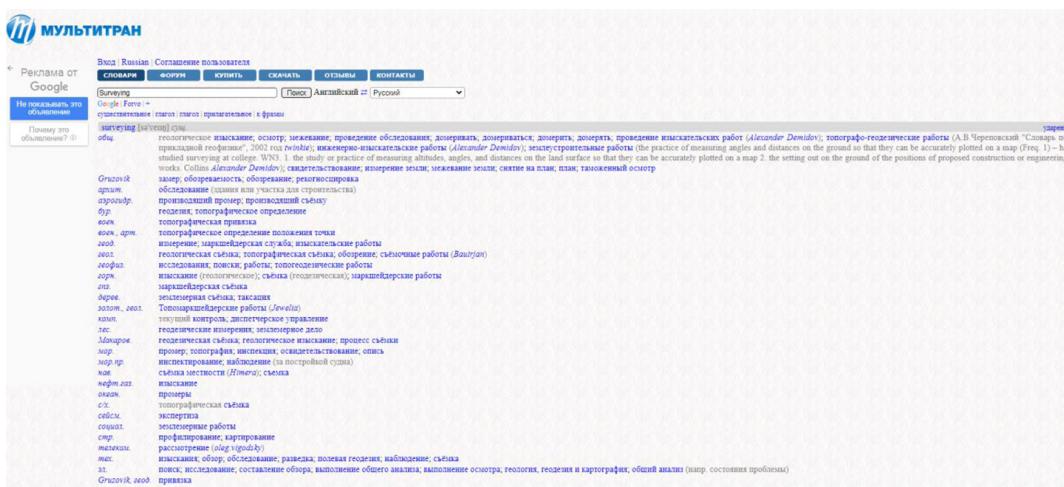

Fig. 1. The term "Surveying" in the Multitran dictionary

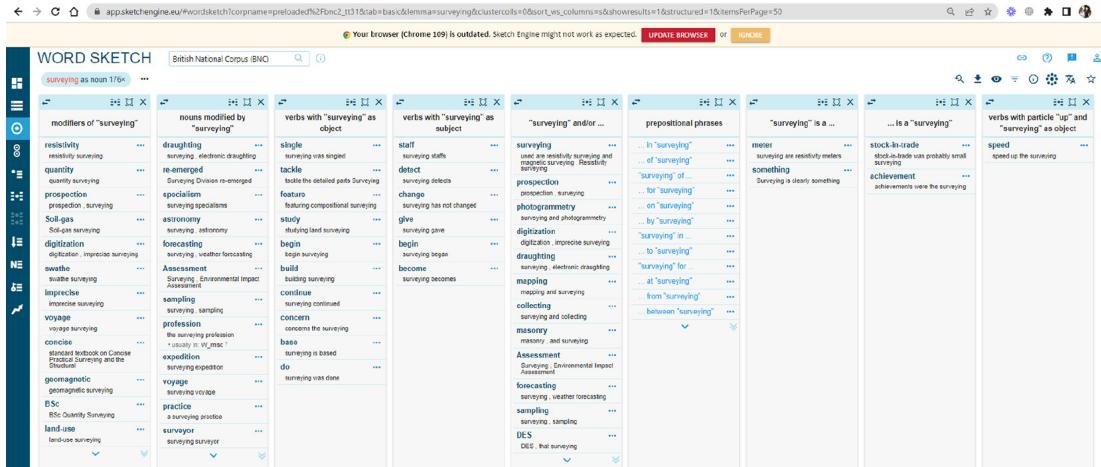

Fig. 2. Results of word “surveying” by Word Sketch platform

3. Metaphors and Metonymy: The term “surveying” is not directly metaphorical. However, it metonymically represents accuracy and detailed investigation.

4. Mental models of perception: In Russian, “геодезия” and “геодезическая съемка” refer to various aspects of surveying and mapping, including both scientific and practical applications.

5. Empirical Data: “Surveying” is a process of measuring and mapping the Earth using specialized tools and techniques.

Considering these aspects, the translation of “surveying” in the geology context is: “геодезическая съемка” or simply “геодезия”. This translation retains all key elements and concepts of the original term, including the process of measurement and mapping. However, the reason of error is necessary to identify. So, the frequency of term usage is checked by Google Ngram Viewer (Fig. 3).

Fig. 3 shows dramatical decrease of usage over the last 150 years which may be a reason of semantical errors made by Group “B”.

The context “There is no record of any angle-measuring instruments, but there was a level consisting of a vertical wooden A-frame with a plumb bob supported at the peak of the A so that its cord hung past an indicator, or index, on the horizontal bar” has complex for translation term “a vertical wooden A-frame with a plumb bob” which denotes an ancient

Egyptian device. The translation error here was due to inadequate extraction. To analyze and translate the term “a vertical wooden A-frame with a plumb bob”, we must consider:

Conceptual Understanding – “A-frame” is a structure, known for its stability. “Plumb bob” is a tool used to establish vertical lines.

Mental Model: Both terms are well-established in the languages.

Metaphorical Usage: “A-frame” metaphorically describes the structure’s shape.

Metonymic Usage: “Plumb bob” is metonymically linked to the concept of verticality.

Empirical data: “A-frame” resembles “A” letter, and “plumb bob” is a tool for checking verticality.

By understanding these cognitive-pragmatic aspects, we can translate the term ensuring preservation of meaning and cultural nuances. The translation and analysis of the term is rendered as “vertikal’naia der- eviannaia A-obraznaia rama s otvesom”. This translation preserves all key elements and concepts of the original term. By conducting the cognitive-pragmatic analysis, Group “A” correctly identified the term and its meaning. This demonstrates the effectiveness of the approach, particularly with complex ones.

Group “B” incorrectly separated it into smaller parts. This led to inaccurate translations like “A-obraznaia opalubka”; “A-obraznaia opornaia rama”; “A-obraznaia necyshaia

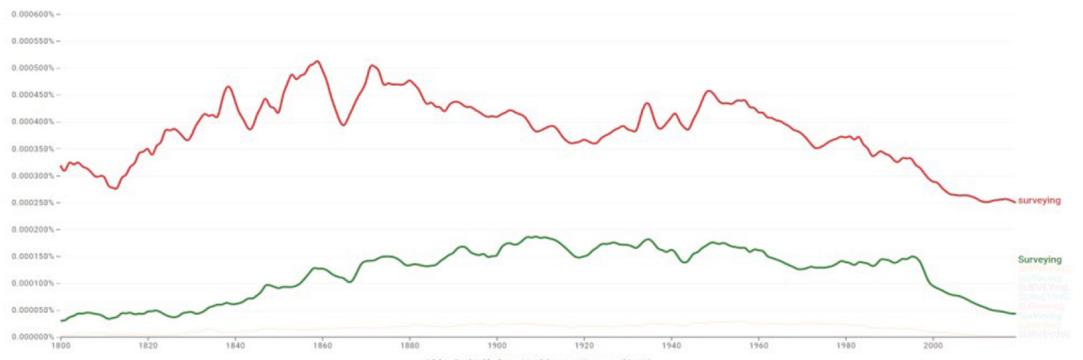

Fig. 3. Term "surveying"

konstruktsia". These translations, while related to construction, are not equivalent to the context. The confusion arose partly due to limited information in corpora (BNC). Additionally, the students' experience with "A-frame" houses influenced their interpretation. The term "A-frame" was misinterpreted due to its changing usage over time bringing to architectural usage.

The text also contains a variety of terms and concepts that in most cases do not cause serious problems in translation and the errors had individual nature.

As evidenced by the cross-section experiment, the inclusion of the cognitive-pragmatic facet of concept and terminology development during the pre-translation stage of translation process contributes to translation quality. By employing the analysis, which enriches pragmatic competence, students can rapidly cultivate the necessary professional expertise in special translating.

Conclusion

In conclusion, it worth noting that the problem of translating scientific-technical literature and special terms is relevant and multifaceted. However, the consideration of terminological contextuality and its influence on semantics is not so popular. When considering the quality of translation, it is necessary to get the linguistic meaning of the term and its cognitive-pragmatic aspect. This is especially important when training specialists in translation of special domain. To achieve high

quality translation, students need carry out preliminary work on developing the terminology system of the text. This step is supplementary used with existing translator methods. Also, usage corpus is necessary to understand pragmatics and note that a term can have several equivalents when it appears as a concept. So, analysis minimizes the possible options and makes it possible to choose the equivalent that meets pragmatic goal. Especially, it helps with the problem of homonymy. Lasswell Formula reduces the likelihood of misinterpreting terms due to homonymy. It is important to remember that not all texts when translated are intended for specialists; some must be adapted for a non-specialized audience. So, incorporating the approach can equip a translator with the tools for deep understanding the context, correctly extract terms and effectively translate them.

The introduction of cognitive-pragmatic aspects in translator training enables students to develop the ability to analyze texts and defend their translation decisions logically and clearly, especially when dealing with technical texts. To improve the quality of scientific-technical translations, it is necessary to develop specialized training programs and conduct research on the direction. This will help address the specific challenges faced by translators. All these measures help improve the quality of translations of special domains, which, in turn, assist in development of science and technology progress. Development of analytical abilities based on cognitive-pragmatic aspect in translation relates to modern realities.

References

- Akbari A., Bazarbash M.G., Alinejadi R. Evaluating pragmatic competence. A case lost in translation training. In: *International Review of Pragmatics*, 2021, 13, 29–60.
- Alekseeva I. S. *Theory and practice of translation*. Moscow. 2008, 184.
- Esembekov T.O., Akimbekova G. Sh. *Modern Translation Processes*. Almaty. Kazakh University, 2023, 202.
- Gavrilenko N. N. Developing informative search skills when translating professionally oriented texts. In: *Bulletin of MGLU Priority directions in teaching foreign languages. Pedagogical Sciences Series*. Moscow. 2011, 12(681). 81–90.
- Gavrilenko N. N. Digital competence as a key component of the translator's professionalism. In: *Bulletin of PNRPU. Linguistics and Pedagogy*, 2018, 3, 139–150.
- Grice H. P. Meaning, In: *The Philosophical Review*, 1957, 66(3), 377–388.
- Guillemin C., Tillmann B. Implicit learning of two artificial grammars, In: *Cognitive Processing*, 2021, 22(1), 141–150.
- Ignatyeva I. G. *Verbal Representations of Background Knowledge in Media Texts and Their Transfer in Translation: A Case Study of "The Economist"*. Abstract of dissertation. Specialty 10.02.20, 2010 [Electronic resource: <https://www.dissercat.com/content/verbalnye-reprezentatsii-fonovykh-znanii-v-mediatekstakh-i-sposoby-ikh-peredachi-v-perevode>].
- Kasper G., Rose K. R. *Pragmatics in Language Teaching*. Cambridge University Press, 2001, 380.
- Kasper G. *Pragmatic development in a second language*. Washington, DC, Wiley, 2003, 364.
- Khau H. A., Nguyen B. Ph. Th., Ngo S. Ph. Students' remarks on Google's translated texts of English proverbs into Vietnamese. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, 17(5), 892–904.
- Komissarov V. N. *Modern Translation Studies*. Moscow, 2011, 408.
- Krhutova M. Pragmatic Aspects of English for Engineering. *International Conference on Engineering Education*. Coimbra, Portugal. 2007, September 3–7.
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London/New York. Longman, 1983, 241.
- Mansurova G. I. *Cognitive Aspects of Translating Phraseological Units*. Abstract of dissertation. Specialty 10.02.20. Ufa, 2006. Electronic resource: <https://www.gavrilenko-nn.ru/upload/pdf/6dc-40c339f2d1221b505fbaa508c80d9.pdf>.
- Morris Ch. W. Foundations of the theory of signs. In: *Semiotics*, Moscow. 2001, 45–97.
- Nord Ch. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. Translated from the German by Christiane Nord and Penelope Sparrow. Amsterdam/Atlanta GA, Rodopi, 1991, 250.
- Omelchenko A. N. (Ed.). *Terminological dictionary of surveying*. Moscow, 1987, 190.
- Oparin M. V. Technical translation. In: *Translation Communication in the XXI Century: Discourse Aspects of Translation: A Collective Monograph*. Shutova, N.M., Borisenko, Iu.A., Zlobina, O.N., Riabkova, I.P., Kuziaeva, O.R., Oparin, M. V. Izhevsk, Udmurt State University, 2019, 252.
- Parshina T. V. About methodics to teach translation-students to technical translation. In: *Intenational scientific Journal "Young Scientist"*. 2016, 19(123), 378–384.
- Pym A. *Exploring Translation Theories*. London, Routledge, 2014, 178.
- Remhe I. N. *Cognitive Aspects of Translating Scientific and Technical Texts (based on Materials of the Metallurgical Industry)*. Abstract of dissertation. Specialty 10.02.20, Tyumen, 2007. [Electronic resource: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/154400/0-768050.pdf?sequence=-1>].
- Sakhnevich S. V. *Overcoming the Polyvariability of Economic Terms*. Abstract of dissertation. Specialty 10.02.20, 1998. [Electronic resource: <https://www.dissercat.com/content/preodolenie-raznoperevodnosti-angliiskikh-ekonomicheskikh-terminov>].
- Sdobnikov V. V. Translation Strategy: A General Definition. Irkutsk, In: *Bulletin of ISLU*, 2011(a), 1(13), 165–172.

- Sdobnikov V. V. Translation Strategy Revised: The Communicative-Functional Approach, In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2011(b), 10(4), 1444–1453.
- Strautman L. E., Gumarova Sh. B. Machine translation in teaching the course of scientific technical translation, In: *Eurasian Journal of Philology. Science and Education*, 2019, 1(173), 226–232.
- Tarakov A., Zhaksylykov A., Musaly L., Adaeva G. *Theory of translation*. Almaty, Kazakh University, 2013, 132.
- Tarnayeva L. P., Ossipova Ye. S. Leveraging Corpus Linguistics Resources in the Training of Professional Communication Translators. In: *Philological Sciences. Theoretical and practical issues*, 2016, 9(63), 205–209.
- Thomas J. Cross-Cultural Pragmatic Failure. In: *Applied Linguistics*, 1983, 4(2), 91–112.
- Vinogradov V. S. *Introduction to Translation Studies: General and Lexical Issues*. Moscow, Institute of General Secondary Education RAO, 2001, 224.
- Volgina M. Iu. Translation terms as the key units of the special text. In: *Perspectives of Science & Education*. 2013, 6, 70–175.
- Vorontsov S. G. The communication model of H. D. Lasswell as an element of methodology of civil Researches. 2019, 414–431.
- Widdowson H. G. On the Limitations of Linguistics Applied. In: *Applied Linguistics*, 2000, 21, 3–25.
- Zhumagaliev T. N., Kuandikhev B. M. (Eds.). *Russian-Kazakh explanatory dictionary of oil and gas geology (in Kazakh, Russian and English)*. Almaty, 2000, 328.

EDN: EGBBGB
УДК 37.018.43 + 316.472.4

Problems of Organization and Realization of Distance Education During the COVID-19 Pandemic in 2020 in the Comments of Social Networks (On the Example of Krasnoyarsk)

Alexander S. Kovalev*

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 09.02.2024, received in revised form 19.03.2024, accepted 29.02.2025

Abstract. The research bases on the analysis of comments from users of popular social networks and presents the reaction of the main participants in the educational process to the transition from traditional to distance education during the quarantine caused by the COVID-19 pandemic in the spring and autumn 2020 in Krasnoyarsk. As in the modern world the opinion formed on the Internet is becoming more significant than scientific research, research is devoted to “public” vision of problems, opportunities and prospects of organizing and implementing the distance educational process. The theoretical framework of the study are publications of S. M. Karpoyan and E. A. Vezhnovets on the specific features and significance of Internet comments which main characteristic is increased subjectivity in assessments and social causality. The process of transition to distance education has divided students, teachers and parents into two polar groups – supporters and opponents of distance learning. Internet users named following significant: the digital incompetence of some participants in the educational process; the inability of students to study educational material on their own; the lack of constructive interaction between the parent community and teachers. Positive reviews contain the following items: parents’ satisfaction with the fact distance education helped to identify the current problems of children in the learning process; expanded educational opportunities; free time for self-study courses.

Keywords: distance education, educational process, pandemic, COVID-19, social networks.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Kovalev A. S. Problems of Organization and Realization of Distance Education During the COVID-19 Pandemic in 2020 in the Comments of Social Networks (On the Example of Krasnoyarsk). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 390–407.
EDN: EGBBGB

Проблемы организации и реализации дистанционного образования в период пандемии COVID-19 в 2020 г. в комментариях пользователей социальных сетей (на примере г. Красноярска)

А.С. Ковалев

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. На материалах анализа комментариев пользователей популярных социальных сетей рассматривается реакция основных участников образовательного процесса на переход от традиционного к дистанционному образованию в период ограничений, вызванных пандемией COVID-19 весной и осенью 2020 г. в г. Красноярске. Рассматривается «общественное» видение проблем, возможностей и перспектив организации и реализации образовательного процесса в удаленном режиме, поскольку в современном мире мнение, формируемое в интернете, становится более значимым, чем научное исследование. Теоретической базой исследования стали публикации С. М. Карпоян и Е. А. Вежновец о специфических чертах и значимости интернет-комментариев, характерной чертой которых является повышенная субъективность в оценках и социальная обусловленность. Процесс перехода к дистанционному образованию разделил обучающихся, родителей и педагогов на две полярные группы – сторонников и противников удаленного обучения. Среди наиболее значимых проблем были названы: цифровая некомпетентность части участников образовательного процесса, неспособность обучающихся к самостоятельному освоению учебного материала, неконструктивность взаимодействия родительского сообщества и педагогов. Положительные отзывы отражают удовлетворенность родителей тем, что дистанционное образование помогло выявить текущие проблемы детей в процессе обучения, расширило возможности получения образования, дало возможность самостоятельно осваивать учебные дисциплины в условиях большего свободного времени.

Ключевые слова: дистанционное образование, образовательный процесс, пандемия, COVID-19, социальные сети.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Ковалев А. С. Проблемы организации и реализации дистанционного образования в период пандемии COVID-19 в 2020 г. в комментариях пользователей социальных сетей (на примере г. Красноярска). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 390–407. EDN: EGGBGB

Введение

В разгар пандемии на одном из телеканалов вышла отечественная научно-фантастическая комедия о путешествиях во времени. По сюжету профессор университета случайно попадает из 1982 в 2020 г.

Читая лекцию в наше время, увидев, что на занятиях студенты черпают знания в интернете и там же дают оценку происходящему на самой лекции, он говорит: «Вы живете в обществе, в котором никто ничего не знает, но имеет мнение по любому вопросу». Увы,

но в этих словах много горькой правды, поскольку в наши дни профессиональное знание часто подменяется общественным мнением, формируемым пользователями различных социальных сетей.

Онлайн-общение путем комментариев не чуждо всем участникам педагогического процесса – вопросы образования активно обсуждаются и родителями, и учащимися, и педагогами. Однако нередко пространство социальных сетей превращается в место публичных конфликтов. Впрочем, социальная сеть представляет собой платформу, предназначенную именно для построения коммуникации и отражения любых взглядов, поэтому общественное мнение, представленное в онлайн-режиме (к сожалению или к счастью), становится не менее значимым, чем позиция квалифицированного эксперта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что переход к дистанционному образованию в условиях ограничительных мер, вызванных COVID-19 в 2020 г., вызвал широкое обсуждение в социальных сетях. Каждая новость, связанная с переходом на удаленный режим обучения, приводила к ежедневному появлению сотен комментариев.

Обсуждение

Несмотря на то что проблемам дистанционного образования в научной литературе внимание уделяется не первый год, именно в период 2020–2021 гг. тема становится крайне актуальной. В рамках настоящего исследования перечислить все статьи, посвященные этому вопросу, и дать им даже самую краткую оценку невозможно, поэтому остановимся только на некоторых из них.

Безусловно, исследований, непосредственно затрагивающих вопросы образования в период пандемии коронавируса в комментариях пользователей социальных сетей, обнаружить не удастся, что во многом определяет новизну представленной работы. Однако вопросы цифровизации, дистанционного обучения (в том числе в период пандемии COVID-19) так или иначе получили отражение в научных публи-

кациях. Эти исследования можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести статьи, в целом посвященные вопросам цифровизации, дистанционного образования, в том числе в период пандемии коронавируса.

Так, Н. П. Копцева говорит о том, что Российской Федерации стремится к тотальной цифровизации, развитию современных цифровых компетенций и совершить переход в новые реалии третьего тысячелетия как можно успешнее (Koptseva, 2021). Е. М. Калина пишет, что использование цифровых ресурсов для организации дистанционного образовательного процесса – ответ на запросы цифровой экономики в целом, поэтому самое главное, что «дистанционное образование изменило привычный уклад жизни всех участников учебной деятельности» (Kalina, 2021). И. В. Кондрashova отмечает, что во время глобальной пандемии коронавируса наступило время для серьезного переосмысливания, обновления и перестройки системы образования во всем мире (Kondrashova, 2020). В специальном исследовании А. В. Менделя дана оценка возможностей доступа образовательных учреждений, учителей и учащихся к телекоммуникационным технологиям, необходимым для реализации дистанционного обучения, оценка наличия у учителей и учащихся компьютерной техники, необходимой для реализации дистанционного обучения (Mendel, 2020).

Наконец, группа авторов-экономистов пришла к выводу о росте конкурентоспособности и эффективности тех, кто активно используют новейшие разработки в условиях пандемии COVID-19. Изучение мнения работодателей и персонала организаций о полученном опыте дистанционной работы позволяет говорить о том, что те, кто до пандемии успешно овладевал дистанционными технологиями, столкнулись с гораздо меньшим количеством проблем при переходе на удаленный режим работы (Gulyakin, 2021).

Во вторую группу следует включить статьи, которые положительно характеризуют процесс перехода к дистанционно-

му обучению. В них говорится о том, что дистанционная форма обучения является естественным процессом, результатом эволюции традиционного образования (Vishneveckaya, 2021).

А. В. Назаров утверждает, что в критической ситуации, вызванной распространением коронавирусной инфекции, дистанционные образовательные технологии успешно прошли проверку на прочность, подтвердили право на широкое применение, и от современного общества, педагогов, обучающихся требуется не отвергать дистанционное обучение, а решать его проблемы, чтобы полноценно использовать преимущества, которые оно дает (Nazarov, 2020).

Некоторые авторы отмечают, что уровень знаний студентов повысился по сравнению с традиционным образованием (Masenov, 2021), а также что все инструменты дистанционного образования даже после прекращения пандемии останутся и будут актуальны при возвращении к классической модели образования (Zalesskiy, 2021).

В третьей группе публикаций должны оказаться статьи, в которых авторы высказывают негативное отношение к дистанционному образованию и его последствиям. Главный упрек заключается в том, что отказ от традиционных форм обучения и переориентация на дистанционную модель в стратегическом плане негативно отражаются на эффективности и качестве высшего образования (Zaharenko, 2021).

М. В. Конышева утверждает, что дистанционное образование привело ни много ни мало к изменению культурного кода общества (Konyshova, 2021). М. В. Старцев единственным достоинством дистанционного образования считает его экономичность. По его мнению, «феномен дистанционного образования помещен в тренд позитивного восприятия», несмотря на значительное количество недостатков, а потому является крайне ангажированным (Startsev, 2020).

М. А. Пикта, Д. Т. Тимофеева и Р. Р. Магомедов не столь категоричны. Считая дистанционное образование в целом положительным явлением, они указывают на его

конкретные проблемы, возникшие в первый период пандемии COVID-19: не в каждом доме была современная компьютерная техника и средства телекоммуникации; быстро перейти на новые цифровые рельсы смогли лишь те образовательные учреждения, которые до пандемии разрабатывали возможности дистанционного обучения; при «дистанте» отсутствует коммуникация обучающихся со сверстниками (хотя это довольно спорное утверждение); наносится вред физическому и психологическому здоровью (Pikta, 2021).

Некоторые авторы заняли промежуточную позицию. Так, К. В. Дрокина (Drokina, 2020) выступает за сочетание традиционного и дистанционного формата обучения в современных условиях, предпочитая не говорить о положительных или отрицательных сторонах удаленного формата обучения. Ю. С. Ашмарова и Н. Е. Отекина отмечают заметные достижения дистанционного образования, а именно: удовлетворение образовательных потребностей студентов, географически расположенных в разных районах страны, создание доступной базы учебных материалов. И в то же время они говорят, как о главной проблеме, о безответственности обучающихся, испытывающих затруднения при самостоятельном изучении курсов (Ashmarova, 2021).

Так или иначе, но во всех этих исследованиях, как бы их авторы не относились к дистанционному образованию в период пандемии, практически не уделяется внимания общественному мнению по отношению к дистанционному образованию. Тем не менее ряд таких публикаций найти удалось.

Д. И. Сапрыкина и А. А. Волохович изучали общественное мнение учителей по поводу внедрения дистанционных технологий и пришли к выводу: «Ситуация оказалась более оптимистичной, чем ее представляли в информационном пространстве в первые дни, когда было объявлено о переходе школ на дистанционное обучение из-за распространения коронавирусной инфекции» (Saprykina, 2020). Опрошенные учителя в основном жаловались на проблемы с на-

личием технических устройств у них самих и в семьях учащихся, на плохой сигнал интернета, на перегрузки образовательных платформ. Обращали внимание педагоги также на эмоциональное напряжение, жаловались на ненормированный рабочий день и перегрузку отчетами и, как результат, на ухудшение здоровья.

В июне 2020 г. группа ученых представила исследование, которое отразило настроения всех участников педагогического процесса в начальный период пандемии: педагоги не прервали образовательный процесс, получали в целом удовлетворительные результаты, а «обучающиеся и родители по-разному преодолевали сложности перехода на дистанционное обучение: от переживания радости до объективных тревог за качество получаемого образования» (Shuruhina, 2020).

И. А. Алешковский с группой коллег проанализировал мнение обучающихся в период пандемии COVID-19, изучив которое, ученые пришли к выводу, что настоящим вызовом для образовательных организаций стал вынужденный переход на дистанционное образование весной 2020 г., а вот плановый переход в удаленный формат осенью того же года был уже предсказуемым и не вызвал столько противоречий: «выраженные весной негативные реакции на работу в дистанте и неприятие такого формата значительной частью участников образовательного процесса к осени 2020 года стали более сглаженными и не носили столь резкого характера». Школы и вузы закончили процесс «цифровой трансформации, а опыт работы в условиях пандемии «изменил общественное мнение от резко негативного восприятия до понимания и принятия его продуктивных форм» (Aleshkovskiy, 2021).

Наконец, еще одну группу исследований составляют публикации, посвященные активизации социальных сетей в период распространения коронавирусной инфекции. С одной стороны, авторами признается, что в условиях пандемии коронавируса интернет-коммуникация стала едва ли не единственным каналом связи, и главной

задачей коммуникации в этот период должно было стать создание в социальных сетях привлекательной и комфортной атмосферы (Shchetinina, 2020). Не вызывает сомнения, что социальные сети могут быть особенно полезны в разгар практики физического дистанцирования, но акцент делается и на том, что постоянное нахождение в социальных сетях может негативно повлиять на физическое и психическое здоровье (Zotova, 2020). В конце концов, исследователи приходят к неутешительному выводу о том, что именно весной 2020 г., в условиях режима самоизоляции впервые произошло нарастание страха в обществе, «благодаря» паническим слухам и дезинформации, распространяемым в социальных сетях, что негативно влияет и продолжает влиять по сей день на психологическое благополучие людей, в первую очередь на нервную систему человека (Setyanova, 2020).

Теория

Прежде, чем перейти к анализу проблем организации и реализации дистанционного образования в комментариях пользователей социальных сетей, следует остановиться на некоторых теоретических замечаниях. С. М. Карпоян, анализируя функции комментариев на различных коммуникативных платформах социальных сетей, отмечает, что комментарий в социальной сети представляет собой выражение личного отношения к окружающей действительности, собственной оценки элементов картины мира, отражающей ключевые ценности человека. Комментируя новость или сообщение другого пользователя, участник виртуального диалога использует определенную коммуникативную стратегию, которую характеризуют:

- идеализированная самопрезентация;
- демонстрация компетентности по обсуждаемому вопросу;
- «психотерапевтическое» переживание неприятной ситуации;
- стремление представить собственные ценности и установки как универсальные для всего общества, а свои оценки – как общезначимые в реальном мире;

– продвижение идей и убеждений, которые заведомо не находят поддержки у собеседников в реальной коммуникации (Kagroouan, 2015).

Как отмечает С.М. Карпоян, автор интернет-комментария фиксирует в тексте в виде мнения фрагменты анализа действий или критики объекта публикации. Интернет-комментарий в социальных сетях является специфическим смысловым полем, формируются, интерпретируются и оцениваются мнения, обладающие субъективным значением и социальной обусловленностью. При этом мнение несет информацию не о самой действительности, а о том образе действительности, который имеется у него в сознании, в силу чего это мнение можно лишь оспорить, но не опровергнуть (Kagroouan, 2015).

Следует также упомянуть ряд особенностей интернет-комментария как жанра. Е.А. Вежновец выделяет следующие специфические черты:

– темпоральная недолговечность – дискуссии, как правило, живут относительно краткое время, и активное обсуждение заканчивается в течение одного-двух дней после возникновения события, и пользователь, «опоздавший» к публикации новости, может никогда не узнать об интересной для него дискуссии;

– «мозаичность» обсуждений – высокая скорость реакции пользователей на те или иные новостные события не позволяет оставлять подробные, развернутые и аргументированные ответы и представлять собой обсуждение отдельных фрагментов события;

– эффект информационной перенасыщенности – новостные события и дискурсы «вокруг» них очень быстро теряют значимость и интерес для интернет-пользователей;

– слабая артикуляция текста и игнорирование правил орфографии и пунктуации, использование обсценной лексики, в связи с чем для более правильного эмоционального восприятия ряд сообщений был отредактирован автором исследования в соответствии с нормами и правилами русского языка.

– ироничность высказываний, сближение с бытовой речью, активное использование междометий, которое призвано снизить эмоционально-жестовую «недостаточность» виртуальной коммуникации (Vezhnovets, 2016).

Результаты исследования

В ходе исследования были изучены 2 725 комментариев к новостям, связанным с дистанционным обучением, оставленных подписчиками публичных страниц красноярских средств массовой информации «ТВК», «Прима», «NGS 24.ru», «Проспект Мира» в социальных сетях «В Контакте», «Telegram», «Facebook»¹, а также сообщения, оставленные на страницах веб-сайтов перечисленных выше СМИ с 18 марта по 25 мая и с 3 ноября по 25 декабря 2020 г.

Только 750 комментариев (27,5 %) оказались содержательными, однако большая часть из них дублировали друг друга, поэтому для дальнейшего анализа были выбраны 187 оригинальных суждений (25 %). Авторами интернет-комментариев являются родители и родственники лиц, обучающихся в школах и вузах г. Красноярска, сами школьники и студенты, педагоги образовательных организаций, а также рядовые пользователи социальных сетей, которых не удалось идентифицировать.

Все комментарии, оставленные пользователями в социальных сетях, следует прежде всего разделить на две большие группы. К первой относятся сообщения, которые отличает отрицательная оценка дистанционного обучения и недовольство переходом к онлайн-обучению, ко второй – положительное восприятие удаленного формата образования.

Сперва рассмотрим комментарии интернет-пользователей, негативно воспринявших переход на «дистант». Так, 6,6 % комментариев содержат суждения отрицательной направленности, не подкрепленные какой-либо аргументацией:

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

«В русском языке – ни в словаре Даля, ни в словаре Ожегова – нет даже такого слова “самоизоляция”, а значит, и вируса нет, так что и в дистанционном образовании смысла нет»

«Очень рекомендую родителям посмотреть в интернете ролик про дистант, как такое образование воздействует на здоровье и способности детей... детям грозит слабоумие»

«Верните детей в школу. У нас нет никаких проблем с коронавирусом, никто не болеет»

«Обычная ситуация – болели и будут болеть, и что теперь – не учиться нормально?»

«Это заговор против России. Если сейчас родители прогнутся под цифровизацию, то мы больше никогда прежней школы не получим! Есть учебники – пусть учатся на бумажных носителях, пишут ручками. Нормальные родители категорически против онлайн-обучения!»

Более конкретными являются комментарии, которые характеризуют проблемы, связанные с непосредственной организацией дистанционного образования (11 % комментариев). В частности, неодобрение вызывали технические недостатки, из-за которых не всегда работали образовательные ресурсы:

«Пытался пройти по каким-то ссылкам – ничего не работает»

«Плохо из-за того, что трансляции, как правило, на каком-то мутном “Зуме”. Да и не у всех учеников есть возможность создать спокойную обстановку»

«Это не “дистанционка”, а просто самообучение по роликам из “Youtube”! Никаких конференций нет, просто призывают задания – делайте сами, новые темы ищите и разбирайте сами, отправляйте на почту ответы, причем у многих учителей даже почты нет своей»

«Записали бы качественно на всю страну учебную программу, выложили, чтобы все могли в удобное время ска-

чать и посмотреть, а уже вопросы по-решать с преподавателем по скайпу или по электронной почте».

Главную причину такой ситуации одни пользователи видели в том, что чиновники от образования ненадлежащим образом выполняют свои профессиональные обязанности:

«Наша сверхдержава... оказалась не готова к такому количеству обращений к сайтам! Но тем не менее, все чиновники взахлеб, перебивая друг друга, докладывают Путину о реализации проектов дистанционного обучения и о том, сколько миллиардов... на это потратили».

Другие перекладывали ответственность за плохую организацию работы учебных платформ непосредственно на учителей:

«Организовано ужасно. Учебные платформы в школах оказались не готовы к наплыву учеников, хотя денежки за это учителя получили от нас, родителей».

Помимо технической стороны проблемы часть родителей жаловались на неоправданную загруженность учащихся заданиями в интернете:

«Считается нормальным скинуть 9 контрольных по математике и время на выполнение задания – одни сутки... Заданий столько, что дети целыми днями сидят за компьютером и делают только математику»... До 15 часов текущего дня мы делаем классную работу и домашку... Вряд ли ребенок сам сможет разобраться со всеми видеоуроками, найти их, включить».

«Пока ребенок делает домашку, я работать... не могу. Так что либо сын учится ночью, либо я работаю по ночам».

«Учитель, ты зачем задание даешь в таком объеме, что оно выполняется не-

сколько часов?!... Просмотреть 4 видео по 11 минут, а потом сделать тест. Как, если ты превышаешь лимит одним только просмотром видео. А если вовремя, по расписанию, не зашел на следующий урок, то прогул или “неуд”».

«У меня дети в двух разных школах. В одной из них – просто кошмар. Электронная школа виснет, кидают в “WhatsApp” просто огромное количество домашних заданий – занимайтесь. Половину учителей вообще не найти, никак не связаться. На выполнение кучи заданий дают полдня, так еще все нужно найти какие-то ссылки, что ребенок сам не может сделать. Все сфот[ографиров]ать и отправить учителю в строго установленном порядке!»

«Учителя иностранных языков выдали такую инструкцию, что захотелось их самих попросить ее прочитать, чтобы поняли, что ребенок сам этого не сделает».

«У дочери в вузе – что попало. Столько навалили! Лекций до карантина было две, а сейчас 17 часов».

Выражали обеспокоенность родители и по поводу того, что не по всем предметам учителя своевременно разместили задания:

«На одни предметы – история, биология – все хорошо, задания есть, времени на изучение и выполнение дается адекватно... Английский, география и прочие предметы – заданий нет вообще. Как материал будем усваивать?..»

Еще одной проблемой при переходе к дистанционному обучению пользовались называли отсутствие материальных средств для того, чтобы школьник мог своевременно и полноценно подключиться к интернету и работать онлайн:

«У меня племянник на дистанционном обучении в деревне, интернет стоит дорого, а у многих школьников вообще нет устройств для выхода в интернет»

«Для того чтобы дистанционно обучаться, купил ребенку компьютер, веб-камеру и подключил скоростной интернет. Кто компенсирует мне затраты, ведь инициатива такого обучения не моя и не нашего школьника, а государства? Взял новый кредит, а потом скажут – взял кредит, сам и расхлебывай!»

Следующая группа негативных комментариев охватывает высказывания, посвященные вопросам самостоятельности детей в рамках дистанционного обучения и помощи им со стороны взрослых (14,6 % сообщений). Больше всего здесь обнаруживается жалоб родителей на то, что у них возникают проблемы с содействием детям в освоении программы онлайн, т.е. по большому счету на отсутствие у себя педагогической компетентности.

Первыми возмутились родители детей, посещающих начальную школу, которые писали о том, как трудно заниматься с детьми 7–9 лет:

«Начальную школу пусть уже избавят от этого ада. Какое дистанционное обучение для второклассника с работающими родителями? Сто тысяч платформ ребенок в 8 лет должен освоить? Что это за сообщение учителя: “Полнота выполнения работы – ответственность родителей”? Мы в отчаянии уже, сил нет до ночи пытаться сделать все, долги как снежный ком».

В то же время родители подростков выражали им:

«В начальных классах родители еще могут как-то помочь детям, в старшей школе – с трудом, остаточных знаний не хватает».

Чаще всего родители крайне эмоционально выражали свое недовольство тем, что им приходится в течение всего дня или после работы заниматься с детьми, помогая им с домашней работой:

«Почему-то никто не подумал о том, что не все родители сейчас находятся дома с детьми, многие родители работают, я прихожу домой в 19:00, мне нужно приготовить ужин, дела по дому, и садиться за уроки, я должна сначала сама изучить тему, по которой учитель дал задание, сделать с ребенком классную работу, объяснить ребенку тему, а потом ребенок делает домашнее задание. Я не учитель, я не знаю, как рассказывать ребенку новую тему. Нам задали выполнить задание на сайте “Яндекса”, скинули еще задания в “WhatsApp”, в него входит два упражнения классной работы и два упражнения домашней работ, плюс еще в рабочей тетради выполнить задания – это все только по одному предмету. По чтению – прочитать текст, ответить на вопросы и выучить стих, записать на видео, как ребенок рассказывает и отправить учителю. Английский язык – как я должна объяснить ребенку тему урока, если я не учила английский язык? Все задания физически невозможно сделать».

«Учителя на бумаге написали задание, скинули родителям в “WhatsApp”, все остальное должны сделать родители – изучить тему урока, объяснить ребенку, выполнить классную работу и домашнюю письменно в тетради и отправить учителю... Стихи учим, записываем видео, как ребенок рассказывает, и отправляем учителю. При всем этом родители работают, вся эта учеба у нас проходит до [глубокой ночи]».

Тем не менее часть родителей прекрасно отдает себе отчет в том, что они неправляются с возникшими трудностями именно потому, что прежде никогда не занимались с детьми или не умеют «правильно подать материал», как это делают учителя:

«Наши дети страдают, так как не каждый родитель умеет правильно объяснить урок».

«В школе дети материал сами проходят, дома делают задания по прой-

денному [материалу], а теперь – объясни и сделай с ребенком задание. У нас, родителей, нервы сдаются, дети ничего не понимают, т.к. объясняет не педагог».

«Приходится самим выполнять роль учителей, дети манипулируют нами, заставляя объяснить каждый урок, и поэтому домашнее задание растягивается на 10 часов».

При этом родители, у которых проблем с домашним обучением в режиме онлайн не возникло, называли других родителей ответственными в том, что их дети не могут самостоятельно учиться:

«Если у вас в пятом или тем более девятом [классе] дети не умеют учиться самостоятельно, мне вас жаль».

«Дети не могут учиться, потому что родители сами распустили своих детей, а теперь пожинают плоды».

«Если дети до этого могли учиться без проблем, то они и сейчас учатся, и не выдумывают проблем и причин...».

«Там же сплошное “открой – прочитай – пойми”, что тут сложного?»

«Есть дети, которые отвечают, есть дети, которых не дозволишься, у них связь неожиданно пропала, [некоторые] просто не хотят отвечать. Лодыри есть везде. Таких и очное обучение не вытянет, они уже не стремятся к нему. Если ваш ребенок не хочет учиться – это недоработка родителей... он ни в школе не научится, ни дома. Помню, как в университете на очке на парах замечательно спали граждане на последних рядах. Ну, и что им дала “очка”??»

«Праведный гнев» у части интернет-пользователей вызывало нежелание родителей заниматься со своими детьми:

«Проблема в родителях. Оказывается, это так трудно – заниматься со своим ребенком»

«Да, от родителей тоже требуется время и внимание к своим детям. А вы как хотели? На то вы и родители!»

«Родители, а в чем “ужас”? Проблема видеть дома своего ребенка? Проблема ребенку самостоятельно учиться? Зачем тогда семью заводить? У меня дома двое детей, учатся нормально, только старшего-ленивого приходится подгонять, чтоб не халтурил».

«Заставили мамок с папками обучать своих чад, вот они и «бесятся». А так-то скинули своих детишек преподам, а сами – деньги зарабатывать и на шмотье их тратить!»

Пытаясь объяснить причины неготовности родителей к реализации своей педагогической компетентности, пользователи социальных сетей нередко обращали внимание на «повальная» неграмотность взрослого населения:

«... родители в чаты учителям не пишут, а сбрасывают голосовые сообщения. Потому что сами такие же необразованные, как и их дети».

«Если полистать родительские чаты и посмотреть на грамотность, то становится вполне понятно, почему сложно. Может быть, уважаемые родители, это время вам дано, чтобы и на свое образование обратить внимание?».

«Большинство родителей, моих сверстников, которые против дистанционного обучения, – это необразованное быдло, я это вижу не только онлайн, но и на простых родительских собраниях. Они и пишут в мэрию жалобы на образование, на школьные процессы, на учителей. А сами двух слов связать не могут и, самое главное, они этого даже не понимают!».

Конечно, среди родителей нашлись не только критики, но и те, кто пытался давать определенные жизненные советы, как наладить процесс дистанционного обучения:

«Родителю надо помочь быть в состоянии объяснить ребенку тему, вместе с ним разобраться, что он не понял».

«Тем, кто детей обучает в форме семейного образования, оказалось проще всего. Рекомендую... обратиться к ним за советом о том, как организовать учебный процесс, как замотивировать школьника на учебу».

«А бабушки и дедушки почему не помогают? Я, например, помогаю внучке освоить дистанционное обучение».

Одним из самых обсуждаемых вопросов стала неготовность педагогов работать в дистанционном режиме, цифровая некомпетентность учителей школ и специфика их деятельности в период онлайн-обучения (23,1 %). При этом важно разделить весь поток комментариев на две группы: видение проблемы со стороны общественности и со стороны самих учителей.

Большая часть интернет-сообщества в отношении цифровой компетентности педагогов высказалась отрицательно:

«Учителя не готовы, в цифровых технологиях – ноль!».

«Учителя на дистанционных уроках отсутствуют, на вопросы не отвечают... Проблема не в платформах, а в общей некомпетентности директоров школ и учителей».

«Не все учителя владеют дистанционными технологиями: например, учитель говорит, что все выложил, заходиши, смотриши, а там – неработающие ссылки или вообще ничего нет»

«Нет смысла мучить компьютерами 70-летних “Марь Иванн”».

Часть родителей больше возмущала не профессиональная неготовность педагогов, а несправедливость того, что те продолжают получать зарплату, хотя ничего не делают для того, чтобы облегчить процесс обучения:

«А что училике? Скинула задания, пошла жрать и получать зарплату за месяц, как будто действительно отработала урок».

«Ну да, учителям можно и год на самоизоляции сидеть, неплохо так-то, на нашей шее сидеть, ничего не делая».

«Дети мучаются дистанционно, а педагоги получат доплаты. А за что?»

«За что **плотят** учителям? Они через интернет преподают всякую **ересь**. Страшно за **будущее** наших детей (*выделено мной – A.K.*)».

Всего два раза встречается профессиональное мнение педагога общеобразовательной школы относительно подготовленности учителей к организации учебного процесса в сети:

«Как преподаватель могу сказать, что онлайн-обучение имеет ряд своих специфических особенностей. Одной из ключевых особенностей является подготовка педагога к такому формату обучения. Поверьте, это может быть и интересно, и эффективно, но лишь при условии наличия соответствующих компетенций учителя. Педагоги в панике должны осваивать новые технологии (нельзя забывать, что высокий процент педагогического состава российской школы – это люди элегантного возраста), способы подачи материала (а они не должны быть на дистанционке просто скопированными с очного формата!!!) и адаптировать задания к формату онлайн. Это сложно, и это требует времени. Ситуация сейчас сложилась таким образом, что дети, которые не умеют учиться онлайн, вынуждены учиться у педагогов, которых никто к такому формату не готовил».

«Скажу, как учитель: большая часть арсенала наших методов рассчитаны на прямой контакт и оперативную реакцию ученика. Переход на дистанционное обучение – это нормально, но нельзя к дистанционному обучению применять те же нормы, что и к классной работе. Это другой формат! Требовать от ученика 6 часов онлайн – явный [перебор], но вряд ли у Минздрава есть

готовые рекомендации по охране труда всех участников процесса».

Остальные учителя (и их родственники), принявшие участие в онлайн-дискуссиях, говорили больше не о проблемах перехода к дистанционному формату и собственной успешности в процессе этого перехода, а о тяжелых условиях труда, в которых они оказались:

«Не хотите учителей спросить? Сколько времени я провожу за компьютером, разрабатывая уроки, презентации, [трачу на] загрузку... Мой учительский, 8-летний ноутбук скорее всего не выдержит такого "счастья"».

«Учителя воют. Если у математика шесть классов, то это почти 180 работ в день. Нужно проверить, выставить оценки. Приготовить новые конспекты и планы на другой урок!!!».

«Ад для учителей! У меня мама – учитель в простой школе, компьютеров нет в половине семей! Для вас это дикость, но у нас до сих пор половина учителей на грани бедности, для них компьютер – это роскошь!»

«Часть учеников учим по скайпу, потом то же самое по "WhatsApp", потом отдельно то же самое – просто по телефону. По сути – тройная работа, которая оплачивается как обычно».

«Вы даже не представляете, как рыдают учителя, но еще больше рыдают домочадцы учителей. Ведь именно им приходится помогать учителям отправлять по 30 раз на почты родителей задания детей, а родители упорно делают вид, что ничего не получили».

«Администрации школ гавкают на учителей, так как учителя не предоставляют вовремя отчеты о количестве детей, получивших домашнее задание онлайн, количество детей, сделавших домашнее задание. А как сделать такой отчет, если не только дети, но и родители с пятого-шестого раза делают вид, что так и не получили домашнее задание».

Разница в оценке педагогической деятельности со стороны общественности и родителей, с одной стороны, и педагогов – с другой очень показательна: основные участники образовательного процесса говорят на разных языках, их волновали и волнуют совершенно разные вопросы. Разногласия в оценке цифровой готовности педагогов школ невольно обострили еще одну проблему – взаимодействие педагогов и родительского сообщества.

Претензии родителей учителям касались того, что учителя плохо выполняют свои профессиональные обязанности в школе, и что именно на педагогах лежит ответственность за неумение детей самостоятельно учиться дома в период пандемии:

«Это минус системы образования, что не научила детей добывать знания самим».

«Дорогие родители! Вот мы и увидели, что в школе учителя наших детей ничему не учили. Поэтому все так печально, и сейчас вы вынуждены переучивать ваших детей!»

«Никто не понимает, что родители работают. Не все, как **бездельники-учителя** (выделено мной – А.К.), сидят дома и могут целый день учить детей вместо школы, разбираться с требованиями каждого учителя, которые он придумал, сидя у себя дома в санузле. Школа должна приспосабливаться к ситуации, а не пытаться выехать, по стиринке просто увеличив “домашку”. Нужно облегчать родителям работу! От непрофессионализма учителей просто руки опускаются. Чему вы учите детей, если свою работу наладить не можете?!»

«Учителя не хотят учить и без карантина, на собрании говорят, что только родители должны заниматься с детьми».

«Раньше учителя учили учиться, а сейчас только преподают материал».

«Система образования не работает, потому что у моего ребенка нет интереса к учебе, и учителя ничего не сделали, чтобы пробудить его, ни до дистанционного обучения, ни после».

«В мое время, в 1990-х, родители на трех работах работали. О том, что они школе что-то должны, и речи не было. Чтобы школа предъявляла родителям, мол, вы должны учить, никогда такого не было. Вот тогда школа учила почему-то, а не давала знания, а родители только контролировали “домашку” и где-то помогали».

«Пекарь печет, врач лечит, милиционер охраняет, солдат защищает, а учитель учит. И если все нормально функционирует, значит, родители работают, а дети учатся... Дети показывают сделанные уроки, исходя из тех знаний, которые в них вложил учитель. Потому как учитель долго учился тому, чтобы уметь эти знания дать детям. А родители могут только закрепить, учитывая те знания, что получил в детстве сам и учитывая тот опыт, что приобрел за годы жизни. А сейчас я помогаю своим детям и каждый раз допускаю какие-то ошибки. Детей больше учат тому, чтобы правильно оформляли, дети перестают мыслить и рассуждать».

Учителя, в свою очередь, платили родителям той же монетой, обвиняя их в том, что те не хотят быть педагогами и воспитателями для собственных детей:

«Родители оказались не готовы к такой форме обучения, поэтому дети сами не умеют учиться».

«Родители считают, будто обучением должна заниматься только школа, а на дому прорабатывать... необязательно – школа ведь обязана обучить. А [родители] за время обучения ребенка не вникали в него ни разу».

«Родителям сейчас важно понять, что их дети намного умнее и сообразительнее, чем думают. Разобраться в элементарной платформе с базовыми заданиями, рассчитанными на их уровень,

учащиеся способны, им просто нужна помощь не только учителя».

«Взаимопонимание и взаимопомощь должно быть между школой и родителями, а их нет. Каждая из сторон перекладывает друг на друга ответственность. Многие родители наотрез отказываются заниматься детьми, с них работы достаточно... А теперь сами не знают, как объяснить, заинтересовать, а в итоге ребенок теряет интерес и желание учиться».

«Многие родители срывают злость на школе, обвиняя ее в том, что является их собственными пробелами в воспитании».

Досталось родителям от учителей в комментариях и за низкий уровень общей культуры:

«Что вы хотите от родителей, если они даже не понимают, что нужно выключать у себя звук, чтобы слышно было только учителя, а не то, как родитель ругает своего ребенка».

«Во время онлайн-уроков на заднем плане все время шепчет мама, а папа в трусах с пивом дефилирует».

Немалую часть составили сообщения, в которых педагоги с изрядной долей злорадства и сарказма призывали родителей попробовать себя в роли педагога и научиться ценить труд учителя:

«Родители, вы все время раньше выли, какие сейчас плохие учителя, и какая вообще школа ужасная. Вот теперь у вас есть возможность протестировать себя в роли учителя. Понравилось?»

«Ох, как же поменялась риторика у родителей в отношении учителей! С “Учителя – никчемные идиоты” на “Мне тяжело сидеть дома с неуправляемыми детьми, помогите!”»

«У многих родителей открылись глаза на то, что это не мы, учителя, плохие, а их дитяшки просто глупые до одури».

Общая положительная оценка перехода к дистанционному обучению отразилась всего в 3 % комментариев. Однако, в отличие от сообщений, оставленных «принципиальными» противниками дистанционного обучения, сторонники нового формата всегда объясняли свою позицию, в частности, заботой о своем здоровье и здоровье своих детей, проблемами высокой заболеваемости среди педагогов.

«Страна пытается уладить [проблему с] количеством[м] заражённых, поэтому и вводится дистант. Если важна учёба – есть интернет. Сейчас все в доступе. С помощью видеоуроков можно прекрасно все выучить. Или Вы принципиально хотите, чтобы Вашего ребёнка обучали учителя? Можно найти все самому, а не говорить, что учителя плохие или школа, или времени нет. Не можете учиться, значит, не так Вам это и нужно».

«Я тоже за дистант! Потому что уже все знакомые переболели и подцепили от ребенка из садика и школы!!! Потом идет цепочка, и болеет вся семья! А если детей более двух, вы знаете сколько стоит всем вылечиться? Прилично выходит! А если у некоторых осложнения, то болеем месяца полтора!.. И все это потому что в период эпидемии вовремя не прерывают уроки, не соблюдают ни черта, ходят больные на работу и детей своих водят больных – и наплеватель, что уже все болеют».

«У нас учителя болеют, но ходят и учат, т.к. есть распоряжение сверху. Вот будет весело, когда все учителя заболеют. Педагог наш с потерей нюха и вкуса учила деток, пока не свалилась окончательно, перезаразила всех в классе. Зато УЧИЛА ДЕТЕЙ НЕ ДИСТАНТОМ!! Что это дало? Лично нам – болезнь всей семьи, приобретение аутоиммунного заболевания, проблемы с гормонами. Я-то знаю, что это, на своей шкуре».

Среди иных причин положительного отношения к переходу на дистанционное образование (10,9 % комментариев) можно выделить следующие.

1. Удовлетворенность родителей тем, что оно помогло выявить проблемы детей в процессе традиционного обучения: «Выявилось много неусвоенного. Неделю учили английский, теперь знаем врага в лицо. Раньше ребенок гулял, теперь за уроками целый день».

2. Присмотр за детьми: «Чем вы вечно недовольны? Дети дома, под присмотром, есть возможность побывать, поучиться вместе».

3. Свобода выбора и расширение возможностей получения образования: «Теперь можно образование разделить на реал[ьное] и виртуал[ьное]. Пусть каждый выбирает свое».

4. Воспитательные (дисциплинирующие) причины:

«Мои дети на дистанте более внимательные в учебе, чем посещая школу – там, только чтоб всех угомонить, учитель тратит время урока...».

«Сын в третьем классе, сидит, выполняет, ему так больше нравится, потому что с усидчивостью у него плохо, а тут можно и ногами поболтать и вслух порассуждать».

«При очном обучении пол-урока уходит на шуршание тетрадок, возни, обвинения какого-то нерадивого ученика, предупреждения, уговоры... Родителям подавай очку... мол, в школе за ними смотрят учителя, дети учатся и ерундой не маются. Наивные...»

Как и в случае с комментариями, содержащими отрицательные коннотации в отношении организации дистанционного обучения, целый ряд высказываний содержит положительные характеристики (10,2 % комментариев):

«Школа у нас не элитная, самая обычная, но вся информация есть на сайте школы, все расписание и ссыл-

ки на платформы, все понятно и доступно».

«Конечно, есть сбои платформ, не рассчитанных на такую нагрузку, и некий сумбур с организацией, но все это решается оперативно, учителя стараются распределить нагрузку на разные платформы, если по техническим причинам что-то у детей не получается, никто не нагнетает обстановку, тем более что большинство ресурсов используется уже не первый год и все с ними знакомы. Конечно, это не привычно, но “адом” я бы дистант не назвала».

«Я наблюдаю, как учится мой ребенок: идет урок, по видео учитель все объясняет».

«Задания по всем предметам разработаны. Хорошо всем – и детям, и учителям, отличные упражнения. Жаль, что к нам нельзя попасть другим ученикам».

«В школах с “тем уровнем” все работает, задания придуманы нормальные, детям нравится учиться удаленно».

«Преподавание очень понятное, материалдается так, что понимаю даже я, теперь и я (!) могу решать задачи по физике, химии. Домашние задания интересные, никто не теряет конспектов... Программы все работают, никаких сбоев. Мы с дочкой счастливы».

«Ребенок учится в 5-м классе, были уроки – видеоконференции с учителями, все ясно и понятно».

«Моя дочь-учительница проводит онлайн урок русского языка для учеников 6 класса. На связи весь класс. Все четко, ясно, работа идет. Я не вижу, чтобы у детей были трудности. Родители больше паникуют. У детей с интернетом все нормально».

«Спасибо интернет-обучению!.. В результате у нас гораздо улучшились оценки... никто не давит на ребенка, не орет, нет предвзятости в выставлении оценок. Дочка отлично усваивает материал по программе».

Те, кто был удовлетворен процессом дистанционного обучения, часто в каче-

стве дополнительного аргумента указывали на то, что переход к интернет-обучению предоставил им больше свободного времени, причем это отмечали и сами школьники, особенно те, кто в первой половине года готовился к единому государственному экзамену, и родители:

«11 класс, все отлично, удобно и экономит кучу драгоценного времени».

«Освободилось больше времени на свои занятия у ребенка».

«Теперь наконец-то много времени остается для подготовки к поступлению в вуз».

О способности школьников и студентов самостоятельно учиться в рамках дистанционного формата упоминается в 8,1 % комментариев.

«Как правило, у тех, у кого очно не было проблем, кто умел самостоятельно заниматься, их нет и сейчас. А у тех, кого приходилось учителям “натаскивать”, все и обострилось...»

«Дочь сама зарегистрировались в программе, спокойно выполняет задания. Задачки, кстати, совсем легкие».

«Дома двое школьников на дистанционке, все успевают, сами все делают, мы с мужем к ним даже не подходим».

«Мой студент третью неделю на дистанционке, никаких проблем. Первую неделю пытался расслабляться, но потом осознал, что его домой учиться отправили, а не дурака валять».

«Старший ребенок учится в вузе, находятся на дистанционном обучении. Все у них хорошо, все отлажено. Вебинары проходят каждый день, придраться ся не к чему!».

«У меня тоже ребенок на дистанционном обучении, и никаких проблем нет. Занимается сам по тому же расписанию, что и в школе, с переменами».

«Дочь целый день пытается учиться!!! Хорошо, что отличница и сама разбирается!»

«Три ребенка на удаленке. Сидят и учатся, когда не виснет. Зависло – нашли другой ресурс или читают. Отвисло – продолжают. При этом я трачу на них максимум 5 минут. Просто мы с мужем давно научили их учиться».

«Старшая дочка (8-й класс) сама все делает, учит темы, выполняет все задания, только с геометрией помогаем. Вторая дочь (7-й класс) старается сделать все сама, но все равно помогаем. Сыну (4-й класс) объясняем темы с мужем, а как без этого? Дети к дистанционному обучению подошли ответственно».

Безусловно, среди тех, кто был полностью доволен дистанционным образованием, были сами обучающиеся. Во «взрослых» интернет-спорах они принимали участие редко, но тем не менее в 8,8 % комментариев была обнаружена их позиция относительно изменения формата обучения. Кстати, следует отметить, что среди школьников, которые оставляли комментарии в социальных сетях, недовольных дистанционным обучением не было вовсе.

В первую очередь и пятиклассники, и выпускники были довольны тем, что не нужно рано просыпаться и идти в школу:

«А меня все устраивает, я рада, что не надо ходить в школу»

«Вчера скинул решение по математике учителю в час ночи, потом играл по сети. Сегодня проснулся в 10, друзья по школе еще спят. Перевернулся и снова уснул. В 12 встал».

«Не надо тратить время на путь до школы. Встаешь за 5 минут до начала».

Учащиеся также не видели особых проблем с тем, как организовано обучение, как они получают задания и выполняют их:

«Нам очень нравится дистанционное обучение. Наши учителя составляют интересные красочные уроки

с видео и фото по темам и закачивают на “Google диск”».

«Я какие-то задания смотрю на «Яндексе», какие-то на других сайтах, некоторые распечатываю, какие-то в тетрадях выполняю».

«Наш физрук сильно не лютует – раз в неделю заполненную таблицу с количеством выполненных упражнений просит».

«Никаких проблем, все открывается, все работает. Хоть бы продолжить обучаться удаленно и после окончания пандемии».

«Столько учебного видеоматериала есть в интернете по любой теме и любому предмету, что и самому учиться можно».

В целом можно сказать, что десятая часть участников интернет-диалога были вполне удовлетворены организацией дистанционного образования и возможностью учащихся самостоятельно осваивать учебные материалы.

Наконец, среди положительных комментариев нередко обнаруживались специфические, спорные и противоречивые суждения (3,7 %), которые нельзя объединить в какую-либо группу высказываний, но они позволяют окончательно составить представление о тех, кто выдает свое мнение за мнение большинства:

«Я готова даже дальше платить небольшие деньги за такое образование, лишь бы лично не общаться с учителями».

«Дистанционное обучение – это мелочи! Сидит себе чадо за компом, хоть дома потише. А вот то, что муж по дому слоняется, а эти спиногрызы целый день жить не дают – вот проблема! То им приготовь, то поиграй, уборка каждый день! Раньше хоть с подругами в кафе можно было сходить, сейчас все позакрывали!.. Вот где горе горькое...».

«Даешь дистант! Сплошная экономия на жутких школьных завтраках, которые ребенок все равно не ест».

«Бонусом отсутствие не только коронавируса, но и всех остальных вирусов, которые ребенок регулярно цеплял в школе. Надеюсь, пандемия продлится подольше – хоть вирусов не нацепляем».

Заключение

Подводя итоги, следует в первую очередь отметить, что противников дистанционного образования среди пользователей социальных сетей в 2020 г. было выявлено немного больше – 55,3 % против 44,7 % сторонников. Нельзя считать, что результаты этого исследования отражают реальное положение вещей, однако таково общественное мнение современной эпохи, и его нельзя не учитывать при разработке и реализации новых информационных технологий. В эпоху смартфонов, планшетов и родительских чатов мнение, формируемое в интернете, становится более значимым, чем любое, самое детальное научное исследование.

Введение дистанционного обучения обнажило те проблемы, которые и так всем хорошо известны, но самой большой проблемой остается цифровая подготовка учителей, а также взаимодействие родительского сообщества и педагогов.

В этой связи важно продолжить исследование – выяснить, что нужно ребенку, чего хотят родители, каким должен быть педагог цифровой эпохи. Очевидно, что стандарты и учебные планы должны учитывать специфику увлеченности подрастающего поколения гаджетами и сетевыми технологиями, повернуть их возможности в сторону образования, сделать полезными. Родителям, в свою очередь, следует рассматривать современные средства связи не только как инструмент контроля за деятельностью педагогов и выражения собственного мнения, но и как работающий с отдачей механизм связи со школой и собственными детьми. Наконец, от педагога XXI века, уже прошедшего через дистанционное образование, требуется не отказываться от возможностей электронного обучения, а создавать

некую «смешанную» модель, где будут органично сочетаться достижения традиционного и актуального дистанционного образования.

Список литературы / References

- Aleshkovskiy I. A., Gasparishvili A. T., Kruhmaleva O. V., Narbut N. P., Savina N. E. Students of Russia about learning during the COVID-19 pandemic: resources, opportunities and evaluation of studying remotely. In: *RUDN journal. Series: Sociology*. 2021, 2, 211–224.
- Ashmarova Yu.S., Otekina N. E. Distance education. In: *Agroindustrial complex: innovative technologies*. 2021, 2, 43–46.
- Drokina K. V. Distance education in universities: advantages and disadvantages. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, 9–2, 46–48.
- Gulyakin D. V., Gorbachev A. Yu., Rezvyh V. A. Social and economic aspects of virtual construction in a pandemic. In: *Russian Economic Bulletin*, 2021, 1, 54–58.
- Kalina E. M. Pandemic as a new challenge for the education system. In: *Innovative potential of science development in the modern world: achievements and innovations*. 2021, 117–123.
- Karpoyan S. M. Commentary functions on various communicative platforms of social networks. In: *Humanities, Socio-Economic And Social Sciences*. 2015, 11–2, 242–245.
- Kondrashova I. V. Distance education: then and now. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020, 12–1, 114–118.
- Konysheva M. V. Distance education as a signal of changing the cultural code of society. In: *Countries. Languages. Culture*. 2021, 59–62.
- Koptseva N. P. Review of the Book by Eric Schmidt and Jared Cohen “The New Digital World. How Technology is Changing People’s Lives, Business Models and the Concept of States». In: *Digitalization*, 2021, 3, 8–18.
- Masenov K. B., Abubekirova A. SH., Tungush A. Zh. Distance education: new opportunities, new views. In: *The Scientific Heritage*, 2021, 63–1, 3–5.
- Mendel A. V. The practice of distance education, including in the context of a pandemic. 2020. Available at: https://ioe.hse.ru/school_distant.
- Nazarov A. V. Distance education: a test of strength. In: *Higher education today*. 2020. 8, 2–7
- Pikta M. A., Timofeeva D. T., Magomedov R. R. Pandemic and distance education. In: *Problems and prospects of introduction of innovative telecommunication technologies*. 2021, 501–506.
- Saprykina D. I., Volokhovich A. A. Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers. Moscow, 2020, 32.
- Setyanova E. B., Vorobyeva E. V. On the impact of the COVID-19 pandemic on the mental health of the population. In: *Ananyev readings – 2020: Psychology of service activity: achievements and prospects of development (in honor of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945)*, 2020, 1036–1037.
- Shchetinina N. N., Gundarin M. V., Romanov I. V. Internet communications of Russian universities in a pandemic. In: *PR and advertising in a changing world: Regional aspect*. 2020, 23, 61–71.
- Shuruhina T. N., Dovgal’ G. V., Gluhih E. V., Klyuchnikov D. A. Analysis of the first results of the transition of Russian education to distance formats during the world epidemic COVID-19. In: *Modern Problems of Science and Education*. 2020, 6, 15–25.
- Startsev M. V. Distance education: and where are the advantages? In: *Gaudeamus*, 2020, 2(44), 99–106.
- Vezhnovets E. A. Comments on social networks: production and reproduction of Internet discourse. In: *Modern discourse analysis*. 2016, 2(15), 35–58.
- Vishneveckaya V. V. Distance education: pros and cons. In: *Youth Bulletin of the Novorossiysk branch of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*, 2021, 3, 60–65.

Zaharenko N. A., Klochkova A. V. Distance education in higher school: pros and cons. In: *Bulletin of the Moscow University: Law*. 2020, 4, 80–95.

Zalesskiy M. L. Distance education. Pandemic: work on mistakes. In: *School technologies*. 2021, 1, 51–61.

Zotova O. Yu., Kovalenko A. V. The influence of social networks on adolescents during the COVID-19 pandemic: positive and negative aspects. In: *Transformation of psychological security of the individual and society during the pandemic*. 2020, 35–41.

Physical Education

Физическая

культура

EDN: EPZXKE
УДК 612.017.2

About the Possibility of Managing the Training Process Using Predictive Models Based on Artificial Intelligence

Kirill P. Bazarin^{*a,b}, Sergey I. Bartsev^b
and Viktor N. Kovalev^c

^a*KGKU “Krasnoyarsk Institute for the Development
of Physical Culture and Sports”*

^b*FSBSI FRC KSC SB RAS Separate subdivision
“Institute of Biophysics of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences”*

^c*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 22.03.2022, received in revised form 23.12.2024, accepted 29.01.2025

Abstract. To assess the possibility of effective application of predictive systems based on artificial intelligence for planning the training process. The study involved 155 athletes, representatives of various sports. Male sex – 96 people, average age 24.34 ± 3.54 years; female sex – 59 people, the average age was 23.12 ± 2.3 years. The control group consisted of 101 people who did not experience high systematic physical exertion. Male 53 people, mean age 23.17 ± 2.54 , female – 48. The average age was 22.12 ± 3.01 years. A complex of neural networks was formed, allowing to predict a number of key indicators of physiological reactions of the blood system in the dynamics of the annual training-competitive cycle in qualified athletes. A series of virtual experiments was carried out in which the possibility of avoiding the development of decompensation was studied by varying the acting factors. The average accuracy of the neural network model was 96.9 %, which is a fairly high indicator for predicting biological processes. The results of virtual experiments demonstrate a reliable correspondence to the subgroups in which the real acting factors corresponded to the model ones. The possibility of effective application of predictive systems based on artificial intelligence for planning the training process has been demonstrated.

Keywords: physical activity, sports, neural networks, artificial intelligence, digital twin, individualization of training, digitalization.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Sport.

Citation: Bazarin K. P., Bartsev S. I., Kovalev V. N. About the Possibility of Managing the Training Process Using Predictive Models Based on Artificial Intelligence. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 410–416. EDN: EPZXKE

О возможностях управления тренировочным процессом с использованием прогностических моделей на основе искусственного интеллекта

К.П. Базарин^{a, б}, С.И. Барцев^б, В.Н. Ковалев^в

^aКГКУ «Красноярский институт развития физической культуры и спорта»

^бФГБУН ФИЦ КНЦ СО РАН Обособленное подразделение

«Институт биофизики Сибирского отделения Российской академии наук»

^вСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Цель исследования – оценить возможность эффективного применения предиктивных систем на основе искусственного интеллекта для планирования тренировочного процесса. В эксперименте приняли участие 155 спортсменов, представителей различных видов спорта. Мужской пол – 96 человек, средний возраст $24,34 \pm 3,54$ лет; женский пол – 59 человек, средний возраст составил $23,12 \pm 2,3$ лет. Контрольная группа состояла из 101 человека, не испытывающих систематических высоких физических нагрузок. Мужской пол – 53 человека, средний возраст $23,17 \pm 2,54$, женский – 48, средний возраст $22,12 \pm 3,01$ лет. Был сформирован комплекс нейросетей, позволяющих с высокой точностью прогнозировать ряд ключевых показателей физиологических реакций системы крови в динамике годового тренировочно-соревновательного цикла у квалифицированных спортсменов. Проведена серия виртуальных экспериментов, в которых изучалась возможность избежать развития декомпенсации, варьируя действующие факторы. Средняя точность работы нейросетевой модели составила 96,9 %, что является достаточно высоким показателем для прогнозирования биологических процессов. Результаты виртуальных экспериментов демонстрируют достоверное соответствие подгруппам, в которых реальные действующие факторы соответствовали модельным. Продемонстрирована возможность эффективного применения предиктивных систем на основе искусственного интеллекта для планирования тренировочного процесса.

Ключевые слова: физическая нагрузка, спорт, нейросети, искусственный интеллект, цифровой двойник, индивидуализация подготовки, цифровизация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.5. Теория и методика спорта.

Цитирование: Базарин К.П., Барцев С.И., Ковалев В.Н. О возможностях управления тренировочным процессом с использованием прогностических моделей на основе искусственного интеллекта. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 410–416. EDN: EPZXKE

Введение

Современным этапом развития стала персонализация тренировочного процесса, основанная на возникновении возможности получения всесторонних объективных данных о состоянии организма. Дальнейшее развитие ведущие специалисты видят в создании предиктивных методов построения тренировочного процесса, в основе которых лежит использование интеллектуальных систем поддержки принятия решений и создание цифровых двойников спортсменов. Это позволит предельно точно рассчитывать время, характер и объемы нагрузок с максимальным тренирующим эффектом конкретно для данного спортсмена в данный период времени, планировать восстановительные мероприятия, подводить спортсмена к ответственным соревнованиям на пике формы (Gámez et al., 2020; Giménez et al., 2020; Vales-Alonso et al., 2010). О необходимости обеспечения использования технологии искусственного интеллекта организациями спортивной подготовки и общероссийскими спортивными федерациями по видам спорта и о проведении сопутствующих научно-исследовательских работ говорится в Ведомственной программе цифровой трансформации Министерства спорта РФ на 2021–2023 гг. Прямыми следствием создания подобных систем, а также накопления спортивных больших данных является возможность совершения качественного скачка в системе спортивного отбора и выбора специализации. Развивая данный подход, мы сможем индивидуально формировать оптимальную траекторию спортивного развития для каждого человека с раннего детства до пожилого возраста, что особенно важно в условиях поставленных приоритетов достижения численности систематически занимающихся физической культурой и спортом 70 % к 2030 г. (Rasporjazhenie Pravitel'stva..., 2020).

Большое значение имеет возможность тиражирования максимально эффективного опыта. Сейчас очень часто значение имеет интуиция, опыт конкретного человека – тренера, спортивного врача. Однако если мыслить не в рамках отдельной спортивной команды, а целой страны, то для

достижения максимальных результатов каждый спортсмен должен иметь доступ к самому передовому опыту. Это возможно только в условиях цифровизации отрасли физической культуры и спорта и возникновения аналитических систем, помогающих тренеру управлять тренировочно-соревновательным процессом.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 155 спортсменов, представителей различных видов спорта. Мужской пол – 96 человек, средний возраст $24,34 \pm 3,54$ лет; женский пол – 59 человек, средний возраст составил $23,12 \pm 2,3$ лет. Контрольная группа состояла из 101 человека, не испытывающих систематических высоких физических нагрузок. Мужской пол – 53 человека, средний возраст $23,17 \pm 2,54$, женский – 48, средний возраст $22,12 \pm 3,01$ лет. Данное исследование одобрено локальным этическим комитетом, обследуемые давали добровольное информированное согласие на участие в эксперименте.

Объемы и интенсивность физической нагрузки изучались по материалам дневников самоконтроля спортсменов, тренировочным и соревновательным планам. Для определения ЧСС использовались спортивные кардиомониторы Polar FT1, Polar RC 3 GPS. В пределах общего объема годовой нагрузки рассчитывалась ее структура по зонам интенсивности. Интенсивность нагрузки классифировалась в соответствии с классическими зонами: 1 зона, низкая интенсивность, 50 % от величины максимального потребления кислорода (МПК), ЧСС находится в пределах до 135 уд/мин. 2 зона, средняя интенсивность, уровень анаэробного порога. Потребление кислорода возрастает до 50–80 % от МПК, пульс 135–150 уд/мин. 3 зона, высокая интенсивность, смешанный аэробно-анаэробный характер энергообеспечения, МПК 80–100 %, ЧСС до 180 уд/мин. 4 зона, максимальная интенсивность. МПК близко к 100 %, ЧСС > 180 уд/мин.

Венозную кровь у спортсменов забирали в окончании соревновательного периода. Реакционная смесь для хемилюминесцентной реакции состояла из 40 мкл донорской

сыворотки АВ (IV), 100 мкл люминола в концентрации 10^{-5} М, 50 мкл индуктора (в случае определения индуцированной хемилюминесценции), 610 мкл раствора Хенкса без красителя и 250 мкл лейкоцитарной взвеси (2 млн/мл) для определения спонтанной хемилюминесценции или 685 мкл раствора Хенкса и 125 мкл взвеси лейкоцитов – для индуцированной. Оценка спонтанной и индуцированной хемилюминесценции производилась в течение 90 минут на 36-канальном хемилюминесцентном анализаторе «CL3604» (СКТБ «Наука», г. Красноярск). Определялись время выхода на максимум (T_{max}), максимальное значение (I_{max}) и площадь кривой (S). В качестве индукторов «рееспираторного взрыва» использовали опсонизированный зимозан («Sigma», США). Усиление хемилюминесценции, индуцированной зимозаном, относительно спонтанной оценивали соотношением $S_{зим.}/S_{спон.}$, которое определяли как индекс активации (ИА) (Savchenko, 2015; Savchenko, 2011). Нейросетевое моделирование осуществляли в программной библиотеке для машинного обучения TensorFlow.

Результаты и их обсуждение

Для создания модели воздействия факторов, ассоциированных со спортивной деятельностью, был применен метод нейросетевого моделирования (Seiler, 1997). Был сформирован комплекс нейросетей, позволяющих с высокой точностью прогнозировать ряд ключевых показателей физиологических реакций системы крови в динамике годового тренировочно-соревновательного цикла у квалифицированных спортсменов (табл. 1). На входе: структура физической нагрузки и уровень психоэмоционального напряжения в периоде. На выходе: МДА – уровень малонового диальдегида в сыворотке

крови, показатель уровня оксидативного повреждения тканей; МА – интегральный показатель активности НАД- и НАДФ-зависимых дегидрогеназ нейтрофильных гранулоцитов крови; ИА – индекс активации, показатель функциональной активности нейтрофильных гранулоцитов крови; длительность лаг-фазы на кривой активации тромбоцитов при стимуляции эпинефрином, один из показателей функциональной активности системы свертывания крови.

В рамках данной статьи рассмотрим виртуальные эксперименты, проведенные на нейросетевых моделях.

С целью определения влияния отдельных факторов на результирующие изменения была проведена серия виртуальных экспериментов. В частности, изучалась возможность избежать развития декомпенсации, варьируя действующие факторы. Были рассмотрены четыре варианта сочетания действующих факторов спортивной деятельности в соревновательном периоде.

Вариант C_1 характеризуется незначительным перераспределением нагрузки в соревновательном периоде. Часть нагрузки средней интенсивности заменена нагрузкой низкой интенсивности. Вариант C_2 отражает концепцию так называемого норвежского стиля подготовки (Seiler, 1997). Данный подход, в частности, характеризуется кардинальным снижением объемов физических нагрузок в соревновательном периоде, причем основным является сочетание нагрузки максимальной интенсивности и низкоинтенсивной, восстанавливающей нагрузки. Вариант C_3 характеризуется существенным снижением ИН при сохранении структуры физической нагрузки неизменной, что позволяет оценить вклад психо-эмоционального напряжения в формирование наблюдаемых

Таблица 1. Величины средней ошибки аппроксимации \bar{A} нейросетевых моделей
Table 1. The values of the average error of approximation of the \bar{A} of neural network models

	МДА	МА	ИА	Лаг-фаза, эпинефрин
Мужчины	2,77	2,93	3,55	2,76
Женщины	2,98	3,12	3,71	3,02

изменений. Вариант C_4 представляет собой комбинацию C_2 и C_3 , т.е. существенное снижение физической нагрузки и психоэмоционального напряжения.

Для всех рассматриваемых вариантов прогнозируется снижение интенсивности перекисного окисления липидов. В случае C_1 мы наблюдаем весьма незначительные отличия, находящиеся в пределах погрешности. Существенное снижение физической нагрузки в соревновательном периоде ведет к прогнозируемому снижению концентрации МДА в 1,45 раза у мужчин и в 1,48 раза у женщин. Снижение психоэмоционального напряжения в соревновательном периоде (C_3) ведет к прогнозируемому снижению концентрации МДА в 1,31 раза у мужчин и в 1,35 раза у женщин. Сочетание «норвежского стиля» и низкого психоэмоционального напряжения (C_4), по результатам

нейросетевого прогнозирования, должно позволить снизить концентрацию МДА в 2,01 раза у мужчин и в 2 раза у женщин. Тем не менее следует отметить, что даже в этом случае данный показатель будет превышать контрольные значения в 1,25 раза у мужчин и в 1,31 раза у женщин.

По результатам нейросетевого прогнозирования, незначительное снижение физической нагрузки в соревновательном периоде (C_1) не окажет значимого влияния на величину МА у спортсменов. Напротив, использование «норвежского стиля» (C_2) ведет к ожидаемому повышению МА в 2,03 раза у мужчин и в 2,17 раза у женщин. Изолированное снижение психоэмоционального напряжения в соревновательном периоде (C_3) ведет к прогнозируемому увеличению МА в 1,7 раза у мужчин и в 1,77 раза у женщин. Сочетание «норвежского стиля»

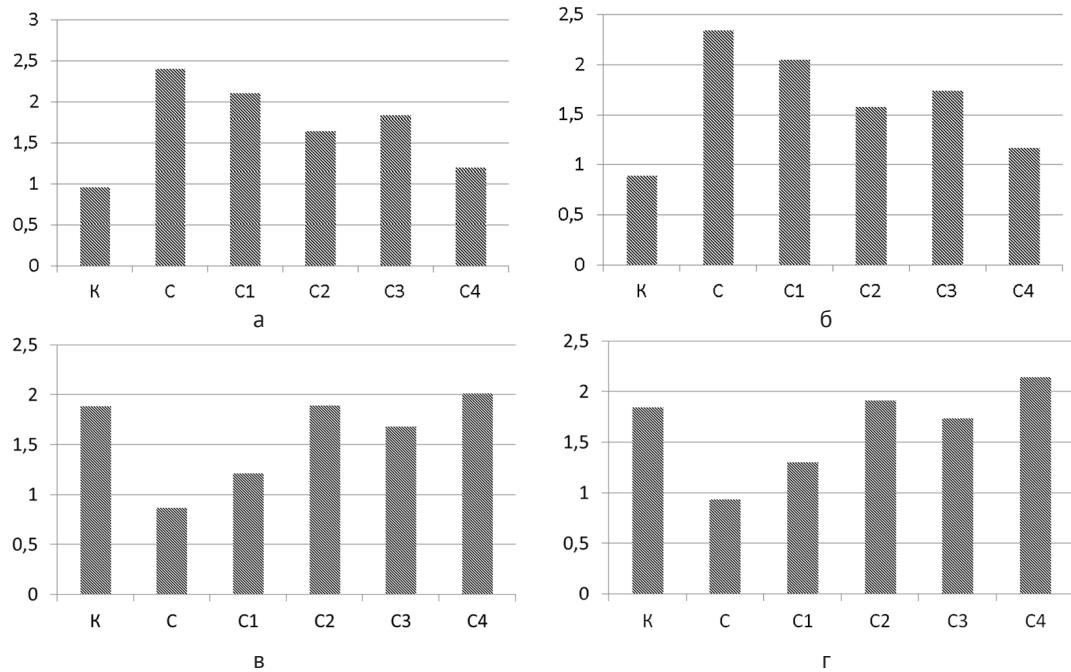

Рис. 1. Концентрация МДА, мкмоль/г белка, в плазме крови у мужчин (а) и женщин (б) спортсменов и ИА нейтрофильных гранулоцитов крови у мужчин (в) и женщин (г) спортсменов и лиц контрольной группы (К), полученных экспериментально в сравнении с результатами прогноза нейросетевой модели для различных вариантов сочетаний действующих факторов

Fig. 1. The concentration of MDA, mmol/g of protein, in the blood plasma of men (a) and women (b) athletes and IA of neutrophilic granulocytes in men (v) and women (r) athletes and control group individuals (K), obtained experimentally in comparison with the results of the prediction of the neural network model for various combinations of active factors

и низкого психоэмоционального напряжения (C_4), по результатам нейросетевого прогнозирования, должно вести к увеличению МА в 2,78 раза у мужчин и в 2,93 раза у женщин, фактически приближаясь к значениям подготовительного периода.

Величина ИА по результатам нейросетевого моделирования является достаточно чувствительной к варьированию факторов спортивной деятельности. Так, даже незначительное перераспределение физической нагрузки в соревновательном периоде (C_1) ведет к ожидаемому увеличению данного показателя до 1,21 у мужчин и 1,3 у женщин. Эти величины остаются ниже значений контрольной группы (1,88 и 1,84 соответственно), но уже значительно превышают экспериментально полученные значения данного индекса у спортсменов – 0,86 у мужчин и 0,94 у женщин. Важно отметить также переход на уровень значений выше 1, что означает исчезновение парадоксальной реакции нейтрофильных гранулоцитов – снижение функциональной активности в ответ на стимуляцию. Существенное снижение физической нагрузки в соревновательном периоде (C_2), по результатам прогнозирования, ведет к возвращению величин ИА к показателям, характерным для контрольной группы. Таким образом, можно предположить, что использование «норвежского стиля» в подготовке спортсменов не будет приводить к формированию вторичных иммунодефицитных состояний. По результатам нейросетевого моделирования, снижение психоэмоционального напряжения (C_3) также достаточно сильно оказывает влияние на ИА нейтрофильных гранулоцитов крови, фактически сравнимое со снижением объемов физической нагрузки. Величина ИА приближается к значениям контрольной группы, оставаясь немного ниже ее показателей. Сочетание «норвежского стиля» со снижением психоэмоционального напряжения (C_4) ведет к не столь значительному, как можно было бы ожидать, увеличению ИА, который лишь незначительно превышает показатели контрольной группы (в 1,07 раза у мужчин и в 1,16 раза у женщин). Ха-

рактерно, что прогнозируемая величина ИА не достигает значений, наблюдавшихся у спортсменов в окончании подготовительного периода (2,41 и 2,4 у мужчин и женщин соответственно), что говорит об отсутствии условий для гиперактивации нейтрофилов.

Незначительное перераспределение физической нагрузки в соревновательном периоде (C_1) по результатам нейросетевого моделирования не ведет к значимым изменениям величины лаг-фазы на кривой агрегации тромбоцитов при стимуляции эпинефрином. Существенное же ее снижение (C_2) может привести к возвращению этого параметра к нормальным значениям, так как по результатам прогнозирования величина лаг-фазы в этом случае не имеет значимых отличий от показателей контрольной группы. Аналогичное явление мы наблюдаем и для результатов прогноза в состоянии C_3 , связанного со снижением психоэмоционального напряжения. Сочетание низкого уровня психоэмоционального напряжения и «норвежского стиля» ведет к незначительному укорочению величины лаг-фазы относительно контрольных значений.

Из результатов проведенных виртуальных экспериментов следует, что весьма существенное влияние на исследуемые процессы оказывает уровень психоэмоционального напряжения. Фактически тот срыв адаптации, который имеет место в ходе соревновательного периода, является ни чем иным, как системным переключением обменных процессов с анаболических на катаболические (Papacosta, 2011; Mujika, 2017; Puise, 2018). Для подтверждения полученных на модели результатов нами было проведено сравнение подгрупп спортсменов с различными уровнями тревожности внутри каждого из периодов годового тренировочно-соревновательного макроцикла по четырем основным параметрам: концентрация МДА в плазме крови, МА, ИА, длительность лаг-фазы при стимуляции эпинефрином. Для подготовительного и соревновательного периодов достоверных различий получено не было ($p>0,05$). В подгруппе с низким уровнем ситуативной тревожности не наблюдается признаков столь выраженной декомпенса-

ции в окончании соревновательного периода. Интенсивность процессов перекисного окисления липидов у спортсменов в подгруппе с низким уровнем ситуативной тревожности, оставаясь выше контрольных значений, достоверно ниже, чем в подгруппах со средним и высоким уровнем тревожности, МА достоверно превышает показатели подгрупп со средним и высоким уровнем тревожности. Особого внимания заслуживает ИА, равный 1,42, что говорит об отсутствии декомпенсаторных изменений в нейтрофильных гранулоцитах крови у данной подгруппы. Также заметно отличается от подгрупп со средним и высоким уровнем ситуативной тревожности величина лаг-фазы на кривой агрегации тромбоцитов при стимуляции эpineфрином, что свидетельствует о существенно меньшей выраженности катехоламинового стресса

в данной подгруппе спортсменов, что согласуется с данными других авторов (Han, 2006; Egorov, 2010). Особо следует отметить, что результаты работы нейросетевой модели для состояния C_3 близко совпадают с данными по подгруппе с низким уровнем тревожности ($p<0,01$).

Выводы

Таким образом, продемонстрирована возможность эффективного применения предиктивных систем на основе искусственного интеллекта для планирования тренировочного процесса. Существует объективная возможность создания релевантной модели реакции организма спортсмена на управляемые факторы – цифрового двойника – с последующим подбором оптимально тренирующего воздействия.

Список литературы / References

- Bazarin K.P. Savchenko A.A. Neural network modeling of the effect of physical activity on the functional activity of blood neutrophils in qualified athletes at the end of the competition period. *Journal Theory and practice of physical culture*. 2018. 01. 53–55.
- Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2020 No. 3081-r on approval of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030
- Egorov V.V. The influence of anxiety on the effectiveness of competitive activities of junior basketball players. *Bulletin of Moscow State University*. 2010. 3. 38–44.
- Gámez Díaz R, Yu Q, Ding Y, Laamarti F, El Saddik A. Digital Twin Coaching for Physical Activities: A Survey. *Sensors (Basel)*. 2020, 20(20), 5936. Published 2020 Oct 21. doi:10.3390/s20205936
- Giménez JV, Jiménez-Linares L, Leicht AS, Gómez MA. Predictive modelling of the physical demands during training and competition in professional soccer players. *J. Sci. Med. Sport*. 2020 Jun; 23(6), 603–608. doi: 10.1016/j.jsams.2019.12.008. Epub 2019 Dec 17. PMID: 31919035.
- Han D.H. Influence of Temperament and Anxiety on Athletic Performance. *J. of Sports Science & Medicine*. 2006. 5(3). 381–389.
- Mujika I. Quantification of Training and Competition Loads in Endurance Sports: Methods and Applications. *Int. J. Sports Physiol. Perform*. 2017. 12(2). 29–217. – doi: 10.1123/ijsspp.2016–0403.
- Papacosta E, Nassis G.P. Saliva as a tool for monitoring steroid, peptide and immune markers in sport and exercise science. *J. Sci. Med. Sport*. 2011. 14(5). 424–434.
- Puce L., Marinelli L., Pierantozzi E., Mori L., Pallecchi I., et. al. Training methods and analysis of races of a top level Paralympic swimming athlete. *J. Exerc. Rehabil.* 2018. 14(4). 612–620. – doi: 10.12965/jer.1836254.127.
- Savchenko A.A. Determination of NAD(P)-dependent dehydrogenase activity in neutrophil granulocytes by bioluminescence method. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. 2015. 5. 656–660.
- Savchenko A.A., Suncova L.I. Highly sensitive determination of dehydrogenase activity in peripheral blood lymphocytes by bioluminescence method. *Laboratory work*. 2011, 11, 23–25.
- Seiler, S. XC Endurance Training Theory-Norwegian Style. *The Institute for Sport*. Kristiansand. – Norway. 1997. 16.
- Vales-Alonso J, López-Matencio P, Gonzalez-Castaño FJ, et al. Ambient intelligence systems for personalized sport training. *Sensors (Basel)*. 2010, 10(3), 2359–2385. doi:10.3390/s100302359

EDN: FWHDFE
УДК 796.92.021.27

Optimizing the Ski Network Density in the Competition Areas for Ski Orienteering

Anna A. Khudik*, Alexander Yu. Bliznevskiy,
Sergey V. Khudik, Valentina S. Bliznevskaya
and Alexander A. Zlobin

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 17.07.2024, received in revised form 16.01.2025, accepted 30.01.2025

Abstract. The purpose of any competition is to identify the strongest athletes in a certain sport, and in a complex sport, i.e. sports orienteering, the winning factor is an optimal combination of physical endurance, technical skills and maximum self-realization of athletes. Today more than ever, the spectacularity and attractiveness of sports increases comprehensive involvement in sports. This points to the special responsibility of the competition organizers in the preparation of starts, which also applies to the ski orienteering disciplines. In comparison to cross-country skiing and biathlon, it is necessary to prepare not just a standard ski track and the start-finish arena, but a whole network of such tracks, combining trails of different grades. This study analyses the prepared terrains with a ski tracks network for competitions in the individual disciplines of ski orienteering in a given direction. The authors have determined the correlation between the density of the ski tracks networks and the final Russian ranking of the strongest Russian athletes. As a result, the optimal ski network density coefficients (SND) in the competition area were calculated for the category of men/women (SND 32.04 + 1.37), and for the category of male and female juniors under 21 years old (SND 32.15 + 1.87). The SND coefficient introduced in the article is the total length of tracks of all classes per 1 km² of the competition area rounded to the nearest hundredth. It is a relevant characteristic of the competition area, as the organizers may sometimes make either a simpler track network or over-fill it with tracks and turn it literally into a ski trails web. Both choices have a negative impact on the objectivity of the athletes' results.

Keywords: density of ski network, technical complexity, orienteering, gradation of ski tracks, optimization of competitive speed, spectacularity of competitions.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Sport.

Citation: Khudik A.A., Bliznevskiy A. Yu., Khudik S. V., Bliznevskaya V.S. and Zlobin A.A. Optimizing the Ski Network Density in the Competition Areas for Ski Orienteering. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 417–424. EDN: FWHDFE

Оптимизация плотности лыжной сети в районах соревнований для проведения лыжных дисциплин спортивного ориентирования

**А.А. Худик, А.Ю. Близневский,
С.В. Худик, В.С. Близневская, А.А. Злобин**

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Цель любых соревнований – выявление сильнейших спортсменов в виде спорта, а в комплексном виде – спортивном ориентировании – это оптимальное сочетание физического и технического мастерства при максимальной самореализации спортсменов. Сегодня как никогда актуальна зрелищность и привлекательность видов спорта для повышения массовости занятий. Это указывает на особую ответственность организаторов при подготовке стартов, что относится и к лыжным дисциплинам спортивного ориентирования. Ведь в сравнении с лыжными гонками и биатлоном помимо арены старта-финиша нужно подготовить не просто стандартную лыжную трассу, а целую сеть таких трасс, сочетающую лыжни разной градации. В данном исследовании представлен анализ подготовленных местностей с лыжной сетью для соревновательных трасс по индивидуальным дисциплинам лыжного ориентирования в заданном направлении и определена корреляционная связь между плотностью лыжной сети на них с итоговым российским рангом сильнейших спортсменов России. В результате были установлены оптимальные коэффициенты плотности лыжной сети (ПЛС) в районе соревнований для категории мужчины/женщины – ПЛС $32,04 \pm 1,37$, для категории юниоры до 21 года/юниорки до 21 года – ПЛС $32,15 \pm 1,87$. Введенный в исследовании коэффициент ПЛС – это суммарная длина лыжней всех классов на 1 км² района соревнований с точностью до сотых долей. Он является актуальной характеристикой района проведения соревнований, так как организаторы могут сделать как более простую сеть лыжней, так и явно перенасытить ее и превратить буквально в «лыжную паутину». И то и другое негативно сказывается на объективности результатов спортсменов.

Ключевые слова: плотность лыжной сети, техническая сложность, спортивное ориентирование, градация лыжных трасс, оптимизация соревновательной скорости, зрелищность соревнований.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.5. Теория и методика спорта.

Цитирование: Худик А. А., Близневский А. Ю., Худик С. В., Близневская В. С., Злобин А. А. Оптимизация плотности лыжной сети в районах соревнований для проведения лыжных дисциплин спортивного ориентирования. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 417–424.
EDN: FWHDFE

Statement of the Problem

While Russian sportsmen have almost not taken part in international competitions in the last three years, the role of domestic sporting events has been increasing (Lubysheva, 2024). And here there is a tendency to strengthen the role of not only the sports included in the Olympic Games programmes, but also the so-called non-Olympic sports with international recognition, which enjoyed world and European championships and competitions before the isolation (Budtsyn et al., 2022; Grigoriev, 2023). Sport orienteering also falls into this category (Bliznevsky et al., 2022). At the current moment it is safe to say that it is a mass sport in Russia. It has 73 accredited regional federations in the country, with 206,743 participants according to the 1-FC reports of the Ministry of Sport of Russia for 2023. In the All-Russian register of sports there are 30 disciplines of this sport in three categories – cross-country (14 disciplines), skiing (12 disciplines) and cycling (6 disciplines). However, the most difficult to organise are the competitions in ski disciplines (Bliznevskaya, 2006; Khudik et al., 2023). In cross-country and cycling disciplines, a natural area of forest or even urban territory is used, the course is planned in the already existing terrain, and control points (CPs) are set at different convenient areas. But for ski orienteering disciplines it is necessary to prepare not just one ski track but a branched network of tracks (Bliznevsky, 2004), which increases their total length to 80–200 km in comparison with, for example, biathlon or cross-country skiing (Butin, 2000) where ski tracks are up to 10–20 km.

In addition, the specificity of competitions consists in ski racing on tracks of different gradation implying simultaneous complex thinking activity (Korsakov, Korsakova, 1993; Lapp, 1993; Matyugin, Chakaberia, 1993; Khudik et al., 2019). It is associated with independent selection of a movement direction in the ski network and then error-free going. The variants chosen by an athlete for movement may turn out to be losing which will not allow an athlete with a high level of specialised ski training to compete with the leaders. Therefore, the task of planning a way is the most important tactical decision of an orienteering skier in a competi-

tive environment (Khudik et al., 2015). In contrast, the task of the organisers is, on the one hand, to complicate and diversify the technical component in the choice of movement options and, on the other hand, to create conditions for increasing the speed of athletes on the course. It is not always possible to maintain this balance, as a ski network too replete with tracks in the competition area naturally reduces the speed of athletes, while too weak on the contrary, simplifies the process of orienteering and reduces the role of technical skill of the orienteering skier. Due to these circumstances, the purpose of this study was to find the optimal degree of ski network density for competitions in ski orienteering disciplines and to obtain the most objective protocol of competition results.

Theoretical framework and methods

In order to determine the optimal degree of ski tracks density in the competition area, we took the competition areas of individual courses in a given direction of the championships, areas of different stages of the Cup and championships of Russia, as well as the All-Russian competitions of 2023–2024 competition season, to analyse the quality of networks and measure the length of the ski runs. In total, there are 8 sport orienteering disciplines in the All-Russian register of sports (Khudik et al., 2023).

Two age categories of athletes were chosen for the study: men/women and male/female juniors under 21. These age categories apply to athletes aged 18–25. They fall into the category of students who have the right to compete in student sport events at regional, All-Russian and international levels (Bolotin et al., 2009). In general, the tradition of ski orienteering in the student environment dates back to the late 1960s and has intensified since the opening of such sections in universities in the USSR and then Russia (Hudik et al., 2019). The magnification of this process came in late 2008, when the issue of holding All-Russian Universiades in summer and winter sports was being discussed at the federal level with the aim to better develop the student sports movement in the country. As a result, the Ministry of Sport and Tourism of Russia coupled with the Ministry of Education and Science of Russia issued Or-

der No. 63/89 of 02 February 2010 to hold the First All-Russian Winter Universiade in 2010, including ski orienteering disciplines. Later on and up to the present day, this sport has constantly been present in the programme of the All-Russian Winter Universiades held in the country biennially (Bliznevskaya et al., 2019). So, in 2024 during the Universiade students from 27 universities of the Russian Federation took part in ski orienteering competitions.

At the next stage of the study, we carried out an analysis of the correlation between the results in each start of athletes of the two age categories and the results of the final ranking of the strongest athletes in 2023–2024. Based on the results obtained, we determined the optimal range of the technical density coefficient concerning the ski network of the competition area, which would allow athletes to maximally demonstrate the level of sportsmanship in ski orienteering competitions.

Results and Their Discussion

The requirements for the preparation of the competition area and data about winners' times for the investigated sports disciplines shown in Table 1 indicate a wide range of distances in the ski disciplines, from the shortest 2.5–4.5 km with an estimated winner's time of 15–30 min, to the longest 30–40 km with an estimated winners' time of 150–180 min, hence

the requirements for the preparation of the competition area. According to the Unified calendar plan of sports events of the Russian Federation, every Russian championship or competition in sports orienteering (ski disciplines) includes from two to five sports disciplines in the annual programmes of each sporting event.

The competition rules of the sport (Rules of Orienteering, 2017) describe the density of the track network in the competition area for the ski orienteering disciplines, i.e. the total length of tracks of all classes per 1 square kilometre of the competition area. Thus, the network of tracks is divided into the following categories: dense – more than 20 km of tracks per 1 square kilometre of the terrain, medium density – from 10 to 20 km of tracks per 1 square kilometre of the terrain, weak density – less than 10 km of tracks per 1 square kilometre of the terrain.

The class of a ski track is a characteristic of a ski trail that depends on its width and preparation technology. The speed of movement and the choice of a certain ski run depend on the class. A standard track is a very fast skate skiing track of a ski or biathlon centre, as a rule prepared by a snowcat, with a width of more than 3 m; a sprint track is a fast skate skiing track made by a snowmobile, with a width of 1.5–3 m; a fast track is a good track prepared by a snowmobile of the Buran type, with a width of no more than 1.5 m. Obviously it is

Table 1. Recommended area of the competition spots and course parameters of individual ski disciplines in orienteering, included in the All-Russian Register of Sports (data as of July 1, 2024)

	Title of sports discipline	Recommended terrain area for training (km ²)	Recommended maximum time for winners (min)	
			men/women	male/female athletes under 21 y.o.
1	Sprint ski race	3	15–30/15–30	15–30/15–30
2	Classic ski race	4	40–60/40–60	40–60/40–60
3	Long ski race	8	95–120/80–110	75–110/65–90
4	Multi-day ski race	8	65–90/65–80	60–75/60–75
5	Long ski race – common start	6	80–95/75–90	75–85/70–80
6	Ski race – combination	6	45–80/45–80	40–70/40–70
7	Classic ski race – com-mon start	4	40–60/40–60	40–60/40–60
8	Marathon ski race	12	150–180/120–140	–

not suitable for full skate skiing. There is one more class of track – slow. It is a rough, in some places not cleared from low vegetation, single snowmobile track, or a track made by passerby, with a width 0.8–1.0 metres, or a skier's track (Aleshin et al., 2009; Bliznevskaya, 2004).

There are no strict regulations for different types of tracks in the rules, as every terrain chosen for ski orienteering is unique and it is impossible to set absolutely precise standards on the terrain without disturbing the natural landscape. But typically the organisers manage to adhere to the following regulations: regular tracks account for 3–10 % of all the tracks, sprint tracks occupy 5–15 %, fast tracks – 50–80 %, slow tracks – 0.3–0.5 %. When the areas are prepared for future competitions this distribution is carried out as follows. Fast tracks are prepared and added to the existing competition arena (ski or biathlon stadium), as well as to already existing regular and sprint tracks, based on the conditions of the terrain. Short cross-country junctional ski tracks are laid between the sections of the regular and sprint tracks. When technically necessary, small sections of slow track may be laid during the planning of the orienteering course itself in order to create an alternative choice of movement options. As a result, the organisers can either make a simpler track network or clearly overfill it with tracks and turn it into a ski “web”. Both solutions have a negative impact on the objectivity of the athletes' results. Due to this in the study we introduced the coefficient of ski network density in the competition area (SND), namely the total length of tracks of all classes per 1 square kilometre of the competition area rounded to the nearest hundredth of a fraction. Table 2 and Table 3 show the SND coefficients obtained with accurate measurements for the locations of the competitions in ski disciplines which we specially analysed.

It turned out that all prepared areas had a dense ski network according to the gradation of the category of ski network density specified in the rules of competitions of the sports orienteering. This is reasonable, as the competitions of the All-Russian level are intended for athletes of sports qualification not lower than mas-

ters of sports. But the degree of this denseness, i.e. the coefficient of SND, happened out to be different, even for separate disciplines of the same competition area. After all, only a part of the prepared large area of terrain is used for different distances.

A comparative analysis of the results of the final ranking for 2023–2024 season with the results of the protocols in the individual races listed in Table 2 allowed us to determine, by means of the coefficient of correlation, the closest correlation between ranking and nine courses out of the fourteen studied in the general male/female age category. There were found no significant differences between men and women. Thus, the obtained correlation coefficients in the range of $r = 0.911–0.786$ indicate a close positive relationship between the taken indicators and the places taken by the athletes. As a result, the optimal average coefficient of ski network density for the category of men/women was determined: SND $32.04 + 1.37$.

Despite the insignificant differences in the SND coefficient concerning the remaining five competition races in Table 2, the protocols of their results still show an average connection with the result of the final ranking of the season (5 %, $p < 0.01$). For one competitive distance the SND exceeds the average value and equals 36.14, and for the remaining four races SND is below the calculated optimal value, ranging from 30.04 to 28.84.

Similar results were obtained for another age category of athletes – juniors (males and females up to 21 years old) (Table 3), where there were also found no noteworthy differences between males and females. Of the eleven competition distance protocols examined, eight showed a strong correlation with the final junior ranks for 2023–2024 season, with correlation coefficients in the range of $r = 0.925–0.796$. The remaining three had a medium correlation range of $r = 0.623–0.580$. The optimal coefficient of ski network density for the competitions of the sports season for the category of juniors under 21 years old is SND $32.15 + 1.87$, i.e. practically comparable with the indicator for older ski orienteering athletes (SND $32.04 + 1.37$).

Table 2. Correlation dependence of sports results of athletes
at individual competitions of the All-Russian level on their final rank position
in the age category men (n = 25), women (n = 25) during 2023–2024 sports season

	Title of sports discipline	Level of competition, place and time	Ski network density factor (SND)	Correlation coefficient, r (n = 50)
1	Sprint ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	36.14	0.634
2	Long ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	33.41	0.892
3	Multi-day ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	32.68	0.911
4	Classic ski race	SkiO Cup of Russia, Chelyabinsk Oblast 11–15.01.2024	30.68	0.814
5	Sprint ski race	SkiO Cup of Russia, Chelyabinsk Oblast 11–15.01.2024	31.54	0.786
6	Marathon ski race	SkiO Cup of Russia, Chelyabinsk Oblast 11–15.01.2024	30.04	0.623
7	Ski race – combination	Championship of Russia, Chelyabinsk Oblast 16–19.01.2024	31.45	0.853
8	Sprint ski race	All-Russian Competition, Krasnoyarsk Krai 13–18.02.2024	31.98	0.788
9	Multi-day ski race	All-Russian Competition, Krasnoyarsk Krai 13–18.02.2024	29.88	0.587
10	Classic ski race	All-Russian Competition, Krasnoyarsk Krai 13–18.02.2024	33.02	0.825
11	Classic ski race	Championship of Russia, Irkutsk Oblast 05–11.03.2024	32.08	0.792
12	Long ski race	Championship of Russia, Irkutsk Oblast 05–11.03.2024	31.50	0.863
13	Classic ski race – common start	Championship of Russia, the Altai Republic 14–18.03.2024	29.12	0.612
14	Marathon ski race	Championship of Russia, the Altai Republic 14–18.03.2024	28.84	0.596

Table 3. Correlation dependence of athletes' sports results at individual competitions of the All-Russian level on their final rank position in the age category male/female under 21 years old (n = 25) during 2023–2024 sports season

	Title of sports discipline	Level of competition, place and time	Ski network density factor (SND)	Correlation coefficient, r (n = 50)
1	Sprint ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	36.14	0.623
2	Long ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	33.41	0.925
3	Multi-day ski race	Championship of Russia, Perm Krai 13–19.12.2023	32.68	0.886
4	Ski race – combination	Championship of Russia, Chelyabinsk Oblast 16–19.01.2024	31.45	0.874

Table 3 Continued

	Title of sports discipline	Level of competition, place and time	Ski network density factor (SND)	Correlation coefficient, r (n = 50)
5	Ski race – combination	Competition of Russia, Tomsk Oblast 08–12.02.2024	32.04	0.848
6	Sprint ski race	Competition of Russia, the Bashkortostan Republic 20–26.02.2024	30.77	0.854
7	Long ski race	Competition of Russia, the Bashkortostan Republic 20–26.02.2024	30.28	0.816
8	Classic ski race – common start	Competition of Russia, the Bashkortostan Republic 20–26.02.2024	28.54	0.580
9	Classic ski race	Championship of Russia, Irkutsk Oblast 05–11.03.2024	32.08	0.796
10	Long ski race	Championship of Russia, Irkutsk Oblast 05–11.03.2024	31.50	0.862
11	Classic ski race – common start	Championship of Russia, the Altai Republic 14–18.03.2024	29.12	0.618

Conclusion

The obtained results of the analysis of prepared terrains with a ski network for competition courses in individual disciplines of ski orienteering led to discovery of the correlation between the density of the ski network with the final Russian rank of the strongest Russian athletes. As a consequence, the optimal coefficients of ski network density in the competition area were calculated for the category of men/women – SND 32.04 + 1.37, and for the category of juniors, male and females under 21 years old, – SND 32.15 +

1.87. These findings will have a positive effect on the objectivity of the results of competitive performance in ski orienteering disciplines. The SND coefficient introduced in the study is the total length of tracks of all classes per 1 km² of the competition area rounded to the nearest hundredth. It is a relevant characteristic of the competition area, as the organisers may make either a simpler network of tracks or over-fill it with tracks and turn it literally into a ski “web”. Both solutions have a negative impact on the objectivity of the athletes’ results.

References

- Aleshin V.M., Grechko S.V., Soldatov S.G., Bliznevskaya V.S. & Shikhov A.A. *Encyclopaedia of sports orienteering. Distances in ski orienteering: a monograph*. Voronezh, 2009, 240.
- Bliznevskaya V.S. “Pendulum” motion, necessary in ski orienteering. In: *Theory and practice of physical culture*, 2004, 10, 47–51.
- Bliznevskaya V.S. Formation of technical skill of orienteering skiers. In: *The Education and Science Journal*, 2006, 3, 35–41.
- Bliznevskaya V.S. *Ski orienteering. Theory and technology of special training of qualified athletes: a monograph*. Moscow, 2006, 268.
- Bliznevskaya V.S. Increasing the efficiency of skiing technique while training orienteering skiers. In: *Omsk Scientific Bulletin*, 2006, 5(39), 220–226.

Bliznevskaya V.S., Bliznevsky A.Y., Khudik A.A., Khudik S.V. Ski orienteering disciplines in the programme of the World Winter Universiade 2019. In: *Student sports events: innovations for heritage and sustainable development: a collection of proceedings of the world conference of the International University Sports Federation “Innovation – Education – Sport”*. Krasnoyarsk: OOO Advertising and Publishing Centre “ArtStyle”. 2019, 333–335.

Bliznevskiy A.Y. Main indicators determining the result in ski orienteering and the technical parameters of the distance influencing them. In: *Theory and practice of physical culture*. 2004, 11, 33–36.

Bliznevskiy A.Y., Khudik A.A., Bliznevskaya V.S., Khudik S.V. New route in the development of ski orienteering: from an optional type at the World University Games in 2027. In: “*World University Games: history, modernity and development trends*”: *proceedings of the I International scientific and practical conference on physical culture, sports and tourism. Krasnoyarsk, 16–17 September 2022: in 2 parts. P. 1*. 2022, 160–164. Krasnoyarsk, Siberian Federal University.

Bolotin A.E., Silchuk, S.M., Shchedrin, Y.N. *Sports orienteering in the student training system: textbook*. SPb., SPbSU ITMO, 2009, 89.

Budtsyn I.V., Sdobnyakov, V.V., Skitnevsky, V.L. Target setting in the field of physical culture and sport in the context of national security of the Russian Federation. In: *Theory and practice of physical culture*, 2022, 10, 6–9.

Butin I.M. *Ski sport: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions*. Moscow, Academy, 2000, 368.

Grigoriev V.I. Eurasian way of student sports development: in search of a new paradigm. In: *XIX All-Russian Scientific and Practical Conference 17 February 2023*. 2023, 23–26. St. Petersburg.

Khudik A.A., Khudik S.V., Bliznevskaya V.S., Bliznevsky A.Y., Zlobin A.A. All-Russian register of sports for ski orienteering disciplines. In: *Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft*. 2023, 7, 349–354.

Khudik S.V., Bliznevskaya V.S., Bliznevsky A.Y., Khudik A.A., Zlobin A.A. On the issue of expanding the register of ski disciplines of orienteering. In: “*World University Games: history, modernity and development trends*”: *proceedings of the II International scientific and practical conference on physical culture, sport and tourism. Krasnoyarsk, 15–16 September 2023*. 2023, 461–465. Krasnoyarsk, Sib. Federal University.

Khudik S.V., Bliznevskaya V.S., Bliznevsky A.Y., Vinnikova E.V. Psychological and tactical preparation in ski orientation. In: *Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft*. 2015, 8(126), 211–216.

Khudik S.V., Bliznevskaya V.S., Khudik A.A., Bliznevsky A.Y. Analysis of competitive activity as a means of improving the skills of qualified athletes in ski orienteering. In: *Modern Education: topical issues, achievements and innovations: Collection of articles of XXIX international scientific-practical conference*. 2019, 144–148. Penza: ICNS Science and Enlightenment.

Khudik S.V., Bliznevskiy A.Y., Bliznevskaya V.S., Tarasenko A.P., Tarasenko Y.V., Khudik A.A. Programme of methodical support of the discipline “Physical culture and sport” for ski training and sports orienteering. *Higher Education Today*. 2019, 3, 58–63.

Korsakov I.A., Korsakova I.K. *Alone with memory*. Moscow, Eidos, 1993, 80.

Lapp D. *Improving memory at any age*. Moscow, Mir, 1993, 240.

Lubysheva L.I. New Russian format of competitive activity in winter sports. In: *Theory and practice of physical culture*. 2024, 5, 107–108.

Matyugin I.Yu., Chakaberia E.I. *Visual memory*. Moscow, Eidos, 1993, 78.

Rules of the sport “Sports Orienteering”, approved by the order of the Ministry of Sports of the Russian Federation from 03 May 2017 № 403. Available at: <https://rufso.ru/wp-content/uploads/2017/07/pravila-orient.pdf>

EDN: FLZNQP
УДК 796

Socio-Psychological and Behavioral Factors of Home Court Advantage in Men's Professional Basketball

Vladimir I. Kolmakov* and Svetlana N. Chernyakova

*Siberian Federal University
Russian Federation, Krasnoyarsk*

Received 12.11.2024, received in revised form 20.01.2025, accepted 31.01.2025

Abstract. Home-court advantage is a key phenomenon in men's professional basketball and a topical issue for researchers. Following the global Covid-2019 pandemic, which saw a unique "natural experiment" in basketball history of playing games either without spectators or with a limited number of spectators to maintain social distancing, it became possible to study in more detail the contribution of socio-psychological and behavioral factors to home-court advantage. The article presents a comparative analysis of statistical data from matches in the National Basketball Association and leading European leagues during the pandemic and pre-pandemic seasons. Socio-psychological (the influence of fans on players and referees) and behavioral factors (fatigue from long trips and disruption of circadian rhythms in away teams' players) determined the level of home court advantage in European leagues and the NBA. During the pandemic, home-court advantage either was absent or decreased in games without spectators, compared to the pre-pandemic level. The impact of a particular socio-psychological or behavioral factor on home advantage varies depending on the geographical size of the country and the skill of the teams. The information presented in the article may be useful for players, coaches, and sports managers to apply in competitive activities.

Keywords: basketball, home court advantage, pandemic, socio-psychological factors, behavioral factors.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Sport.

Citation: Kolmakov V.I., Chernyakova S.N. Socio-Psychological and Behavioral Factors of Home Court Advantage in Men's Professional Basketball. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(2), 425–432. EDN: FLZNQP

Социально-психологические и поведенческие факторы преимущества домашней площадки в мужском профессиональном баскетболе

В.И. Колмаков, С.Н. Чернякова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Преимущество домашней площадки – важнейший феномен в мужском профессиональном баскетболе и актуальная тема для исследователей. После глобальной пандемии Covid-2019, в течение которой имел место уникальный в истории баскетбола “естественный эксперимент” по проведению матчей без зрителей и с ограниченным числом зрителей для соблюдения социальной дистанции, появилась возможность более детально изучить вклад социально-психологических и поведенческих факторов в домашнее преимущество. В статье представлен сравнительный анализ статистических данных матчей Национальной баскетбольной Ассоциации и ведущих европейских лиг в пандемию и допандемийные сезоны. Показано, что социально-психологические (влияние болельщиков на игроков и судей) и поведенческие факторы (усталость от длительных переездов и нарушение циркадных ритмов у игроков гостевой команды) определяют уровень преимущества домашней площадки в европейских лигах и НБА. В пандемию в матчах без зрителей преимущество домашней площадки отсутствовало или снижалось, по сравнению с допандемийным уровнем. Сила воздействия отдельного социально-психологического или поведенческого фактора на домашнее преимущество варьирует в зависимости от географических размеров страны и мастерства команд. Представленная в статье информация может быть полезна игрокам, тренерам, спортивным менеджерам для использования в соревновательной деятельности.

Ключевые слова: баскетбол, преимущество домашней площадки, пандемия, социально-психологические факторы, поведенческие факторы.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.5. Теория и методика спорта.

Цитирование: Колмаков В. И., Чернякова С. Н. Социально-психологические и поведенческие факторы преимущества домашней площадки в мужском профессиональном баскетболе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(2), 425–432. EDN: FLZNQP

Home court advantage or home field advantage in modern professional basketball continues to be one of the most well-known yet misunderstood sports phenomena. There are no draws in basketball games, so home advantage in round robin championships is calculated as a ratio of the number of home wins to the total number of home and away games won during the season. It is manifested by the fact that in national or international basketball

championships with a balanced schedule (home vs. away matches) home teams win more than 50 % of the games played against away teams (Courneya, Carron, 1992). Indirect indicators of home court advantage are more efficient on-court actions of home team players compared to away team ones: offensive and defensive rebounds, three-point attempts and three-points made, fouls, steals, fouls drawn, etc. (Bustamante-Sanchez et al., 2022). It

is important to note that the correct study of the home court advantage phenomenon requires the involvement of a large data set and its processing using mathematical statistics methods (Benz, Lopez, 2023).

From the start and throughout the whole existence of European and American basketball championships and leagues, their organisers have been trying to create equal conditions for all participating clubs. Despite the efforts of the organisers home court advantage occurs in all known basketball leagues in the world: NBA – 60.3 %, EuroLeague – 66.1 %, Greek National League A1–66.4 %, Italian Serie A – 66.3 %, etc. (Pollard, Gomes, 2007; Jones, 2007; Pojskic et al., 2011). In professional club basketball, five main modifying factors for home court advantage are distinguished, which can be conditionally divided into two groups: “socio-psychological” and “behavioural”. The socio-psychological factors include the bias of referees in favour of the local team under the influence of spectators from the stands (Price et al., 2012), as well as the positive noise impact of spectators from the stands on the players of the home team with a simultaneous negative impact on the players of the visiting team (Boudreux et al., 2017). The second group of behavioural factors includes fatigue from incessant moving during the season (Nutting, 2010), disruption of the circadian rhythm of sleep and wakefulness in guest team players due to long travel to the match venue (Huyghe et al., 2018), as well as habituation of local team players to the peculiarities of the home basketball court (flooring, lighting) (Schwartz, Barsky, 1977). More recently, a so-called “hormonal” factor has been highlighted, linked to the additional release of testosterone in local team players as an evolutionarily evolved ability to mobilise functional capacity when “defending one’s territory” (Sattar et al., 2021).

In basketball, socio-psychological factors contribute more to home court advantage than in other team sports where matches are played in large stadiums (football, rugby, or American football). Although basketball arenas have a much smaller capacity than football or rugby stadiums, still the noise exposure of spectators from the stands to players, referees and coaches

is higher in basketball because the stands are very close to the playing court (Kolmakov et al., 2023). According to Boudreux et al. (2017) the socio-psychological influence of fans from the stands can increase the probability of winning at home for individual NBA teams by up to 22.8 percentage points. On the other hand, the importance of behavioural factors, especially the accumulated fatigue, as well as incomplete physical recovery and obvious sleep disturbance in visiting team players, has been shown to influence home court advantage throughout the season (Singh et al., 2021; Wang et al., 2024). Overall, despite numerous studies, it is still unknown to what extent each of the aforementioned modifying socio-psychological and behavioural factors effects home advantage.

As a preventive measure during the global Covid-19 pandemic caused by the spread of severe acute respiratory syndrome coronavirus (SARS-CoV-2) among the world’s population, most American and European professional basketball leagues decided to play games without fans in the stands or to significantly limit their number in order to maintain a social distance. This created a “natural experiment” that home advantage phenomenon researchers took advantage of, as for the first time it was possible to study home court advantage in the absence of spectators (“ghost matches”) (Leota et al., 2022; De Angelis, Reade, 2023). A unique experiment in the pandemic was conducted on the basis of the NBA, where 22 teams were isolated in Orlando’s Disneyland, in a so-called “bubble”, and played 176 matches there (Mack et al., 2023). That is, not only were there no spectators in the stands, but also there were no long travelling times for the visiting team to the match venue. At the same time, teams were conventionally labelled as either home or away. Obviously, the comparison of statistical indicators in the matches of pre-pandemic seasons and matches in the pandemic in different formats (in a “bubble”, matches without spectators with relocations, matches with relocations and with spectators with social distance) is of interest from the point of view of determining the contribution of socio-psychological and behavioural factors to the home court advantage of professional club basketball.

One of the first articles on the level of home court advantage on the material provided by the NBA during the pandemic (McHill, Chinoy, 2020) was published in the prestigious scientific journal in the Nature series. The authors analysed the matchup statistics of 22 teams which played in the “bubble” in the absence of home court advantage, and the matchup results of the same teams in regular pre-pandemic seasons at home (63.8 % wins) and away. It was found that when the NBA team traveled to the match venue in the pre-pandemic seasons, it led to a decrease in offensive rebounding at the backboard, while long travel across time zones also decreased shot accuracy and increased ball losses by visiting players. Another article (Higgs, Stavness, 2021) also concluded that transfer of the NBA games to a “bubble” led to a lack of home court advantage, whereas travel fatigue and disruption of circadian rhythms is one of the important causes of home court advantage in American basketball. It is known that most NBA clubs rely on the skill of three or four team leaders in the game, who on average spend about 80–90 per cent of the game time on the court. For such teams, the behavioural factor of travel fatigue, especially at the end of the season, can be the main reason for away defeats.

An analytical comparison of playoff game results in the NBA from 1946 to 2020 showed that the home court advantage rate was independent of playoff stage (quarterfinals, semifinals, finals) and averaged about 65 % (Morgado, Barreira, 2023). During playoff games in the “bubble”, home court advantage was absent and free throw shooting percentage increased to an average of 79 from 75 % in the 50 NBA seasons prior to the pandemic (Markwell et al., 2023). The article by G. Morgado and J. Barreira (2023) admits a steady downward trend in home court advantage rates from 1946 to 2020, which can probably be explained by the following factors. To increase the unpredictability of match results and promote basketball, the NBA championship organisers have tried to reduce the influences of factors contributing to home court advantage by supervising the calendar and competition regulations. For example, they set an equal number of rest days for all teams between games, provide additional training and psychological prepara-

tion of referees, standardise courts for the game, etc. (Pojskic et al., 2011).

A comparison of statistical averages from 971 NBA regular season games in the 2019–2020 pre-pandemic season with 578 ghost games in the 2020–2021 regular season with social distance restrictions is presented in Lu et al. (2022). In the pre-pandemic season, home teams, compared to away teams, shot the ball more accurately, made more defensive and offensive rebounds at the backboard, received fewer fouls and attempted less long-range shots. In the ghost games, there was a reliable difference between the home and away teams for only one indicator of these – offensive rebounding.

The NBA case studies have shown that spectators in the stands are the most important inducing cause of home court advantage. According to J. Ehrlich and J. Potter (2022) home court advantage was null in ghost games without spectators. However, with relatively few fans in the stands maintaining social distance, home court advantage was not statistically significantly different from pre-pandemic seasons. The authors of the above article made an original assumption that the spectators who filled NBA basketball arenas in the pre-pandemic period and stopped attending games with social distance should be classified as an insignificant group of fans (“marginal fans”). Perhaps marginal fans are not real fans of the home team and like to watch any basketball game, but not to cheer for a particular team in the NBA.

Calculations of home court advantage in the NBA matches without spectators and matches with spectators under the circumstance of keeping reasonable social distance showed the following (Ganz, Allsop, 2022). First, in the presence of fans in the stands, home teams beat visiting teams by an average margin of 2.13 points, and without spectators – by an average margin of 0.44 points. Second, allowing 1,000 spectators in the stands in the pandemic improved the home team’s performance by an average of 1.74 points. Third, according to the predictive model, the presence of social distance fans in the stands in the pandemic added 5.7 home wins per season, compared to matches without spectators. The finding that in the NBA home games, an arena

with full or partial spectatorship (to maintain social distance) gives a marked advantage to the home team is also discussed in the article by C. Wang (Wang, 2024).

The absence or limitation of spectators due to social distance requirement in the stands did not have a statistically considerable impact on refereeing decisions in the NBA, as measured by the number of fouls of home or away players (Ehrlich, Potter, 2022). A similar finding that the number of spectators in the stands does not influence refereeing decisions is presented in H. Gong (2022), although it is specified that in the presence of spectators at the end of games, referees were 2.3 % more likely to charge fouls against visiting players on offence. In other words, we cannot completely exclude the factor of the NBA referees' bias in favour of the home team under the influence of noise from spectators in the stands.

The article by P. A. Liao et al. (2023) compared the statistics of 6394 NBA games in the pre-pandemic period (2015–2020) and 665 spectatorless ghost matches during the pandemic. Before the pandemic, home teams averaged 2.56 more points than away teams. In ghost matches in the pandemic, home teams averaged fewer points than away teams. At the same time, in games without spectators, there was a noteworthy increase in the number of fouls by home team players compared to pre-pandemic seasons. Consequently, the lack of spectators in the stands reduced both the overall home court advantage and referee bias in favour of the home team (Liao et al., 2023).

Bustamante-Sanchez et al. (2022a; 2022b; 2024) report statistics on player performance in the NBA and Spanish Liga de la Endesa (Liga Española de la Endesa) pandemic games. Players in the NBA teams that won home games in the pandemic were found to have credibly more three-point shots and blocked shots, but fewer fouls (less violations). In the Spanish league, players in the teams that won at home were more bound to intercept and rebound the ball in defence. The statistical calculations reported in Bustamante-Sánchez et al. (2022a; 2022b) may highlight the differences in defensive and offensive tactics between players in the American and Spanish basketball leagues. In American basketball, there is a belief that in order to attract spec-

tators to the stands and television (computer) screens, more emphasis should be placed on effective offensive actions and graceful defensive block shots. Bustamante-Sánchez et al (2024) compared the statistical performance of Spanish ACB winners and losers in pandemic matches at home, away and on a neutral court. It was recommended that Spanish clubs, in order to improve their sporting performance, should pay more attention to pre-shot combinations to create a better shooting position in attack and have players who specialise in defensive rebounding. Statistical analyses of the home court advantage of three Spanish leagues (first, second and third) led to the conclusion that there is a higher level of home court advantage in the first league compared to the lower leagues (Alonso Perez-Chao et al., 2024b). That is, the higher the position of teams in a league, the higher the home court advantage.

The top ten European championships ranked by the European Basketball Federation had an average 5 % decrease in home wins during the pandemic (De Angelis, Reade, 2023). The results of an analytical comparison between the home court advantage level in the 15 pre-pandemic seasons and during the pandemic are presented in the article by Alonso Perez-Chao et al. (2022) on the example of the top five European professional basketball leagues. Regardless of the country and skill level of club teams in the top European leagues, home teams had higher home court advantage levels in the pre-pandemic seasons than in the pandemic. Significant positive relationships were also detected between home court advantage and teams' sporting ability. Alonso Perez-Chao et al. (*Ibid.*) proposed and confirmed the hypothesis that teams in European leagues with relatively low financial and sporting capabilities (outsiders) benefited more from home court advantage in the pandemic than teams with medium and high capabilities (stable middles and leaders). Perhaps the outsider players are characterised by a higher sense of belonging to the team (team identity) and additional motivation to win on the home court, even if the matches were played without spectators.

Among the top five European leagues, the German, Spanish, and Italian leagues had the

largest decreases in home court advantage level during the pandemic compared to the pre-pandemic period (Alonso Perez-Chao et al., 2024a). Fan presence at games had the largest effect on home court advantage for top teams in the Italian league, mid-level teams in the Italian, Spanish, and Greek leagues, and outsider teams in the German and Spanish leagues. The Israeli Basketball Super League had the lowest home court advantage rate (57.8 %) among the five European leagues in the pre-pandemic period (*Ibid.*), and it did not experience a statistically significant decrease in home court advantage rates during the pandemic in games without spectators (Levental et al., 2022). As suggested by these authors, this result could be explained by the relatively low spectator attendance of basketball matches in the pre-pandemic seasons and the small size of the country. Players of Israeli clubs do not need to make long, multi-hour journeys to away games, so behavioural factors also have limited effect.

The home court advantage rate in the EuroLeague in the pandemic was about 61.6, of which 4.46 % was determined by the influence of spectators in the stands (Bourdais et al., 2022). The five EuroLeague clubs that won home games most frequently in the pre-pandemic period experienced reduction in the number of home wins in the pandemic (Dusmus, Gulu, 2022). Similar results for the EuroLeague are presented in R. Paulauskas et al. (2022). For example, it is shown that home court advantage fell from 70 % in the pre-pandemic period to 51 % during the pandemic.

Statistics for the VTB United League, the second strongest league in the European Basketball Federation ranking, were obtained from championat.com. From 2013 to 2020 home court advantage averaged 56.6 ± 0.6 (M±m,%), while during the pandemic the rate shrank to 52 %. Consequently, the socio-psychological influence of spectators is a major, perhaps even key, factor of home court advantage in

the EuroLeague and the Russian top basketball league. The lower level of home court advantage in the VTB United League compared to the EuroLeague may be due to lower spectator attendance. In 2013–2020, EuroLeague matches were attended by an average of $8,209 \pm 187$ (M±m) spectators, while for VTB United League this number was $2,192 \pm 107$.

The phenomenon of home advantage is characteristic of the NBA and elite European leagues, but its level may vary depending on the geographical and national characteristics of the country, as well as the historically established sports culture of organising and conducting basketball matches. During the pandemic period, the socio-psychological factors of spectator influence on players, coaches and referees were completely absent, as a rule, in matches without spectators, or these factors were markedly reduced in matches with social distancing. In selected leagues where home court advantage persisted during the pandemic in matches without spectators, with the basketball game calendar not meaningfully different from pre-pandemic seasons, behavioural factors provided an advantage to home players over away team players. These include travel fatigue and disruption of the circadian rhythm of sleep and wakefulness in the visiting team players. This is evidenced by the lower statistical performance of the NBA and European players in terms of shooting accuracy and rebounding in away games compared to home ones.

Overall, knowledge about the factors contributing to home advantage can be of great practical importance for professional club basketball. Basketball clubs that will implement practical measures to increase the level of home court advantage in home matches and reduce the influence of home court advantage factors for away teams in away matches can improve sporting performance, gain additional financial benefits, which will lead to competitive success and positive historical consequences.

References

- Alonso Perez-Chao E., Lorenzo A., Ribas C., Gomez M. A. Impact of COVID-19 pandemic on home advantage in different European professional basketball leagues. In: *Perceptual and Motor Skills*, 2022, 129(2), 328–342. <https://doi.org/10.1177/00315125211072483>

- Alonso Perez-Chao E., Nieto-Acevedo R., Scanlan A.T., Martin-Castellanos A., Lorenzo A., Gomez M. A. Home-court advantage is greater for teams competing at higher playing levels: An exploratory analysis of Spanish male basketball leagues. In: *Perceptual and Motor Skills*, 2024b, 131(5), in press. <https://doi.org/10.1177/0031512524126212>
- Alonso Perez-Chao E., Portes R., Ribas C., Lorenzo A., Leicht A. S., Gomez M. A. Impact of spectators, league and team ability on home advantage in professional European basketball. In: *Perceptual and Motor Skills*, 2024a, 131(1), 177–191. <https://doi.org/10.1177/00315125231215710>
- Boudreaux C.J., Sanders S.D., Walia B. A natural experiment to determine the crowd effect upon home court advantage. In: *Journal of Sports Economics*, 2017, 18(7), 737–749. <https://doi.org/10.1177/1527002515595842>
- Bourdais D.I., Mitrousis I., Zacharakis E.D., Travlos A.K. Home-audience advantage in basketball: evidence from a natural experiment in Euro League games during the 2019–2021 Covid-19 era. In: *Journal of Physical Education and Sport*, 2022, 22(7), 1761–1771.
- Bustamante-Sanchez A., Gomez M.A., Clemente-Suarez V.J., Jimenez-Saiz S.L. Pre-shot combinations and game-related statistics discriminating between winners and losers depending on the game location during the NBA COVID-19 season. In: *Frontiers in Physiology*, 2022a, 13, 1–10. <https://doi.org/10.3389/fphys.2022.949445>
- Bustamante-Sanchez A., Gomez M.A., Jimenez-Saiz S.L. Game location effect in the NBA: A comparative analysis of playing at home, away and in a neutral court during the Covid-19 season. In: *International Journal of Performance Analysis in Sport*, 2022b, 22(3), 370–381. <https://doi.org/10.1080/24748668.2022.2062178>
- Bustamante-Sanchez A., Jimenez-Saiz S.L. Game location effect in game-related statistics and pre-shot combination differences between winners and losers during the basketball ACB COVID-19 season. In: *PLoS ONE*, 2024, 19(7), 0303908. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0303908>
- Courneya K.S., Carron A.V. The home advantage in sport competitions: A literature review. In: *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 1992, 14, 13–27.
- De Angelis L., Reade J.J. Home advantage and mispricing in indoor sports' ghost games: the case of European basketball. In: *Annals of Operations Research*, 2023, 325, 391–418. <https://doi.org/10.1007/s10479-022-04950-7>
- Dusmus T., Gulu M. Comparison of the home-court performances of successful and unsuccessful teams at Euroleague before and after Covid-19 pandemic. In: *Performance Analysis in Sport and Exercise*, 2022, 1(1), 31–40.
- Ehrlich J., Potter J. Estimating the effect of attendance on home advantage in the National Basketball Association. In: *Applied Economics Letters*, 2022, 11, 1471–1482. <https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2061898>
- Ganz S.C., Allsop K. A mere fan effect on home-court advantage. In: *Journal of Sports Economics*, 2022, 25(1), 30–53. <https://doi.org/10.1177/15270025231200890>
- Gong H. The effect of the crowd on home bias: Evidence from NBA games during the COVID-19 pandemic. In: *Journal of Sports Economics*, 2022, 23(7), 950–975. <https://doi.org/10.1177/15270025211073337>
- Higgs N., Stavness I. Bayesian analysis of home advantage in North American professional sports before and during COVID-19. In: *Scientific Reports*, 2021, 11, article number 14521. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-93533-w>
- https://www.championat.com/basketball/_vtbleague/tournament
- Huyghe T., Scanlan A.T., Dalbo V.J., Calleja-Gonzalez, J. The negative influence of air travel on health and performance in the National Basketball Association: A narrative review. In: *Sports*, 2018, 6(3), 89. <https://doi.org/10.3390/sports6030089>
- Jones M.B. Home advantage in the NBA as a game-long process. In: *Journal of Quantitative Analysis in Sport*, 2007, 3(4), 1–9. <http://www.bepress.com/jqas/vol4/iss2/2>.
- Kolmakov V.I. Contemporary concept about the factorov home advantage in European professional football. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023. 16(2), 201–216.

- Kolmakov V.I., Chernyakova S.N. Home Advantage in City and Same-Stadium Derbies: Evidence from European Professional Football. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023, 16(2), 293–302.
- Leota J., Hoffman D., Mascaro L., Czeisler M.E., Nash K., Drummond S.P.A., Anderson C., Rajaratnam S.M.W., Facer-Childs E.R. Home is where the hustle is: the influence of crowds on effort and home advantage in the National Basketball Association. In: *Journal Sports Sciences*, 2022, 40, 2343–2352. <https://doi.org/10.1080/02640414.2022.2154933>
- Levental O., Hazut T., Tenebaum G. Is home advantage diminished when competing without spectators? Evidence from the Israeli football and basketball leagues. In: *Physical Culture and Sport. Studies and Research*, 2022, 97, 1–11. <https://doi.org/10.2478/pcessr-2022-0019>
- Liao P.A., Zheng Y.L., Jane W.J. Home court advantage and referee bias: Evidence from NBA games amid the COVID-19 pandemic. In: *Asian Journal of Applied Economics*, 2023, 30(2), 120–140. <https://age-consearch.umn.edu/record/344188>
- Lu P., Zhang S., Ding J., Wang X., Gomez M.A. Impact of COVID-19 lockdown on match performances in the National Basketball Association. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, 13, 951779. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.951779>
- Mack Ch.D., Merson M.H., Sims L., Maragakis L.L., Davis R., Tai C.G., Meisel P., Grad Y.H., Ho D.D., Anderson D.J., LeMay Ch., DiFiori J. The “Bubble”: What can be learned from the National Basketball Association (NBA)’s 2019–20 season restart in Orlando during the COVID-19 Pandemic. In: *The Journal of Applied Laboratory Medicine*, 2023, 8(6), 1017–1027. <https://doi.org/10.1093/jalm/jfad073>
- Markwell L.T., Singh H., Strick A.J., Porter J.M. The effects of spectators on National Basketball association free throw performance. In: *Journal of Motor Learning and Development*, 2023, 12(1), 90–101 <https://doi.org/10.1123/jmld.2023-0023>
- McHill A.W., Chinoy E.D. Utilizing the National Basketball Association’s COVID-19 restart “bubble” to uncover the impact of travel and circadian disruption on athletic performance. In: *Scientific Reports*, 2020, 10, 21827. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-78901-2>
- Morgado G., Barreira J. Home advantage in basketball: a longitudinal analysis of the NBA playoffs (1946–2022). In: *Retos*, 2023, 47, 691–694. <https://recyt.fecyt.es/index.php/retos/index>
- Nutting A.W. Travel cost in the NBA production function. In: *Journal of Sports Economics*, 2010, 11, 533–548.
- Paulauskas R., Stumbras M., Coutinho D., Figueira B. Exploring the impact of the Covid-19 pandemic in Euroleague Basketball. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, 13, 979518. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.979518>
- Pojskic H., Separovic V., Uzicanin E. Modelling home in basketball at different levels of competition. In: *Acta Kinesiologica*, 2011, 1, 25–30.
- Pollard R., Gomes M.A. Home advantage analysis in different basketball leagues according to team ability. In: *Iberian Congress on Basketball Research*, 2007, 4, 61–64.
- Price J., Remer M., Stone D.F. Subperfect game: Profitable biases of NBA referees. In: *Journal of Economics & Management Strategy*, 2012, 21, 271–300. <https://doi.org/10.1111/j.1530-9134.2011.00325.x>
- Sattar S., Tabassum Y., Junaid S., Khan Sh., Gul F., Butt M.Z.I., Roohi N. Effects of home advantage on hormonal responses of inter-university basketball players. In: *Linguistica Antverpiensia*, 2021, 2, 4551–4559. <https://www.hivt.be> ISSN:0304–2294.
- Schwartz B., Barsky S.F. The home advantage. In: *Social Forces*, 1977, 55, 641–661.
- Singh M., Bird S., Charest J., Huyghe T., Calleja-Gonzalez J. Urgent wake up call for the National Basketball Association. In: *Journal Clinical Sleep Medicine*, 2021, 17(2), 243–248. <https://doi.org/10.5664/jcsm.8938>
- Wang Ch. The effect of NBA attendance on teams’ performance. In: *Science and Technology of Engineering, Chemistry and Environmental Protection*, 2024, 1(8), 1–10. <https://doi.org/10.61173/7bfpxp829>
- Wang X., Zhang Sh., Gasperi L., Robertson S., Ruano M.A.G. Rest or rust? Complex influence of schedule congestion on the home advantage in the National Basketball Association. In: *Chaos, Solitons and Fractals*, 2023, 174, 113698. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-78901-2>